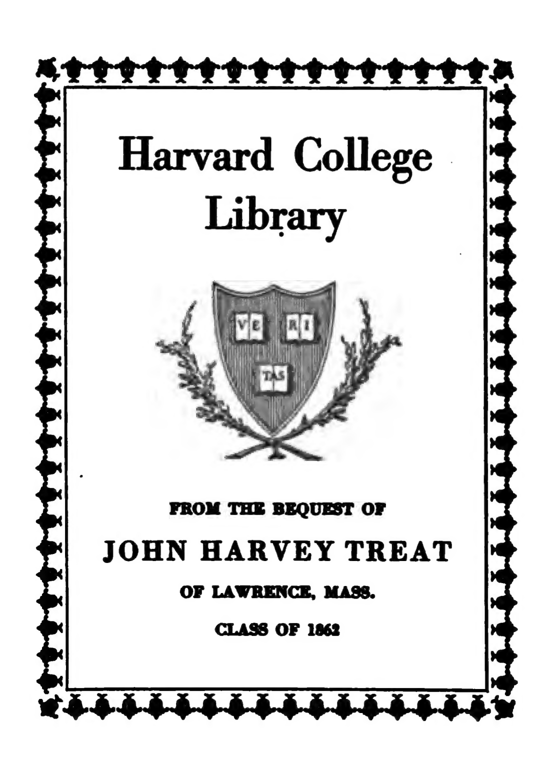

Harvard College
Library
VE RI TAS
FROM THE BEQUEST OF
JOHN HARVEY TREAT
OF LAWRENCE, MASS.
CLASS OF 1862

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

НА 1835 ГОДЪ

Часть первая.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1839.

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

при

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

Наздани на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу.
Ефес. 2, 20.

НА 1833 ГОДЪ
Часть первая.

ГЕНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Изданіе второе.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
въ типографіи Ильи Глазунова и Ко.
1839.

Отъ Санктпетербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать позволяется. Мая 10 дня 1839 года.

Цензоръ, ***Академіи Баккалавръ Соборный Іеромонахъ Евсевій.***

I.

КРАТКОЕ СВѢДѢНІЕ О ЖИЗНИ

СВЯТАГО ИППОЛИТА,

Епископа и мученика.

Святый Ипполитъ, знаменитый учитель Церкви, процвѣталъ въ началѣ третьяго вѣка. Геласій, въ книгѣ о двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ, именуетъ его Митрополитомъ Аравіи. По свидѣтельству Фотія (1), онъ былъ ученикомъ Св. Иринея и Климента Александрійскаго, и наставникомъ Оригена. Евсевій и блаженный Іеронимъ говорятъ, что онъ писалъ толкованія на многія части Писанія, и что его примѣръ возбудилъ къ тому же Оригена. Собраніе его Бесѣдъ существовало во время Ѳео-

(1) Смотр. *Phot. Bibliothec.* cod. CXXI.

дорита, который приводитъ многія изъ нихъ. Извѣстно было также его письмо къ Императрицѣ Северѣ, супругѣ Филипповой, въ которомъ онъ разсуждалъ о таинствѣ Воплощенія и воскресенія мертвыхъ (2). Въ своемъ противъ Ноэта сочиненіи, коего значительная часть сохранилась до нашего времени, онъ ясно доказываетъ различіе лицъ Св. Троицы, Божественность Сына Божія, различіе естествъ въ Іисусѣ Христѣ. Въ послѣдствіи его свидѣтельства имѣли особенную важность въ опроверженіи Евтихіанской ереси. Онъ составилъ лѣтопись, оканчивавшуюся 222 годомъ; но доселѣ не могли открыть оной ни въ одной изъ извѣстныхъ Греческихъ рукописей. Его пасхвальный Кругъ, опредѣляющій время празднованія Пасхи въ продолженіи шестнадцати лѣтъ, начиная отъ перваго года Александра Севера, есть древнѣйшее произведеніе въ семъ родѣ. Сохранились еще отрывки его толкованій на Писаніе, и Бесѣда на Богоявленіе, въ которой онъ преимуще-

(2) *Theodoret*. Dialog. III. p. 155.

ственно говорить о крещеніи Іисуса Христа и чудесныхъ дѣйствіяхъ таинства возрожденія. Нельзя не сожалѣть о потерѣ его разсужденія *о постѣ въ Субботу*; другаго разсужденія подъ заглавіемъ: *Долженъ ли Христіанинъ ежедневно пріобщаться?* — его пѣсней на Св. Писаніе; его книгъ *о происхожденіи добра и зла*; равно какъ тѣхъ, которыя онъ написалъ противъ Маркіона, *противъ ересей*, и проч. Въ семъ послѣднемъ сочиненіи онъ опровергъ тридцать двѣ ереси, начиная отъ Досиѳеевъ до Ноэта, который сливалъ лица Св. Троицы и проповѣдывалъ свое ученіе въ Смирнѣ. Вотъ слова Фотія: «Святый «Ипполитъ говоритъ, что сіи тридцать «двѣ ереси были опровергнуты Св. Иринеемъ, и что онъ собралъ въ своей «небольшой книгѣ разсужденія сего Отца. Его слогъ ясенъ и важенъ; онъ «ничего не говоритъ, что бы не относилось къ его цѣли, но напрасно сталъ «бы кто искать у него красотъ слога «Аттическаго.»

Въ 1661 году найдена книга объ *Ан-*

тихристъ, сочиненная Св. Ипполитомъ, о которой упоминаютъ Евсевій, бл. Іеронимъ и другіе. Нѣтъ сомнѣнія, что сія книга есть та самая, о которой говоритъ Фотій. Святый учитель, на основаніи сказаній Даніила и другихъ Пророковъ, опредѣляетъ въ ней признаки Антихриста, имѣющаго явиться предъ концемъ міра.

Блаженный Іеронимъ называетъ Св. Ипполита *мужемъ священнѣйшимъ и краснорѣчивѣйшимъ* (Epist. 22); — Златоустъ и другіе Церковные писатели — *источникомъ свѣта*, *свидѣтелемъ вѣрнымъ*, *учителемъ священнѣйшимъ*, *мужемъ исполненнымъ кротости и любви*; Θеодоритъ, помѣщая его въ томъ же классѣ Церковныхъ писателей, въ какомъ и Св. Иринея, именуетъ того и другаго *духовнымъ источникомъ Церкви* (Dialog. 3). Мѣстомъ мученичества его былъ Римъ. Услышавъ о безчеловѣчныхъ поступкахъ Римскаго Игемона, по имени Викарія, противъ Христіанъ, онъ, не смотря на преклонныя лѣта свои и на

слабость тѣлесныхъ силъ (3), явился къ нему, какъ строгій обличитель его жестокости и какъ неустрашимый исповѣдникъ Христовъ. За сіе послѣ различныхъ мученій былъ вверженъ въ море, и такимъ образомъ скончалъ жизнь. Церковь совершаетъ его память Генваря 30 дня.

(3) Смотр. *Cave* Histor. Ecclesiastic. Saeculum Novatianum, an. 67.

II.

СВЯТАГО ИППОЛИТА, ЕПИСКОПА И МУЧЕНИКА,

СЛОВО

на Богоявленіе.

Все, что сотворилъ Богъ и Спаситель нашъ, все, что только видитъ око и о чемъ размышляетъ душа, что изслѣдываетъ умъ и осязаетъ рука; что объемлетъ мысль и вмѣщаетъ природа человѣческая, — все это хорошо и — весьма хорошо. Ибо что прекраснѣе небесной тверди? что разноцвѣтнѣе земной поверхности? что быстрѣе теченія солнечнаго? что пріятнѣе луннаго сіянія? что удивительнѣе многосложной стройности свѣтилъ небесныхъ? что плодотворнѣе благовременныхъ вѣтровъ? что прозрачнѣе дневнаго свѣта? какое изъ животныхъ превосходнѣе человѣка?—Такъ, все, что сотворилъ Богъ и Спаситель

нашъ, весьма хорошо. Равнымъ образомъ какой столько необходимъ для насъ даръ, какъ вода? Водою все и омывается и питается, и очищается и орошается. Вода содержитъ землю, производитъ росу, утучняетъ виноградъ, приводитъ въ зрѣлость класы, истребляетъ горечь въ виноградныхъ плодахъ, умягчаетъ маслину, услаждаетъ пальму, украшаетъ розу, испещряетъ цвѣтами фіалку, питаетъ въ прекрасной оболочкѣ лилію. Но для чего говорить много? Безъ вещества воднаго ничто изъ видимаго нами не можетъ существовать: вода столь необходима, что, когда прочія стихіи имѣютъ жилище свое подъ сводами небесъ, она получила для себя вмѣстилище и надъ небесами. О семъ свидѣтельствуетъ самъ Пророкъ, взывая: *Хвалите* Господа *небеса небесъ, и вода, яже превыше небесъ* (Псал. 148, 4).

Но не симъ только ограничивается достоинство воды. Большая важность оной состоитъ въ томъ, что самъ Творецъ всѣхъ вещей — Христосъ низшелъ, какъ дождь (Ос. 6, 3), познанъ былъ, какъ

источникъ (Іоан. 4, 14), распространился, какъ рѣка (Іоан. 7, 38), и крестился во Іорданѣ. Ибо сей часъ мы слышали, что Іисусъ, пришедъ къ Іоанну, крестился отъ него во Іорданѣ (Мат. 3, 13). Чудное дѣло! Безконечная Рѣка, веселящая градъ Божій (Псал. 45, 5), омывается немногою водою. Необъятный Источникъ, произращающій жизнь для всѣхъ человѣковъ, Источникъ неимѣющій предѣловъ, покрывается скудными скоро-изсякающими водами. Тотъ, который вездѣ присутствуетъ и все наполняетъ; Тотъ, который непостижимъ для Ангеловъ и невидимъ для человѣковъ,— грядетъ ко крещенію, по собственному благоизволенію. Слыша сіе, возлюбленный, ты не просто понимай сказанное, но созерцай здѣсь тайну нашего спасенія. По сей причинѣ и отъ естества воднаго не сокрылось то, что Господь, по своему человѣколюбивому снисхожденію, совершалъ въ тайнѣ: ибо *видѣша Его воды, и убояшася* (Псал. 76, 17). Онѣ едва не выступили и не побѣжали отъ бреговъ своихъ. Посему Пророкъ,

еще задолго созерцая сіе событіе, вопрошаетъ: *Что ти есть море, яко побѣгло еси, и тебѣ, Іордане, яко возвратился еси вспять* (Псал. 113, 3)? Воды отвѣчаютъ: мы увидѣли Творца всѣхъ вещей въ образѣ раба, и не понимая сего таинственнаго домостроительства, мы подвиглись отъ страха.

Но что касается до насъ, то мы уже познали сіе домостроительство Господа, и прославляемъ Его милосердіе, что Онъ пришелъ спасти, а не судить мірѣ. Почему Іоаннъ, Предтеча Господень, прежде не знавшій сего таинства, но послѣ познавшій, что Іисусъ истинно есть Господь, воззвалъ къ тѣмъ, которые шли къ нему креститься: *рожденія ехиднова* (Мат. 3, 7)! Что вы такъ внимательно смотрите на меня? *Я не Христосъ* (Іоан. 1, 20)! Я служитель, а не Господь; я частный человѣкъ, а не Царь; я овца, а не Пастырь; я человѣкъ, а не Богъ. Рожденіемъ своимъ я разрѣшилъ неплодство матери, но не оставилъ дѣвства неплоднымъ. Я отъ нижнихъ, а не отъ вышнихъ. Я связалъ языкъ мо-

его отца (Лук. 1, 20), но не изъяснилъ Божественной благодати. Я узнанъ былъ матерію еще во чревѣ, но не предзнаменованъ звѣздою (Мат. 2, 4). Я бѣденъ и ничтоженъ, но *грядетъ по мнѣ, иже предо мною бысть* (Іоан. 1, 27): *по мнѣ* въ отношеніи ко времени, а *предо мною* въ отношеніи къ неприступному и неизглаголанному свѣту Божества. *Грядый по мнѣ, крѣплій мене есть, емуже нѣсмь достоинъ сапоги понести: той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ* (Мат. 3, 11). Я нахожусь подъ властію, а Онъ имѣетъ власть самобытную. Я грѣшникъ, а Онъ истребитель грѣховъ (Іоан. 1, 29). Я проповѣдую законъ, а Онъ предноситъ свѣтъ благодати. Я учу какъ рабъ, а Онъ судитъ какъ Господь. Мой одръ земля, а Онъ обладаетъ небомъ. Я крещу крещеніемъ покаянія, а Онъ даруетъ благодать усыновленія: Онъ креститъ васъ Духомъ Святымъ и огнемъ. Что вы устремляете на меня свои взоры? я не Христосъ!

Когда такимъ образомъ Іоаннъ говорилъ къ народу, когда сей послѣдній съ

нетерпѣніемъ ожидалъ увидѣть тѣлесными очами какое либо необыкновенное зрѣлище, и когда діаволъ трепеталъ при столь важномъ свидѣтельствѣ Іоанна: вотъ является самъ Господь, въ простомъ видѣ, одинъ, безъ украшенія, безъ сопутниковъ, облекшись плотію человѣческою и скрывъ подъ оною достоинство Божества, дабы чрезъ то утаить оное отъ козней духовнаго дракона. Онъ не только приступилъ къ Іоанну, какъ Господь, сложившій съ себя царское величіе, но и какъ простый, повинный грѣху человѣкъ, преклонилъ свою главу, дабы принять отъ него крещеніе. Почему Іоаннъ, увидѣвъ столь великое смиреніе, изумился, началъ удерживать Его, и, какъ вы недавно слышали, сказалъ Ему: *Азъ требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко мнѣ* (Мат. 3, 14)? Что Ты дѣлаешь, Господи! Ты неправильно учишь. Иное я возвѣщалъ о Тебѣ, а иное Ты совершаешь. Иное діаволъ слышалъ, а иное видитъ. Ты крести меня огнемъ Божественнымъ: чего ожидать Тебѣ отъ воды? Ты про-

свѣти меня Духомъ: а отъ твари что Тебѣ получить можно? Крести меня— Крестителя, дабы познали Твое достоинство. Я, Господи, крещу крещеніемъ покаянія, и отнюдь не могу крестить приходящихъ ко мнѣ, если прежде не исповѣдуютъ грѣховъ своихъ. Пусть бы я и крестилъ Тебя: что жъ будешь исповѣдывать предо мною? Ты истребитель грѣховъ, и однакожъ хочешь креститься крещеніемъ покаянія? Пусть бы я и дерзнулъ крестить Тебя, но самый Іорданъ не дерзнетъ приблизиться къ Тебѣ. *Азъ требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко мнѣ?*

Что же отвѣчаетъ ему Господь? — *Остави нынѣ: тако бо подобаетъ Намъ исполнити всяку правду* (Мат. 3, 15). Оставь теперь, Іоаннъ; ты не мудрѣе Меня. Ты смотришь какъ человѣкъ, а Я сужду какъ Богъ. Прежде Мнѣ самому надлежитъ дѣлать и потомъ уже учить. Я не дѣлаю ничего неблагоприличнаго; ибо Я облеченъ благолѣпіемъ. Удивляешься ли ты, Іоаннъ, что Я не явился въ блескѣ Моего достоинства?

Правда, сколько частному человѣку не прилична царская порфира, столько напротивъ Царю приличествуетъ воинское украшеніе: но ужели Я пришелъ ко врагу, а не къ другу? *Остави нынѣ: тако бо подобаетъ Намъ исполнити всяку правду.* Я исполнитель Закона, и ничего не хочу оставить въ немъ безъ исполненія, дабы послѣ Меня Павелъ могъ сказать: *кончина закона Христосъ въ правду всякому вѣрующему* (Рим. 10, 4). *Остави нынѣ: тако бо подобаетъ Намъ исполнити всяку правду.* Крести Меня, Іоаннъ, дабы никто не презиралъ крещенія. Отъ тебя—раба Я крещаюсь, дабы никто изъ Царей или Князей не возгнушался принять крещеніе отъ смиреннаго Священника. Допусти Меня сойти въ Іорданъ, дабы услышали свидѣтельство Отца, и познали могущество Сына. *Остави нынѣ: тако бо подобаетъ Намъ исполнити всяку правду.*—Тогда Іоаннъ допускаетъ Его: *и крестився Іисусъ, взыде абіе отъ воды: и се отверзошася Ему небеса, и видѣ Духа Божія сходяща яко голубя, и грядуща на*

Него. И се гласъ съ небесе, глаголя: сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о немже благоволихъ (Мат. 3, 16. 17).

Видишь, возлюбленный, сколь многихъ и сколь великихъ благъ лишились бы мы, если бы Господь, уступивъ убѣжденіямъ Іоанна, отрекся отъ крещенія! Доселѣ небеса были заключены; вышняя область оставалась неприступною. Мы сходили къ нижнимъ, но не восходили къ вышнимъ. Но одинъ ли Господь крестился? Нѣтъ! Онъ въ то же время обновилъ ветхаго человѣка, и возвратилъ ему царственное право усыновленія. Ибо тотчасъ *отверзошася Ему небеса* (Мат. 3, 16). Послѣдовало примиреніе видимаго съ невидимымъ: возвеселились небесные лики, уврачевались земныя немощи, открылось сокровенное, уничтожилась вражда. Ты слышалъ Евангелиста, говорящаго: *отверзошася Ему небеса.* Небеса отверзлись ради трехъ чудныхъ вещей. Ибо въ то время, какъ крестился Женихъ — Христосъ, небесные чертоги долженствовали отверсть свои блистательныя врата. Подобнымъ

образомъ надлежало, чтобы врата небесныя возвысили верхи свои (Псал. 23, 7), когда Духъ Святый сходилъ яко голубь, и гремѣлъ гласъ Отца. *И се отверзошася Ему небеса, и се гласъ съ небесе, глаголя: сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ.*

Возлюбленный раждаетъ Любовь, и Свѣтъ невещественный раждаетъ Свѣтъ неприступный. *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный,* — Сынъ, который явился на землѣ, не оставивъ нѣдръ Отца: Онъ явился и не явился. Ибо Онъ не то былъ, чѣмъ казался; иначе, если судить по внѣшности, то крещающій имѣлъ преимущество предъ Крещаемымъ. Того ради Отецъ ниспослалъ съ небесъ Святаго Духа на Крещаемаго. Ибо какъ въ ковчегѣ Ноевомъ человѣколюбіе Божіе изображалось посредствомъ голубя: такъ и здѣсь Духъ, нисходя въ видѣ голубя, и какъ бы неся масличный плодъ, опочилъ на Томъ, о Коемъ было свидѣтельствовано. Для чегожъ такъ? — Для того, чтобы познали силу Отеческаго гласа, и повѣрили Пророческому предсказанію,

еще за долго воспослѣдовавшему. Какое же предсказаніе? — *Гласъ Господень на водахъ: Богъ славы возгремѣ, Господь на водахъ многихъ* (Псал. 28, 3). Какой гласъ? *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ.* Сей, названный сыномъ Іосифа, есть Мой единородный Сынъ, по Божественному существу. *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный.* Хотя Онъ алчетъ, но питаетъ тысячи; труждается, и упокояетъ труждающихся; не имѣетъ, гдѣ приклонить главу (Мат. 8, 20), и содержитъ все въ Своей десницѣ; страждетъ, и врачуетъ немощи; терпитъ удары (Мат. 26. 66), и даруетъ міру свободу; прободается копіемъ въ ребро (Іоан. 18, 34), и исправляетъ ребро Адама.

Но прошу васъ еще приложить вниманіе: ибо я хочу обратиться къ Источнику жизни, хочу созерцать Источникъ, источающій исцѣленіе. Безсмертный Отецъ послалъ въ міръ безсмертнаго Сына и Слово, — Сына, который пришелъ къ человѣкамъ, дабы омыть ихъ водою и Духомъ, и, возродивъ насъ къ

нетлѣнію духовному и тѣлесному, вдохнулъ въ насъ Духа жизни, и облекъ въ нетлѣнное всеоружіе. И такъ, если человѣкъ содѣлался безсмертнымъ: то онъ содѣлается и причастникомъ Божественнаго естества (2 Петр. 1, 4). Но если онъ, послѣ возрожденія водою и Духомъ Святымъ, полученнаго имъ въ купели, дѣлается причастникомъ Божественнаго естества: то и послѣ воскресенія изъ мертвыхъ онъ обрѣтается сонаслѣдникомъ Христовымъ (Рим. 8, 17). И такъ гласомъ проповѣдника взываю: придите всѣ племена языковъ къ безсмертію, даруемому въ крещеніи. Я благовѣствую жизнь вамъ, сѣдящимъ во тмѣ невѣдѣнія. Придите отъ рабства къ свободѣ, отъ тиранніи къ царству, отъ тлѣнія къ нетлѣнію. Но какъ, скажете, мы придемъ? какъ? — Водою и Духомъ Святымъ. Сія вода, соединенная съ Духомъ, есть та самая вода, которою орошается рай, утучняется земля, прозябаютъ растенія, раждаютъ животныя, словомъ, которою человѣкъ возрожденный оживотворяется, въ которой Христосъ кре-

стился, на которую Духъ Святый низшелъ въ видѣ голубя.

Это тотъ самый Духъ, который первоначально носился надъ водами (Быт. 1, 2), которымъ движется міръ, сохраняется твореніе, и все оживотворяется, — который дѣйствовалъ въ Пророкахъ (Дѣян. 27, 25), сходилъ на Христа (Мат. 3, 16). Это тотъ Духъ, который дарованъ былъ Апостоламъ въ видѣ огненныхъ языковъ (Дѣян. 2, 3). Это Духъ, котораго желалъ Давидъ, когда говорилъ: *и Духа Твоего Святаго не отыми отъ мене* (Псал. 50, 13). О семъ Духѣ возвѣщалъ и Гавріилъ Пресвятой Дѣвѣ: *Духъ Святый найдетъ на тя, и сила Вышняго осѣнитъ тя* (Лук. 1, 35). Симъ Духомъ Святый Петръ изрекъ оное блаженное слово: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Мат. 16, 16). Симъ Духомъ утвержденъ камень Церкви (Мат. 16, 18). Сей-то Духъ Утѣшитель (Іоан. 14, 26) посылается къ тебѣ съ тою цѣлію, дабы показать тебѣ, что ты чадо Божіе.

И такъ приступи, человѣкъ; возродись, дабы получить усыновленіе Богу.

Но ты скажешь: какимъ образомъ? — Если не будешь прелюбодѣйствовать, убивать, служить идоламъ; если не будешь побѣждаемъ удовольствіями, если не будетъ господствовать надъ тобою страсть гордости; если истребишь въ себѣ нечистоту и свергнешь съ себя бремя грѣховное; если совлечешься всеоружія діавола, и облечешься въ броню вѣры, какъ говоритъ Исаія: *измыйтеся,... взыщите суда, избавите обидимаго, судите сиру, и оправдите вдовицу. И пріидите, и истяжимся, глаголетъ Господь: и аще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю: аще же будутъ, яко червленое, яко волну убѣлю. И аще хощете, и послушаете Мене, благая земли снѣсте* (Ис. 1, 16). — Видишь, возлюбленный, какъ предсказалъ Пророкъ очистительную силу Крещенія. Ибо тотъ, кто съ вѣрою входитъ въ сію баню возрожденія, отрицается сатаны и сочетавается со Христомъ; отвергаетъ врага, и исповѣдуетъ Христа своимъ Богомъ; совлекается рабства, и облекается въ усыновленіе. Онъ

возвращается отъ купели крещенія — свѣтелъ, какъ солнце, блистая лучами правды. Что же всего важнѣе — возвращается сыномъ Божіимъ и сонаслѣдникомъ Христа. Ему слава и держава со всесвятымъ, благимъ и животворящимъ Духомъ Его, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

III.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ЕФРЕМА СИРІАНИНА

о Блаженствахъ 55 главъ.

1. Блаженъ, кто совершенно освободился о Господѣ отъ привязанности къ земнымъ вещамъ сей суетной жизни, и возлюбилъ единаго Бога — благаго и милосердаго.

2. Блаженъ тотъ, кто воздѣлываетъ добродѣтель, и какъ плодоносная нива, приноситъ о Господѣ множество плодовъ жизни.

3. Блаженъ, кто содѣлался добрымъ дѣлателемъ на нивѣ добродѣтелей, возрастилъ духовный виноградъ, и, снявъ гроздіе, наполнилъ точило свое плодами жизни о Господѣ.

4. Блаженъ, кто обрадовалъ сотрудниковъ своихъ духовною радостію о пло-

дѣ добродѣтелей, которыя возрастилъ онъ трудомъ своимъ съ тѣмъ, чтобъ онѣ принесли плодъ жизни о Господѣ.

5. Блаженъ, кто, подобно небесному Ангелу, имѣя постоянно чистыя мысли, углубляется въ самаго себя и пребываетъ въ молитвѣ, а такимъ образомъ не допускаетъ лукаваго взять въ плѣнъ его душу, удаливъ ее отъ Бога-Спасителя.

6. Блаженъ, кто съ благоразуміемъ желаетъ плакать, и съ сокрушеніемъ сердца точитъ на землю предъ Богомъ слезы, какъ драгоцѣнныя маргариты.

7. Блаженъ, кто любитъ святость жизни, какъ свѣтъ, и не оскверняетъ предъ Господомъ тѣла своего темными дѣлами лукаваго.

8. Блаженъ, кто блюдетъ тѣло свое для освященія Спасителю, и кто не срамитъ души своей дѣлами ей неприличными, но пребываетъ благоугоднымъ о Господѣ.

9. Блаженъ, кто возненавидѣлъ всѣ гнусныя и постыдныя дѣла, и принесъ самаго себя въ жертву живую, благоугодную Господу.

10. Блаженъ, кто всегда помнитъ о Богѣ: ибо онъ еще и на землѣ будетъ всецѣло служить Господу со страхомъ и любовію, какъ Ангелъ небесный.

11. Блаженъ, кто любитъ покаяніе, которымъ спасаются грѣшники, и опасается вновь творить злое, какъ то дѣлаютъ неблагодарные предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ.

12. Блаженъ, кто, пребывая въ кельѣ, хранитъ о Господѣ, какъ храбрый воинъ, Царское сокровище, то есть чистоту тѣла и души своей.

13. Блаженъ, кто, пребывая въ кельѣ, соблюдаетъ какъ Ангелъ на небѣ, чистоту въ мысляхъ, и устами возсылаетъ хвалу Имущему власть надъ всякимъ дыханіемъ.

14. Блаженъ, кто подобно Серафиму и Херувиму, безъ лѣности продолжаетъ духовное служеніе, и непрестанно прославляетъ Господа.

15. Блаженъ, кто всегда исполненъ духовной радости и не облѣнился нести благое иго Господне: ибо онъ увѣнчается славою.

16. Блаженъ, кто очистилъ себя отъ всякой скверны грѣховной, дабы могъ съ дерзновеніемъ принять въ домъ свой Царя славы — Господа нашего Іисуса Христа.

17. Блаженъ, кто со страхомъ, благоговѣніемъ и трепетомъ приступаетъ къ пречистымъ тайнамъ Спасителя, живо чувствуя, что онъ принимаетъ въ себя Жизнь нескончаемую.

18. Блаженъ, кто ежедневно помышляетъ о смерти, и потребилъ въ себѣ постыдныя страсти, кроющіяся въ сердцахъ людей забывающихъ о смерти: ибо такой человѣкъ получитъ утѣшеніе въ часъ своей кончины.

19. Блаженъ, кто непрестанно помнитъ объ ужасѣ геенскомъ, и спѣшитъ въ слезахъ и воздыханіяхъ принесть искреннее покаяніе предъ Господомъ: — онъ избавится отъ великаго бѣдствія.

20. Блаженъ, кто добровольно и непрестанно уничижаетъ самаго себя: его увѣнчаетъ Тотъ, который добровольно за насъ уничижилъ самаго Себя.

21. Блаженъ, кто со всякимъ благо-

честіемъ пребываетъ въ своей кельѣ, какъ Марія у ногъ Господнихъ, и кто, подобно Мареѣ, заботится о принятіи того же Господа и Спасителя.

22. Блаженъ, кто, горя страхомъ Божіимъ, всегда сохраняетъ въ себѣ жаръ Святаго Духа, попаляетъ тернія и волчцы злыхъ помышленій.

23. Блаженъ, кто не осквернилъ рукъ своихъ дѣлами непристойными, подобно непросвѣщеннымъ: ибо и за это будетъ судить Господь въ страшный день.

24. Блаженъ, кто ежедневно плодитъ добрыя и благія мысли, и надеждою побѣждаетъ злую страсть безпечности, которая востаетъ на подвижниковъ Господнихъ.

25. Блаженъ, кто въ дѣлѣ Господнемъ поступаетъ какъ храбрый воинъ, — побуждая лѣнивыхъ и ободряя малодушныхъ на пути Господнемъ.

26. Блаженъ, кто содѣлался многоплоднымъ въ Господѣ, такъ что его охраняютъ Святые Ангелы, подобно какъ древо плодовитое охраняется своимъ вертоградаремъ.

27. Блаженъ, кто съ духовнымъ благоразуміемъ любитъ кротость, и не позволяетъ лукавому змію обольстить себя, потому что возлагаетъ надежду на благаго и милосердаго Господа.

28. Блаженъ, кто почитаетъ Святыхъ и любитъ ближняго, и кто изкоренилъ изъ души своей зависть, по которой Каинъ содѣлался братоубійцею.

29. Блаженъ, кто дѣломъ обличилъ мучителя и устоялъ противъ дыханія пламени удовольствій: ибо душа его прохладится росою Святаго Духа.

30. Блаженъ тотъ, котораго умъ не могло облечь темное діавольское облако, и лишить усладительнаго свѣта и радости Праведныхъ.

31. Блаженъ, кто, имѣя просвѣщенныя очи сердца, всегда взираетъ на Господа: — такой человѣкъ освободится отъ страстей и отъ злыхъ помысловъ.

32. Блаженъ, кто любитъ честныя и благія бесѣды, и кто ненавидитъ безчестные и соблазнительные разговоры; поелику онъ не отдастся въ плѣнъ лукавому.

33. Блаженъ, кто назидаетъ ближняго страхомъ Божіимъ, и самъ не прельщается въ душѣ своей, потому что всегда боится желѣзнаго жезла великаго Пастыря.

34. Блаженъ, кто угождаетъ ближнему ради Господа, и переноситъ скорби съ равнодушіемъ: — онъ пріиметъ вѣнецъ, какъ исповѣдникъ Господень.

35. Блаженъ, кто не позволяетъ, подобно малодушнымъ, овладѣвать собою пороку безпечности, но любитъ совершенное терпѣніе, за которое всѣ Святые увѣнчаны.

36. Блаженъ, кто любитъ воздержаніе ради Господа, и не осуждается, подобно роскошному и сластолюбивому, за чрево свое: ибо онъ возвеличенъ будетъ въ Господѣ.

37. Блаженъ, кто не упивается виномъ, подобно ненасытному чревоугоднику, но всегда находитъ услажденіе въ воспоминаніи о Господѣ, о которомъ непрестанно радуются всѣ Святые.

38. Блаженъ, кто распоряжаетъ своимъ имѣніемъ по волѣ Божіей, и кого

не осуждаетъ Богъ — Спаситель, какъ человѣка сребролюбиваго и немилосердаго къ ближнему.

39. Блаженъ, кто неусыпно бдитъ въ молитвѣ, чтеніи и добрыхъ дѣлахъ: онъ получитъ такое просвѣщеніе, что не уснетъ въ смерть.

40. Блаженъ, кто содѣлался доброю духовною мрежею, и многихъ привлекъ ко благому Господу: онъ получитъ великую похвалу у Господа.

41. Блаженъ, кто подаетъ хорошій примѣръ ближнему и не безпокоитъ совѣсти своего сподвижника непристойными дѣлами: — онъ получитъ благословеніе отъ Господа.

42. Блаженъ, кто пріобрѣлъ навыкъ въ великодушіи и милосердіи, и потому не предается безразсудному гнѣву, то есть злому неистовству: ибо онъ вознесется въ Господѣ.

43. Блаженъ, кто возвышается любовію, какъ градъ стоящій на верху горы, на которой взирая, непріятель удаляется со страхомъ, боясь его укрѣпленія въ Господѣ.

44. Блаженъ, кто сіетъ вѣрою въ Господа, какъ свѣтлый свѣтильникъ на высокомъ подсвѣщникѣ, и освѣщаетъ помраченныя души, идущія путемъ ереси, невѣрія и нечестія.

45. Блаженъ, кто всегда любитъ истину, и не отверзаетъ устъ своихъ, какъ органъ нечестія, для произнесенія лжи, боясь угрозы за праздное слово.

46. Блаженъ, кто не судитъ ближняго, какъ человѣкъ безразсудный; но, подобно мудрому и духовному человѣку, старается извлечь бревно изъ собственнаго глаза.

47. Блаженъ, чье сердце процвѣтаетъ правовѣріемъ — какъ пальма, и не уязвляется ересію невѣровъ и нечестивцевъ, какъ терніемъ.

48. Блаженъ, кто обуздываетъ вѣжди очей своихъ, и ни мыслямъ, ни чувствамъ не позволяетъ прельщаться красотою плоти, которая скоро превращается въ отвратительную гнилость.

49. Блаженъ, кто имѣетъ предъ очами день смерти и ненавидитъ гордость, прежде нежели смерть обличитъ не-

мощь (тѣлесной) природы нашей, истлѣвающей во гробѣ.

50. Блаженъ, кто представляетъ умершихъ безопасно и мирно спящими во гробахъ своихъ, и отвергаетъ отъ себя всякое непріязненное пожеланіе: ибо онъ востанетъ во славѣ, когда загремитъ небесная труба, возбуждающая всѣхъ сыновъ человѣческихъ.

51. Блаженъ, кто съ духовнымъ благоразуміемъ разсматриваетъ блестящій славою сонмъ звѣздъ и красоту небесную, и ревностно желаетъ видѣть Творца всяческихъ.

52. Блаженъ, кто представляетъ себѣ огнь, сошедшій на гору Синай, трубные гласы и Моисея, со страхомъ и трепетомъ стоящаго посреди ихъ, — и печется о своемъ спасеніи.

53. Блаженъ, кто не надѣется на человѣка, но уповаетъ на Господа, паки грядущаго со славою многою судить правдою всю вселенную: ибо онъ будетъ какъ дерево, при водѣ растущее, и не престанетъ приносить плодъ.

54. Блаженъ, чья душа, будучи полна

любовію какъ облако дождемъ, напоетъ души смертныхъ къ приращенію плодовъ жизни: ибо любовь его обратится въ вѣчное веселіе.

55. Блаженны тѣ, которые всегда ради Бога бдятъ и пребываютъ въ трезвѣніи: Богъ прикроетъ ихъ въ день суда, и они, какъ *сынове брачніи*, съ радостію и веселіемъ увидятъ своего Жениха. Но я и подобные мнѣ, безпечные и преданные удовольствіямъ люди, восплачемъ и возрыдаемъ, когда увидимъ братьевъ своихъ наслаждающимися неизреченною славою, а себя находящимися въ мукахъ.

Углубляясь въ самаго себя, возлюбленные, я обливаюсь слезами. Принявшись подвизаться, я ослабѣлъ, остановился на срединѣ поприща, и для зрителей представляю изъ себя печальное зрѣлище. Какъ не плакать мнѣ о крайней лѣности, крайнемъ нерадѣніи о самомъ себѣ? Одни во вретищѣ и веригахъ смиряютъ самихъ себя, другіе въ заключеніи и постѣ совершаютъ служеніе Господу; иные на столпахъ неукоризненно продолжа-

ютъ свои подвиги; другіе въ пустынѣ и въ уединеніи усовершаются въ добродѣтели; иные послушаніемъ пріобрѣтаютъ вѣнцы: а я несчастный, — я и всѣ подобные мнѣ — безпечные и славолюбивые, хотя облеклись въ одежду благочестія, однакожъ на самомъ дѣлѣ совлекли съ себя сію одежду. И чье сердце не содрогнется при представленіи безчисленныхъ страданій святыхъ Мучениковъ, — не только мужей, но и женъ? Они смиряютъ себя изъ подражанія своему Господу, а мы домогаемся честей и привѣтствій въ собраніяхъ. Они за благочестіе ввергаются въ темницы, претерпѣваютъ голодъ, мученія, узы: а мы не можемъ снести съ благодушіемъ и малѣйшаго злостраданія, — мы ищемъ только однихъ радостей. Они съ радостію переносятъ обиды, презрѣніе и самую смерть: а мы скорбимъ и тогда, когда имѣемъ утѣшенія. Они побѣждаютъ самый огнь, а мы не можемъ снести даже одного язвительнаго слова. Они при видѣ страданій торжествуютъ и съ веселіемъ исходятъ на мѣсто муче-

нія: а мы, слыша объ ихъ подвигахъ, хотя и удивляемся имъ, однако же подражать имъ не имѣемъ желанія. — Сколько же нужно намъ пролить слезъ, сколько потребно воздыханій, дабы не быть отверженными отъ царства небеснаго и не лишиться многой славы, которая уготована подвижникамъ! — Но не продолжимъ своей безпечности, — не предадимся лѣности въ служеніи Богу! Праведенъ Богъ, и не забудетъ труда рабовъ Своихъ. Если они всецѣло предали себя Его волѣ; если ради имени Его отреклись отъ міра, оставили плотскихъ своихъ родителей; если они ударяютъ въ двери въ третій часъ, въ шестый, въ девятый, вечеромъ, утромъ; особенно, если они ударяютъ въ оныя весь день и всю нощь: то ужели ты думаешь, что Богъ презритъ такое смиреніе ихъ? Нѣтъ! Они претерпѣваютъ заключеніе, трудятся, подвизаются въ постѣ и бдѣніи, переносятъ нападенія злыхъ духовъ, преклоняютъ колѣна въ молитвѣ, непрестанно бьютъ челомъ въ землю, прося у него милости: и ужели

Богъ не обратитъ вниманія на столь смиренныя моленія ихъ? Нѣтъ! Свирѣпый и суровый человѣкъ по неотступнымъ просьбамъ удобно преклоняется къ состраданію: Богъ ли — человѣколюбивый, благій, богатый милостію, милующій неблагодарныхъ, — Богъ ли презритъ такое изнуреніе тѣла, набожность, воздыханія, слезы, страданіе, праведность, смиреніе, молчаливость, воздержаніе, терпѣніе и уничиженіе отъ гордыхъ? Никакъ. — Не будемъ же отчаяваться, возлюбленные, не будемъ унывать въ служеніи Господу, но съ вѣрою и упованіемъ будемъ ударять въ двери. Чѣмъ чаще и продолжительнѣе будешь ударять въ оныя, тѣмъ болѣе умножишь свою награду. Трезвись ежедневно. Въ часъ, въ которой ты и не думаешь, повелитъ Господь взять тебя въ житницу жизни — въ сонмъ Праведныхъ, дабы наконецъ отдохнуть тебѣ и успокоиться тамъ, гдѣ нѣтъ уже ни брани, ни врага. Браннолюбивый врагъ тамъ будетъ убитъ, и случаевъ ко брани не будетъ. Здѣсь, на примѣръ, служитъ поводомъ ко брани

желаніе имѣть красивую супругу: но на небесахъ ни женятся, ни посягаютъ, но живутъ какъ Ангели небесные. Еще поводомъ къ войнѣ служитъ желаніе богатства и земной славы: но это все—тлѣнное, земное. Посему одинъ изъ Святыхъ поучаетъ насъ, говоря: *не любите міра, ни яже въ мірѣ; аще кто любитъ міръ, нѣсть любви Отчи въ немъ: яко все, еже въ мірѣ, похоть плотская и похоть очесъ и гордость житейская, нѣсть отъ Отца, но отъ міра сего есть. И міръ преходитъ, и похоть его: а творяй волю Божію, пребываетъ во вѣки* (1 Іоан. 2, 15). Ибо какъ зашедшій въ тернистое мѣсто уязвляется отъ тернія только дотолѣ, пока не выдетъ на чистое мѣсто, а когда выдетъ на оное, то не боится уже тернія: такъ и Святые, попавши въ подобное мѣсто, употребляли вмѣсто обуви стараніе и трудолюбіе; посему, и зашедъ въ самую средину тернія, не уязвлялись отъ него: напротивъ лѣнивые и безпечные много пострадали отъ того же тернія. Для сего-то и Господь, послѣ одежды и

перстня, повелѣлъ надѣть сапоги на ноги возвратившагося сына, дабы онъ смѣлѣе и безстрашнѣе поражалъ главу зміеву. Посему-то опять настоящую жизнь уподобляетъ Онъ тернистому мѣсту, въ которомъ на подобіе тернія растутъ пороки; а горній Іерусалимъ, градъ Царя великаго, гдѣ нѣтъ болѣзни, печали и воздыханія, сравниваетъ съ мѣстомъ чистымъ. О, если бы всѣмъ намъ сподобиться — достигнуть сего града, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа! Аминь.

IV.

НРАВСТВЕННЫЯ ПРАВИЛА (*)

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НАЗІАНЗЕНА.

Богъ да будетъ у тебя началомъ и концемъ всѣхъ твоихъ дѣйствій.

Чтобы хорошо жить, надобно каждодневно умирать.

Старайся узнавать всѣ дѣла людей добрыхъ.

Худо быть бѣднымъ, но хуже того быть богачемъ порочнымъ.

На людей благотворительныхъ взирай, какъ на подобіе Божества.

Заслуживай себѣ у Бога милосердіе своимъ милосердіемъ къ ближнему.

Мужественно порабощай плоть и господствуй надъ нею.

(*) Въ Греческомъ подлинникѣ сіи правила написаны ямбическими стихами. —

Умѣряй гнѣвъ свой такъ, чтобы тебѣ никогда не выходить изъ себя.

Не давай свободы очамъ, и языкъ свой обуздывай.

Ограждай слухъ свой, и не предавайся неумѣренному смѣху.

Умъ да будетъ тебѣ свѣтильникомъ на пути всей жизни.

Мнимое да не преобладаетъ у тебя надъ дѣйствительнымъ.

Думать можно обо всемъ, но дѣлать должно только то, что позволительно.

Взирай на себя какъ на странника, и — почитай странниковъ.

Когда плаваніе твое благополучно, тогда-то наипаче и памятуй о бурѣ.

Принимай съ благодарностію все, что тебѣ Богъ низпосылаетъ.

Добродѣтельный и среди уничиженія выше прославляемаго нечестивца.

Чаще посѣщай домы людей мудрыхъ, а къ богатымъ ходи рѣже.

И малость перестаетъ быть малостію, когда отъ ней бываютъ важныя послѣдствія.

Обуздывай страсть ко мщенію, и — будешь великій мудрецъ.

Бодрствуй надъ собою самимъ, и не издѣвайся надъ паденіемъ ближняго.

Честь мнѣ, когда другіе мнѣ завидуютъ; напротивъ великой для меня стыдъ, если я питаю зависть къ другимъ.

Паче всего жертвуй Богу своею душею.

Блаженъ, кто соблюдаетъ сіи правила: таковый спасется!

V.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ТРЕХЪ СВЯТИТЕЛЕЙ,

говоренное Преосвященнымъ Амвросіемъ, Архіепископомъ Тверскимъ, въ 1825 году.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ Слово Божіе: ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ. Евр. 13, 7.

И мы воспоминаемъ, братія, въ день сей Наставниковъ нашихъ, которые возвѣщали намъ Слово Божіе,—Великаго во Святителяхъ Василія, Богословія проповѣдника — Григорія, Златословеснаго Іоанна. Но почто мы творимъ сіе воспоминаніе?—Да прославимъ имя ихъ? Но они прославлены уже у Бога и человѣкъ. — Да возвеличимъ дѣла ихъ? Но они возвеличены уже не на земли точію, но и

на небеси, по оному слову вѣчныя Истины: *иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречется въ Царствіи небеснѣмъ* (Мат. 5, 19). Для чего же составляемъ мы настоящее торжество въ память ихъ? — Для того, *да взираемъ*, по Апостолу, *на скончаніе жительства ихъ*; да поучаемся примѣромъ ихъ, — да подражаемъ вѣрѣ ихъ. *Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ Слово Божіе: ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ.*

Христіане по званіямъ и отношеніямъ своимъ подобны свѣтиламъ небеснымъ. *Ина слава солнцу, ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ* (1 Кор. 15, 41). Но всѣ сіи свѣтила водружены на тверди небесной, да повѣдаютъ славу Божію. Такъ и члены Церкви воинствующей не всѣ Апостолы, не всѣ Пророки, не всѣ Пастыри и Учители; но всѣ имѣютъ едино средство-*вѣру, любовію поспѣшествуемую* (Гал. 5, 6), и единъ конецъ — животъ вѣчный о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ (1 Іоан. 5, 11) — къ тому, чтобы *просвѣщать свѣтъ свой предъ человѣки,*

яко да видятъ добрая дѣла ихъ, и прославятъ Отца ихъ, иже на небесѣхъ (Мат. 5, 16).

Христіанинъ! Кто бы ты ни былъ, подвигъ твой есть подвигъ вѣры и святыни. Ты вступилъ въ оный при самыхъ водахъ крещенія. Ты потому только и призванъ къ упованію Святыхъ, сопричисленъ къ числу чадъ Божіихъ; Церковь потому только и раздѣляетъ съ тобою Таинства свои, преломляетъ Хлѣбъ небесный, подаетъ тебѣ чашу жизни, утѣшаетъ тебя надеждами будущаго вѣка, указуетъ тебѣ вѣнцы небесные, обѣщаваетъ тебѣ царствіе, отъ сложенія міра тебѣ уготованное, – что обязался ты *подвигомъ добрымъ подвизатися, теченіе совершити, вѣру соблюсти* (1 Тим. 4, 7).

Такъ подвизались, такъ текли празднуемые нынѣ великіе Іерархи! Такъ текли и всѣ *святіи Божіи человѣцы, иже вѣрою побѣдиша царствія, содѣяша правду, получиша обѣтованія* (Евр. 11, 33).

Посмотримъ же, братія, *такъ ли течемъ и мы на предлежащій намъ подвигъ*, и, *взирая на скончаніе житель-*

ства Святыхъ, такъ ли подражаемъ вѣрѣ ихъ?

Жить свято—въ преподобіи и правдѣ, есть непремѣнный долгъ Христіанина. Онъ *не живетъ уже себѣ* самому, *но умершему за него и воскресшему* (2 Кор. 5, 15). Онъ, *спогребшись Ему крещеніемъ въ смерть*, обязался уже *ходить во обновленіи жизни* (Рим. 6, 4), да упразднится въ немъ *тѣло грѣховное, еже не работати ему грѣху* (ст. 6). И потому онъ весь не свой, весь Божій — во всѣхъ дѣлахъ и начинаніяхъ своихъ. Онъ богатѣетъ, но богатѣетъ не въ себя, а въ Бога. Нисходитъ до убожества, и — благословляетъ Господа, который *богатитъ и убожитъ*. Восходитъ на высоту совершенствъ, и не ублажаетъ себя; ибо знаетъ, что *благодатію Божіею есть, еже есть*. Видитъ окрестъ себя проливающіяся благословенія жизни, и — благословляетъ не себя, но точію Того, который отверзаетъ щедродаровитую *руку свою, и всяческая исполняются благости* (Пс. 103, 28). Похваляется отъ другихъ: но самъ хвалится *токмо о не-*

немощехъ своихъ (2 Кор. 12, 5), *да вселится въ него сила Христова* (ст. 9). Хулится отъ міра грѣшнаго, и — *хулимъ утѣшается* (1 Кор. 4, 13). Страждетъ, и — *радуется во страданіихъ своихъ* (Кол. 1, 24). Предается на смерть, и — вопіетъ: *мнѣ еже жити, Христосъ: а еже умрети, пріобрѣтеніе есть* (Фил. 1, 21).

Таковъ долженъ быть ученикъ Христовъ, подвижникъ вѣры; таковы были всѣ тѣ Святые Божіи человѣки, тотъ *облакъ свидѣтелей, облежащъ насъ* (Евр. 12, 1), коихъ небеса торжественно приняли въ селенія свои, и коихъ на землѣ Церковь представляетъ для подражанія нашего! Они въ убожествѣ и нищетѣ! — «Какъ трудно переносить, когда мы не имѣемъ и того, чѣмъ можемъ удовлетворить самымъ необходимымъ потребностямъ жизни! Какъ трудно, истаевая гладомъ, или питаясь хлѣбомъ слезнымъ и упиваясь слезами въ мѣру, увѣрить себя, что и мы составляемъ предметъ попеченій Отца небеснаго, *Иже питаетъ птенцовъ врановыхъ, и одѣваетъ крины сельныя* (Мат. 6, 26. 28)! Какъ трудно ра-

доваться о Бозѣ Спасѣ своемъ, когда все растворяетъ чашу жизни прискорбіями!« — такъ говоримъ мы обыкновенно въ бѣдности и несчастіяхъ. Но воззрите на Святыхъ Божіихъ человѣковъ! Какъ торжествовала вѣра ихъ надъ самыми несчастіями! Воззрите на мужа страданій Іова, *иже бѣ человѣкъ благороднѣйшій сущихъ отъ востокъ солнца, и емуже стяжанія бяху веліа на земли* (Іов. 1, 3). Онъ лишенъ всего богатства своего; онъ пораженъ язвою отъ главы до ногъ; онъ сѣдитъ на гноищѣ: — и не ропщетъ на руку поражающую его, и не согрѣшаетъ предъ Богомъ устнами своими: *аще пріяхомъ благая отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ*, вѣщаетъ онъ (2, 10); *Господь даде, Господь отъятъ: буди имя Господне благословенно во вѣки* (1, 21). Воззрите на Давида, изгнаннаго отъ престола, лишеннаго пристанища и *водворяющагося въ пустыни, яко птица особящаяся* (Пс. 54, 8. 101, 8). *Отецъ мой и мати моя остависта мя, Господь же воспріятъ мя*, — такъ утѣшаетъ онъ себя.

Съ Нимъ, *аще пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла* (Пс. 22, 4).

Они на лонѣ изобилія, среди благословеній жизни, проливающихся окрестъ ихъ! — «О, какъ трудно не забыться въ счастіи! Какъ трудно положить предѣлы желаніямъ, гдѣ все готово выполнять желанія наши! Какъ трудно отказать себѣ и въ самыхъ излишествахъ, когда излишества преисполняются новыми избытками! Искушенія счастія гораздо опаснѣе для насъ, нежели искушенія несчастія. Одно смиряетъ насъ, другое надмѣваетъ. Одно показуетъ намъ ничтожество наше, другое выводитъ насъ, такъ сказать, изъ насъ самихъ. Одно погашаетъ пламень страстей нашихъ, другое усиливаетъ оный; одно обращаетъ насъ къ Богу — Помощнику нашему *въ скорбѣхъ, обрѣтшихъ ны зѣло*, другое часто заставляетъ забывать Бога спасающаго насъ.» — Но воззрите, братія, на Моисея, человѣка Божія, который, бывъ почтенъ титломъ сына Царева, *вѣрою отвержеся нарицатися сынъ дщере царевы: паче же изволи страдати съ людьми*

Божіими, нежели имѣти временную грѣха сладость (Евр. 11, 14. 25). Воззрите на всѣхъ, ходившихъ въ заповѣдяхъ и оправдаціяхъ Господнихъ безпорочно! Какъ среди обилія были они — *нищи духомъ*, на высотѣ счастія — смиренны сердцемъ, среди богатствъ — *вмѣняли все за уметы, да Христа пріобрящутъ* (Филип. 3, 8); при потокахъ сладостей житейскихъ — всегда *жаждали къ Богу крѣпкому, живому* (Пс. 41, 3)!

Они въ чинахъ и почестяхъ! — «Какъ быть на выгодномъ мѣстѣ,» — говорятъ въ мірѣ, «и отвергать добровольно выгоды жизни! Какъ находиться при источникѣ богатствъ, и не ослѣпиться блескомъ ихъ! Неблагоразуменъ, кто, имѣя всѣ средства богатѣть, остается съ одною честностію бѣдною и правдою убогою.» — Но воззрите на Самуила — вождя народа Божія, который, сходя съ чреды служенія своего, необинуяся вѣщаетъ предъ лицемъ всего Израиля: *се азъ ходихъ предъ вами отъ юности моея до днешняго дне; се азъ, — отвѣщайте на мя предъ Богомъ и Хиртомъ Его, еда*

у кого тельца взяхъ или осля, или кого отъ васъ насильствовахъ, или кого утѣсниxъ, или отъ руку коего мзду пріяхъ, извѣщайте на мя (1 Цар. 12, 2. 3). Воззрите на Даніила, мужа желаній, при дворѣ Царскомъ *поставленнаго царемъ надъ всѣмъ царствомъ его* (Дан. 6, 3). Недремлющая зависть старается обрѣсти что либо строптное въ дѣяніяхъ его, да погубитъ его, и — не обрѣтаетъ. *Чиновницы же и князи искаху вины обрѣсти на Даніила,* говоритъ Писаніе, *и всякія вины и соблазна и грѣха не обрѣтоша на него, яко вѣренъ бяше царю* (ст. 4). Воззрите на Павла, поставленнаго въ учителя языковъ, дающаго послѣднее цѣлованіе Ефесеямъ. *Сребра и злата*, вѣщаетъ онъ имъ, *или ризъ, ни единаго возжелахъ. Сами вѣсте, яко требованію моему и сущымъ со мною послужисте руцѣ мои сіи* (Дѣян. 20, 33).

Они поставляются въ искушеніяхъ! — «Какъ, — вопіетъ плоть и кровь, — устоять тамъ сердцу, гдѣ страсть обѣщаетъ или корысть или утѣхи, безстрастіе — или

скорбь или гоненіе, повиновеніе Богу — награду отдаленную на небеси, преслушаніе заповѣдей Его – блага видимая на земли; добродѣтель — болѣзни и страданія, порокъ — очаровательную чашу удовольствій восхитительныхъ! какъ не отчаяваться тамъ, гдѣ всѣ надежды наши убиты безвозвратно!» — Но воззрите на Авраама. — Тотъ, которому вѣруетъ онъ, повелѣваетъ ему *изыти изъ отечества своего, отъ языка своего, и идти въ землю невѣдомую* (Быт. 12, 1): и онъ *исходитъ не вѣдый, камо грядетъ* (Евр. 11, 8). Богъ, который обѣщавалъ ему благословить его въ Исаакѣ, и *умножить въ немъ сѣмя его яко песокъ морскій*, требуетъ отъ него на жертву Исаака. *Аврааме, Аврааме*, такъ повелѣваетъ ему, *поими сына твоего возлюбленнаго, егоже возлюбилъ еси, Исаака, и иди на землю высоку, юже покажу, и вознеси его тамо во всесожженіе. И воставъ Авраамъ заутра, и поятъ Исаака сына своего, и растнивъ дрова на всесожженіе, и связавъ Исаака сына своего, возложи на жертвенникъ верху дровъ, и*

взя ножъ заклати сына своего (Быт. 22, 1 — 12). Такова была вѣра Авраамова! — Воззрите на Іосифа во дворѣ царедворца Египетскаго! Тамъ безстудіе, подвизая его ко грѣху, одною рукою указуетъ ему сладость грѣха, другою — темницу мрачную; одною — обольстительныя оковы страсти студной, другою — смерть мучительную; одною — прелести жизни, другою — узы неволи. И — мужъ, боящся Бога, вопіетъ: *како сотворю глаголъ сей злый, и согрѣшу предъ Богомъ моимъ* (Быт. 39, 9).

Они среди гоненій лютыхъ, истины ради и правды! Злодѣйство изощряетъ на нихъ мечи свои; злоба отверзаетъ для нихъ темницу мрачную, изувѣрство уготовляетъ мѣста лобныя. Наше маловѣріе содрагается, видя ихъ *лишенныхъ, скорбящихъ, озлобленныхъ, каменіемъ побиваемыхъ, претираемыхъ, убійствомъ меча умирающихъ* (Евр. 11, 37). — Но они среди страданій своихъ вопіютъ: *вся можемъ о укрѣпляющемъ насъ Іисусѣ* (Фил. 4, 13). — Петръ и Іоаннъ ведутся на судилища и власти, имене ради Іисусова.

Имъ воспрещаютъ и говорить и учить о имени семъ; а они отвѣщаютъ: *аще праведно есть предъ Богомъ васъ послушати паче, нежели Бога, судите. Не можемъ бо мы, яже видѣхомъ и слышахомъ, не глаголати* (Дѣян. 4, 29). Ихъ біютъ на сонмищѣ, — и они, исходя отъ собора, *радуются, яко сподобишася за имя Господа Іисуса безчестіе пріяти* (5, 41). — Стефана побиваютъ каменіемъ, — и лице Стефана просвѣщается, яко лице Ангела Божія. — Первые Христіане влекутся на смерть, яко овцы на заколеніе, и вопіютъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ* (Рим. 8, 35)? — Кровь ихъ льется рѣками, а они поютъ Богу своему, доидеже существуютъ!

Такъ воинствовало доброе воинство (1 Тим. 1, 18) — всѣ воины Іисуса Христа! Они побѣдили міръ, — и *побѣда сія, побѣдившая міръ, была вѣра ихъ* (Іоан. 5, 4). Они побѣдили плоть; ибо *распяли ее со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). Они побѣдили начала и власти тмы вѣка сего, духовъ злобы поднебесныхъ;

ибо пріяли *всеоружіе Божіе, облеклись въ броню правды, препоясали чресла свои истиною, покрывались щитомъ вѣры* (Еф. гл. 6). Нозѣ ихъ совершались яко елени, на подвигѣ вѣры и святыни; ибо они *взирали* непрестанно *на мздовоздаяніе* (Евр. 11, 26). Они торжественно вступили во врата вѣчности; ибо *не яко безвѣстно текли, и подвизались, не яко воздухъ біюще* (1 Кор. 9, 26): но подвизались подвигомъ добрымъ, совершили теченіе, соблюдая вѣру, яко залогъ драгоцѣнный.

Не сей ли подвигъ предлежитъ и намъ, Сл. Христ., да достигнемъ *вѣнца правды, егоже уготова Господь, праведный Судія, всѣмъ возлюбившимъ явленіе Его* (2 Тим. 4, 8)? — Но ахъ! когда сравнимъ мы нашу жизнь съ жизнію ихъ, — наши дѣла съ дѣлами ихъ, — нашу вѣру съ ихъ вѣрою; то должны ужаснуться при сравненіи семъ. Гдѣ та любовь, которою пламенѣли они ко Господу? Взирая на нихъ, мы видимъ, что *ни смерть, ни животъ, ни начала, ни власти, ни высота, ни глубина, ни ина кая тварь*

возмогла ихъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ (Рим. 8, 38). Озирая окрестъ себя, сколько находимъ мы кумировъ, которыхъ любимъ мы паче Бога! — Да не возглаголютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ! — Это злато, которое обоготворяютъ на землѣ, — эти преимущества и почести, коихъ домогаются всѣми путями неправедными, — это счастіе, которое составляетъ единый предметъ желаній нашихъ, — этотъ міръ, которому раболѣпствуемъ мы, котораго пересудовъ страшимся мы паче суда Божія, котораго одобреній ищемъ болѣе всего, — не суть ли кумиры, коимъ раболѣпно служатъ и въ чертогахъ и въ хижинахъ? — Гдѣ та любовь, которою одушевлены они были къ ближнему своему? — Взирая на нихъ, видимъ, что они имѣли *сердце едино и душу едину* (Дѣян. 4, 32), и готовы были *положить души своя за други своя.* Всматриваемся въ себя, и — видимъ вражды и несогласія, и ненависть и злобу, и зависть и рвеніе, и всяку злу вещь. — Гдѣ та вѣра, которая составляетъ пе-

чать избранныхъ Божіихъ? — Возводя очи къ небесамъ, видимъ тамо *вѣрою побѣдившихъ царствія, содѣявшихъ правду, угасившихъ силу огненную, заградившихъ уста львовъ, возмогшихъ отъ немощи, бывшихъ крѣпкими во бранехъ* (Евр. 11, 33) *и съ міромъ и съ плотію, и съ духами злобы поднебесными.* Опущая взоры свои на землю, не долженствуемъ ли сказать: *аще пріидетъ Сынъ человѣческій, еда обрящетъ вѣру на земли* (Лук. 18, 8)? — Гдѣ то служеніе *духомъ и истиною* (Іоан. 4, 23), коимъ прославляли они Бога и *въ душахъ* своихъ и *въ тѣлесахъ* своихъ? Ахъ! не многихъ ли изъ насъ касается сей глаголъ Пророка: *доколѣ вы храмлете на обѣ плеснѣ ваши? аще есть Господь Богъ, идите въ слѣдъ Его: аже же Ваалъ есть, то идите за нимъ* (3 Цар. 18, 21). — «Если міръ есть божество ваше; закалайте ему жертвы ваши, вашу совѣсть, вашу добродѣтель, ваши вѣчныя упованія. Но если Господь есть Богъ вашъ, — Ему единому служите и Ему единому кланяйтесь. *Доколѣ храмлете на оба ко-*

лъна ваши?» — Гдѣ тѣ желанія вѣчныхъ благъ, кои долженствуютъ составлять все утѣшеніе Христіанина среди юдоли плачевной? — Взирая на нихъ, видимъ, что они *не имъли* на земли *пребывающаго града,* но *искали грядущаго* (Евр. 13, 14), и непрестанно *воздыхали, въ жилище небесное облещися желающе* (2 Кор. 5, 2). Но ктобъ изъ насъ, по совѣсти, не возжелалъ воздвигнуть вѣчной храмины на землѣ? Кто съ радостію речетъ: *желаю разръшитися и со Христомъ быти* (Фил. 1, 23)?

Отъ чего же происходитъ, братія моя, сіе безконечное различіе между нами и Святыми Божіими человѣки, между нашею жизнію и ихъ жизнію, между вѣрою нашею и ихъ вѣрою? Неужели они имѣли естество отличное отъ нашего естества? — Но они были подобострастные намъ человѣки. *Илія человъкъ бъ подобострастенъ намъ,* говоритъ Слово Божіе, *и молитвою помолися, да не будетъ дождь: и не одожди по земли лъта три и мъсяцъ шесть. И паки помолися, и небо дождь*

даде, и земля прозябе плодъ свой (Іак. 5, 17). — Авраамъ былъ человѣкъ намъ подобострастный, и *не изнемогъ вѣрою, но паче упованія вѣрова* (Рим. 4, 17), вознося на жертвенникъ единороднаго своего сына. — Моусей былъ человѣкъ намъ подобострастный, *и большее богатство вмѣни Египетскихъ сокровищъ поношеніе Христово* (Евр. 12, 26). Павелъ человѣкъ былъ намъ подобострастный, — и Павелъ *все возмогъ о укрѣпляющемъ его Іисусѣ* (Фил. 4, 15). Кратко: послѣдуйте за Праведными изъ вѣка въ вѣкъ, изъ страны въ страну, и — вы найдете, что они были подобострастные намъ человѣки, — и сіи-то подобострастные намъ человѣки были на земли тоже, что Ангелы на небеси — *причастники Божественнаго естества* (2 Петр. 1, 4). — Неужели имѣли они другое званіе, нежели какое имѣемъ мы? — Но не такъ же ли и мы призваны въ званіе ихъ, т. е. Святыхъ? Не сказано ли и намъ: *святи будете, яко Азъ святъ есмь* (1 Пет. 1, 16); *будите совершенни, якоже Отецъ вашъ Не-*

бесный совершенъ есть (Мат. 5, 48): *сія бо есть воля Божія — святость ваша* (1 Сол. 4, 3)? — Неужели имѣли они большія обѣтованія, ожидали большихъ воздаяній, прозрѣвали большую мзду за труды свои, нежели мы? — Но сіи обѣтованія, сіе упованіе, сія мзда — есть тотъ *вѣнецъ правды*, который *уготованъ любящимъ Бога* (2 Тим. 4, 7), — тѣ сладости райскія, коими упіются на небеси *жаждавшіе* присно на земли *къ Богу крѣпкому, живому*, — тотъ престолъ, на который возсадитъ Побѣдитель міра побѣдившихъ міръ, по оному Своему слову: *побѣждающему дамъ сѣсти на престолѣ со Мною, якоже Азъ побѣдихъ и сѣдохъ на престолѣ со Отцемъ Моимъ* (Апок. 3, 21); — то царствіе, которое *уготовано отъ сложенія міра благословеннымъ Отца небеснаго*. Не принадлежатъ ли и намъ всѣ сіи обѣтованія? — Неужели въ немощахъ ихъ большая обѣщана имъ помощь, нежели намъ? Но не всѣмъ ли хотящимъ наслѣдовать спасеніе речено: *просите, и дастся вамъ: ищите и обрящете: толцыте,*

и отверзется вамъ (Лук. 11, 9)? *Аще вы лукавы суще, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ: кольми паче Отецъ вашъ небесный дастъ блага просящимъ у Него* (Мат. 7, 7). *Аще кто отъ васъ лишенъ есть премудрости, да проситъ отъ дающаго Бога всѣмъ нелицепріемнѣ и непоношающаго, и дастся ему* (Іак. 1,5).

Итакъ, брат. моя, и намъ равно, какъ имъ, всѣ Божественныя силы къ животу и благочестію подаются обильно (2 Пет. 1, 3). Чего же недостаетъ намъ, да взыдемъ на ту совершенствъ гору, на которой стояли они, яко грады верху горы, и сіяли яко свѣтила въ мірѣ, среди рода строптива и развращенна? Единаго — той любви къ Богу, которою все *препобѣждали они за возлюбльшаго ихъ* (Рим. 8, 38), — той любви, которая *крѣпка* въ нихъ была, *яко смерть* (Пѣсн. 8, 6), — той любви, отъ которой *ни скорбь, ни тѣснота, ни гоненіе, ни гладъ, ни нагота, ни бѣда, ни мечь не могли разлучить ихъ* (Рим. 8, 34).

И здѣсь-то, Сл. Бл., да вопроситъ себя каждый изъ насъ: такъ ли онъ любитъ

Бога, какъ любили Его тѣ изъ Святыхъ, коихъ Церковь представляетъ къ подражанію намъ? Здѣсь-то долженъ рещи себѣ каждый изъ насъ по совѣсти: «я люблю Бога. Такъ! — Я люблю Его; ибо не могу не любить сего Бога благаго, отъ котораго исходитъ всякое даяніе благое, — сего Бога всемогущаго, о которомъ живу и движуся и существую: — но колико избранныхъ Божіихъ любили Его болѣе меня? Ахъ! ежели сравню я сей огнь любви, который тлѣетъ въ моемъ сердцѣ, съ тѣмъ пламенемъ, которымъ пылали они: — я нахожу въ себѣ единый хладъ; и неужели я могу спокойно взирать на то, что они любили Его болѣе меня? Какъ! неужели Онъ менѣе долженъ быть любезенъ мнѣ, нежели Павлу, нежели всѣмъ избраннымъ — Святымъ Его? Неужели менѣе предваряютъ меня щедроты Его, нежели предваряли ихъ; неужели менѣе блистаютъ предо мною совершенства Его, нежели предъ ними? — Я люблю Бога, — и между тѣмъ мысль о временныхъ прискорбіяхъ моихъ удручаетъ меня; неудачи жизни, болѣзни и

страданія повергаютъ меня въ уныніе. Ахъ! если бы я любилъ Бога, какъ тѣ Святые Божіи человѣки, кои для Него скитались *въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ, лишени, скорбяще, озлоблени, ихже не бѣ достоинъ весь міръ* (Евр. 11, 37): тогда міръ сей вмѣнялъ бы я за *уметы*; тогда радости его считалъ бы я мечтаніями преходящими, удовольствія его — отравою ядовитою, сокровища его — прахомъ отъ вѣтра возметаемымъ, прещенія его — угрозами дѣтскими.»

«Я люблю Бога. Но такъ ли люблю Его, какъ тѣ изъ Святыхъ Его, которые отъ избытка любви непрестанно вопіяли къ Нему: *что ми есть на небеси? и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли? Исчезе сердце мое и плоть моя: Боже сердца моего и часть моя, Боже, во вѣкъ* (Пс. 72, 25); — *имже образомъ желаетъ елень на источники водныя: сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже! Когда пріиду и явлюся лицу Твоему* (Пс. 41, 2)? — Еслибъ я такъ любилъ Бога моего; тогда еще на землѣ обрѣлъ

бы я небо: ибо сія любовь составляетъ радость и веселіе Небожителей. И если бы любовь моя подобилась любви ихъ; тогда еще на землѣ предвкушалъ бы я блаженство ихъ.»

О, Боже! О, Любовь безконечная! Излей хотя единъ лучь любви сея Духомъ Твоимъ Святымъ въ сердца наши, оледѣнѣвшія къ любви Твоей: — и тогда вся возможемъ мы, подобно Святымъ Твоимъ; тогда будемъ жить подобно имъ, дабы точно любить Тебя на землѣ; тогда и умремъ, дабы вѣчно любить Тебя, и изъ сей любви почерпать нескончаемое наше блаженство на небеси. Аминь.

VI.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗСМОТРѢНІЕ

ВЕТХОЗАВѢТНЫХЪ ПРОРОЧЕСТВЪ

О ТИРѢ.

Изъ числа городовъ, которые, подобно Вавилону и Ниневіи, питали вражду противъ Іудеевъ и служили достопримѣчательнымъ доказательствомъ истины Пророчествъ, былъ также *Тиръ*, — неприступная Финикійская скала (1). Тиръ, какъ торговая площадь народовъ всего земнаго шара, завидовалъ Іерусалиму, восхищавшему у него нѣкоторыя выгоды торговли, и посему, не смотря на дружественный союзъ между Евреями и Финикіанами, продавалъ иногда въ военное время Еврейскихъ плѣнниковъ, какъ стада животныхъ, чуждымъ наро-

---

(1) צור и צֹר *Тиръ* означаетъ собственно *скалу*. Симъ именемъ онъ назывался потому, что былъ построенъ на скалѣ. Сп. Іез. 26, 5. 14. 21.

дамъ. Но поелику каждый оскорбитель Евреевъ, какъ избраннаго народа Божія, былъ вмѣстѣ оскорбителемъ величія Божія: то гнѣвъ Божій возрасталъ болѣе и болѣе противъ Тира, до тѣхѣ поръ, пока наконецъ Ветхозавѣтные Пророки и въ особенности Исаія и Іезекіиль, не предвозвѣстили совершенной погибели сего града (2).

Изслѣдывая сіи пророчества В. Завѣта противъ Тира, ученые спорили между собою, какой собственно Тиръ былъ предметомъ оныхъ: — древній ли Палетиръ, лежавшій на матерой землѣ, или новый, построенный на одномъ островѣ почти прямо противъ древняго. Споры сіи легко разрѣшатся, если оныя пророчества отнесемъ и къ тому и къ другому городу; ибо нѣкоторыя выраженія Пророковъ весьма ясно относятся только къ древнему, другія же напротивъ только къ новому Тиру. Такъ, въ одномъ мѣстѣ называется Тиръ *городомъ*,

(2) См. Иса. гл. 23. Іез. гл. 16—28. 29, 18. Іер. 25, 22. 27, 3. 47, 4. Амос. 1, 9. 10. Іоил. 4, 4—8. Зах. 9, 3. 4.

лежащимъ при морѣ (Iез. 27, 3); въ другомъ — *построеннымъ въ срединѣ моря*, или, по Еврейскому тексту, *въ сердцѣ моря* (ст. 4. 26). Иногда именуется онъ *крѣпостію, замкомъ, который будетъ осаждаемъ конницею и колесницами, и противъ котораго употребятся военныя орудія* (Iез. 26, 7. сл.), а иногда — *моремъ* и *крѣпостію моря* (Иса. 23, 4. 6). Такъ говоритъ о немъ Пророкъ Iезекіиль: *Я приведу противъ тебя Навуходоносора, царя Вавилонскаго, царя царей съ полуночи, съ конями, колесницами и всадниками и съ великимъ множествомъ войска. Онъ разрушитъ оружіемъ города твои на матерой землѣ, а противъ тебя направитъ каменометательныя машины, сдѣлаетъ насыпь, придвинетъ къ тебѣ стѣноломное орудіе. Тараномъ разобьетъ твои стѣны, и низринетъ желѣзными шарами твои башни. Множество коней такую подыметъ пыль, что она покроетъ весь городъ; отъ шума коней, колесъ и колесницъ потрясутся стѣны твои. Онъ войдетъ во врата твои, какъ обыкновенно входятъ въ пробитый городъ,* т. е. сквозь

проломы стѣнъ. *Ибо враги твои разрушатъ стѣны, низринутъ великолѣпныя зданія, и даже повергнутъ въ море камни и дрова и оставшійся отъ нихъ щебень* (Iез. 26, 7—10. 12). Здѣсь каждый ясно видитъ описаніе осады Пале-Тира. Въ другомъ мѣстѣ Пророкъ выражается иначе: *чрезъ воды проникнутъ къ тебѣ ненавидящіе тебя; восточный вѣтръ сокрушитъ тебя въ срединѣ моря. Сокровища твои, гребцы и кормчіе и строители кораблей, всѣ занимающіеся у тебя дѣлами, и всѣ воины, стекающіеся въ тебя, погрузятся въ средину моря, во время разрушенія твоего* (Iез. 27, 26. 27). *Въ ровъ низринутъ тебя; и ты, будучи пораженъ насильственною смертію, умрешь въ срединѣ моря* (Iез. 28, 8). Здѣсь очевидно изображается взятіе новаго Тира. Итакъ въ сихъ пророчествахъ означенъ тотъ и другой Тиръ, т. е. какъ построенный на островѣ, такъ и лежавшій на матерой землѣ. Они оба разумѣются подъ однимъ именемъ, и объ нихъ говорится какъ объ одномъ и томъ же городѣ. Хотя нѣкоторые думаютъ,

что жители древняго Тира въ то время, когда оный былъ уже со всѣхъ сторонъ осажденъ и почти находился въ рукахъ Халдеевъ,—убѣжали изъ него и построили новый Тиръ на островѣ (3); но Витринга и Гезеній доказали достовѣрными свидѣтельствами, что новый Тиръ былъ построенъ за нѣсколько столѣтій прежде сего времени и считался какъ бы гаванью и частію древняго Тира (4). Плиній, говоря объ окружности сего города, соединяетъ древній Тиръ съ новымъ (5).

Пророки, предвозвѣщая разрушеніе или опустошеніе какого либо города или государства, вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно описываютъ и настоящее цвѣтущее ихъ состояніе, дабы тѣмъ разительнѣе представить будущее несчастное ихъ положеніе. Таковы и разсматривае-

(3) См. *Iahn's* Biblische Archäol. I. I. p. 63. *Prideaux* Histoire des Juifs etc. I p. 166.

(4) *Vitring*. Comment. in Iesaiam c. XXIII. Vol. I: p. 657—671. *Gesen*. Comment. zu Ies. XXIII. 4.

(5) Circuitus (urbis) XIX mill. passuum est, intra Palaetyro inclusa. *Plin*. V. 17.

мыя нами пророчества Исаіи и Іезекіиля о Тирѣ.

Пророкъ Исаія говоритъ о Тирѣ какъ о древнѣйшемъ городѣ: *ужели это вашъ ликующій градъ, который основанъ въ первобытномъ времени дней* (гл. 23, 7)? Древность Тира не подвержена сомнѣнію. Еще у Іисуса Навина (гл. 19, 29), упоминается объ немъ, какъ объ укрѣпленномъ городѣ; думать съ Марсгамомъ, что сіе имя выражено у Іисуса Навина чрезъ фигуру — предупрежденіе (*Prolepsin*), совершенно нѣтъ причины (6). И между языческими писателями есть такіе, которые, говоря о Тирѣ, лежащемъ на островѣ, превозносятъ чрезвычайную древность онаго. Страбонъ говоритъ, что на ряду съ Сидономъ Тиръ есть древнѣйшій и величайшій городъ въ Финикіи; что онъ есть соперникъ Сидона въ обширности, великолѣпіи и древности (7). Курцій пишетъ, что Тиръ есть такое мѣсто, которое

---

(6) *Marsham* Chron sec. XI. p. 290. Nomen id (sc. Tyrus) per prolepsin usurpatur.

(7) *Strab.* L. XVI. p. 756.

должно быть достопримѣчательно для потомства, какъ по своей древности, такъ и по различнымъ переворотамъ, случившимся съ нимъ (8). Геродотъ, бывшій самъ въ Тирѣ и дѣлавшій розысканія о древности храма Геркулесова, узналъ отъ жрецовъ, что храмъ построенъ въ одно время съ городомъ, а отъ построенія города считали они 2,300 лѣтъ. Ироническое выраженіе Пророка: *ужели это вашъ ликующій градъ, который основанъ въ первобытномъ времени дней,*—даетъ разумѣть, что жители Тира тщеславились древностію своего города; а изъ повѣствованія Геродотова явствуетъ, что жрецы Геркулесовы, безъ сомнѣнія, весьма близко подходили къ истинѣ. Но они конечно не могли бы считать существованію своегогорода и тысячи лѣтъ, если бы онъ былъ построенъ во время разрушенія древняго Тира Халдеями, что случилось только за 130 лѣтъ до сего времени. Іосифъ Флавій утверждаетъ, что отъ построенія Тира до построенія Соломонова храма протекло 240

(8) *Q. Curtius* L. IV. c. 4.

лѣтъ (9); это Тиръ, лежавшій на островѣ (1): ибо часть города, лежавшая на матерой землѣ, была гораздо древнѣе, и, какъ выше замѣчено, была укрѣпленнымъ мѣстомъ еще во времена Іисуса Навина: объ немъ упоминается даже въ отрывкахъ Санхоніатона, Финикійскаго историка (2), жившаго во времена Гедеона, какъ полагаетъ Бохартъ (3).

Но какъ бы древенъ ни былъ сей городъ, однакожъ онъ былъ *дщерію Сидона*, по выраженію Пророка (Иса. 23, 12), т. е. произведеніемъ Сидонянъ (4); переселенцы изъ Сидона населяли Тиръ (Иса. 23, 2), и они же, какъ говоритъ

---

(9) *Ioseph.* Antiquit. VIII, c. 3. p. 250. edit. Ittig.

(1) *Vitring.* I. c. p. 669.

(2) *Eusebii* Praepar. Euang. I. 10. p. 35.

(3) Itaque (Sanchuniaton) commode rejicitur in Gideonis tempora, etc. *Bocharti* Canaan, L. II. c. 17. col. 776.

(4) См. *Vitring.* ad Ies. XXIII. 12. *Гезеній* на сіе же мѣсто, и еще *Реландъ* (Palaestina p. 773.) разумѣютъ выраженіе: *дщерь Сидона*, о жителяхъ Сидона, такъ же, какъ *дщерь Сіона*, Иса. 1, 8; но сему противурѣчитъ контекстъ.

языческое преданіе, основали его (5). — Между тѣмъ о городѣ Сидонѣ упоминается почти въ началѣ книги Бытія (гл. 10, 19), и посему должно думать, что еще Сидонъ, старшій сынъ Ханаана, положилъ основный камень онаго (Быт. 10, 15). Городъ Сидонъ упоминается Патріархомъ Іаковомъ (Быт. 49, 13). Во времена Іисуса Навина (11, 8), онъ назывался уже *великимъ Сидономъ*, и во времена Судей было сказано о жителяхъ Лаиса, что они *живутъ беззаботно и безпечно, какъ Сидоняне* (Суд. 18, 7). Изъ повѣствованія Страбона мы уже видѣли, что Тиръ подобно Сидону былъ однимъ изъ величайшихъ и древнѣйшихъ городовъ Финикіи; но тотъ же историкъ увѣряетъ, что Стихотворцы превознесли похвалами Сидонъ болѣе: ибо Тиръ ни однажды не упомянутъ Гомеромъ, между тѣмъ какъ о Сидонѣ и Сидонянахъ мѣстами говорится у него съ похвалою (6). Итакъ изъ сего

(5) *Iustin.* L. XVIII. c. 3.

(6) *Homer* Odyss. XIII. 285. IV. 84. Cf. *Strab.* ibid. p. 1097.

можно основательно заключать, что Сидонъ былъ древнѣе Тира. Именно Іустинъ, сократитель исторіи Трога, говоритъ ясно, что Сидоняне, будучи осаждены царемъ Аскалонскимъ, убѣжали на корабли и построили Тиръ (7). Но хотя Тиръ былъ только дщерію Сидона, однакожъ онъ въ короткое время сравнялся съ своею матерію, и даже переросъ ее цѣлою головою, и сдѣлался, по причинѣ своей торговли и искуства въ мореплаваніи, знаменитѣйшимъ мѣстомъ во вселенной, мѣстопребываніемъ купечества и средоточіемъ всѣхъ богатствъ, и посему онъ называется у Пророка *торговою площадію народовъ, раздаятелемъ коронъ, коего купцы—князи, торгующіе—богачи земли* (Иса. 23, 3. 8).

Великолѣпіе Тира соотвѣтствовало его древности. Хотя онъ не былъ такъ обширенъ, какъ Ниневія и Вавилонъ, но подобно обоимъ имъ, онъ могъ гордиться крѣпостію своихъ стѣнъ, великолѣпіемъ зданій, знаменитѣйшими храмами древности, именно—Юпитера Олимпійскаго,

(7) *Iustin.* L. XVIII. c. 3. p. 362. Ed. *Graevii.*

Геркулеса и Астарты, а своею торговлею и изобрѣтеніями превосходилъ ихъ. Одна часть города, или иначе—древній Тиръ, лежала на высокой скалѣ, въ тридцати стадіяхъ отъ новаго, не прямо, но нѣсколько къ Югу—противъ него, и была чрезвычайно укрѣплена (Нав. 19, 29. 2 Цар. 24, 7); такъ что Навуходоносоръ, осаждая ее, принужденъ былъ пробыть подъ стѣнами ея тринадцать лѣтъ. — Другое отдѣленіе города, или новый Тиръ былъ построенъ на островѣ, покрытомъ камнями и скалами, имѣлъ такіе высокіе домы, какихъ не было даже въ самомъ Римѣ; былъ обнесенъ высокою и крѣпкою стѣною, имѣлъ двѣ гавани, одну на сѣверной, а другую на южной сторонѣ города (8). Торговля Тира была, можно сказать, безпредѣльна. Пророкъ Іезекіиль оставилъ намъ слѣдующее весьма подробное описаніе оной, поясняемое индѣ свѣтскими писателями, и весьма важное для Исторіи: *Ѳарсисъ покупаетъ у тебя множество всякихъ сокровищъ: сребромъ, желѣзомъ, оловомъ и*

(8) *Strab.* XVI. 2. Cf. *Vitring*. l. c. d. 664. sq.

свинцомъ платятъ за твои товары. Греція, Тувалъ и Мешехъ (9) *торгуютъ съ тобою и промѣниваютъ на твои товары рабовъ и мѣдные сосуды. Тогарма* (часть Арменіи) *отдаетъ тебѣ за твои товары коней обыкновенной и лучшей породы и лошаковъ. Жители Дадена* (1) *скупаютъ для тебя товары, и многія приморскія страны ведутъ торгъ съ тобою, продавая тебѣ рога, слоновую кость и эбеновое дерево. Едомъ* (2) *торгуетъ съ тобою, по причинѣ твоихъ многихъ издѣлій, отдавая за твои товары рубины, порфиру,*

---

(9) *Тувалъ* есть страна Малой Азіи, составлявшая въ послѣдствіи времени часть Понтійскаго Государства, гдѣ жилъ народъ, называемый Тибаренцами. *Мешехъ* есть страна къ востоку отъ Тувала между Иверіею, Арменіею и Колхидою; Мосхи населяли ее. См. *Gesenius* u. d. W.

(1) *Даденъ* есть островъ въ Персидскомъ заливѣ, черезъ который жители Тира получали Индѣйскіе товары. См. *Michaelis* ad h. l. et *ejusdem* Spicilegium Geograph. Hebrr. exterae. p. 201—208.

(2) Съ Михаелисомъ читаю אֱדֹם вмѣсто אֲרָם *Сирія*, находя сіе чтеніе въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ спискахъ.

шитыя одежды, тонкія бумажныя матеріи, красные кораллы и драгоцѣнные камни. Іудея и земля Израильтянъ торгуютъ съ тобою: пшеницею изъ Миннита (страна въ предѣлахъ Аммонитскихъ, Суд. 11, 33), *просомъ, медомъ, деревяннымъ масломъ и бальзамомъ платятъ онѣ за твои товары. Дамаскъ платитъ тебѣ за многія издѣлія твои и за множество всякихъ сокровищъ виномъ изъ Хельвона* (нынѣ Алеппо), *и бѣлѣйшею волною. Веданъ и Яванъ приносятъ изъ Уззала* (3) *на твои торговыя площади обдѣланное желѣзо, кассію и благовонный тростникъ, въ обмѣнъ за твои товары. Деданъ* (4) *торгуетъ съ тобою коврами для украшенія коней и колес-*

О Сирійской торговлѣ съ Тиромъ упоминается ниже подъ именемъ Дамаска. Сп. *Michaelis* ad h. l.

(3) *Уззалъ*, иначе *Санаа*, столичный городъ счастливой Аравіи; а *Веданъ* и *Яванъ* суть имена мѣстечекъ и народовъ той же Аравіи. См. *Michaelis* ad h. l. *Item* Spicilegium Geograph. Tom. II. p. 164. sd.

(4) *Деданъ* имя народа и страны въ сѣверной Аравіи, близъ Идумейской границы. Іер. 25, 23. 49, 8. См. *Gesenius* u. d. W.

ницъ. Аравія и всѣ Эмиры Кедара торгуютъ съ тобою, и продаютъ тебѣ своихъ молодыхъ верблюдовъ, овновъ и козловъ. Купцы Шавы и Реемы (5) *торгуютъ съ тобою: ароматы, драгоцѣнные камни и золото отдаютъ они за твои товары. Харранъ, Канна, Эденъ, купцы Шавы, Ассирія и Кильмадъ* (6) *торгуютъ съ тобою. Они привозятъ тебѣ драгоцѣнныя одежды, фіолетовыя епанчи, шитыя и разноцвѣтныя матеріи, хранимыя въ кедровыхъ ящикахъ, за твои товары. Между тѣмъ корабли Ѳарсиса были основаніемъ твоей торговли; они весьма обогатили тебя и сдѣлали тебя повелителемъ моря* (Іез. 27, 12—25). Кратко сказать, Тиръ

---

(5) *Шава*, иначе *Мариба*, народъ и страна счастливой Аравіи, извѣстная изобиліемъ благовонныхъ веществъ, драгоцѣнныхъ камней и золота. Пс. 71, 25. 3 Цар. 10, 1. сл. Иса. 60, 6. Іер. 6, 20. *Реема* есть также область Аравіи, но положеніе ея еще не опредѣлено.

(6) *Харранъ*, *Канна*, *Эденъ* суть имена городовъ и народовъ Аравіи; подъ именемъ *купцовъ Шавы*, вѣроятно, разумѣются здѣсь вообще Аравляне такъ же, какъ у Іов. I, 15. Сн. *Umbreit* zu d. St. Положеніе *Кильмада* неизвѣстно. См. *Michaelis* zu Ezech. 27. 23.

въ цвѣтущемъ состояніи имѣлъ въ своихъ рукахъ торговлю всего извѣстнаго въ то время свѣта. Кромѣ странъ, упомянутыхъ Пророкомъ Іезекіилемъ, Тиръ производилъ торговлю и съ другими отдаленнѣйшими странами Востока и Сѣвера (7). Торговыя колоніи Финикіанъ находившіяся на берегахъ и островахъ Чернаго, Эгейскаго, Средиземнаго, Персидскаго и Чермнаго морей, въ Египтѣ, въ приморскихъ странахъ Атлантическаго океанаи на островахъ Великобританскихъ, назывались большею частію колоніями Тира (8). Корыстолюбивый Финикіанинъ рѣшался на все для удовлетворенія своего любостяжанія. Море было его стихіею. Кромѣ приморскихъ странъ Европы, гдѣ онъ имѣлъ свои поселенія, онъ объѣхалъ, какъ свидѣтельствуетъ Геродотъ, кругомъ Африку (9), и, какъ вѣроятно, былъ знакомъ съ Аме-

(7) См. *Heeren's* Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der alten Welt. I. Thl. S. 762.

(8) Vid. *Bocharti* Chanaan, L. I. p. 267—775. *Heeren* l, c. p. 635—680.

(9) *Herodot.* IV. 42 *Heeren* l. c p704. f.

рикою (1). Финикіане первые начали строить корабли, первые пустились въ море, изобрѣли пурпуровую краску и стекло, распространили торговлю и буквы; и симъ чрезвычайно прославили себя въ древнемъ мірѣ.

Въ сіе-то время, когда Тиръ-украшеніе Финикіанъ, былъ на самой высочайшей степени славы, имѣлъ въ рукахъ своихъ сокровища со всего свѣта, и былъ охраняемъ отъ внѣшнихъ враговъ Персами, Лидійцами, Африканцами и другими народами (Iез. 27, 10. 11), въ сіе-то цвѣтущее время Тира Пророки предвозвѣстили его разрушеніе, и притомъ Исаія, по крайней мѣрѣ за 125 лѣтъ прежде, нежели оно совершено было Навуходоносоромъ.

Обширная и выгодная торговля скоро содѣлалась для жителей Тира поводомъ къ невоздержанію, роскоши и гордости.

(1) *Diodor*, Sic. V. 19. 20. *Wessel*. I. p. 344 — 45. См. о знакомствѣ древнихъ съ Америкою: *Deubers* Geschichte der Schiffahrt im atlantischen Ocean. Bramberg, 1814. *Münter's* Religion der Karthager. Kopenhagen, 1821. p. 10. 11.

Сіи пороки, равно какъ несправедливость и жестокость, которую они показывали къ Іудеямъ, указаны и въ Пророчествахъ. Исаія упоминаетъ объ ихъ гордости, какъ о главной причинѣ паденія ихъ: *Іегова воинствъ опредѣлилъ низринуть всякую блистающую гордость и уничижить богачей земли* (23. 9); Іезекіиль подробно описываетъ ихъ роскошь, и въ особенности роскошь, которую они имѣли при построеніи и украшеніи своихъ кораблей во время мореплаванія (27, 3. сл). Кораблеплаваніе Клеопатры на Циднѣ, по свидѣтельству Марка Антонія, не было роскошнѣе и великолѣпнѣе; Историки и Стихотворцы описали оное не столь живыми красками (2), какъ Пророки изобразили мореплаваніе жителей Тира. Пророкъ Іезекіиль изобличаетъ также гордость Царя Тирскаго, который усвоялъ себѣ Божескую почесть: *сынъ человѣческій, скажи правителю Тира: такъ говоритъ Господь Іегова: поелику такова гордость твоего сердца,*

(2) *Plutarchus* in Antonio. Vol. I. p. 912. edit. Paris, 1624. Item *Shakespear* et *Dryden*.

что ты называешь себя Богомъ, имѣя престолъ твой въ срединѣ моря, подобный Божественному (престолу). *Но ты —человѣкъ, а не Богъ, хотя ты тщетно и увѣряешь себя въ противномъ. — Ты стяжалъ себѣ твоею мудростію и благоразуміемъ толикія сокровища, и собралъ толикое множество золота и сребра въ сокровищницы твои. Ты умножилъ твоею торговлею, свидѣтельствующею о твоей мудрости, богатства твои: посему ты гордишься сими твоими сокровищами; но Господь Іегова говоритъ: поелику ты считаешь себя равнымъ Богу, то вотъ, Я приведу противъ тебя враговъ, самыхъ жесточайшихъ изъ народовъ, которые съ обнаженными мечами разрушатъ оныя прекрасныя произведенія твоей мудрости и помрачатъ блескъ твой. Въ ровъ низринутъ тебя, и ты, будучи пораженъ насильственною смертію, умрешь въ срединѣ моря* (Іез. 28, 2. 4 – 8). Пророки Іоиль и Амосъ предвозвѣстили еще прежде жителямъ Тира наказанія Божіи за ихъ нечестіе и въ особенности за ихъ жестокіе поступки съ Израильтянами,

которыхъ они покупали и продавали на торговыхъ площадяхъ, какъ животныхъ. —Такъ говорилъ Іегова чрезъ Пророка Іоиля: *поелику вы похитили сребро и золото Мое, и внесли дражайшія для Меня вещи въ храмы ваши, а Іудеевъ и гражданъ Іерусалимскихъ продавали Грекамъ, съ намѣреніемъ—удалить ихъ отъ ихъ предѣловъ, сколько можно далѣе: то вотъ, Я изведу ихъ оттуда, куда вы продали ихъ, а вамъ обращу сію вашу обиду на главу вашу* (гл. 4, 5—7). Тотъ же самый смыслъ имѣютъ и слѣдующія слова Пророка Амоса: *по причинѣ трехъ беззаконій Тира и по причинѣ четырехъ Я не отвращу* (отъ него) *казни*, (т. е. Тиръ часто грѣшилъ, но наконецъ грѣхи его сдѣлались такъ тяжки, что Я не могу уже отвратить отъ него наказанія). *Они, забывъ братскій союзъ, выдали плѣнныхъ, находившихся съ ними въ дружбѣ, Едому. Посему пошлю Я огнь въ стѣны Тира, который сокрушитъ палаты его* (гл. 1, 9. 10). Писатель 82 Псалма включаетъ жителей Тира въ число давнихъ и непримиримыхъ враговъ Іудеи: *вотъ,*

враги твои зашумѣли, и ненавидящіе тебя подняли главу. Они сказали: пойдемъ, истребимъ ихъ изъ числа народовъ; пусть не воспоминается болѣе имя Израилево. — *Вступили противъ тебя въ союзъ шатры Едомовы и Измаильтяне, Моавъ и Агаряне, Гевалъ и Аммонъ и Амаликъ, наконецъ Филистимская земля съ жителями Тира* (ст. 3. 5. 6—8). Пророкъ Іезекіиль, начиная свое пророчество противъ жителей Тира, объясняетъ, что гнѣвъ Іеговы возгорѣлся на нихъ за то, что они еще во время плѣненія Іудеевъ Навуходоносоромъ поступали съ ними безъ милосердія: *Тиръ чрезвычайно радуется о взятіи Іерусалима. Погибла, говоритъ онъ, оная площадь народовъ, теперь всѣ обратятся ко мнѣ, я наполнюсь послѣ разрушенія ея. Посему такъ говоритъ Господь Іегова: вотъ, Я обращусь на тебя, Тиръ, возбужду противъ тебя многіе народы, какъ обыкновенно воздымаетъ море волны* (гл. 26, 2. 3).

Таковы были древнія Пророчества противъ Тира. Разсмотрѣвъ подробно сіи Пророчества и сравнивъ оныя между со-

бою, мы найдемъ въ нихъ слѣдующія особенныя обстоятельства: 1) что оный городъ будетъ взятъ Халдеями, которые въ то время, когда сіи Пророчества были возвѣщены, составляли еще незначительный народъ; и сіе наказаніе произведено будетъ надъ нимъ чрезъ Навуходоносора; — 2) что жители Тира убѣгутъ чрезъ Средиземное море на острова онаго и въ страны, прилежащія къ нему, но что они и тамъ не найдутъ для себя спокойнаго убѣжища; — 3) что городъ послѣ 70 лѣтъ опять будетъ возобновленъ, и снова будетъ заниматься торговлею и рукодѣліями; — 4) что онъ во вторый разъ будетъ взятъ и разрушенъ; — 5) что жители его въ свое время оставятъ идолопоклонство и обратятся къ Богу истинному и къ истинной Религіи; и что наконецъ 6) городъ, будучи совершенно разрушенъ, сдѣлается только мѣстомъ или скалою, гдѣ рыболовы будутъ сушить свои сѣти. — Все сіе, согласно съ предсказаніями Пророковъ, — исполнилось во всей точности, и именно:

I. «Городъ будетъ взятъ и разрушенъ Халдеями, которые въ то время, когда возвѣщено сіе Пророчество, составляли незначительный еще народъ.»— Это ясно выражено въ слѣдующихъ словахъ Исаіи: *Вотъ, страна Халдеевъ! Сей народъ, который прежде сего* (можно сказать) *не существовалъ. Ассиріанинъ назначилъ ее* (т. е. страну) *въ жилище симъ обитателямъ пустыни. Сей народъ воздвигнетъ свои сторожевыя башни, разрушитъ палаты его* (Тира) *и обратитъ оныя въ щебень* (23, 13). Восклицаніемъ *вотъ* Пророкъ показываетъ, что онъ говоритъ нѣчто новое и чрезвычайное. *Страна Халдеевъ*, т. е. Вавилонія, или окрестности Вавилона; *сей народъ не существовалъ прежде сего*, т. е. не былъ достопримѣчателенъ или значителенъ до того времени, пока Ассиріане не назначили въ жилище симъ обитателямъ пустыни окрестностей Вавилона; онъ жилъ прежде въ Кардухскихъ горахъ и велъ кочевую жизнь, и посему называется обитателемъ пустыни (3). Сей-то народъ, еще неиз-

(3) См. *Gesenii* Commentar über Iesaia, Ch. XXIII. 13.

вѣстный въ мірѣ, бѣдный и нищій, долженствовалъ разрушить Тиръ—богатѣйшій и крѣпчайшій въ свѣтѣ городъ, имѣвшій всѣ возможныя средства къ защищенію своему (4). Ассиріане въ сіе время составляли могущественнѣйшій и побѣдоносный народъ на Востокѣ, между тѣмъ Халдеи, оставивъ кочевую жизнь, только-что сдѣлались подданными ихъ и были еще едва примѣтны въ составѣ Ассирійскаго царства, а посему тѣмъ удивительнѣе пророчество, въ которомъ за столь многіе годы предсказаны будущія побѣды и завоеванія сего, тогда слабаго и малозначительнаго поколѣнія. Безъ откровенія свыше всего естественнѣе было бы сказать Исаіи, что Тиръ разрушатъ и обратятъ *въ щебень* Ассиріане.

Пророкъ Іезекіиль, который жилъ нѣ-

(4) Vid. *Perisonii* Origg. Bavyl. p. 66: populus, qui vastaturus erat Tyrum, antea non fuisse dicitur, quia nullo antea fuit numero et loco apud alios populos, ὀδ ἐν πολέμῳ ἐναριϑμῖος ὀδ' ἐν εἰρήνῃ; cum Tyrii contra florerent jam opibus et potentia. Cf. *Rosenmüllerum* et *Gesenium* ad Ies. XXIII. 13.

сколько ближе къ сему событію, говоритъ именно, что городъ Тиръ будетъ взятъ и разрушенъ Навуходоносоромъ царемъ Вавилонскимъ. *Такъ говоритъ Господь Іегова: вотъ Я приведу противъ тебя Навуходоносора, царя Вавилонскаго, царя царей съ полунощи, съ конями, колесницами, всадниками и съ чрезвычайнымъ множествомъ войска. Онъ направитъ противъ тебя каменометательныя машины; сдѣлаетъ насыпь, придвинетъ къ тебѣ стѣнобитное орудіе. Тараномъ разобьетъ твои стѣны и низринетъ желѣзными шарами твои башни. Онъ войдетъ во врата твои, какъ обыкновенно входятъ въ пробитый городъ. Враги твои разрушатъ стѣны, низринутъ великолѣпныя зданія и даже повергнутъ въ море камни и древа и оставшійся отъ нихъ щебень* (Іез. 26, 7—9. 11. 12). Салманассаръ, царь Ассирійскій, послѣ покоренія Самаріи, воспользовавшись несогласіемъ Сидона, Арки, Палетира и другихъ городовъ — съ Тиромъ, лежавшимъ на островѣ, безъ пролитія крови получилъ въ свою власть Сидонъ, Арку и Пале-

тиръ, и съ Сидонскими кораблями осадилъ самый Тиръ. Но жители сего послѣдняго, съ немногими кораблями разбивъ его флотъ, состоявшій изъ шестидесяти кораблей, лишили его пріобрѣтеній въ Финикіи (5). Сидонъ и Палетиръ вступили опять въ союзъ съ новымъ Тиромъ: но не смотря на сіе, Навуходоносоръ долженствовалъ одержать побѣду надъ Тиромъ. Пророкъ Іезекіиль предвидѣлъ все сіе столь ясно, что будущую осаду описываетъ какъ бы дѣйствительно уже совершившеюся: *Навуходоносоръ, царь Вавилонскій, столько утрудилъ войско свое при осадѣ Тира, что всѣ головы сдѣлалися лысы, и плеча оборваны* (гл. 29, 18).

Менандръ Ефесскій, который перевелъ Финикійскія Лѣтописи на Греческій языкъ, и Іосифъ Флавій, который основывается на его свидѣтельствѣ, говорятъ, что Навуходоносоръ содержалъ Тиръ въ осадѣ тринадцать лѣтъ, въ то время, когда Итобалъ былъ въ немъ ца-

(5) *Menandri* Annales apud *Ioseph.* Ant. L. IX c. 14. p. 35. edit. cit.

ремъ,—что онъ началъ сію осаду въ седьмый годъ правленія своего, и что онъ покорилъ наконецъ всю Сирію и Финикію (6). Тоже утверждаетъ и Филостратъ въ своихъ Индійскихъ и Финикійскихъ Лѣтописяхъ, приводимыхъ тѣмъ же Іосифомъ Флавіемъ (7).—А при такой продолжительной осадѣ не могло обойтись безъ такихъ трудностей, отъ которыхъ у осаждающихъ, по выраженію Пророка, и головы сдѣлались лысы и плеча оборваны.

Но былъ ли Тиръ во время сей осады дѣйствительно взятъ, о семъ хотя умалчиваютъ Греческія и Финикійскія Лѣтописи (8), и хотя нѣкоторые писатели со всѣмъ убѣжденіемъ отвѣтствуютъ на такой вопросъ отрицательно (9): однакожъ у Іосифа Флавія ясно говорится, что Навуходоносоръ опустошилъ всю Сирію и Финикію (1); слѣдователь-

(6) *Ioseph* contra *Apion.* L. I. p. 1046.
(7) *Ioseph* Antiqu. X. c. II. p. 350.
(8) Vid. *Hieronym.* ad Ezech. 16, 7.
(9) См. *Gesenii* Commentar über den Iesaia II. p. 711. ff.
(1) *Ioseph* l. c. contr. *Apion.* I, p. 1045.

но несбыточное дѣло, чтобъ при повсемѣстномъ всей Сиріи и Финикіи опустошеніи, одинъ Тиръ—глава Финикіи, оставался въ цѣлости. Позднѣйшія Іудейскія Лѣтописи (2), Блаженный Іеронимъ, потомъ изъ новѣйшихъ Реландъ, Маннертъ, Бредовъ, Геренъ и другіе принимаютъ взятіе Тира Новуходоносоромъ за событіе, неподверженное никакому сомнѣнію (3). Сверхъ сего изъ Финикійскихъ Лѣтописей, приводимыхъ Іосифомъ же Флавіемъ, явствуетъ, что жители Тира получали съ сего времени для себя царей изъ Вавилона, и сіе ясно даетъ разумѣть, что царское семейство при взятіи Тира было отведено въ Вавилонъ плѣннымъ (4). Въ противномъ случаѣ, что бы побудило жителей Тира,

---

(2) См. *Seder olam* с. 126. Anno tertio et vigesimo Nebucadnezaris tradita est in manum ejus Tyrus, et cepit omnes Iudaeos, qui in Ammonitide et Moabitide erant.

(3) *Hieronym.* l. c. *Relandi* Palaestina. Norimb. 1716. p. 775. *Mannerts* Geographie der Griechen und Römer, VI. I. p. 363. *Bredow* in der Alten Geschichte. *Heeren* l. c. I. b. 621.

(4) *Ioseph* contr. *Apion.* I. p. 1046. ed. cit.

принимать для себя правителей отъ руки Навуходоносора, если бы онъ не взявъ Тира, отступилъ отъ него, или если бы онъ совсѣмъ не осаждалъ его? Итакъ нельзя не согласиться, что Тиръ, или по крайней мѣрѣ, одна часть Тира, лежавшая на матерой землѣ, была взята и разрушена Навуходоносоромъ, а между тѣмъ жители Тира, находившагося на островѣ, страшась участи, постигшей Палетиръ, сдались добровольно побѣдителю и согласились получать отъ него правителей (5). Въ семъ случаѣ, какъ основательно доказалъ Придо, Финикійскія Лѣтописи совершенно согласуются съ повѣствованіемъ Іезекіиля въ разсужденіи времени осады и года, въ который былъ взятъ сей городъ (6). Послѣ сего времени о городѣ, который лежалъ на матерой землѣ, Исторія ничего болѣе не упоминаетъ.

II. «Жители Тира убѣгутъ чрезъ Средиземное море на ближайшіе острова и

(5) *Prideaux* Histoire des Juifs et des peuples voisins. I. p. 168.

(6) *Prideaux* I. c. p. 168. 169.

въ страны, прилежащія къ нему: но и тамъ не найдутъ для себя безопаснаго убѣжища.» О семъ Пророкъ Исаія такъ говоритъ: *переправляйтесь въ Өарсисъ* (7); *рыдайте вы, жители приморскаго берега; бѣги къ Киттеямъ* (8), *но и тамъ нѣтъ для тебя покоя* (Иса. 23, 6. 12). Подобнымъ образомъ и Пророкъ Іезекіиль: *корабли убоятся при твоемъ паденіи, острова будутъ страшиться переселенія твоего* (26. 28).

Мы видѣли уже, что Финикіане были наилучшіе въ древности мореплаватели, и что они разсылали свои поселенія въ различныя части свѣта (9); въ особенности жители Тира были знамениты своимъ мореплаваніемъ и своими поселеніями. Страбонъ говоритъ, что Тиръ въ

---

(7) Өарсисъ т. е. Тартессъ, что въ Испаніи.

(8) т. е. къ жителямъ острововъ Средиземнаго моря и странъ, прилежащихъ къ нему. Смотр. изъясненіе словъ: *Киттимъ* и *Киттеи* въ *Христ. Чтен.* Ч. XL. стр. 200 — 206.

(9) Бохартъ написалъ цѣлое сочиненіе, извѣстное подъ названіемъ *Ханаанъ*, о поселеніяхъ Финикіанъ, исполненное глубокихъ и обширныхъ изслѣдованій касательно древняго міра.

семъ отношенiи превосходилъ самый Сидонъ, что онъ свои поселенiя отправлялъ въ Африку, въ Ишпанiю и даже за столпы Геркулесовы (1), а Курцiй свидѣтельствуетъ, что его колонiи распростирались почти по всему земному шару (2). Итакъ, поелику жители Тира имѣли свои поселенiя въ Ѳарсисѣ и Киттимѣ, то естественно, что они при тѣсныхъ во время Навуходоносоровой осады обстоятельствахъ искали себѣ убѣжища и покровительства у своихъ иностранныхъ друзей и единоземцовъ. Основываясь на свидѣтельствѣ древнихъ Ассирiйскихъ исторiй, Блаж. Iеронимъ говоритъ о семъ такъ: «мы читали въ Ассирiйскихъ «исторiяхъ, что жители Тира, бывъ «осаждены и не видя болѣе средствъ ко «спасенiю, сѣли на корабли и убѣжали «въ Карѳагенъ и на нѣкоторыя острова «Егейскаго и Iоническаго моря.» Въ другомъ мѣстѣ еще подробнѣе: «когда жи-

(1) *Strab.* L. XVI. p. 1097.

(2) *Q. Curtius* L. VI. c. 4. Coloniae certe ejus pene orbe toto diffusae sunt.

«тели Тира увидѣли, что отъ ударовъ, «военныхъ орудій, которыя противъ «нихъ употребляемы были, потрясались «основанія стѣнъ; тогда они, собравъ все, «что имѣли драгоцѣннаго въ золотѣ и «сребрѣ, въ одеждѣ и въ другихъ домаш«нихъ вещахъ, и возложивъ на корабли, «перевезли на острова, такъ что Наву«ходоносоръ, взявъ наконецъ городъ, не «нашелъ въ немъ ничего въ вознагражде«ніе трудовъ своихъ (3).» Безъ сомнѣнія, Навуходоносору прискорбно было, послѣ столь упорной и долговременной осады, быть обмануту въ своей надеждѣ на полученіе добычи изъ столь богатаго города, каковъ былъ Тиръ. Но иначе и не могло это послѣдовать, ибо Пророкъ Іезекіиль ясно предсказалъ: *Навуходоносоръ, царь Вавилонскій, столько утрудилъ войско свое при осадѣ Тира, что всѣ головы сдѣлались лысы, а плеча оборваны, и однакожъ ни онъ самъ, ниже войско его не получили награды за оную долговременную осаду. Посему говоритъ*

(3) *Hieronym.* ad Iesaiam XXIII. 6. — pag. 144. Vol. III. Et in Ezechiel. XXIX. p. 909.

Господь Іегова: Я предамъ Навуходоносору, царю Вавилонскому Египетъ, для того, чтобы онъ отвелъ въ плѣнъ народъ его и воспользовался великою добычею: она будетъ наградою для войска его (гл. 39, 18. 19).

«Хотя жители Тира уйдутъ въ Ѳарсисъ и Киттимъ, однакожъ они не найдутъ и тамъ спокойнаго для себя мѣста и мирнаго убѣжища.» Мегасѳенъ, жившій почти за 300 лѣтъ до Рожд. Христова и бывшій посломъ отъ Селевка Никатора въ Индіи, написалъ исторію Индіи, въ которой упоминалъ съ похвалою о Навуходоносорѣ (4). Сей Историкъ, приводимый различными древними писателями, и въ особенности Страбономъ, Іосифомъ Флавіемъ и Абиденомъ у Евсевія, говоритъ, что Навуходоносоръ великими дѣлами и мужествомъ превзошелъ Геркулеса, что онъ покорилъ большую часть Африки и Ишпаніи и дошелъ даже до столповъ Геркуле-

(4) *Arrian.* de expedit. Alexandr. L. V. c. 6. p. 203. Histor. Indic. c. 5. p. 318. *Vossius* de Historic. Graecis L. 1. c. 11.

са (5). Посему, сколько бы таковое свидѣтельство ни было преувеличено, по крайней мѣрѣ не подлежитъ сомнѣнію то, что Навуходоносоръ, покоривъ Тиръ и Египетъ, понесъ свое оружіе далѣе къ Западу; и если онъ дѣйствительно прошелъ такъ далеко, какъ говоритъ Мегасѳенъ: то конечно жители Тира не имѣли покоя, когда побѣдитель преслѣдовалъ ихъ изъ одного мѣста въ другое. Притомъ же извѣстно, что Карѳагеняне и другія колоніи Тира жили весьма безпокойно. Ихъ исторія наполнена войнами и возмущеніями, еще до того времени, въ которое они вступили въ три несчастныя войны съ Римлянами, изъ коихъ въ каждую состояніе ихъ всегда дѣлалось хуже и бѣдственнѣе. Сицилія и Ишпанія, Европа и Африка, земля и стихія ихъ — море, были позорищемъ ихъ несчастій и пораженій дотолѣ, доколѣ совершенно разрушенъ какъ новый, такъ и древній Карѳагенъ. Поелику Карѳагеняне происходили отъ жителей Тира, а жители

(5) *Strab.* L. XV. p. 687. *Ioseph* Antiqu. L. X. 11 p. 350. *Eusebius* L. IX. c. 41. p. 456.

Тира отъ Сидонянъ, Сидонъ же былъ первенецъ Ханаана (Быт. 10, 15); тосамо собою очевидно, что проклятіе Ханаана преслѣдовало ихъ даже въ отдаленнѣйшія части земли.

III. «Городъ, по истеченіи 70 лѣтъ, опять будетъ возстановленъ, промышленность и торговля его будутъ возобновлены.» Сіе обстоятельство выразительно предвозвѣщено Пророкомъ Исаіею: *въ то время Тиръ забвенъ будетъ на семьдесятъ лѣтъ, на время, которое можетъ прожить царь* (или царство, разумѣется, Вавилонское): *но послѣ семидесяти лѣтъ* онъ опять получитъ свободу, и продолжая свою торговлю, будетъ торговать съ различными народами земли (Иса. 23, 15. 16). Цари и вельможи особенно будутъ покупать у него порфиру, въ которую преимущественно облекались Государи, вельможи и самые богатѣйшіе люди, и которою чрезвычайно славился Тиръ во всѣхъ странахъ свѣта.

И дѣйствительно, царство Вавилонское продолжалось семьдесятъ лѣтъ; столько же дѣйствительно времени то-

мились различные народы подъ желѣзнымъ скипетромъ царя Вавилонскаго, хотя нѣкоторые изъ сихъ народовъ раньше, другіе позже приведены были подъ сіе иго. Вавилонское царство послѣ семидесяти лѣтъ было разрушено Киромъ и Персами, и покоренные Халдеями народы опять получили свою свободу.

Мы можемъ вычислить сіи семьдесятъ лѣтъ по отношенію къ Тиру такимъ образомъ: Тиръ былъ завоеванъ Навуходоносоромъ на 22 или 23 году царствованія его, въ 583 году до Рожд. Христова, по сказанію Іудейскихъ Лѣтописей. Семьдесятъ лѣтъ, считаемыя съ сего времени, ведутъ насъ къ 513 году до Рожд. Христова, и къ 9 году Дарія Гистаспа. Изъ Греческихъ историковъ извѣстно, что Іонійцы около сего времени возмутились противъ Дарія, и что Финикійцы помогали имъ своимъ флотомъ (6); слѣдов. они имѣли тогда свои прежнія права свободы. Далѣе находимъ, что они въ царствованіе Ксеркса, вмѣстѣ съ Сидонянами, снабдили сего государя мно-

(6) *Herodot.* V. 108. p. 330.

гими военными кораблями, когда онъ предпринялъ походъ въ Грецію (7). Во время Александра В. жители Тира были столько богаты и могущественны, что они останавливали побѣдоносное оружіе сего завоевателя долѣе, нежели какая либо другая Персидская область. Но все сіе должно разумѣть о Тирѣ, построенномъ на островѣ; ибо какъ древній Тиръ процвѣталъ большею частію до временъ Навуходоносора, такъ новый Тиръ началъ процвѣтать уже послѣ сего времени, и есть собственно тотъ Тиръ, который сдѣлался столь знаменитымъ въ Исторіи (8).

IV. «Городъ будетъ опять взятъ и снова разрушенъ.» Для объясненія сего обстоятельства должно замѣтить предварительно, что слова Пророческія: *рыдайте вы, жители острововъ* (Иса. 23, 6); *чрезъ воды проникнутъ къ тебѣ ненавидящіе тебя* (Іез. 27, 26); *въ ровъ низринутъ тебя, и ты, будучи пораженъ насильственною смертію, умрешь въ срединѣ моря*

(7) *Herodot*. VII. 89. p. 412.
(8) *Heeren's* Ideen l. c. p. 621.

(28, 8), — очевидно показываютъ, что Тиръ, построенный на островѣ, будетъ такъ же разрушенъ, какъ и Тиръ, лежавшій на матерой землѣ. (Послѣдній палъ отъ Навуходоносора, а первый отъ Александра В). Сіе же самое можно еще подробнѣе видѣть изъ словъ Пророка Захаріи, который пророчествовалъ въ царствованіе Дарія (гл. 1, 1. 7, 1), вѣроятно, сына Гистаспова, спустя уже многіе годы послѣ разрушенія древняго города, и слѣдов. слова его должно понимать о разрушеніи новаго. Захарія говоритъ слѣдующее: *Тиръ дѣлаетъ для себя великія укрѣпленія, и собралъ столько сребра и золота, сколько пыли и грязи на улицахъ: но Господь лишитъ его оныхъ, укрѣпленія его, построенныя на морѣ, низринетъ, самъ же* (Тиръ) *сокрушенъ будетъ огнемъ* (гл. 9, 3. 4). Тиръ въ самомъ дѣлѣ былъ весьма укрѣпленъ; ибо его положеніе на островѣ было весьма выгодно, и сверхъ сего онъ былъ окруженъ стѣною, простиравшеюся въ высоту на 150 футовъ, и притомъ весьма

толстою (1). Тиръ собиралъ отовсюду сребро какъ пыль, и золото какъ грязь на улицахъ; ибо онъ былъ по своей торговлѣ знаменитѣйшимъ мѣстомъ въ мірѣ, торговою площадію народовъ, на которую стекались сокровища со всѣхъ странъ свѣта. Но вотъ, Господь лишитъ его оныхъ, низринетъ укрѣпленія его, построенныя на морѣ, истребивъ самый городъ пламенемъ. Такъ говоритъ о семъ Пророкъ Іезекіиль: *возбужду огнь въ тебѣ, который сокрушитъ тебя, въ прахъ обращу тебя, предъ очами всѣхъ, которые посѣщали тебя* (гл. 28, 18). Сообразно съ симъ пророчествомъ городъ былъ осажденъ, взятъ и сожженъ Александромъ, какъ свидѣтельствуетъ Курцій (2). Развалины древняго Тира содѣйствовали взятію новаго; ибо изъ камней, стараго дерева и щебня онаго, Александръ приказалъ построить плотину, простиравшуюся съ матерой земли на островъ (3)

(1) *Arrian.* de expedit. Alexandr. L. II. c. 21.

(2) *Quintus Curtius* IV. 4. — Ignemque tectis injici jubet.

(3) *Q. Curtius* IV. 2. *Diodorus* Sic. L. XVII. p. 583.

(которая, въ послѣдствіи времени бывъ занесена пескомъ, образуетъ теперь вмѣстѣ съ развалинами новаго Тира полуостровъ), и чрезъ сіе привелъ въ совершенное исполненіе то, что предрекъ Іезекіиль: *они повергнутъ въ море камни и древа и оставшійся отъ нихъ щебень* (гл. 26, 12). Войско Александра трудилось надъ симъ семь мѣсяцевъ; сей трудъ и время не были впрочемъ потеряны напрасно: ибо Александръ В. посредствомъ сего осадилъ и взялъ городъ.

Какъ во время первой осады жители Тира, сообразно съ Пророчествами, бѣжали чрезъ Средиземное море въ сосѣдственныя страны и на острова, такъ во вторую осаду они сдѣлали тоже самое. Діодоръ Сицилійскій и Кв. Курцій свидѣтельствуютъ, что они отослали своихъ женъ и дѣтей и престарѣлыхъ людей въ Кареагенъ (4); и когда сіе мѣсто было уже взято, тогда Сидоняне тайно вывели оттуда на своихъ корабляхъ еще пятнадцать тысячъ чело-

(4) *Diodor. Sic.* L. XVII. *Quint. Curtius.* Lib VI. 3.

вѣкъ (5). Убѣжавшіе такимъ образомъ были счастливѣе оставшихся въ городѣ; ибо побѣдитель при осадѣ и взятіи города убилъ восемь тысячъ человѣкъ, потомъ по взятіи онаго повелѣлъ распять двѣ тысячи человѣкъ, и наконецъ продалъ тридцать тысячъ въ рабы (6). Тиряне продали нѣкогда многихъ изъ Іудейскихъ плѣнниковъ, а теперь постигла ихъ самихъ таже участь, по пророчеству Іоил: *вы продали Іудеевъ и гражданъ Іерусалима; но вотъ, Я обращу вамъ сію вашу обиду на главу вашу, и продамъ сыновъ и дщерей вашихъ* (Іоил. 4, 6—8).

По завоеваніи Тира въ первый разъ, жители онаго получали царей изъ Вавилона, а по завоеваніи онаго Александромъ, побѣдитель самъ поставилъ надъ ними царя (7). Оба случая похожи одинъ на другой въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. Но городъ оправился отъ сей

(5) *Q. Curtius* L. IV. c. 4.

(6) *Arrian.* L. II. c. 24. p. 100.

(7) *Diodor Sic.* L. XVII. p. 587. Τῆς μὲν Τυρίων πόλεως κατέστησε βασιλέα τὸν ὀνομαζόμενον Βαλλώνομον.

послѣдней осады гораздо скорѣе, нежели отъ несчастныхъ слѣдствій перваго завоеванія: ибо черезъ девятнадцать лѣтъ онъ уже былъ опять въ состояніи—сопротивляться флоту и сухопутному войску Антигона и въ продолженіе пятнадцати мѣсяцевъ выдержать осаду, прежде нежели взять. Въ семъ Придо усматриваетъ очевидное доказательство пользы, проистекающей отъ торговли; ибо сей городъ, говоритъ онъ, будучи какъ бы торговою площадію, куда стекались товары съ Запада и съ Востока, достигъ чрезъ сіе весьма скоро своего прежняго великолѣпія(8).

V. Предсказывая бѣдствія, постигшія Тиръ, Пророки предвозвѣстили и то, что нѣкогда настанетъ время, въ которое жители онаго оставятъ свое идолопоклонсгво и сдѣлаются поклонниками Бога истиннаго, будутъ исповѣдывать истинную Религію. Справедливо думаютъ, что Порфироносный Пророкъ въ слѣдующихъ мѣстахъ своихъ псалмовъ:

---

(8) *Diodor. Sic.* L. XIX p. 704. *Prideaux* Connect. P. I. B. VIII. Anno 313. Alexander Aegus 4.

Дщерь Тира предстанетъ съ дарами, богатѣйшій народъ поклонится Тебѣ (Пс. 44, 13); *цари Ѳарсиса и жители острововъ принесутъ дары, поклонятся Ему всѣ цари* (Пс. 71, 10. 11), —предвидитъ исполненіе сего событія. Пророкъ Захарія, предвозвѣщая бѣдствія, которыя претерпятъ жители Тира и другіе сосѣдственные народы отъ Александра, предсказываетъ въ тоже время и обращеніе ихъ къ истинному Богу: *и будутъ между ними такіе, которые дадутъ имя Богу нашему, и посему будутъ наслаждаться тою же честію, какою Іудеи* (гл. 9, 1—9). Но яснѣйшее мѣсто касательно сего событія находится у Пророка Исаіи, который говоритъ, что прибытокъ отъ торговли ихъ будетъ употребленъ на одѣяніе и содержаніе тѣхъ, которые живутъ предъ Богомъ: *ихъ прибытокъ отъ торговли будетъ святъ Іеговѣ. Онъ не будетъ накопляемъ, ниже сберегаемъ; но ихъ прибытокъ отъ торговли будетъ частію тѣхъ, которые живутъ предъ Іеговою, и доставитъ имъ пропитаніе съ избыткомъ*

и великолѣпное одѣяніе (гл. 23, 18). Пророчество сіе исполнилось въ точности (9).

Жители Тира преимущественно покланялись Геркулесу, какъ его называли Греки, или Ваалу, какъ онъ именуется въ Свящ. Писаніи. Но поелику въ послѣдствіи времени жили между ними многіе Іудеи и прозелиты Іудейской Религіи; то нѣкоторые изъ нихъ самихъ сдѣлались прозелитами сей же Религіи, такъ что великое множество народа изъ приморскихъ мѣстъ Тира и Сидона приходили слушать проповѣдь Искупителя (Лук. 6, 17), да и самъ Онъ не разъ приходилъ въ предѣлы Тирскіе и Сидонскіе (Мат. 15, 21. сл. Мар. 7, 26. сл). — Первою послѣдовательницею Евангелія была нѣкая Тирская или, какъ иначе называется, Хананейская, или Сирофиникійская жена. Ап. Павелъ, во время путешествія своего изъ Греціи во Іерусалимъ, пришедъ въ Тиръ, нашелъ тамъ учениковъ, которые были исполнены Духа Святаго и пророчествовали (Дѣян. 21, 4),

(9) *Vitring*. Commentar. in Ies. c. XXIII. Vol. I. p. 704. sq.

и пробылъ у нихъ семь дней. Жители Тира были такъ искренно привержены къ Христіанству, что у нихъ во время гоненія Діоклитіанова явились многіе отличные исповѣдники и мученики, коихъ Евсевій видѣлъ самъ и описалъ страданія ихъ въ книгѣ *о Палестинскихъ мученикахъ* (1). Когда буря сего гоненія утихла, тогда жители Тира, подъ руководствомъ Епископа своего Павлина, воздвигли Христіанскій храмъ для публичнаго Богослуженія, который былъ великолѣпнѣйшимъ и богатѣйшимъ во всей Палестинѣ и Финикіи, какъ описалъ его Евсевій въ похвальномъ Словѣ, коего копію оставилъ онъ въ своей Церковной Исторіи, сокрывъ впрочемъ имя сочинителя его по скромности (2). Онъ, конечно имѣя въ виду выше приведенныя слова Пророка, говоритъ: » онѣ исполнилися въ наше время. Ибо когда въ «Тирѣ такъ же, какъ и между другими «народами, основана Церковь Божія; то

(1) *Euseb.* Histor. Eccles. L. VIII. c. VII. De Martyr. Palaestinae, c. V. et VII.

(2) *Idem*, ibid. L. X. c. IV.

«многія сокровища, пріобрѣтенныя чрезъ «торговлю, посвящены Господу и упо«треблены на построеніе дома Его.» Онъ объясняется въ послѣдствіи: «ибо «онѣ (сокровища) служатъ къ поддер«жанію служителей олтаря Евангелія, «по заповѣди Господа, повелѣвающей слу«жащимъ олтарю жить отъ олтаря.» Точно тоже говоритъ и Блаж. Іеронимъ: «Мы видимъ, что въ Тирѣ построена «Церковь Христова; можемъ также ви«дѣть, что богатство его не зарыто и «не заперто, но дается тѣмъ, которые «служатъ Господу; ибо такъ повелѣлъ «и Господь, чтобы проповѣдующіе Еван«геліе жили отъ Евангелія (3).» Съ какою искренностію и любовію содержимы были въ то время Епископы и другіе духовные въ Тирѣ, какъ щедро давалось имъ все нужное для содержанія и одежды; сіе легко можетъ видѣть каждый, кто сколько нибудь знакомъ съ Церковною Исторіею. Къ симъ доказательствамъ можно еще присовокупить то, что Тиръ, посвятивъ Господу при-

(3) *Hieronym.* in Isa. c. XXIII. p. 146. Vol. III.

бытокъ и плоды своей торговли, удостоился быть мѣстопребываніемъ Архіепископства, и притомъ перваго Архіепископства, подъ управленіемъ Патріарха сначала Антіохійскаго, а потомъ Іерусалимскаго,—что онъ имѣлъ подъ собою четырнадцать Епископій и оставался въ семъ состояніи нѣсколько столѣтій (4).

VI. Но между тѣмъ городъ сей будетъ однакоже совершенно разрушенъ и останется только мѣстомъ или скалою, гдѣ рыбаки будутъ сушить свои сѣти. Если Пророки предвозвѣщали погибель какого либо города, или какой либо страны; то сіе еще не означало, что таковое проклятіе имѣетъ тотчасъ случиться. Хотя приговоръ и былъ произносимъ Пророками, но исполненіе онаго отлагаемо было еще на нѣсколько времени, иногда на нѣсколько столѣтій. Послѣ угрозъ Вавилону, что онъ сдѣлается *безплодною, необитаемою пустынею и смраднымъ болотомъ*,—протек-

---

(4) См. Allgemeines Historisches Lexikon. Leipz. 1732. fol. IV. B. p. 850. sq. *Sandy's* Trauels B. III. p. 168.

ло еще нѣсколько столѣтій, прежде нежели онъ дѣйствительно пришелъ въ сіе жалкое состояніе. Онъ обрушивался мало по малу до тѣхъ поръ, пока наконецъ сдѣлался ничѣмъ. Такимъ же образомъ и Тиръ не вдругъ былъ разрушенъ и совершенно опустошенъ. Сему событію долженствовали предшествовать другія обстоятельства. Послѣ 70 лѣтъ онъ долженствовалъ быть снова воздвигнутъ; онъ долженствовалъ быть снова разрушенъ и снова опять построенъ, и потомъ принятъ въ Церковь Христову. Всѣ сіи событія долженствовали случиться до совершеннаго исполненія Іезекіилева Пророчества: *Такъ говоритъ Господь Іегова: вотъ, Я къ тебѣ обращусь, Тиръ, возбужду противъ тебя многіе народы, какъ обыкновенно воздымаетъ море волны. Они разрушатъ стѣны твои, низвергнутъ башни, и даже разсѣютъ прахъ. Обращу тебя въ безплодную морскую скалу, на которой будутъ распростирать сѣти. Симъ угрожаю Я Господь Іегова* (Іез. 26, 3; 5). Угроза сія—для показанія, что она исполнится неминуемо, повторяется у Про-

рока: *обращу тебя въ безплодную морскую скалу, на которой будутъ растягиваться сѣти, и ты не придешь въ прежнее благополучное состояніе: симъ угрожаю Я Господь Іегова* (ст. 14). И еще единожды: *ты послужишь страшилищемъ для другихъ, будучи обращенъ Мною въ ничто; тебя будутъ искать, но никогда не найдутъ, говоритъ Господь Іегова* (ст. 21).

Сіи Пророчества такъ же, какъ и многія другія, долженствовали исполняться постепенно. Навуходоносоръ разрушилъ, какъ сказано выше, древній городъ; а Александръ В. употребилъ щебень и развалины онаго, для сдѣланія плотины съ матерой земли на островъ, и такимъ образомъ соединилъ ихъ между собою. «И такъ не удивительно, говоритъ По-«коккъ, что теперь совершенно нельзя «найти болѣе слѣдовъ древняго города; и «поелику берегъ покрытъ пескомъ, то въ «настоящее время представляется все «иначе, нежели какъ прежде было; и боль-«шой водопроводъ въ различныхъ мѣ-«стахъ почти совершенно занесенъ пе-

скомъ (5).» Такимъ образомъ, касательно сей части города, Пророчество совершенно исполнилось: *ты не будешь снова построенъ; тебя будутъ искать, и никогда не найдутъ.* Теперь спрашивается, достигъ ли новый Тиръ опять когда либо той степени могущества, того богатства и величія, кои онъ имѣлъ во время Исаіи и Іезекіиля? Онъ получилъ сильный ударъ отъ Александра, который не только взялъ и сжегъ городъ, но еще сверхъ сего построилъ Александрію въ Египтѣ, и чрезъ то чрезвычайно ослабилъ торговлю Тира и предускорилъ погибель онаго. Послѣ сего онъ находился то въ рукахъ Птоломеевъ изъ Египта, то подъ управленіемъ Селевкидовъ изъ Сиріи до тѣхъ поръ, пока наконецъ не подпалъ владычеству Римлянъ. Потомъ взятъ былъ Сарацинами около 639 года по Рожд. Христовѣ, въ правленіе Омара, третьяго Калифа ихъ (6). Во время Крестовыхъ походовъ, въ 1124 году,

(5) *Pocock's* Beschreibung des Morgenlandes. B. II. B. I. K. XX. p. 51. sq.

(6) *Okeley's* Hist. of the Saracens Vol. I. p. 340.

Христіане опять завоевали его; въ правленіе Балдуина II, Короля Іерусалимскаго, когда Венеціане пришли къ нему съ сильнымъ флотомъ на помощь (7). У Христіанъ взяли его въ 1289 году Мамелюки изъ Египта, подъ предводительствомъ Султана Алфикса, который сравнялъ съ землею Тиръ, Сидонъ и нѣкоторые другіе укрѣпленные города, дабы они не были болѣе убѣжищемъ и защитою для Христіанъ (8). Мамелюки въ свою очередь потеряли его въ 1516 году. Селимъ, девятый Турецкій Султанъ, отнялъ его у нихъ; подъ желѣзнымъ скипетромъ Турковъ онъ находится еще до сего времени, и носитъ на себѣ имя *Сора* или *Сура* (9). Но какъ различно нынѣшнее его состояніе отъ того, въ какомъ

---

(7) *Abulpharagii* Hist. Dynast. 9. p. 250. Versio *Pocockii*, *Sauage's* Abridgment of Knolles et Ricault Vol. I. p. 26.

(8) *Sauage* l. c. p. 95. *Pocock's* Beschreibung des Morgenlandes B. II. B. I. K. XX. p. 83.

(9) *Sauage* l. c. p. 241. Auch Allgemeine deutsche Real-Encyclopädie für die gebildeten Stände. 7 Aufl. XI. B. p. 450.

былъ онъ нѣкогда! Средоточіе торговли, мѣсто, куда стекались народы со всего Востока и Запада, теперь не другое что, какъ куча развалинъ, куда собираются только бѣдные рыбаки для укрытія отъ непогоды и для просушиванія своихъ сѣтей. Такимъ образомъ Пророчество въ отношеніи и къ сей части города исполнилось буквально: *обращу тебя въ безплодную морскую скалу, на которой будутъ распростирать сѣти.* Не только Тиръ, но и дщери Тира—многочисленныя колоніи, которыя разсѣяны были почти по всему земному шару, исчезли съ лица земли вмѣстѣ съ своею матеріею.

Знаменитый Гюетъ зналъ одного Іезуита, по имени Адріана Парюйлліера, бывшаго учителемъ Арабскаго языка и жившаго прежде десять лѣтъ въ Сиріи, —который весьма часто говаривалъ, что ему невольно приходили на мысль слова Пророка Іезекіиля: *обращу тебя въ безплодную морскую скалу, на которой будутъ распростирать сѣти,* когда онъ приближался къ развалинамъ Тира и видѣлъ по морскому берегу распростер-

тыя скалы и разбросанные въ различныхъ мѣстахъ камни, которые, будучи омыты волнами и осушены солнцемъ и вѣтрами, служили подпорами для просушиванія рыболовныхъ сѣтей (1).

Англійскій путешественникъ Маундрелль, видѣвшій такъ же развалины Тира, говоритъ объ нихъ въ своемъ изъ Алеппо въ Іерусалимъ путешествіи слѣдующее: «Городъ Тиръ лежитъ на одномъ полуостровѣ около береговъ моря, и обѣщаетъ издали нѣчто превосходное. Но подъѣзжая къ нему ближе, «совершенно никакихъ не находишь признаковъ его древняго великолѣпія, которое столь разительно описалъ Пророкъ Іезекіиль въ гл. XXVI, XXVII и «XXVIII. На сѣверной сторонѣ находится старый Турецкій замокъ, безъ охранительнаго войска. Все прочее есть безпорядочная куча разрушенныхъ стѣнъ, «столповъ, сводовъ, и т. п. Не видно ни «одного цѣлаго дома. Настоящіе жители суть бѣдные люди, которые жи-

(1) *Huetii* Demonstr. Evangelica, Propos. VI. ad finem.

«вутъ въ сводахъ и получаютъ пропи-
«таніе преимущественно отъ рыбной
«ловли. Сіи развалины сохраняются Бо-
«жественнымъ Провидѣніемъ на своемъ
«мѣстѣ единственно для того, чтобы
«служили очевиднымъ доказательствомъ,
«что слова Пророка: *Тиръ будетъ без-
«плодная морская скала, на которой
«будутъ распростирать сѣти*,—испол-
«нились во всей точности (2).»

Таковая судьба Тира, бывшаго нѣкогда по торговлѣ и богатству однимъ изъ знатнѣйшихъ городовъ въ цѣломъ свѣтѣ! Но торговля есть нѣчто скоропреходящее: она перешла изъ Тира въ Александрію, изъ Александріи въ Венецію, а изъ Венеціи въ различныя страны западной Европы. Почти всѣ народы занимаются торговлею; а тѣ, которые имѣ-

---

(2) *Maundrell's* Reise S. 48. Vrgl. *Rosenmüllers* Morgenland IV. S. 341. Сверхъ сего о развалинахъ Тира можно читать у слѣдующихъ путешественниковъ: *D'Arvieux* I. 228 sq. *Rauchwolf* im Reisebuch p. 322. ff *Binos* p. 178. *Troilo* S. 87. 88. *Mariti* Reise durch Cyp. Syr. und Paläst. S. 319. *Volney* voyage II. 193. sqq. *Browne*, p. 216.

ютъ ее въ рукахъ, должны принимать всѣ предосторожности, чтобы не лишиться оной.—Торговля подобна нѣжному растенію, требующему доброй почвы, солнечнаго сіянія и хорошей погоды, если нужно, чтобъ она возрастала и возвышалась. Но ничто болѣе не содѣйствуетъ сему общеполезному промыслу, какъ добродѣтель и все то, чему учитъ добродѣтель, то есть, умѣренность', прилежаніе бережливость, скромность, честность, ласковость, любовь къ отечеству и страхъ Божій. Пророки учатъ насъ, какимъ образомъ Тиръ потерялъ свою торговлю: и тѣже причины произведутъ всегда тоже дѣйствіе. *Кто произнесъ такое опредѣленіе о Тирѣ, раздаятелѣ коронъ, коего купцы,—князи, торгующіе—богачи земли? Іегова воинствъ опредѣлилъ, низринуть всякую блистающую гордость и уничижить богачей земли* (Иса. 23, 8, 9). *Такъ говоритъ Господь Іегова: о, Тиръ! ты называешь себя совершеннѣйшею красотою. Въ срединѣ морей предѣлы твои, строители твои украсили тебя до высочайшей сте-*

пени (Iез. 27, 3. 4) *Ты умножилъ твоею торговлею, свидѣльствующею о твоей мудрости, богатства твои; посему ты гордишься сими твоими сокровищами: но Господь Iегова говоритъ: поелику ты считаешь себя равнымъ Богу, то вотъ, Я приведу противъ тебя враговъ самыхъ жесточайшихъ изъ народовъ, которые съ обнаженными мечами разрушатъ оныя прекрасныя произведенія твоей мудрости и помрачатъ блескъ твой. Въ ровъ низринутъ тебя, и ты, будучи пораженъ насильственною смертію, умрешь въ срединѣ моря.*

VII.

БЕСѢДА НАСТАВНИКА СЪ ДѢТЬМИ

о

ИМЕНИ ХРИСТІАНИНА И КРЕСТНОМЪ ЗНАМЕНІИ.

Любезные дѣти! Можетъ быть, уже тысячу разъ каждый изъ васъ говорилъ о себѣ: я Христіанинъ! я Христіанинъ! Но хорошо ли вы знаете, что значитъ имя Христіанина? Знаете ли, какія оно даетъ вамъ права, и какія налагаетъ на васъ обязанности?

Вы Христіане: это значитъ, что вы не только ученики и послѣдователи, но друзья и братія Іисуса Христа. Ибо Господь и Спаситель нашъ не стыдится нарицать насъ своими братіями (Евр. 2, 11). Вотъ, что означаетъ имя Христіанина, и вотъ права, съ нимъ соединенныя! Вамъ, какъ Христіанамъ, пред-

оставлено участвовать со Іисусомъ Христомъ въ вѣчномъ—небесномъ Его наслѣдіи, богатство и величіе коего превышаетъ всѣ наши понятія. Но дабы удостоиться сего неоцѣненнаго наслѣдія, вамъ необходимо такъ прилѣпиться въ Іисусу Христу, такъ покорить въ волю Его сердце свое, чтобы ничто въ мірѣ и никогда не могло разлучить васъ съ Нимъ. Вотъ первая и главная обязанность ваша, юные Христіане! Разсмотрите со вниманіемъ всю великость оной.

Вы смѣло теперь говорите: мы Христіане! Но было время, когда Христіанину не возможно было сказать сего, не подвергшись за то наказанію и мученіямъ. Конечно это странно для васъ: но послушайте. Въ продолженіе трехъ сотъ лѣтъ по смерти и воскресеніи Іисуса Христа, Христіане были предметомъ ненависти языческихъ народовъ, и при всей своей невинности, какъ тяжкіе преступники, влекомы были на судища враговъ истиннаго Бога. Когда же ослѣпленные и жестокіе гонители Христіанъ спрашивали ихъ, какую исповѣдуютъ

они религію; тогда каждый изъ гонимыхъ отвѣчалъ, какъ и васъ нынѣ учатъ отвѣчать: «я Христіанинъ.» Но какъ скоро они произносили слова сіи; тотчасъ предаваемы были палачамъ и подвергались всякаго рода мученіямъ, какія только злоба могла вымыслить.

Одно слово могло бы тогда обезоружить гонителей и спасти невинную жертву отъ ихъ ненависти. Если бы Христіанинъ показалъ только видъ, что соглашается отречься отъ Христа, то его немедля освободили бы отъ узъ и мученій: но такой нечестивый поступокъ ужасалъ каждаго Христіанина. Посему гонимые совершенно иначе поступали. Чѣмъ болѣе преслѣдовали и мучили ихъ, тѣмъ съ большею радостію и твердостію они повторяли: «мы Христіане.» Въ сіе-то славное для истинной религіи время не только старцы, жены, дѣвицы, но и дѣти, которые были моложе и слабѣе васъ, охотнѣе соглашались страдать и умереть въ жесточайшихъ мученіяхъ, нежели отказаться отъ вождслѣннаго имени Христіанина.

Прошли сіи скорбныя времена. Теперь никого не влекутъ на смерть за исповѣданіе имени Христова; но примѣры мученическихъ страданій за святую Вѣру должны поучать насъ, что истинный Христіанинъ обязанъ всегда быть готовымъ — лучше все потерять и все претерпѣть, нежели сдѣлать что - либо недостойное своего высокаго имени. О, если бы сей урокъ глубоко напечатлѣлся въ вашей памяти, а еще болѣе въ вашемъ сердцѣ, дѣти мои! О, если бы онъ былъ правиломъ вашего поведенія въ продолженіе всей жизни! Ибо я не хочу и не долженъ скрывать отъ васъ того, что *вси хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусѣ*, т. е. желающіе достойно носить на себѣ имя Христіанина, *гоними будутъ* (2 Тим. 3, 12).

Правда, враги, съ коими Христіанину надлежитъ бороться, употребляютъ теперь противъ него не насильственныя мѣры, какъ древніе гонители, но хитрыя, коварныя, обольстительныя,противъ которыхъ должно быть весьма бдительнымъ. Впрочемъ это не должно устра-

шать васъ; ибо какимъ бы вы ни подверглись опасностямъ за Вѣру, – знайте, что *Господь вѣсть благочестивыя отъ напасти избавляти* (2 Петр. 2, 9). Притомъ утѣшайтесь мыслію, что нынѣшнія временныя искушенія и страданія наши ничего не стоятъ въ сравненіи съ тою славою, какую получимъ нѣкогда, если въ подвигахъ вѣры и благочестія будемъ неусыпны, тверды и непоколебимы (Рим. 8, 18. 1 Кор. 15, 58).

Вы — Христіане, дѣти; но знаете ли, кому вы обязаны за сіе священное титло? Благости Божіей вы обязаны за это! По благости Божіей вы—Христіане! Такъ, Богъ оказалъ намъ величайшую милость, искупивъ насъ чрезъ Единороднаго Сына Своего отъ проклятія за грѣхи, примиривъ посредствомъ Его съ Собою все—и земное и небесное, даровавъ намъ вѣрующимъ во имя Его власть содѣлываться чадами Божіими; словомъ, призвавъ насъ въ Христіанство, оказалъ намъ чрезъ это такую милость, за которую мы никогда не можемъ достойно возблагодарить Его. Хотите ли, чтобъ

это величіе Божіей къ намъ милости было для васъ яснѣе?—Представьте себѣ, что въ тотъ день, въ который Служитель Вѣры соединилъ васъ со Христомъ чрезъ святое Крещеніе, и такимъ образомъ содѣлалъ Христіанами, — что въ тотъ самый день хотя получили жизнь тысячи другихъ дѣтей, но они сами себя лишили такого благодѣянія: ибо, получивъ жизнь или отъ покланяющихся идоламъ, или отъ людей дикихъ и непросвѣщенныхъ, или въ такихъ странахъ, въ которыхъ познаніе истиннаго Бога обезображено пагубными заблужденіями, — они по примѣру своихъ родителей остались и остаются въ томъ же ослѣпленіи, въ какомъ находились и предки ихъ. Вмѣсто того, чтобы подобно вамъ поучаться спасительной Вѣрѣ, они наставляются идолослуженію, порокамъ и заблужденіямъ своихъ родителей, подражаютъ ихъ суевѣрію и нечестію, и такимъ образомъ сами себя удаляютъ отъ свѣта истины и отъ пути ко спасенію, которое уготовалъ для всѣхъ людей Господь —

Искупитель; а посему вмѣстѣ съ родителями своими и наставниками, удерживающими ихъ въ отчужденіи отъ Бога, подвергнутся вѣчной погибели.

По почему вы, подобно симъ несчастнымъ, не родились въ тѣхъ же странахъ и между тѣми же народами? Почему вы, подобно многимъ другимъ дѣтямъ, не умерли въ утробѣ матерней? Почему не осуждены погибнуть въ невѣріи, а предназначены къ блаженству, содѣлавшись Христіанами?—Вы конечно отвѣтите на сіе: Богу такъ угодно! Но скажите, какъ могли вы заслужить отъ Него такую милость? Что вы такое сдѣлали, за что Онъ предпочелъ васъ множеству другихъ?—*Дѣво Израилева*, говоритъ Господь народу Своему чрезъ Пророка, *любовію вѣчною возлюбихъ тя: того ради вовлекохъ тя въ щедроты* Моя (Іер. 31, 4). Тоже дожно сказать и о васъ. Вы удостоились содѣлаться Христіанами единственно потому, что Богъ возлюбилъ насъ прежде, нежели мы могли помыслить о Немъ.

Можетъ быть, еще спросите: почему Богъ не оказалъ такой милости, какую мы отъ Него получили, милліонамъ другихъ людей? — Вотъ мой отвѣтъ: это тайна, которую знаетъ только Господь; одинъ Онъ знаетъ все прошедшее, настоящее и будущее; одинъ Онъ испытуетъ сердца и утробы человѣковъ; и посему только Его всеобъемлющей премудрости извѣстно, почему Онъ однихъ милуетъ, а другимъ попускаетъ противиться истинѣ. Человѣку судьбы Божіи не довѣдомы. Съ своей стороны я спрошу у васъ: если бы какой земной Царь извлекъ кого изъ бѣдности и поставилъ на ряду съ первыми вельможами двора своего; сталъ ли бы сей требовать отъ него отчета, почему онъ тысячи другихъ людей оставилъ въ бѣдномъ состояніи? Конечно нѣтъ! Посему обуздывайте суетное свое любопытство и касательно Божественныхъ распоряженій; мы должны съ благодарностію пользоваться Божіимъ къ намъ благоволеніемъ, должны съ благоговѣніемъ молить Его, чтобъ наставлялъ насъ на всякую истину, и не

безпокоиться о познаніи того, что Ему угодно сокрыть отъ насъ.

И такъ вы — Христіане по благости Божіей? Но въ какую минуту жизни явилъ Богъ вамъ сію благость? Въ то время, дѣти мои, когда вы приняли крещеніе. Это такой даръ, что если бы въ ту минуту, какъ вы приняли крещеніе, Богу было угодно взять васъ отъ міра сего; то вы тогда же вступили бы въ наслѣдіе небесныхъ благъ. Почему? Потому что вмѣстѣ съ принятіемъ крещенія приняли вы, по благости Искупителя, и залогъ жизни вѣчной и право быть сонаслѣдниками Христу. Хотя душа ваша тогда еще неспособна была познавать, мыслить и дѣйствовать съ разсужденіемъ; но благодать, которую она приняла въ крещеніи, все замѣняла въ ней: сія одна спасительная благодать содѣлала бы тогда душу вашу угодною Богу.

Но теперь, когда вы пришли уже въ возрастъ, не то. Чтобы заслужить имя истиннаго Христіанина и награду, обѣщанную тѣмъ, кои не напрасно носятъ оное,—теперь уже не довольно того, что

вы пріяли крещеніе. Для тѣхъ, кои выходятъ изъ дѣтскаго возраста нужно болѣе: они должны вѣрить ученію Христіанскому и исповѣдывать оное. Понимаете ли вы, что это значитъ? Должно вѣрить ученію Христіанскому, т. е. должно принимать за истину все то, чему учитъ насъ Церковь, или лучше сказать, самъ Іисусъ Христосъ, и всѣмъ сердцемъ покаряться Божественнымъ словамъ Его. Сего мало: должно еще исповѣдывать Христіанское ученіе, т. е. не только должно сердечно вѣровать сему ученію, но и сообразовать съ онымъ свою жизнь, свое поведеніе такъ, чтобы и слова и дѣла ваши свидѣтельствовали, что вы истинные послѣдователи Іисуса Христа, Господа и Искупителя нашего.

И такъ, вотъ три главнѣйшія обязанности, которыя вамъ, какъ Христіанамъ, непремѣнно должно исполнять. Во-первыхъ, должно вѣровать во Іисуса Христа и Его ученіе; во-вторыхъ, должно смѣло и во всѣхъ обстоятельствахъ исповѣдывать то, чему вѣруете; въ-третьихъ, должно самымъ дѣломъ доказы-

вать вѣру свою, стараясь исполнять все то, что она повелѣваетъ. Только тотъ справедливо заслуживаетъ имя Христіанина, кто, будучи вѣренъ благодати, которую получилъ при крещеніи, нимало не отступаетъ ни отъ одной изъ сихъ священныхъ обязанностей. Ибо Іисусъ Христосъ не признаетъ Своими учениками людей невѣрныхъ, кои сомнѣваются въ истинѣ словъ Его; не признаетъ и боязливыхъ, кои не смѣютъ объявить себя Его послѣдователями; не признаетъ наконецъ и лицемѣрныхъ, кои устами Его исповѣдуютъ, а дѣлами отвергаютъ. Никого изъ такихъ людей Іисусъ Христосъ не признаетъ за Своихъ истинныхъ учениковъ. Слѣдственно они не Христіане, хотя и называются симъ великимъ именемъ.

Но продолжимъ, любезные дѣти, далѣе. Вы Христіане! О своемъ Христіанствѣ вы начали свидѣтельствовать еще тогда, какъ не могли имѣть о немъ достаточнаго понятія. Сіе свидѣтельство заключалось и заключается въ такомъ

знаменіи, которое должно быть весьма важно и драгоцѣнно для Христіанина, вѣрующаго во Христа распятаго: это крестное знаменіе. Вашъ языкъ не былъ еще разрѣшенъ отъ узъ нѣмотствованія, вашъ умъ еще связанъ былъ младенческимъ несмысліемъ; но вашею рукою водили уже съ чела на грудь, отсюда на правое, а съ праваго на лѣвое плечо, помогая вамъ произносить сіи слова: *во имя Отца и Сына и Святаго Духа*. И такъ вамъ уже извѣстно крестное знаменіе и слова соединяемыя съ онымъ.

Но знаете ли, почему сіе знаменіе преимущественно называется знаменіемъ Христіанина? Причина сему должна быть понятна для васъ, хотя вы только начинаете учиться. Ибо сколь еще ни мало свѣдущи вы въ познаніи вещей Божественныхъ, но конечно уже знаете, что Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ былъ распятъ и умеръ за насъ на крестѣ. И такъ, когда творите крестное знаменіе, то симъ самымъ свидѣтельствуете, что вы не только чтите и посему охотно

изображаете на себѣ знаменіе Креста, на коемъ Спаситель принесъ Себя въ жертву за наше спасеніе, но что еще готовы въ свою очередь терпѣть за Него всѣ поношенія и даже, если бы то нужно было, жертвовать для Него самою жизнію. Такъ, всякой разъ, когда творимъ на себѣ крестное знаменіе, мы симъ наружнымъ знакомъ должны выражать то внутреннее чувствованіе Христіанское, которое заключается въ слѣдующихъ словахъ Апостола: *мнѣ же да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа* (Гал. 6, 14).

Сіе-то высокое и святое чувствованіе Апостолы старались распространить изъ рода въ родъ между Христіанами всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ, когда внушали первымъ ученикамъ своимъ, а чрезъ нихъ и всѣмъ вѣрующимъ, чтобъ они въ знакъ исповѣданія своего полагали печать Креста на лицѣ и персяхъ своихъ (*). Въ-

(*) Что крестное знаменіе установлено для Христіанъ самими Апостолами: о томъ свидѣтельствуетъ *Тертулліанъ*, писатель втораго вѣка, въ книгѣ de corona milit. cap. 2.

рующіе творили сіе знаменіе не только пробуждаясь отъ сна и отходя ко сну, не только при началѣ и концѣ всѣхъ молитвъ, предъ вкушеніемъ пищи и по принятіи оной; но также и тогда, когда они выходили изъ дома, или возвращались въ оный, когда вставали и садились, когда шли и останавливались. Словомъ, они ничего не дѣлали безъ крестнаго знаменія, и всегда освящали онымъ всѣ, даже самыя обыкновенныя свои занятія. Если они подвергались какой либо опасности и особливо опасности—прогнѣвать Бога, чего болѣе всего страшились; если они были свидѣтелями какого либо худаго поступка, или слышали какія худыя рѣчи: то немедленно прибѣгали къ крестному знаменію какъ сильнѣйшему и надежнѣйшему своему оружію противъ всѣхъ враговъ, противъ всѣхъ искушеній и соблазновъ. Дѣйствительно случалось, что сіе крестное знаменіе, внося тайный ужасъ въ душу враговъ Христіанской религіи, располагало ихъ злую волю къ добру, или по крайней мѣрѣ заставляло ихъ молчать. Это отъ того, что

вѣрующіе творили сіе знаменіе во имя Господа Іисуса—Побѣдителя грѣха, смерти и ада, творили съ вѣрою твердою, упованіемъ крѣпкимъ, съ благочестіемъ истиннымъ.

Съ того времени, какъ вы научились полагать на себѣ крестное знаменіе,—вы безъ сомнѣнія тысячекратно уже употребляли оное. Но скажите, какъ употребляли? съ какимъ чувствомъ? съ какимъ уваженіемъ? съ какимъ благоговѣніемъ?—О, я часто видѣлъ, съ какою разсѣянностію, съ какимъ равнодушіемъ, съ какою поспѣшностію, съ какимъ, если можно такъ сказать, нечестіемъ многіе употребляютъ сіе священное знаменіе! Ахъ, если бы какой нечестивецъ, въ вашемъ присутствіи, началъ попирать изображеніе Іисуса распятаго, вы безъ сомнѣнія ужаснулись бы. Но я вопрошаю васъ: творить крестное знаменіе съ тою соблазнительною поспѣшностію, съ тою странною и жалкою невнимательностію, какія часто видимъ на опытѣ,—не значитъ ли нѣкоторымъ образомъ подражать сему нечестивцу, не значитъ ли

уничижать Крестъ Іисуса Христа? Такимъ недостойнымъ употребленіемъ крестнаго знаменія, вы подвергаете сіе великое знаменіе вашего спасенія порицаніямъ, посмѣянію и даже презрѣнію отъ тѣхъ, которые не видя въ Христіанахъ добраго примѣра Богобоязненности, обращаютъ это себѣ въ предлогъ—невѣровать истинамъ Евангельскимъ. Вы, дѣти, конечно согрѣшали доселѣ въ этомъ по невѣдѣнію, смотря на частые примѣры людей взрослыхъ: но если и теперь, когда уже знаете важность крестнаго знаменія, не исправитесь, то не будете имѣть никакого извиненія. И такъ не забывайте, что всегда и съ глубокимъ благоговѣніемъ должно знаменаться Крестомъ Господнимъ.

Къ сему, кромѣ сказаннаго, должна побуждать Христіанина особенно святость тѣхъ словъ, какія мы произносимъ, творя на себѣ крестное знаменіе. Сіи слова вышли изъ устъ самаго Іисуса Христа, когда Онъ, посылая учениковъ Своихъ на всемірную проповѣдь, заповѣдалъ имъ учить и крестить всѣ народы *во имя От-*

ца и Сына и Святаго Духа (Мат. 28, 19). Божественны слова сіи: не пренебрегайте же заповѣдію Господа.

Но важность сихъ словъ конечно будетъ еще виднѣе для васъ, если припомните, что сіи самыя слова произносилъ Священникъ, когда погружалъ васъ въ святую воду крещенія во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Божественною силою сихъ словъ и погруженіемъ въ освященную воду, вы по благодати Божіей сдѣлались Христіанами, возлюбленными чадами, наслѣдниками Богу, сонаслѣдниками Христу (Рим. 8, 17).—И такъ, съ какимъ глубокимъ чувствомъ благоговѣнія, съ какою благодарною признательностію, съ какою нѣжною любовію, должно всякому произносить оныя! Вмѣстѣ съ водою крещенія онѣ освятили васъ Богу; вмѣстѣ съ крестнымъ знаменіемъ, которое творили за васъ Священникъ и воспріемники, онѣ посвятили Богу всѣ ваши дѣйствія и навсегда могутъ быть для васъ орудіемъ Божественнаго благословенія, — Божіей благодати. Поистинѣ вы были бы величайшими вра-

гами самимъ себѣ, если бы захотѣли лишить себя столь важныхъ выгодъ, пріобрѣтаемыхъ столь легкою для васъ цѣною. Ибо чего Богъ требуетъ отъ васъ за всѣ тѣ преимущества, какія онъ даруетъ вамъ, яко Христіанамъ? Очень немногаго; Онъ требуетъ, чтобы вы, именуясь Христіанами и творя на себѣ крестное знаменіе, имѣли вѣру въ Него, надежду на благость Его и любовь къ Нему; Онъ требуетъ сей вѣры, сей любви, сей надежды столько, сколько необходимо имѣть оныхъ, чтобъ мы охотно могли жертвовать Ему собою для собственнаго же своего спасенія.

Въ заключеніе не могу не сказать вамъ, любезные дѣти, еще одного замѣчанія. Хотя вы еще очень мало знакомы съ міромъ и людьми, но безъ сомнѣнія уже встрѣчали много̀ такихъ Христіанъ, въ которыхъ, кажется, погашено всякое чувство религіи. Ихъ нечестіе конечно не могло не удивить васъ; и дай Богъ, чтобы заразительныя ихъ рѣчи и бесѣды не произвели своего ужаснаго дѣйствія на юную вашу душу! Но какая

была бы первая и главная причина примѣчаемаго въ сихъ людяхъ небреженія о своемъ спасеніи? Это знаетъ одинъ только Богъ, которому извѣстны всѣ пути, всѣ дѣла, всѣ мысли наши. Впрочемъ я не погрѣшу, если скажу вамъ, что многіе изъ сихъ жалкихъ людей сдѣлались нечестивыми потому, что съ раннихъ лѣтъ привыкли презирать крестное знаменіе. Не творя сего знаменія, или творя оное безъ всякаго вниманія, безъ всякаго чувствованія, они сперва лишились благодати и благословенія, орудіемъ коихъ оно служило для нихъ. А какъ скоро благодать Божія удалилась: тогда мѣсто благочестивыхъ чувствованій, кои съ дѣтства имъ внушаемы были, заступили въ ихъ сердцѣ нерадѣніе, холодность и нечувствительность къ обязанностямъ Христіанскимъ. Далѣе, когда ихъ вѣра постепенно болѣе и болѣе ослабѣвала, тогда усилившіяся страсти окончательно истребили то, что могло еще оставаться въ нихъ добраго. Дошедши такимъ образомъ до невѣрія, и простираясь въ ономъ далѣе и далѣе, сіи несчастные

заключили тѣмъ, что Господь, такъ сказать, принужденъ совершенно оставить ихъ. Ахъ! они остались бы еще Христіанами, они нашли бы еще свое блаженство при подножіи Креста, если бы не презирали крестнаго знаменія. Опасайтесь, дѣти, подобной участи!

Посему никогда не забывайте о важности имени Христіанина, которое вы получили въ дѣтствѣ, и всегда памятуйте, что одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ не удалить отъ себя благодать Божію и вѣрно исполнять обязанности, кои налагаетъ на насъ сіе великое имя, есть частое изображеніе на себѣ крестнаго знаменія, совершаемое съ вѣрою, благоговѣніемъ и упованіемъ на Господа—Искупителя, который страданіями Своими и крестною смертію усыновилъ насъ Богу—Отцу.

VIII.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ЕФРЕМА СИРІАНИНА

О жизни по закону Евангельскому девяносто главъ.

1. Хочешь ли вести жизнь правильную — Христіанскую? Упражняйся въ смиренномудріи: безъ смиренномудрія не можетъ быть правильнаго образа жизни.

2. Путешественникъ, потерявшій дорогу въ началѣ, блуждаетъ въ странѣ незнакомой: такъ и уклонившійся отъ пути смиренныхъ не утвердитъ жилища своего въ селеніяхъ Святыхъ.

3. Всѣ дѣла свои исполняй со смиренномудріемъ во имя Спасителя, Господа нашего Іисуса Христа, и плодъ твой вознесется къ небу. Ибо гордость подобна весьма высокому, но гнилому дереву,

у котораго со всѣхъ сторонъ ломаются сучья, и съ высоты котораго неминуемо падаетъ всякой, кто ни взлѣзаетъ на оное.

4. Начало того, что человѣкъ оставляется отъ Бога, обнаруживается въ удаленіи человѣка отъ смиренномудрія; а оставленный Богомъ подвергается давленію злаго духа, какъ Саулъ.

5. За мучительнѣйшее давленіе почитай стѣсненіе отъ грѣховъ и поглощеніе оными даже до часа смертнаго.

6. Ежели прилежно разсмотришь, то найдешь, что сѣти врага обмазаны медомъ, такъ что желающій вкусить отъ меда уловляется сѣтію.

7. Не желай сего меда, и сѣть не уловитъ тебя: сладость его въ послѣдствіи исполняетъ желчію и горечію тѣхъ, которые его любятъ.

8. Люби смиренномудріе, и никогда не впадешь въ сѣть вражію: ибо, носясь на быстрыхъ крылахъ смиренномудрія, ты всегда будешь гораздо выше сѣтей вражескихъ.

9. Ежели увидишь, что надменный

гордостію прекрасенъ лицемъ, одѣтъ въ блестящую одежду, окруженъ толпою рабовъ: — не завидуй и не смущайся; воздержись въ мысляхъ своихъ, и увидишь, что блескъ его скоро потускнетъ: ибо цвѣтутъ и блистаютъ только тѣ, которые живутъ согласно съ волею Божіею.

10. Люди, ревностно благоугождающіе Господу и благоугодные Ему, никогда не обращаютъ вниманія на то, что цвѣтетъ въ жизни, зная твердо, что все это, какъ цвѣтъ травный, скоро увядаетъ; а мы безпечные, когда увидимъ человѣка, у котораго тучно тѣло, румяны щеки, превозносимъ его, хотя бы онъ погруженъ былъ въ крайнее нечестіе; далеко отстраняемъ отъ себя жизнь трудолюбивую, не понимая, какое достоинство содержитъ въ себѣ жизнь подвижниковъ. Посему-то самому ненавидимъ цѣломудріе и презираемъ святость.

11. Не будемъ, братія, заниматься дѣтскими забавами, но постараемся вести всегда жизнь совершенную, чтобы не лишиться радости подвижниковъ и не подвергнуть себя вѣчному мученію.

12. Блаженъ, кто изобилуетъ благими надеждами и освѣщается благими мыслями: ибо слава его велика и нескончаема.

13. Будемъ искать уединенія, дабы разсматривая свои погрѣшности, мы могли всегда смиряться и не питать въ себѣ гордыхъ и лукавыхъ помысловъ, подобно ядовитымъ животнымъ.

14. Возлюбимъ безмолвіе, чтобы имѣть сердце чистое и сохранить отъ растлѣнія грѣховнаго тотъ храмъ, который намъ ввѣренъ.

15. Прекрасна молитва, соединенная съ воздыханіями и слезами, въ молчаніи изливаемыми: ибо взывать при молитвѣ во услышаніе всѣхъ, значитъ желать похвалы отъ людей; но кто въ молитвѣ водится познаніемъ и вѣрою, тотъ видитъ предъ собою самаго Господа, которымъ мы *живемъ и движемся и есмы* (Дѣян. 16, 28).

16. Ежели сердце твое ожесточилось, плачь предъ Богомъ, дабы Онъ излилъ въ тебя свѣтъ познанія, и не смѣйся

надъ тѣми, которые изъ глубины пламеннаго сердца взываютъ къ небу.

17. Кто издѣвается надъ трудящимися, тотъ дѣлаетъ себя рабомъ коварнаго, исполняя злую волю его. Таковый не найдетъ радости, уготованной для рабовъ Господнихъ.

18. А ты, подвижникъ, всегда съ разумѣніемъ исполняй дѣла свои, и—мы не подадимъ случая къ посмѣянію тѣмъ, которые ищутъ онаго.

19. Горе немилосердому, горе коварному, горе предающемуся роскоши; лютый адъ встрѣтитъ ихъ: ибо они, служа чреву, отвергаются Бога для того, чтобы получить власть и достоинство въ суетной жизни сей. Но вдругъ приходитъ смерть, изсушаетъ гортань ихъ, всегда алкавшую сладкихъ снѣдей; разрушаетъ власть ихъ, для которой они презрѣли Творца своего; и наконецъ тѣла сихъ несчастныхъ, какъ пометъ, ввергаются въ землю, а души отводятся въ назначенное для нихъ мѣсто.

20. Смотря на пріятности жизни, остерегайся, чтобы онѣ не привлекли

тебя къ себѣ; потому что въ нихъ скрывается сѣть смерти: ибо рыболовъ никогда не закидываетъ голой уды.

21. Врагъ, какъ приманку на удѣ, употребляетъ похоть, чтобы чрезъ нее подчинить себѣ всякую душу.

22. Первая уловленная душа дѣлается сѣтію для другихъ, привлекая ихъ къ волѣ діавола и прельщая души, еще неиспытавшія горечи змія: подобно тому, какъ пойманная куропатка служитъ приманкою для тѣхъ, которыя еще не пойманы; птицеловъ растягиваетъ вокругъ ея сѣти, и подлетающія къ ней скоро запутываются въ сѣтяхъ.

23. Подвизайся въ добродѣтели, не боясь трудовъ: ибо безъ трудовъ не познается добродѣтель.

24. Когда трудишься, возводи къ небу взоръ души своей: созерцая небесныя радости, не будешь отказываться отъ трудовъ.

25. Трудись безъ лѣности, дабы избѣжать трудовъ тщетныхъ: ибо труды Праведныхъ произращаютъ плодъ жиз-

ни, а труды грѣшныхъ полны скорбей и мученія.

26. Переноси ради Бога съ терпѣніемъ скорби настоящей жизни, и не будешь отчужденъ отъ упованія Святыхъ: иго врага по истинѣ содержитъ въ себѣ скорбь смертоносную.

27. Трудящіеся для суеты стараются соблазнить трудящихся благоразумно, дабы не имѣть для себя въ нихъ близкаго обличенія. Но, тогда какъ суетно трудящіеся падаютъ, подвижники благочестія вѣнчаются.

28. Украшайся смиренномудріемъ, дабы добрыя дѣла, сдѣланныя тобою, не остались безплодными; а ежели отвергнешь смиренномудріе, то и ты причисленъ будешь къ тѣмъ, которые трудятся напрасно.

29. Хочешь ли управлять душею своею? — Оберегай себя отвсюду, какъ разумный, чтобы не погрузиться въ сладострастные помыслы и не потонуть въ самой пристани.

30. Ежели хочешь имѣть безопасную пристань, огради ее твердыми укрѣпле-

ніями, чтобы буря похотей не могла легко сокрушить ихъ, и чтобы вмѣсто пристанища ты самъ себѣ не приуготовилъ кораблекрушеніе.

31. Не зацѣпляй якоря за якорь, доколѣ еще остается въ тебѣ что-либо легкомысленное, дабы страсти не увлекли тебя быстротою своею; ибо кто желаетъ вытащить упавшаго въ яму, тотъ самъ долженъ имѣть крѣпость духа, чтобы тяжесть упавшаго не вовлекла и его въ ту же пропасть; ибо страстные разговоры, подобно крючьямъ якоря, зацѣпляютъ душу и увлекаютъ ее.

32. Всегда убѣгай вредныхъ разговоровъ, и душа твоя будетъ наслаждаться покоемъ.

33. Монахъ дѣлается посмѣшищемъ, когда онъ не совершаетъ всѣхъ дѣлъ своихъ съ духовнымъ разумѣніемъ. А разумъ требуетъ отъ всѣхъ насъ чистоты и благоразумія.

34. Ежели ты не воспламененъ сильно Духомъ Святымъ, то не желай слышать о чужихъ грѣхахъ: ты найдешь въ нихъ двоякую брань для себя. Во-первыхъ, ду-

па будетъ соблазняться воспоминаніемъ слышаннаго; во-вторыхъ, надобно будетъ терпѣть непріятности и отъ того самаго, кто открылся въ грѣхахъ своихъ, ежели онъ мужественно не воспротивится страстямъ своимъ крестною силою. — Ибо таковый, если по нерадѣнію впадаетъ опять въ тѣ же пороки, обыкновенно смотритъ, какъ на врага, на того, кого избралъ своимъ исправителемъ, хотя сей по благоразумію своему и хотѣлъ бы забыть всѣ погрѣшности исправляемаго имъ.

35. Какъ тотъ, у кого въ растворенное окно вылетѣла домашняя голубица, не употребляетъ жезла или камня, чтобы опять возвратить ее, но насыпавъ зеренъ, съ благоразуміемъ и осторожностію старается приманить оную: такъ и желающій очистить скверну своихъ помысловъ имѣетъ нужду во многомъ благоразуміи и великой опытности.

36. Ежели ты занимаешься чтеніемъ, то не прельщайся одною только пышностію и красивостію словъ, и не ограничивайся симъ однимъ упражненіемъ,

чтобы духъ самоуслажденія не поразилъ твое сердце: но старайся изъ всего, что читаешь, извлекать врачевство для души своей, подражая мудрой пчелѣ, которая и изъ некрасивыхъ цвѣтовъ собираетъ медъ.

37. Какъ тщеславный бѣднякъ, хотя и присвоиваетъ себѣ имя царя, однако не есть еще царь: такъ и монахъ, который ѣстъ тайно, а на братской трапезѣ принимаетъ видъ постника и воздержника, не есть еще подвижникъ. Онъ плететъ только паутину, потому что не идетъ прямымъ путемъ Святыхъ, а путемъ человѣкоугодниковъ.

38. Ежели ты отказался отъ міра, то прилежно занимайся дѣломъ своимъ, чтобы найти тотъ бисеръ, котораго ищешь. Ибо нѣкоторые, отказавшись отъ міра, хотя оставили мірское состояніе,—одни выступили изъ войска, другіе расточили богатство: но поелику они водились собственною волею, то пали въ крайнюю погибель; ибо ничего нѣтъ бѣдственнѣе, какъ управляться своею волею, а не волею Божіею. Таковые, когда ду-

маютъ, что они на большее разстояніе удалились отъ предметовъ міра сего, не переступили еще и за порогъ онаго.

39. Израильтяне вышли изъ желѣзной пещи, перешли безвредно Чермное море, и насладившись столь многими дарами, потерпѣли кораблекрушеніе на сушѣ; потому что стали руководиться собственною волею. И изъ такого многочисленнѣйшаго народа спаслись только два человѣка, вѣрившіе обѣтованію Господа и свято сохранившіе волю Вышняго.

40. Тѣ, которые отказались отъ міра, не имѣютъ ничего общаго съ міромъ. Если они стоятъ на высотѣ достоинства, то начальствуютъ, какъ бы не начальствуя; если унижены до презрѣнія, нисколько не ослабѣваютъ духомъ. Но поколебавшіеся въ благочестіи легко привлекаются удовольствіями міра, и уже болѣе не подвизаются за добродѣтель. Сбросивъ яремъ, они тщательнѣе возобновляютъ то, что прежде славно разрушили. Ихъ можно уподобить такой дѣвицѣ, которая, живя въ уединенной храминѣ, и строго храня цѣломудріе, какъ скоро

развращается въ чувствованіяхъ, — отлагаетъ дѣвическую скромность и нагло вдается во всѣ пороки, не боясь Бога и не стыдясь людей. Но такіе не избѣжатъ руки Божіей. Послѣдній день обнаружитъ дѣло каждаго: ибо огнь будетъ испытывать.

41. Блаженъ, кто дѣлами проповѣдуетъ добродѣтель. Ибо не спасаетъ то, чтобы только говорить о добродѣтели, а дѣлать совершенно противное; такъ какъ и тотъ не получаетъ награды, кто говоритъ о цѣломудріи, а живетъ развратно.

42. Не смущайся душею, когда видишь, что люди чувственные безъ страха предаются наслажденіямъ: цвѣтъ ихъ исполненъ зловонія; но цвѣтъ любящихъ добродѣтель блистаетъ свѣтомъ и исполненъ благоуханіемъ. Итакъ пребудь въ добродѣтели, чтобы заслужить уваженіе и у тѣхъ, которые прилѣплены къ текущимъ и преходящимъ удовольствіямъ: ибо хотя они и не показываютъ явно сего чувства, но тайно внутрь себя ублажаютъ служителей добродѣтели.

43. Когда увидишь тѣло, съ раченіемъ украшенное для возбужденія постыдной любви; не удивляйся сему украшенію, и не обманывайся блескомъ наружности, которая скоро превратится въ прахъ: но съ воздыханіемъ воспой въ сердцѣ своемъ: *помяни, Господи, яко персть есмы: человѣкъ, яко трава дніе его, яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтетъ. Яко духъ пройде въ немъ, и не будетъ и не познаетъ ктому мѣста своего. Милость же Господня отъ вѣка и до вѣка на боящихся Его* (Псал. 102, 14. 17). — Такимъ образомъ, при содѣйствіи благодати Божіей, не будешь плѣнникомъ лукаваго.

44. Прилежно проси Господа, чтобы Онъ даровалъ тебѣ духъ совершеннаго цѣломудрія, дабы и въ ночныхъ мечтаніяхъ ты могъ избѣгать навѣтовъ лукаваго. Ежели кто увидитъ, что его преслѣдуетъ звѣрь, или человѣкъ съ зажженнымъ факеломъ: то бѣгаетъ изъ дома въ домъ, чтобъ не сгорѣть отъ пламени. Подражай и ты сему.

45. Какъ познанія въ наукахъ или искуствахъ, пріобрѣтаемаго обыкновенно

трудами, невозможно купить за деньги: такъ безъ прилежанія и постояннаго терпѣнія невозможно быть и монахомъ.

46. Глава важнѣе всѣхъ членовъ твоего тѣла, и ежели тебѣ грозятъ камнемъ, или жезломъ или мечемъ; — ты подставляешь другіе члены тѣла, только бы отвратить ударъ отъ головы, зная, что безъ нее не можешь оставаться въ живыхъ. Такимъ же образомъ должна быть для тебя всего важнѣе вѣра въ Святую, Единосущную Троицу; ибо безъ нее никто не можетъ жить истинною жизнію.

47. Уповай на Господа отъ всего сердца своего, и удобно избѣжишь козней злодѣйскихъ: ибо Господь не презритъ служащихъ Ему.

48. Египтянка хотѣла соблазнить Боголюбиваго Іосифа, и насильно влекла его къ постыдному дѣлу. Но юноша оросилъ душу свою мыслію о Вседержителѣ, дабы беззаконный огнь не сожегъ его: укрѣпилъ чувства свои, чтобы не дать мѣста чуждымъ помысламъ и не содѣлаться плѣнникомъ безстыдной жены: ибо онъ всегда смотрѣлъ на нее, какъ на

сѣть смертную, и — побѣдивъ искушеніе, получилъ вѣнецъ и сдѣлался царемъ Египта.

49. Нечестивые въ Вавилонѣ вздумали возстать противъ святой души, чтобы безстыдно очернить ее. Но имѣя защитникомъ своимъ высочайшаго Бога, она сильно попрала ихъ. Составили совѣтъ противу Блаженнаго, дабы, какъ они думали, умертвить его, и — суемудрые не познали, что въ семъ самомъ совѣтѣ заключается приговоръ ихъ собственной смерти. Ибо отъ недремлющаго Ока можетъ ли что укрыться?

50. Братія! мы должны идти путемъ тѣснымъ и скорбнымъ, дабы пріобрѣсти благородство и имѣть стражемъ своимъ Бога.

51. Бисеръ всегда хранится во внутреннѣйшихъ чертогахъ; а вещи негодныя какъ соръ выбрасываются на распутія.

52. Ежели кто поноситъ тебя и открываетъ худые твои поступки, — обвиняй больше самаго себя, нежели поносителя. Ибо ты, посрамившій себя дѣла-

ми, неужели не перенесешь простыхъ словъ отъ другаго? Не заставляй его молчать угрозами твоего гнѣва, а лучше исправься и отстань отъ худыхъ дѣлъ: поелику зловоніе дѣлъ твоихъ обнаруживаетъ тебя, и обличителемъ души твоей дѣлаетъ тебя самаго.

53. Очищай себя отъ порочныхъ дѣлъ покаяніемъ и — злословіе порицателей не очернитъ тебя.

54. Вооружись противъ грѣха, подвижникъ жизни небесной, и не страшись нападенія отъ искушеній: онѣ не сдѣлаютъ вреда мужественному ратоборцу.

55. Должно намъ противуполагать огнь Божественный огню похотей. Кирпичь не выжженный бываетъ слабъ и ломокъ, а когда пережженъ будетъ огнемъ и высушенъ, то и водою не размывается, и огню противится. Ибо глиняный сосудъ удерживаетъ въ себѣ воду, и печь сложенная изъ кирпичей, удерживаетъ разженный въ ней пламень.

56. Будь мужественъ въ искушеніяхъ и скорбяхъ, и всячески противься пламеннымъ порывамъ удовольствій, чтобы

не распасться и тебѣ, какъ распадается невыжженный кирпичъ отъ дождевыхъ каплей, и чтобы не потерять той твердости, которую себѣ усвояешь.

57. Не почитай того дѣла добрымъ, которое тебѣ только кажется таковымъ, но — которое одобрено будетъ мужами благочестивыми.

58. Внимай гласу Господа, дабы Господь помогалъ тебѣ, полагая руку Свою на оскорбляющихъ тебя и смиряя враговъ твоихъ. Страшись невнимать сему гласу, чтобы не услышать тебѣ сихъ словъ: *отпустихъ я по начинаніемъ сердецъ ихъ*, пусть ходятъ *въ начинаніяхъ своихъ*, (Пс. 80, 13).

59. Старайся не служить собственной волѣ, но быть послушнымъ тѣмъ, которые боятся Господа; и тогда при помощи милосердія Божія сокрушишь главу дракона. А ежели слѣдуешь собственной своей волѣ, то знай, что ты далеко отстоишь отъ совершенства, и по той мѣрѣ, сколько ты далекъ отъ совершенства, столько имѣешь нужды въ руководительствѣ и наставленіи.

60. Переноси скорбь о Господѣ, дабы насладиться радостію; переноси трудъ, чтобы получить плодъ. Каменосѣчецъ за изсѣченіе камней, и ковачь за кованіе желѣза получаютъ награду.

61. Кто убѣгаетъ брани, тотъ не получитъ добычи; и кто убѣгаетъ ученія, не будетъ имѣть жребія съ мудрыми.

62. Воспари на высоту, и увидишь, какъ все земное низко и бѣдно; а когда сойдешь долу,—всякой выкрашенный домикъ будетъ удивлять тебя.

63. Усовершайся въ познаніи, служитель благочестія: оно вознесетъ тебя какъ колесница, и сохранитъ отъ многихъ преткновеній; ибо никогда не попуститъ любителю своему говорить и дѣлать что либо на соблазнъ другимъ.

64. Воня познанія обнаруживается въ человѣкѣ чрезъ всегдашнее обвиненіе самаго себя; а кто обвиняетъ самаго себя, тотъ не будетъ осуждать другаго, впадающаго въ одинаковыя съ нимъ погрѣшности.

65. Изъ двухъ рабовъ, заключенныхъ въ темницу за одинаковыя преступле-

нія, безчестнѣйшимъ почитается тотъ, который поноситъ своего союзника.

66. Не издѣвайся надъ впадшимъ въ искушеніе, и не осуждай его: но молись непрестанно, чтобы и тебѣ не впасть въ искушеніе. Ибо чье сердце помрачено бурею помысловъ, и кто побѣжденъ страстями: тотъ не стыдится людей и не боится Бога, и если онъ силенъ, то безъ страха дѣлаетъ зло; а если слабъ и бѣденъ, то, нудимый развращенностію своею, съ такимъ же безстыдствомъ стремится къ порокамъ.

67. Не будь сластолюбцемъ и притомъ надмѣннымъ, но послушай, что говоритъ Псалмопѣвецъ: *Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его и да бѣжатъ отъ лица Его ненавидящіи Его. Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ; яко таетъ воскъ отъ лица огня, тако да погибнутъ грѣшницы отъ лица Божія: а праведницы да возвеселятся,* (Пс. 17, 1—4).

68. Монахъ! ты имѣешь келью:—молись непрестанно съ сердечнымъ смиреніемъ, какъ три отрока въ огненной пещи, и не сдѣлай самаго себя вертепомъ

разбойниковъ, живя въ грѣхахъ,— чтобы не посрамиться въ день суда, въ который откроются тайны человѣковъ.

69. Кто въ безпечности проводитъ время жатвы, тотъ не будетъ имѣть изобилія въ домѣ своемъ: такъ и презирающій труды въ настоящей жизни, во время воздаянія лишится утѣшенія праведныхъ.

70. Придетъ, братія, время, исполненное страха и трепета, — время, когда обнаружится все сдѣланное втайнѣ и во мракѣ. Но горе душѣ, которая не имѣетъ помощникомъ Господа!

71. Пріидите, Христолюбивые братія, размыслимъ о кончинѣ каждаго изъ насъ; размотримъ, въ какой тщетѣ проводимъ мы жизнь свою; ибо тщетно и безъ пользы живетъ тотъ, кто занимается дѣлами тщетными: но блаженны тѣ, которые на поприщѣ жизни сей производятъ куплю добродѣтели.

72. Богатый человѣкъ, плывущій на кораблѣ при попутномъ вѣтрѣ, съ надмѣннымъ видомъ сидитъ на ложѣ, ожидая наслажденій; повара готовятъ ему роскошныя яства; его окружаетъ толпа

рабовъ и тѣлохранителей: — но вдругъ поднимается буря, волнуетъ море, разбиваетъ корабль, и волны выбрасываютъ мореходца, оставленнаго всѣми, на необитаемые острова, наполненные звѣрями. Онъ кричитъ, рыдаетъ, но никто не слышитъ его; бьетъ себя по лицу, трепещетъ всѣмъ тѣломъ, и съ каждымъ часомъ ожидаетъ себѣ смерти. И тотъ, кто недавно былъ жестокъ и гордъ, снѣдается голодомъ и страхомъ, истаеваетъ отъ жажды, и нѣтъ никого, кто бы утѣшилъ его. Тоже самое и мы—нерадивые претерпѣваемъ на землѣ. Ибо тогда, какъ мы проводимъ въ суетныхъ удовольствіяхъ жизнь сію, внезапно приходитъ смерть, похищаетъ безпечнаго, и ввергаетъ его въ то ужасное мѣсто, гдѣ будутъ мучиться всѣ грѣшники, до конца презиравшіе своего Господа.

73. Находясь въ безопасности, представимъ себѣ, въ какомъ страхѣ бываетъ тотъ, кого морскія волны выбросили на необитаемыя мѣста, и кто лишенъ всякаго утѣшенія. Послѣ сего представимъ,

въ какомъ ужасѣ находится грѣшникъ, повергнутый на мѣсто мученія.

74. Сердце мое стенаетъ, и глаза готовы пролить источники слезъ; но грѣхи мои держатъ въ плѣну умъ мой, дабы я, проникнутый скорбію, не сталъ съ горькими слезами просить Господа— не ввергать меня во тму кромѣшнюю.

75. Ты, освободившій народъ Свой отъ рукъ Фараона и желѣзной пещи; Ты, проведшій людей Своихъ чрезъ Чермное море! освободи и насъ отъ беззаконій нашихъ, дабы мы обрѣли благодать предъ Тобою, когда Ты будешь судить живыхъ и мертвыхъ.

76. Пока еще имѣемъ въ себѣ силу, послужимъ Господу въ правотѣ сердца, дабы во время скорби найти въ Немъ помощника, исхищающаго насъ изъ глубины бѣдствій.

77. Богъ прославляетъ невообразимою славою тѣхъ, которые служатъ Ему въ чистотѣ сердца. Ибо славѣ Святыхъ нѣтъ конца.

78. Китъ, по повелѣнію Божію, пожралъ Пророка Іону, и въ чревѣ своемъ

сохранилъ его какъ въ чертогѣ. Глава Пророка сокрылась въ разсѣлины горъ, и бездна глубокая окружила его: онъ снизшелъ туда, гдѣ стоятъ вѣчныя подпоры земли. И тамъ-то воззвалъ въ молитвѣ своей: *да взыдетъ изъ истлѣнія животъ мой, Господи Боже мой* (Іон. 2, 7). И молитва Праведника раздѣлила бездну, разсѣкла воздухъ, воспарила на небо, и вошла во уши Господни. Или лучше, самъ Господь все исполняющій недалекъ былъ отъ вѣрнаго раба Своего.

79. Богъ повелѣлъ киту, и онъ изрыгнулъ Пророка, который, изшедъ изъ утробы китовой какъ изъ корабля, обратился на проповѣдь.

80. Грѣшники скрежещутъ зубами на праведныхъ, обступаютъ праведныхъ искушенія: но праведники вѣнчаются, а нечестивые, составлявшіе злые совѣты на Святыхъ, посрамляются.

81. Лукавая женщина гнала нѣкогда Илію Ѳесвитянина, но Господь чрезъ ворона пропиталъ его; а грѣшники поражены ужаснымъ голодомъ.

82. Пророкъ Илія восхищенъ на небо

огненною колесницею; а Iезавель, низверженная на землю съ высоты дома своего, съѣдена псами на улицахъ града.

83. Беззаконники ввергли пророка Iеремiю въ ровъ тинный, не имѣя болѣе терпѣнiя слышать проповѣдь Богочестiя. Но Авимелехъ Еѳiоплянинъ, убѣленный душею и блистающiй вѣрою, узнавъ о дерзости ихъ, обличилъ царя въ беззаконiи, и испросивъ позволенiе, извлекъ Пророка, за что получилъ благословенiе.

84. Враги востали на тѣхъ, которые всегда враждовали на Пророковъ Божiихъ, и народъ Еврейскiй преданъ въ руки враговъ. Сiи узнали Пророка Божiя, и снявъ съ него оковы, принесли ему дары: ибо видѣли въ немъ великое благочестiе. Добродѣтель всегда носитъ съ собою славу свою, подобно какъ ходящiй со свѣтильникомъ носитъ съ собою озаряющiй свѣтъ.

85. Нечестивые ввергли Пророка Данiила, за его Богочестiе, въ ровъ львиный, дабы львы растерзали его; но беззаконные не знали, что они дѣлаютъ это къ стыду своему. Ибо Господь чрезъ Ан-

гела рукою Аввакума послалъ обѣдъ вѣрному рабу Своему. И лютые звѣри, принявъ къ себѣ Пророка, съ покорностію служили ему. Сила небесная заградила уста львовъ, и Праведникъ остался невредимъ.

86. Когда Пророкъ изведенъ былъ изъ звѣринаго рва, нечестивые изобличились въ нечестіи своемъ: ибо они увидѣли, что Праведникъ исходилъ какъ женихъ изъ чертога, сіяя лицемъ и блистая славою.

87. Вавилоняне по справедливости могли недоумѣвать, не были ли лютые звѣри одержимы какою болѣзнію, что не прикоснулись къ человѣческому тѣлу; поелику избранный Божій цѣлые шесть дней находился между седмью львами, однакожъ не нашлось на немъ никакой язвы. Въ седьмый день царь пришелъ оплакать Праведника, и наклонившись въ ровъ, видитъ его сидящаго среди львовъ, какъ пастыря среди овецъ своихъ. Посему невѣрующіе по справедливости могли сомнѣваться въ его спасеніи. Ибо, когда брошены были въ ту же яму враги Праведника, львы въ одно мгновеніе

растерзали ихъ, сокрушили и самыя ихъ кости; и тогда-то видѣвшіе сіе съ удивленіемъ воскликнули: великъ Господь Богъ Даніиловъ!

88. Три отрока, не поклонившіеся златому образу, были крѣпко связаны и брошены въ пещь разженную: но огнь не посмѣлъ прикоснуться даже и къ власамъ ихъ, а вырвавшись изъ пещи, пожралъ тѣхъ, которые возжигали оный.

89. И такъ, памятуя сіе, возлюбленные, постараемся о томъ, чтобы намъ не быть отверженными во время искушеній. Ибо любимые Богомъ всегда возвеличиваются чрезъ терпѣніе въ искушеніяхъ.

90. Пока еще есть въ насъ какія нибудь силы, послужимъ Господу со страхомъ, правотою сердца и съ добрымъ произволеніемъ, дабы во время испытанія Онъ помогъ нашей слабости, и содѣлавъ насъ вѣнценосцами, ввелъ въ царствіе Свое. Аминь.

IX.

СЛОВО,

говоренное Преосвященнымъ Амвросіемъ, Архіепископомъ Тверскимъ, при вступленіи на паству сей Епархіи, въ Декабрѣ 1826 года.

И азъ пришедъ къ вамъ, братіе, пріидохъ не по превосходному словеси или премудрости, возвѣщая вамъ свидѣтельство Божіе: не судихъ бо вѣдѣти что въ васъ, точію Іисуса Христа, и сего распята. 1 Кор. 2, 1. 2.

Такъ вступилъ нѣкогда великій Учитель языковъ – Апостолъ Павелъ въ духовное общеніе съ избранными изъ Коринѳянъ! Можетъ быть, братіе, – пишетъ онъ къ нимъ,—вы надѣялись обрѣсти во мнѣ, при первой проповѣди моей, витію доброзвучнаго; можетъ быть, искали въ словѣ моемъ премудро-

сти міра. Нѣтъ, братіе! *пріидохъ къ вамъ не по превосходному словеси или премудрости, возвѣщая вамъ свидѣтельство Божіе*: моя мудрость есть буйство Креста; мое слово есть слово крестное—*Іудеемъ соблазнъ, Еллиномъ же безуміе*; моя проповѣдь есть Іисусъ распятый: *не судихъ бо вѣдѣти что въ васъ, токмо Іисуса Христа, и сего распята.*—«Такъ и я, вступая нынѣ въ общеніе съ вами, чада Церкви,—какое возвѣщу вамъ *слово утѣшенія*, какъ не *слово крестное*? Что иное и для меня, яко служителя Іисуса распятаго, вожделѣннѣе возвѣщать, и вамъ, яко искупленнымъ кровію Его, утѣшительнѣе слышать, какъ не слово о семъ же Іисусѣ распятомъ?—Такъ, Слуш. Христіане! ежели нѣтъ другаго имени подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, которымъ бы мы могли спастися, кромѣ имени Іисусова (Дѣян. 4, 12); ежели всѣ Божественныя силы къ жизни и благочестію подаются намъ токмо о Іисусѣ (2 Петр. 1, 2); ежели и самый животъ вѣчный состоитъ въ познаніи единаго истиннаго Бога и посланнаго имъ Іисуса Хри-

ста (Іоан. 17; 3): то куда еще должны стремиться наши мысли, наше сердце, наша вѣра, какъ не ко Іисусу?—И потому *не судихъ вѣдѣти что въ васъ, точiю Іисуса Христа, и сего распята.*

Что такое человѣкъ, бѣдный грѣшникъ, безъ Іисуса распятаго? Кто изведетъ его изъ той бездны растлѣнія, въ которую повергъ его грѣхъ? Кто утѣшитъ его въ скорбяхъ, коими усѣяна жизнь его? Кто уяснитъ ему мракъ гроба его, и усладитъ болѣзни смертныя?—Кто, какъ не Іисусъ распятый?—Сіи великія и вмѣстѣ утѣшительныя истины да будутъ первою моею бесѣдою къ вамъ, Православные Слушатели!

Все показываетъ намъ, что человѣкъ не таковъ изшелъ изъ рукъ Творца своего, каковымъ видимъ его нынѣ. Его разумъ, при всѣхъ мракахъ, окружающихъ его на землѣ, всегда ищущій высшаго, духовнаго свѣта, свидѣтельствуетъ, что онъ не созданъ ходить во тмѣ, въ которой пресмыкается нынѣ. Его совѣсть, обличающая безъ свидѣтелей и одобряющая безъ рукоплесканій свѣта, служитъ

для него залогомъ, что онъ сотворенъ на дѣла благія. Его душа, при самыхъ потокахъ сладостей, на лонѣ изобилія и довольства непрестанно жаждущая новыхъ наслажденій, познаетъ ясно, что предопредѣленъ онъ къ чистѣйшимъ наслажденіямъ, нежели всѣ земныя наслажденія. —И при всемъ томъ, что есть человѣкъ? —Если бы Слово Божіе не возвѣщало намъ, что *растлися всяка плоть предъ Богомъ* (Быт. 6, 12); если бы оно не научало насъ, что *прилежитъ помышленіе человѣку на злая отъ юности его* (Быт. 7, 21): то и ежедневный опытъ могъ бы убѣдить насъ въ этомъ достаточно.—Человѣкъ—это слѣпецъ, который ищетъ свѣта, и между тѣмъ добровольно возлагаетъ на очи свои завѣсу мрака.—Это рабъ страстей, который воздыхаетъ подъ оковами ихъ, и непрестанно лобызаетъ оковы сіи; хвалится смысломъ и разумомъ предъ безсловесными, и между тѣмъ, поставленный въ чести сей, *прилагается* часто, какъ говоритъ Писаніе, *скотомъ несмысленнымъ и уподобляется имъ* (Пс. 48, 13); носитъ въ сердцѣ своемъ скрижали за-

кона естественнаго, на которыхъ написана чертами неизгладимыми вся, *елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель, и аще кая похвала* (Филип. 4, 8),—и въ пылу страстей сокрушаетъ скрижали сіи предъ кумиромъ порока; *соуслаждается закону Божію по внутреннему человѣку,—и чувствуетъ инъ законъ во удѣхъ своихъ, противувоюющъ закону ума его и плѣняющъ его закономъ грѣховнымъ* (Рим. 7, 22. 23); чувствуетъ, что сотворенъ онъ для добродѣтели, для святыни,—и приноситъ кадило пороку; любитъ добро,—и отрѣваетъ оное; ненавидитъ злое,—и лобызаетъ его. Такъ-то оправдываетъ опытъ оное Святое слово, что человѣкъ *зачинается въ беззаконіихъ и раждается во грѣсѣхъ* (Пс. 50,8)! Такъ-то справедливъ сей глаголъ Пророка: *вси уклонишася, вкупѣ непотребни быша: нѣсть творяй благое, нѣсть до единаго* (Пс. 52, 2. Рим. 3, 12)! Когда раскрываемъ мы книгу бытія человѣческаго; то на каждой почти страницѣ ея читаемъ, что *вси человѣцы суетни естест-*

веннѣ (Прем. 13, 1), *ходятъ въ суетѣ ума ихъ, помрачени смысломъ, отчуждени отъ жизни Божія* (Еф. 4, 17. 18).

Послѣ сего человѣкъ неможетъ нечувствовать растлѣнія и глубокаго паденія своего. Но кто уврачуетъ въ немъ болѣзни сіи? Кто возставитъ его отъ паденія сего? Кто просвѣтитъ тму его?— Разумъ,—говорятъ любомудры.—Но сей врачъ самъ еще требуетъ врачевства; сей вождь самъ только ощупью ищетъ истины, и часто вмѣсто ея уловляетъ мечты и призраки; сей свѣтильникъ самъ требуетъ елея, да не угаснетъ навсегда. — Законы человѣческіе? — Но это только узы, связующіе порокъ; а не пѣстунъ добродѣтели. Награды земныя?—Но не видимъ ли мы, какъ часто хитрое искательство восхищаетъ награды сіи безъ заслугъ, а скромная заслуга лишается праведной мзды своей?—Часто порокъ въ изобиліи и богатствѣ, а бѣдная добродѣтель орошаетъ хлѣбъ свой слезами, и плачемъ растворяетъ питіе свое. — Совѣсть? — Но письмена сей книги закона естественнаго не внятны уже

тѣмъ, кои *предались въ неискусенъ умъ творити неподобная* (Рим. 1, 28).—Мудрость и просвѣщеніе? – Но и опытъ и слово Божіе единогласно вопіютъ, что *міръ въ премудрости Божіей* никогда *не позналъ бы премудростію Бога, если бы не благоизволилъ Богъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ* (1 Кор. 1, 21).

И такъ, чтобы известь человѣка изъ бездны растлѣнія, въ которой пресмыкается онъ, потребенъ большій свѣтъ, нежели свѣтъ разума,—сильнѣйшій законъ, нежели законы человѣческіе,—вожделѣннѣйшія воздаянія, нежели воздаянія временныя,—вѣрнѣйшій вождь, нежели совѣсть человѣка грѣхомъ растлѣннаго,—высочайшая мудрость, нежели вся мудрость вѣка сего.

Но благодареніе премилосердому Отцу человѣковъ! Сей свѣтъ, сей вождь, сія премудрость, сей законоположникъ—Господь Іисусъ Христосъ пришелъ наконецъ и возвѣстилъ намъ путь спасенія. Если разумъ, осуетившись въ помышленіяхъ своихъ, низпадалъ изъ бездны въ бездну, изъ заблужденія въ заблужденіе:

то ученіе Богочеловѣка открыло ему тотъ свѣтъ, который и *во тмѣ свѣтится, и тма не объемлетъ его* (Іоан. 1, 8). Отсюда возсіяли тѣ лучи *низходящей свыше премудрости* (Іак. 3, 15), каковыми любомудріе никогда не озаряло вселенную,—то просвѣщеніе ума, каковымъ только человѣки должны прославлять Отца свѣтовъ. Если сердце человѣка, низпадши съ высоты любви Божіей и пригвоздившись къ тлѣнію, раздробилось въ любви своей по числу предметовъ чувственныхъ, обаяющихъ его, *и растлилось и омерзилось въ начинаніихъ своихъ* (Пс. 13, 1); то *благодать Божія, спасительная всѣмъ человѣкомъ* (Тит. 2, 11), вмѣсто сердца *тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ* (Еф. 4. 22), *созидаетъ въ насъ сердце чисто и духъ правый обновляетъ во утробахъ нашихъ* (Пс. 50, 12). Отсюда та сила, движущая сердце *и еже хотѣти и еже дѣяти благоугодная Богу* (Филип. 2, 13), — та *крѣпкая яко смерть любовь*, все препобѣждающая и ничѣмъ непобѣждаемая, которую *ни смерть, ни животъ, ни Ангели, ни на-*

чала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина кая тварь возможетъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ (Рим. 8, 38. 39). Если душа, томимая жаждою блаженства, для котораго она сотворена, ищетъ на землѣ сего блаженства только въ семъ златѣ и сокровищахъ, кои подавляютъ, такъ сказать, ее, но не насыщаютъ желаній ея;— въ сихъ удовольствіяхъ чувственныхъ, коихъ число можетъ пресытить ее, но не удовольствовать;—въ сихъ почестяхъ и отличіяхъ, кои поражаютъ очи, но не доставляютъ покоя сердцу;—въ сей славѣ, которая плѣняетъ самолюбіе наше, но исчезаетъ, какъ звукъ въ воздухѣ, при закатѣ дней нашихъ: то Іисусъ Христосъ, возводя желанія наши отъ земли къ небеси, отъ временнаго къ вѣчному, указуетъ ей то блаженство, предъ которымъ вся красная міра исчезаютъ;— тѣ потоки сладости, коими упіются избранные Его отъ всѣхъ колѣнъ и языкъ, когда возлягутъ на лонѣ вѣчности *и просвѣтятся, яко солнце, во царствіи*

Отца ихъ (Мат. 13, 43). Отсюда безстрастіе къ благамъ временнымъ, которое *не смотряетъ уже видимыхъ, но невидимыхъ* (2 Кор. 4, 18), — то великодушіе при лишеніи ихъ, которое вопіетъ: *Господь даде, Господь отъятъ; буди имя Господне благословенно* (Іов. 1, 21); — то желаніе благъ истинныхъ, которое все *вмѣняетъ тщету быти за превосходящее разумѣніе Христово* (Филип. 3, 8).

Но мы, Христіане, еще на пути къ блаженству сему, и *не у явися, что будемъ!* Въ сей юдоли слезной, стези жизни нашей усѣяны болѣе терніями, нежели цвѣтами. При свѣтѣ разума мы не престаемъ искать счастія, а оно убѣгаетъ отъ насъ, подобно блуждающимъ огнямъ, кои тѣмъ болѣе удаляются отъ путника, чѣмъ ближе онъ считаетъ себя къ онымъ. Счастливые міра! Соберите окрестъ себя веселія разнородныя: — но источникъ ихъ скоро изсякнетъ, и сердце останется пусто, или должно будетъ возвращаться на прежнія наслажденія, кои пресыщеніе дѣлаетъ скучными, а желаніе насладиться — необходимыми. Поставляй-

те блаженство въ удовлетвореніи страстей своихъ: но страсти суть мучители, кои возлагаютъ хотя златыя, но тяжкія оковы на поклонниковъ своихъ. Утверждайте счастіе ваше на основаніи расчетовъ дальновидныхъ: но жизнь наша есть ладія, непрестанно колеблемая треволненіемъ сего житейскаго моря, возметаемаго напастей бурею. Кому не извѣстны тѣ случаи неожиданные, которые въ одно мгновеніе превращаютъ свѣтлый день благополучія въ мрачную ночь унынія;—тѣ потери невозвратныя, кои гласы воскликновеній радостныхъ претворяютъ въ вопли отчаянія;—тѣ болѣзни безчисленныя, кои терзаютъ человѣчество и въ чертогахъ и въ хижинахъ?

При семъ бодрствуй, мужайся, укрѣпляйся, человѣкъ! — Но гдѣ шлемъ, гдѣ щитъ, гдѣ броня, въ которыя облеченъ, возможешь противиться въ день лютъ?— Разумъ?—Такъ, онъ можетъ подать намъ полезные совѣты, когда все течетъ по нашимъ желаніямъ: но не можетъ усладить горькой чаши страданій нашихъ.—

Нечувствительность? — Но сердце наше некаменное, и грудь немѣдная. — Безусловная покорность необходимости?—Но необходимость—терпѣть скорѣе можетъ породить въ душѣ отчаяніе, нежели излить въ нѣдро ея утѣшеніе.

Нѣтъ, не такими щитами покрываетъ насъ Іисусъ Христосъ *въ скорбѣхъ, обрѣтшихъ ны зѣло* (Пс. 45, 2). Онъ не проповѣдуетъ нечувствительности въ страданіяхъ, но растворяетъ оныя сладчайшими утѣшеніями вѣры; не отнимаетъ у сердца заслуги терпѣнія, но отираетъ слезы, катящіяся изъ очей страдальца безутѣшнаго, увѣреніями, что и власъ главы нашея не падаетъ безъ воли Отца небеснаго, который толико *любитъ* чадъ своихъ, что и *Сына своего единороднаго не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его* (Рим. 8, 32), *да всякъ вѣруяй въ онь не погибнетъ* (Іоан. 3, 16). — Итакъ, когда удары бѣдъ разражаются надъ главами нашими:—невѣріе ничего не видитъ при семъ, кромѣ рока неумолимаго; вѣра напротивъ видитъ и здѣсь любовь Отца небеснаго:

егоже любитъ Господь, вѣщаетъ она, *наказуетъ; біетъ же всякаго сына, егоже пріемлетъ* (Евр. 12, 6). Страданія умножаются? – Любомудріе ничего не видитъ въ нихъ, кромѣ бѣдности естества человѣческаго; вѣра изъ сихъ самыхъ страданій заключаетъ о славѣ, ожидающей страдальцевъ Христовыхъ. *Еже нынѣ легкое печали нашея,* вопіетъ одинъ изъ нихъ, *по преумноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ: не смотрящимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ* (2 Кор. 4, 17. 18). —Несчастія окружаютъ насъ? Разумъ ничего не прозрѣваетъ въ нихъ, кромѣ гнѣва небеснаго; вѣра видитъ и въ нихъ милосердый о насъ судъ Божій:—*судими отъ Господа наказуемся,* говоритъ она, *да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. 11, 32),—*и вмалѣ наказани бывше, великими благодѣтельствовани будемъ* (Прем. 3, 5). — Болѣзни повергаютъ насъ на одръ смертный? — Неимущій упованія предается отчаянію; но ученикъ Іисусовъ *не стужаетъ си:* ибо знаетъ, что *аще внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внут-*

ренній обновляется (2 Кор. 4, 16); *и аще земная наша храмина разорится, имамы храмину вѣчну, нерукотворенну на небеси* (5, 1).

Наконецъ наступаетъ рѣшительный часъ смертный;—и здѣсь-то открывается вѣра во Іисуса во всемъ торжествѣ ея. Дабы уразумѣть сіе, послушаемъ послѣдняго гласа умирающаго праведника, и мужа ходящаго въ суетѣ ума своего.

«И такъ я умираю,»—говоритъ себѣ на ложѣ смертномъ чуждый вѣры Іисусовой. «Взирая на тѣло мое, я съ горестію вижу, что оно готово обратиться въ персть свою, содѣлаться пищею червей, прахомъ отъ вѣтра возметаемымъ. Бѣдное тѣло! начало твое въ немощи, а конецъ въ истлѣніи.!»

Взираетъ и Христіанинъ въ послѣдній часъ на тѣло.—«Скоро, скоро отложу я тебя, какъ ризу обветшавшую: но я слагаю тѣло, *посѣянное въ немощи*, да воспрійму оное *воставшее въ силѣ* (1 Кор. 15, 43); слагаю тѣло *земное*, да воспрійму тѣло *небесное*. При гласѣ Архангеловѣ, при послѣдней трубѣ *воскреснутъ* о

Христъ мертвіи (1 Сол. 4, 16). Тогда-то обновишься и ты, риза моя, какъ юность орля; тогда-то явишься въ нетлѣніи и ты—истлѣвающій покровъ мой! *Подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облещися въ безсмертіе* (1 Кор. 15, 53).

Взираетъ поклонникъ разума на міръ, исчезающій въ очахъ его. Онъ говоритъ: «И такъ завѣса опускается, и мраки смерти сокрываютъ отъ очей моихъ вся красная міра сего! Жизнь скоротечная! ты уже на закатѣ своемъ! Гдѣ радости, украшавшія дни мои?—Исчезли, какъ сонъ утренній! Гдѣ удовольствія, которыя растворяли чашу жизни моей веселіемъ?—Лежатъ сокрыты въ нѣдрахъ времени протекшаго! Титла мои знаменитыя! уже вы для меня не существуете. Вы украсите гробъ мой; но сердце, прилегшее къ персямъ земнымъ, не утѣшится вами. Богатства мои, для которыхъ перенесъ я толико трудовъ, толико безпокойствъ! Вы прейдете въ руки чуждыя. Ближніе мои, къ которымъ привязано сердце мое столь нѣжными уза-

ми! я разлучаюсь съ вами навсегда, навсегда!»

Взираетъ и Христіанинъ на міръ, который оставляетъ.—Онъ говоритъ: «И такъ оставляю я міръ—сіе мѣсто пришельствія моего, да вселюся въ обители вѣчныя,—оставляю сіе бурное море, да вниду въ пристанище тихое; оставляю темницу, да явлюся во свѣтѣ лица Божія. Я слагаю оковы плоти, да прейду въ свободу чадъ Божіихъ! Такъ, я слагаю титла земныя при гробѣ моемъ: но какія великія титла несу я съ собою за гробъ мой, когда несу туда титло сына Божія, наслѣдника царствія Его! Сокровища міра исчезаютъ въ очахъ моихъ: но не отверзаются ли мнѣ сокровища вѣчныя, *ихже ни червь ни тля тлитъ, ни татіе не подкопываютъ, ни крадутъ* (Мат. 6, 20). Ближніе мои! Вы даете мнѣ *послѣднее цѣлованіе*: но я не разлучаюсь съ вами навсегда. Туда, куда я иду, и вы прейдете, ежели умрете о Христѣ; тамъ *паки узрю вы, и возрадуется сердце наше, и радости нашея никтоже возметъ отъ насъ* (Іоан. 16, 22).»

«Когда озираюсь я съ смертнаго ложа моего на жизнь протекшую,—говоритъ себѣ ходящій по стихіямъ міра, а не по Христѣ,—я вижу, что я мужъ грѣшенъ: какъ явлюся предъ лице Твое, Судія праведный! Ты повелѣвалъ: я преступалъ повелѣнія Твои. Сердце мое, созданное Тобою, долженствовало принадлежать Тебѣ единому: но я содѣлалъ изъ него вертепъ разбойниковъ—страстей студныхъ, желаній законопреступныхъ; чѣмъ оправдаюсь я предъ Тобою? Прибѣгну къ милосердію Твоему? Но правосудіе Твое требуетъ суда неумытнаго!—Воззову о помилованіи? Но дѣла мои вопіютъ въ слѣдъ мене. О, Боже! не вниди въ судъ съ грѣшникомъ, *яко не оправдится предъ Тобою всякъ живый* (Пс. 142, 2).»

«Наконецъ наступилъ для меня часъ,—вѣщаетъ Христіанинъ,—въ который *возвратится персть* сія *въ землю, якоже бѣ, и духъ возвратится къ Богу; иже даде его* (Еккл. 12, 7).—Но ахъ! когда озираюсь я вспять на дѣла мои; тогда *нѣсть мира въ костѣхъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ.* Но я взираю на Крестъ Ходатая

моего,—и исполняюся упованіемъ на милосердіе Твое, Судія праведнѣйшій! Тамъ убитъ грѣхъ со всѣми ужасами его; тамъ принесена безконечная жертва правосудію Твоему; тамъ *истреблено рукописаніе, еже бѣ сопротивно намъ* (Кол. 2, 14). Я по дѣламъ моимъ—рабъ неключимый: тамъ милосердіе сопричислило меня къ лику друзей Твоихъ; я должникъ безотвѣтный: тамъ заплачены долги мои; — *я чадо гнѣва по естеству* (Еф. 2, 3): тамъ усыновленъ я Тебѣ заслугами возлюбленнаго Сына Твоего. *Кто поемлетъ на избранныя Божія? Богъ оправдаяй! кто осуждаяй? Христосъ Іисусъ умерый, паче же и воскресый, иже и есть одесную Бога, иже и ходатайствуетъ о мнѣ* (Рим. 8, 33). Отче небесный! пріими духъ мой съ миромъ!»

Такъ врачуетъ, просвѣщаетъ, умудряетъ, утѣшаетъ насъ Іисусъ Христосъ и въ жизни и въ смерти! И сего-то Іисуса служитель и посланникъ, исхожу я нынѣ на дѣла моя и на дѣланіе мое предъ вами, братія.—Такъ, я изношу сокровище сіе въ скудельномъ сосудѣ, *да*

премножество силы будетъ Божія, а не отъ насъ; я буду возвѣщать вамъ свидѣтельство Божіе *не въ премудрости слова, да не испразднится крестъ Христовъ* (1 Кор. 1, 17): *не хощу бо вѣдѣти что въ васъ, точію Іисуса Христа, и сего распята.*

И какое утѣшеніе срѣтаетъ меня при исходѣ на поприще Апостольства моего! —Знаю, что посланъ я не ко овцамъ заблудшимъ отъ дома Пастыреначальника—Христа, *но въ языкъ святъ, къ людямъ обновленія, въ родъ избранъ*, къ Христіанамъ, вкусившимъ уже дара небеснаго. Чтожъ предлежитъ мнѣ?—Не сѣять уже словеса жизни, но блюсти только, *да не пришедъ сопостатъ, всѣетъ плевелы посредѣ пшеницы* Христовой;—не *насаждать* сѣмя вѣры, но *напаять* точію насажденное тѣми благими дѣлателями винограда Христова, изъ коихъ многіе прешли отъ сего міра, исполненные благихъ дѣлъ Апостольства;—не возжигать свѣтильникъ вашея вѣры, но умолять Отца свѣтовъ, да просвѣщаетъ Онъ свѣтъ свой выну предъ вами. Ахъ, бра-

тія! *потщитесь* убо *извѣстно ваше званіе и избраніе творити* (2 Пет. 1, 10). Господь *послалъ* вамъ *свѣтъ свой и истину свою, да наставятъ васъ и введутъ въ гору святую Его и въ селенія* славы *Его*: ходите убо во свѣтѣ ихъ, да сынове свѣта будете. Онъ утвердилъ васъ на камени вѣры, да не будете тростію, вѣтромъ всякаго ученія колеблемою. Онъ освятилъ васъ въ жилище себѣ: да не водворится жектому въ васъ мерзость запустѣнія, стоящая на мѣстѣ святѣ. И тогда будетъ *плодъ* вѣры вашея *во святыню, кончина же въ жизнь вѣчную о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ* (Рим. 6, 22). Аминь.

X.

О цѣли говѣнія и порядкѣ благоговѣйныхъ занятій Христіанина, приготовляющагося ко святому Причащенію, съ поясненіемъ нѣкоторыхъ молитвъ.

Отъ чего произошло и въ чемъ состоитъ говѣніе?

Церковь требуетъ, чтобъ приступающій къ принятію Святыхъ таинъ тѣла Христова и крови Христовой размыслилъ напередъ, достоинъ ли онъ сихъ Божественныхъ даровъ. Сей осторожности научалъ уже Апостолъ Павелъ, замѣтивъ, что Коринѳяне отступили отъ духа Христова на Священныхъ вечеряхъ. *Кто будетъ ѣсть хлѣбъ сей или пить чашу Господню недостойно, тотъ виновенъ будетъ противъ тѣла и крови Господней.*

Итакъ да испытываетъ себя человѣкъ, и такимъ образомъ пусть ѣстъ хлѣбъ сей и пьетъ изъ чаши сей. Ибо кто ѣстъ и пьетъ недостойно, тотъ ѣстъ и пьетъ осужденіе себѣ, не уважая тѣла Господня. Отъ того многіе изъ васъ слабы и больны, и не мало умираетъ. Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы (1 Кор. 11, 27. 31).

Если бы тогда спросили у Апостола, кто же достоинъ приступить къ сей Святынѣ; то онъ безъ сомнѣнія отвѣчалъ бы: «тотъ, кто вѣруетъ во Іисуса Христа и живетъ по духу Христову, какъ обѣщался при крещеніи.»—Согласно съ симъ Церковь и нынѣ всякаго приступающаго къ тайнамъ Евхаристіи, посредствомъ своего Пресвитера испытываетъ, такъ ли онъ вѣруетъ и живетъ, какъ обѣщался при крещеніи.

Чтобы вникнуть въ себя, припомнить обязанности Христіанскія и раскаяться во грѣхахъ, для сего требуется извѣстное время. Сіи дни, свободные отъ всякихъ другихъ занятій, единственно посвящаемые на благоговѣйное

размышленіе и покаяніе называются днями *говѣнія* (*), и по нынѣшнему обычаю продолжаются недѣлю или менѣе. Кающійся, приготовляющійся къ великому таинству Причащенія, наблюдая постъ, постоянно ходитъ въ церковь, чтобы прилежно слушать въ ней молитвы, чтеніе, пѣніе, и съ духомъ и правилами ея сообразить свою жизнь. Кромѣ сего и дома онъ читаетъ такія книги, которыя согрѣваютъ сердце и напоминаютъ о Христіанскихъ обязанностяхъ. Размысливъ о своей жизни и о всѣхъ своихъ поступкахъ, и внутренно раскаяваясь во грѣхахъ, въ заключеніе всего онъ открываетъ или исповѣдуетъ свое поведеніе духовному отцу, который судитъ, достоинъ ли онъ или недостоинъ причаститься, и по данной ему отъ Бога власти позволяетъ (разрѣшаетъ) ему приступить къ Тайнамъ или не позволяетъ, налагая на него церковное наказаніе (епитимія). Вотъ въ чемъ состоитъ *говѣ-*

(*) *Говѣю* значитъ тоже, что Латинское *caveo* то есть опасаюсь, веду себя осторожно, cavitam ago vitam

ніе и покаяніе, и вотъ что значитъ *исповѣдь* предъ Священникомъ, и *разрѣшеніе* отъ него получаемое!

Уже съ перваго взгляда видно, съ какою материнскою любовію заботится Церковь о томъ, чтобъ мы причастились достойно и не сдѣлались виновными противъ тѣла и крови Господней. Она даетъ намъ время и средства войти въ себя, сличить свое поведеніе съ закономъ Божіимъ; оцѣниваетъ наши поступки и снимаетъ съ насъ тяжесть, которая бременила бы нашу совѣсть.

Когда надобно говѣть?

Причащаться можно всегда, то есть во всякую Литургію, въ которой Діаконъ говоритъ: со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите. А потому и говѣть можно всегда. Впрочемъ дни поста болѣе располагаютъ къ сокрушенію и молитвѣ, и отъ того вошло въ обычай говѣть и причащаться въ посты предъ великими праздниками Рождества Христова, Свѣтлаго воскресенія и Успенія Богородицы.

Кто одинъ разъ въ году говѣетъ и причащается, для того самое удобнѣйшее время для говѣнія—Великій постъ и особенно Страстная недѣля, и приличнѣйшій день для причащенія—Великій четвертокъ, то есть тотъ день, въ который Іисусъ Христосъ, отходя на смерть преподалъ ученикамъ своимъ тѣло свое и кровь свою. Поелику всѣ дни недѣли, предшествующіе и послѣдующіе сему таинственному дню, посвящаются Церковію единственно на воспоминаніе жизни и страданія Іисуса Христа; то говѣющій постоянно можетъ тогда взирать на Іисуса, положившаго за насъ жизнь свою. Ибо Таинство причащенія должно пробуждать въ насъ живѣйшее воспоминаніе о страданіи и смерти Христовой. *Всякой разъ, когда вы ѣдите хлѣбъ сей и пьете чашу сію, вы возвѣщаете смерть Господню, доколѣ Онъ пріидетъ* (1 Кор. 11, 26).

Порядокъ благоговѣйныхъ занятій.

Предположимъ, что тѣ, которые прочтутъ сіе обозрѣніе, готовятся прича-

ститься въ Великій четвертокъ. Въ краткомъ обозрѣніи семъ мы не можемъ послѣдовать за всѣми молитвами и за всѣмъ чтеніемъ въ Церкви, и потому изъ молитвъ и изъ всего чтенія возмемъ только то, что ближе ко всеобщему понятію, и что однакожъ въ Священнодѣйствіи есть самое существенное.

Въ первые дни Страстной недѣли до четвертка прочитывается вся исторія жизни Іисуса Христа или *все Евангеліе*, всѣ молитвы и пѣсни Давидовы или *вся Псалтирь*; такъ же предлагается чтеніе и изъ другихъ книгъ Священнаго Писанія. Но мы изъ жизни Іисуса Христа припомнимъ только нѣкоторыя черты, чтобъ имѣть предъ собою Его образъ, для соображенія своей жизни съ Его жизнію. Равно и молитвъ въ Церкви очень много: но мы возмемъ не многое, чтобы удобнѣе понять ихъ значеніе и видѣть чувства и мысли Святыхъ мужей, составившихъ сіи молитвы. По осмотрѣніи I) Церковныхъ *молитвъ* и *чтенія*, предлагаемаго въ первые три

дни говѣнія II) изъ Псалтири, и III) изъ Евангелія, скажемъ главнѣйшее, IV) о *постѣ* и V) о *милостынѣ*, VI) объ *исповѣди* и VII) о *разрѣшеніи.*

I.

Церковныя молитвы.

Порядокъ молитвословія.

На молитвы и священное чтеніе и нынѣ въ Церквахъ посвящается день и частію ночь въ томъ же видѣ, какъ это было въ древнія времена. Удалившіеся отъ міра, постоянно кающіеся—подвижники сходились вмѣстѣ и молились почти непрестанно, чтобы выполнить слова Апостола, который говоритъ: *непрестанно молитесь.*

Поелику церковный день начинается съ вечера, когда солнце склоняется къ западу; то первое молитвословіе начиналось у нихъ въ третьемъ часу по полудни, что по древнему раздѣленію дня называлось *девятымъ часомъ.* Молитвословіе сего часа состоитъ изъ трехъ псалмовъ, взятыхъ изъ Псалтири (Пс.

83, 84 и 85) и немногихъ молитвъ и пѣсней церковныхъ.

Вечеромъ, когда скрывалось солнце, монашествующіе во *второй разъ* приходили въ собраніе на молитву, и также читали и пѣли нѣсколько псалмовъ (Пс. 103, 140, 141, 129), напоминающихъ о вечерѣ, пѣли церковныя пѣсни, молились и—расходились. Это молитвословіе называется *вечернею*.

Третіе молитвословіе бываетъ въ то время, когда послѣ вечери (ужина) ложатся спать; оно называется *повечеріе*.

Многіе изъ Отцевъ Церкви совѣтовали и среди ночи вставать и молитвою отгонять нечистыя мысли и мечты. Притомъ же ночь, какъ время всеобщей тишины, даетъ удобность глубже войти въ себя и размыслить о важнѣйшихъ обязанностяхъ человѣка. Монашествующіе совершали сіе четвертое молитвословіе или на-единѣ, или въ собраніи. Отъ того *полунощница* (такъ называется сіе молитвословіе) иногда предоставляется домашнему занятію, иногда вносится въ составъ утрени, совершаемой въ

церкви. Къ сему молитвословію принадлежатъ псалмы 50, 118, 120, 133.

Пятое молитвословіе есть *утреня* — служба, совершаемая предъ разсвѣтомъ. Въ составъ ея входитъ чтеніе псалмовъ (19 и 20, также 3, 6, 62, 87, 102, 142 и 148, 149, 150) и церковныя молитвы и пѣсни, въ которыхъ выражаются благоговѣйныя чувствованія, пробуждающіяся на разсвѣтѣ.

Шестое молитвословіе есть *первый часъ*, т. е. тѣ псалмы (5, 89, 100) и молитвы, которыя произносимы были при восходѣ солнца.

Седьмое молитвословіе есть *третій часъ*, Пс. 16, 24, 50 (за три часа до полудня); и

Осьмое молитвословіе—*шестый часъ* Пс. 53, 54, 90 (полдень).

Когда такое распредѣленіе молитвенныхъ часовъ введено во всеобщее употребленіе всей Церкви; тогда всѣ восемь молитвословій, изъ которыхъ каждое послѣдовало одно за другимъ чрезъ три часа, разложены только на *три собранія*

(на вечерню, утреню и часы съ обѣднею), молитвы же удержаны всѣ.

Въ теченіе Страстной недѣли службы сіи разлагаются такъ:

1. *Утреня* составляется изъ полунощницы, утрени и перваго часа.

2. *Обѣдня* сложена изъ 3-го, 6-го и 9-го часовъ, изъ вечерни и литургіи преждеосвященныхъ.

3. *Повечеріе* одно, великое.

Славословія.

Начало и конецъ всѣхъ молитвословій Христіанскихъ есть слава и благодареніе Святой Троицѣ. Христіанинъ такъ много испыталъ надъ собою благодѣяній Отца, Сына и Святаго Духа, что онъ непрестанно долженъ славословить и благодарить Бога. И потому часто слышимъ въ Церкви:

«Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно (непрестанно) и во вѣки вѣковъ» (начало вечерни).

«Слава Святѣй—единосущнѣй, животворящей и нераздѣльнѣй Троицѣ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ» (начало утрени).

«Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа нынѣ, и присно и во вѣки вѣковъ» (начало Литургіи).

«Слава Отцу и Сыну и Святому Духу нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ» (часто).

«Аллилуія (*), Аллилуія, Аллилуія! — (Слава Тебѣ, Боже)!»

«Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ!»

«Слава Тебѣ, Христе — Боже, упованіе наше, слава Тебѣ!» (конецъ).

Вечерняя пѣснь Христу: *Свѣте тихій.*
(въ Русскомъ переводѣ).

Іисусе Христе, тихое сіяніе святыя славы Отца небеснаго, безсмертнаго, святаго, блаженнаго! Мы, достигши солнечнаго захожденія и увидѣвъ вечерній свѣтъ, поемъ Отца, Сына и Святаго Духа Бога. Податель жизни, Сынъ Божій! Ты достоинъ того, чтобы во всѣ времена воспѣвали Тебя въ священныхъ пѣсняхъ. И потому славитъ Тебя міръ.

(*) Хвалите Бога.

Утренняя пѣснь Богу (при восхождении солнца).

(въ Русскомъ переводѣ).

Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ! Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, къ человѣкамъ благоволеніе!

Славимъ Тебя, величаемъ Тебя, покланяемся Тебѣ, превозносимъ Тебя, благодаримъ Тебя; потому что велика слава Твоя, Господи, Царь небесъ, Богъ—Отецъ! Вседержитель, Господи—Сынъ единородный, Іисусъ Христосъ и Святый Духъ!

Господи Боже, Агнецъ Божій, Сынъ Отца, пріемлющій на себя грѣхи міра, помилуй насъ; пріемлющій грѣхи міра, пріими молитву нашу; сѣдящій одесную Отца, помилуй насъ! Ибо единъ Ты святъ, единъ Ты—Господь Іисусъ Христосъ во славу Бога — Отца Аминь.

Всякій день славлю Тебя, и превозношу имя Твое во вѣки—въ вѣчные вѣки.

Укрѣпи насъ, Господи, провести день сей безъ грѣха. Благословенъ Ты, Господи, Богъ отцевъ нашихъ, славно и достохвально имя Твое во вѣки. Аминь.

Да будетъ на насъ милость Твоя, Господи; ибо мы на Тебя уповаемъ.

Благословенъ Ты, Господи; научи меня заповѣдямъ Твоимъ *(трижды)*.

Господи! Ты наше прибѣжище изъ рода въ родъ. И потому я говорю: Господи, помилуй меня, исцѣли душу мою, ибо я грѣшенъ предъ Тобою. Господи! къ Тебѣ прибѣгаю, научи меня исполнять волю Твою; ибо Ты Богъ мой, у Тебя источникъ жизни, Твоимъ свѣтомъ мы видимъ свѣтъ. Продли милость Твою къ знающимъ Тебя.

Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ!

Привѣтствіе Богородицѣ.

Богородице, Дѣво, радуйся; благодатная Маріе, Господь съ Тобою! Благословенна Ты въ женахъ, и благословенъ плодъ чрева Твоего, яко Спаса родила еси душъ нашихъ.

Молитвы.

Молитвы бываютъ разныхъ родовъ, потому что мы имѣемъ разнородныя

нужды. Иногда прибѣгаемъ къ Богу просить помощи, иногда ищемъ прощенія во грѣхахъ, иногда—какъ доброжелательные братья молимся за другихъ. Человѣкъ по немощи своей предъ славою великаго Бога долженъ поставлять свое ничтожество и непрестанно взывать: Господи, помилуй!—Духъ его находитъ въ бесѣдѣ съ Богомъ неизъяснимую отраду и удовольствіе. Потому Іисусъ Христосъ, указавшій намъ потребности духа, и Самъ молился часто и часто напоминалъ о молитвѣ, приписывая ей великую силу, и Апостолы неоднократно говорятъ: *непрестанно молитеся, о всемъ благодарите. Паче всего прошу совершать молитвы, прошенія, моленія, благодаренія за всѣхъ человѣковъ, за Царей и за всѣхъ начальствующихъ, дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную, во всякомъ благочестіи и честности: ибо это дѣло доброе и угодное Спасителю нашему—Богу, который хочетъ, чтобъ всѣ люди спаслися и достигли познанія истины* (1 Тим. 2, 1—4).

Молитва ко Святому Духу.

(въ Русскомъ переводѣ)

Царь небесный, Утѣшитель, Духъ истины, вездѣсущій, всенаполняющій, сокровище благъ, податель жизни! пріиди, обитай въ насъ и очисти насъ отъ всякой нечистоты; и спаси, о Всеблагій, души наши!

Сею молитвою начинается почти всякое молитвословіе. Ибо безъ Духа Божія наше сердце неспособно приступить къ молитвѣ и не умѣетъ молиться. Такъ говоритъ Апостолъ о дѣйствіи Святаго Духа: *вси водимые Духомъ Божіимъ суть сыны Божіи. Сей самый Духъ свидѣтельствуетъ духу нашему, что мы дѣти Божіи. Мы не знаемъ, о чемъ и какъ намъ должно молиться, но Духъ самъ ходатайствуетъ за насъ воздыханіями неизреченными* (Рим. 8, 14. 16. 26).

Молитва Господня.

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! да святится имя Твое, да пріидетъ Царствіе Твое, да будетъ воля Твоя — яко на

небеси и на земли. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь, и остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ; и не введи насъ во искушеніе; но избави насъ отъ лукаваго.

Яко Твое есть царство и сила и слава, Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Изложеніе мыслей и чувствованій, заключающихся въ семъ образцѣ молитвъ.

Когда Іисусъ Христосъ далъ ученикамъ сей образецъ молитвы, то вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ: не молитесь по-Фарисейски; Фарисеи любятъ молиться только на-показъ для людей, чтобъ считали ихъ благочестивыми. Не молитесь и по-язычески; язычники кричатъ громко и молятся долго, чтобъ услышали ихъ боги ихъ. А вы, ученики Мои, близки къ Отцу Небесному. Молитесь единодушно, изгнавъ изъ сердца всякое огорченіе на другихъ, и тогда будьте увѣрены, что все доброе получите отъ Бога. *Просите, и дастся вамъ; ищите и найдете.* Какъ дѣти приходятъ къ Отцу

изъяснять свои нужды, такъ приходите и вы къ Отцу небесному съ любовію, съ довѣріемъ, съ простотою, безъ пышныхъ словъ, и кратко скажите Ему:

Отецъ нашъ небесный! Ты далъ намъ безсмертный духъ, который ищетъ Тебя и Твоего царствія, и жаждетъ истины;—напитай его, удостой его сей радости, чтобъ онъ увидѣлъ на землѣ Богопознаніе и чистое благочестіе: *да святится имя Твое*; воцари между людьми истину и добродѣтель, да будетъ все земное покорно Тебѣ, такъ какъ покорно Тебѣ все небесное: *да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя и на земли какъ на небѣ.* Такимъ образомъ земля сдѣлалась бы небомъ. Какъ Ангелы непрестанно взываютъ: Святъ, Святъ, Святъ —Господь Богъ; такъ и мы созданные изъ праха были бы служебные духи, готовые исполнять Твое повелѣніе на всякомъ мѣстѣ, всякой часъ, всею силою, съ полною радостію, съ живою любовію.

Но, небесный Отецъ нашъ, Ты далъ намъ и тѣло и поставилъ насъ въ зависимости отъ земли: — напитай и тѣло

наше. Многаго мы не просимъ, а только на сей день *дай намъ хлѣбъ насущный*, которымъ бы поддержалось существованіе наше. Бренное наше тѣло тяготитъ насъ, влечетъ къ землѣ и не даетъ намъ выполнить все должное, чего требуетъ законъ Твой. Мы чувствуемъ повинность, но не въ состояніи уплатить Тебѣ многіе долги: *оставь намъ долги наши*, сними съ насъ это тяжкое бремя грѣховъ, которое тяготитъ и страшитъ насъ. Ты видишь наше сердце; въ немъ нѣтъ злости ни на кого. Мы простили сдѣланныя намъ обиды: прости и Ты намъ грѣхи наши; мы оказываемъ милости ближнимъ нашимъ: будь и Ты милостивъ къ намъ; мы съ кротостію взираемъ на огорчающихъ насъ: воззри и Ты на насъ съ благоволеніемъ и благодатію.

Мы окружены врагами, которые ищутъ нашей погибели. Въ насъ буйствуютъ страсти, которыя не даютъ здраво мыслить; предъ нами находятся соблазнительные примѣры, которые могутъ увлечь насъ за собою. Мы не на-

дѣемся на свою волю, чтобъ она была тверда и сильна устоять противу сихъ порывовъ страстей и мірскихъ соблазновъ. Не допусти насъ до испытанія, въ которомъ, можетъ быть, мы останемся побѣжденными; но если благоугодно будетъ Тебѣ подвергнуть насъ испытанію, то подкрѣпи своею помощію. *Не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго.*

Отецъ небесный! все въ Твоей власти, и земное и небесное. Ты можешь водворить на землѣ царство свое; Ты силенъ сохранить насъ отъ грѣховъ и бѣдствій; предъ Твоею свѣтлою и вѣчною славою исчезнетъ все мрачное и тлѣнное. *Яко Твое есть царство и сила и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.*

Молитва Святаго Ефрема, повторяемая при всякомъ изъ 8 выше-упомянушыхъ молитвословій.

(въ Русскомъ переводѣ)

Господи! жизнь моя въ Твоей власти. Не дай мнѣ духа праздности, безпечности, властолюбія, и пустословія: но оду-

шеви меня духомъ цѣломудрія, смиренія, терпѣнія и любви. Господи, Царь мой! дай мнѣ видѣть мои собственные грѣхи, а другаго не осуждать: ибо Ты благословенъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Молитва вечерняя съ колѣнопреклоненіемъ, изъ Псалма 140.

(въ Русскомъ переводѣ)

Да пріидетъ молитва моя, какъ ѳиміамъ предъ лице Твое, возношеніе рукъ моихъ, какъ вечернее приношеніе.

Господи! къ Тебѣ взываю, услыши меня, внемли молитвенному гласу моему, призывающему Тебя.

Поставь, Господи, стражу при языкѣ моемъ, охраняй двери устъ моихъ (чтобы не проходили ими праздныя и для ближнихъ обидныя слова).

Да не уклонится сердце мое къ помышленію злому, къ дѣланію дѣлъ беззаконныхъ!

Молитва: *Иже на всякое время,* повторяемая часто.

(въ Русскомъ переводѣ)

Христе Боже! Тебѣ всякое время и

всякій часъ покланяются, и Тебя славятъ на небѣ и на землѣ; Ты—кроткій, милостивый, благосердый, любишь праведниковъ и милуешь грѣшниковъ, и обѣщая будущія блага, всѣхъ призываешь ко спасенію; пріими, Господи, и наши въ часъ сей молитвы, направь жизнь нашу къ заповѣдямъ Твоимъ, освяти наши души, очисти тѣла, исправь помыслы, просвѣти умъ и избавь насъ отъ всякой горести, бѣдъ и болѣзней; огради насъ святыми Твоими Ангелами, чтобы мы подъ ихъ храненіемъ и наставленіемъ достигли единства вѣры, и познали неприступное Твое величіе: ибо Ты благословенъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Пѣснь: *Чертогъ Твой* и проч., поемая на утрени страстной недѣли.

(въ Русскомъ переводѣ).

Спаситель мой! я вижу великолѣпный чертогъ Твой—украшенный, но не имѣю одежды, чтобы войти въ него. Податель свѣта! содѣлай свѣтлою одежду души моей, и спаси меня.

Молитва при концѣ перваго часа (по восхожденіи солнца).

(въ Русскомъ переводѣ)

Іисусе Христе, истинный Свѣтъ, просвѣщающій и освѣщающій всякаго человѣка, входящаго въ міръ! яви намъ свѣтлое лице Твое, чтобы въ немъ узрѣли неприступный свѣтъ; направь ноги наши къ совершенію заповѣдей Твоихъ молитвами пречистой Твоей Матери и всѣхъ Святыхъ Твоихъ. Аминь.

II.

Чтеніе Псалтири въ первые дни Срастной недѣли.

Въ первые дни недѣли до четвертка прочитывается вся Псалтирь, состоящая изъ 150 псалмовъ: но мы выпишемъ только не многія пѣсни и молитвы, чтобы имѣть о нихъ понятіе. Изъ нихъ каждый увидитъ, что чувства и мысли благочестивыхъ всегда были тѣже. Растутъ познанія, совершенствуются языки: но вѣра, любовь и надежда вѣчно неизмѣнны.

Пѣснь Творцу.
(въ Русскомъ пореводѣ)

Господи Боже нашъ! какъ величественно имя Твое по всей землѣ! Ты вознесъ величіе Твое превыше небесъ. Когда взираю на небеса Твои—дѣло Твоихъ перстовъ; на луну и звѣзды, которыя Ты поставилъ: то что есть человѣкъ, что Ты помнишь его, и что есть сынъ человѣческій, что Ты посѣщаешь его? Не много ты умалилъ его предъ Ангелами; славою и красотою увѣнчалъ его; поставилъ его владыкою надъ дѣлами рукъ Твоихъ! (изъ Псалма 6).

Благослови душа моя Господа! Господи Боже мой! Ты дивно великъ, Ты облеченъ величіемъ и благолѣпіемъ; Ты облекся свѣтомъ какъ ризою; простеръ небеса какъ шатеръ. Ты творишь Ангеловъ своихъ духами, служителей своихъ пылающимъ огнемъ. Какъ многочисленны дѣла Твои, Господи! все содѣлалъ Ты премудро; земля полна богатства Твоего. Всѣ отъ Тебя ожидаютъ, чтобъ Ты давалъ имъ пищу ихъ въ свое время. Да-

ешь имъ,—пріемлютъ; отверзаешь руку Твою,—насыщаются благомъ. Сокроешь лице Твое, — смущаются; возмешь отъ нихъ духъ, — умираютъ и въ прахъ свой возвращаются. Пошлешь Духъ Твой,— созидаются, и обновляешь лице земли. (изъ Пс. 103).

Всемогущество Божіе.

Словомъ Господнимъ сотворены небеса, и Духомъ устъ Его все воинство ихъ (Пс. 23). Господь творитъ все, что хощетъ, на небесахъ и на землѣ, на моряхъ и во всѣхъ безднахъ. (Псал. 134).—

Всевѣдѣніе Божіе.

Господи! Ты проникаешь меня и знаешь. Ты знаешь, когда я сяду и когда я встану; Ты предусматриваешь мысль мою издали. Всѣ стези мои Тебѣ извѣстны. Еще нѣтъ слова на языкѣ моемъ, но се — Ты, Господи, уже знаешь все. Куда уйду отъ Духа Твоего и отъ лица Твоего куда убѣгу? Взойду ли на небо,—Ты тамъ; паду ли въ преисподнюю, се—Ты; понесусь ли на крыліяхъ зари,

переселюсь ли на край моря: и тамъ рука Твоя поведетъ меня и удержитъ меня десница Твоя.

Проникни меня, Боже, и узнай сердце мое, испытай меня и узнай помышленія мои, и зри, не на опасномъ ли я пути, и руководи меня на путь вѣчности. (изъ Псал. 138).

Вѣчность Божія.

Древле Ты, *Господи*, поставилъ землю, и небеса—дѣло рукъ Твоихъ. Онѣ погибнутъ, а Ты пребудешь; и всѣ онѣ обветшаютъ какъ риза, какъ одежду Ты перемѣнишь ихъ, и измѣнятся: но Ты тотъ же и лѣта Твои не истощатся. (изъ Псал. 101).

Благость Божія.

Милосердъ и благъ Господь, медленъ на гнѣвъ и многомилостивъ. Не по грѣхамъ нашимъ поступаетъ съ нами, но какъ небо высоко отъ земли, такъ велика милость Его къ боящимся Его. Какъ далекъ востокъ отъ запада, такъ удаляетъ Онъ отъ насъ преступленія наши. Какъ отецъ жалѣетъ сыновъ, такъ Го-

сподь жалѣетъ боящихся Его. Ибо Онъ знаетъ составъ нашъ, помнитъ, что мы прахъ. Дни смертнаго какъ трава; какъ цвѣтъ на полѣ, такъ онъ цвѣтетъ. Пронесется надъ нимъ вѣтеръ, и—нѣтъ его, и мѣсто его уже не знаетъ его. (изъ Псал. 102).

Очи всѣхъ устремлены къ Тебѣ, и Ты даешь имъ пищу ихъ въ свое время, открываешь руку Твою и насыщаешь все живущее, по желанію (изъ Псал. 144).

Съ небесъ смотритъ Господь, видитъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ; съ престола, на которомъ возсѣдитъ Онъ, взираетъ на всѣхъ живущихъ на землѣ. Онъ сотворилъ всѣ сердца ихъ, Онъ и вникаетъ во всѣ дѣла ихъ. (изъ Псал. 32).

Ничтожество человѣка.

Не надѣйтесь на вельможъ, на сына Адамова, у котораго нѣтъ спасенія. Выходитъ изъ него духъ, возвращается онъ въ землю свою: въ тотъ же день исчезаютъ всѣ замыслы его. (изъ Псал. 145).

Господи! что есть человѣкъ, что Ты знаешь его, и сынъ смертнаго, что обращаешь на него вниманіе? Человѣкъ подобенъ дуновенію, дни его какъ тѣнь преходящая. (Пс. 143).

Когда еще не родились горы и не устроена была земля и вселенная, и отъ вѣка и до вѣка Ты Богъ. Ты возвращаешь человѣка въ тлѣніе и говоришь: возвратитесь сыны человѣческіе! Ты какъ наводненіемъ уносишь ихъ; они какъ сновидѣніе, какъ трава, которая рано увядаетъ. Утромъ цвѣтетъ и зеленѣетъ, вечеромъ подсѣкается и изсыхаетъ.

Научи насъ такъ считать дни наши, чтобъ намъ пріобрѣсть сердце мудрое. (Псал. 88).

Сыны человѣковъ — суета, сыны мужей—ложь; если положить ихъ на вѣсы, всѣ они ничтожнѣе суеты. Не надѣйтесь на преобладаніе и хищеніе, не будьте суетны; когда растетъ богатство, не прилагайте къ нему сердца. (Псал. 61).

Надежда на Бога.

Ты извлекъ меня изъ чрева; Ты по-

коилъ меня у груди матери моей; къ Тебѣ привержень я отъ рожденія, отъ чрева матери моей Ты — мой Богъ! (Псал. 21).

Господь — пастырь мой, — я не буду въ скудости. Онъ покоитъ меня на злачныхъ пажитяхъ, водитъ меня на тихія воды. Душѣ моей даетъ отраду, водитъ меня стезями правды, ради имени своего. Если даже пойду долиною смертной тѣни, — не убоюсь зла: ибо Ты со мною. Твой жезлъ и Твой посохъ успокоятъ меня! (Псал. 22).

Господь — свѣтъ мой и спасеніе мое: кого мнѣ бояться? Господь — крѣпость жизни моей: кого мнѣ страшиться? Одного прошу я у Господа, — того только ищу, чтобы пребывать мнѣ въ домѣ Господнемъ во всѣ дни жизни моей созерцать красоту Господню и рано посѣщать святый храмъ Его. (Псал. 26).

Ты далъ мнѣ дни какъ пяди, и вѣкъ мой какъ ничто предъ Тобою. Такъ, весь суета всякій человѣкъ живущій. Такъ, человѣкъ ходитъ подобно призраку. Такъ, тщетно онъ суетится, собираетъ,

и не знаетъ, кому достанется то. И такъ чего мнѣ ждать, Господи? Надежда моя — на Тебя. — Если Ты обличеніями за преступленія наказывать будешь человѣка, то распадется какъ отъ моли краса его. Такъ, суетенъ всякой человѣкъ. — Смотря на слезы мои, не умолчи. Ибо странникъ я у Тебя, пришлецъ, какъ и всѣ отцы мои. (Псал. 38).

Какъ лань ищетъ потоковъ водъ, такъ душа моя ищетъ Тебя, Боже! Жаждетъ душа моя Бога, Бога живаго: — когда я приду и явлюсь предъ лице Божіе? Что унываешь, душа моя, что смущаешься? уповай на Бога! (Псал. 41).

Богъ намъ прибѣжище и сила, помощникъ въ бѣдствіяхъ скоро обрѣтаемый. Посему не боимся, хотя бы поколебалась земля и горы двинулись въ сердце морей. (Псал. 55).

О, надѣющіеся на силу свою и хвалящіеся множествомъ богатства своего! Человѣкъ отнюдь не освободитъ брата, не дастъ Богу выкупа за него. Всѣ видятъ, что умираютъ умные, равно какъ невѣжда и несмысленный погибаютъ, и

оставляютъ другимъ имѣніе свое. — Не бойся, когда богатѣетъ человѣкъ, когда возрастаетъ слава дому его. Ибо умирая не возметъ ничего, не пойдетъ за нимъ слава его. Душу его ублажаютъ при жизни его, и славятъ тебя, что ты удовлетворяешь себѣ: но онъ пойдетъ въ жилище отцевъ своихъ, гдѣ вѣчно не видятъ свѣта. (Псал. 48).

Надѣюсь на Бога, не боюсь: что сдѣлаетъ мнѣ плоть? (Псал. 55).

Въ Богѣ покой души моей; отъ Него спасеніе мое. (Псал. 61).

Боже! Ты мой Богъ; къ Тебѣ утренною: жаждетъ Тебя душа моя, томится по Тебѣ плоть моя въ землѣ сухой, жаждущей, безводной. (Псал. 69).

Кто мнѣ на небѣ? и съ Тобою ничего не хочу на землѣ. Томится по Тебѣ плоть моя и сердце мое; Богъ — твердыня сердца моего и часть моя на вѣки. — Мнѣ благо быть близь Бога! (Псал. 72).

Говорю тщеславнымъ — не тщеславьтесь, и беззаконнымъ — не поднимайте рога. Ибо не отъ востока, не отъ запада и не отъ пустыни приходитъ воз-

вышеніе. Но Богъ есть Судія; Онъ унижаетъ и Онъ возвышаетъ. Въ рукѣ Господней чаша, вино кипитъ, Онъ налилъ ее полную и раздаетъ изъ нее. (Псал. 84).

Господь Богъ есть солнце и щитъ; Господь даетъ благодать и славу; ходящихъ въ непорочности не лишаетъ благъ. Господи силъ! блаженъ человѣкъ, уповающій на Тебя! (Псал. 85).

Господь со мною, — не страшусь: что сдѣлаетъ мнѣ человѣкъ? Господь мнѣ помощникъ, — смѣло смотрю я на враговъ моихъ! Лучше уповать на Господа, нежели надѣяться на человѣка; лучше уповать на Господа, нежели надѣяться на вельможъ. (Псал. 117).

Надѣющійся на Господа, какъ гора Сіонъ не колеблется, пребываетъ вѣчно. (Псал. 124).

Если Господь не созидаетъ дома, — напрасно трудятся строющіе его; если Господь не стережетъ города, — напрасно не спитъ стражъ. Напрасно вы рано встаете, поздно садитесь, ѣдите хлѣбъ въ изнуреніи: — возлюбленному своему Онъ даетъ сонъ. (Псал. 126).

Я спокойно ложусь и силю: ибо Ты, Господи, единъ даешь мнѣ безопасность. (Псал. 4).

Всегда вижу предъ собою Господа: Онъ одесную меня,—не поколеблюсь. (Пс. 15).

Иные колесницами, иные конями; а мы именемъ Господа Бога нашего хвалимся. (Псал. 19).

Не спасетъ царя великое могущество, не защититъ сильнаго великая сила. Не надеженъ для спасенія конь, и при великой силѣ своей онъ не избавитъ. Се око Господне на боящихся Его и на чающихъ милости Его! (Псал. 32).

Испытайте и — увидите, какъ благъ Господь! Блаженъ человѣкъ, который уповаетъ на Него! (Псал. 33).

Дѣйствіе и сила Слова Божія.

Пошли, *Господи*, свѣтъ Твой и истину Твою, — пусть они ведутъ меня и приведутъ на святую гору Твою и въ обители Твои! (Псал. 42).

Законъ Господень совершенъ, отрада для души. Свидѣтельство Господне вѣрно, умудряетъ простаго. Повелѣнія Го-

сподни праведны, веселятъ сердце. Заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщаетъ очи! (Псал. 18).

Чѣмъ юноша очиститъ путь свой?—наблюдая за собою по Слову Твоему.—

Откровенія Твои — утѣшеніе мое, и уставы Твои—совѣтники мои.

Уставы Твои — пѣснь моя въ странническомъ жилищѣ моемъ.

Доброму смыслу и вѣдѣнію научи меня, ибо я заповѣдямъ Твоимъ вѣрую.

Законъ устъ Твоихъ для меня лучше, нежели тысячи золота и серебра.

Какъ люблю я законъ Твой! весь день помышляю о немъ!

Слово Твое—свѣтильникъ ногѣ моей и свѣтъ стезѣ моей!

Жажду спасенія Твоего, Господи, и законъ Твой—утѣшеніе мое. (Псал. 118).

Пріятная Богу жертва.

Не нужно мнѣ (говоритъ Богъ Израилевъ), брать отъ дома твоего тельца и козловъ изъ дворовъ твоихъ: ибо Мои всѣ звѣри въ лѣсу и скотъ на горахъ тысячами; Я знаю всѣхъ птицъ

на горахъ, и краса полей предо Мною. Если бы Я взалкалъ, то не сказалъ бы тебѣ; ибо Моя вселенная и все, что наполняетъ ее. Неужели Я ѣмъ мясо воловъ, и кровь козлиную неужели пью? Въ жертву Богу принеси хвалу и соверши предъ Всевышнимъ обѣты твои; призови Меня въ день бѣдствія,—Я избавлю тебя, и ты прославь Меня... Тотъ чтитъ Меня, кто въ жертву приноситъ хвалу, и кто осмотрителенъ въ пути. Я покажу ему спасеніе Божіе. (Псал. 48).

Жертва Богу – сокрушенный духъ: сердца сокрушеннаго и удрученнаго не отвергаешь Ты, Боже! (Псал. 50).

Молитва Псалмопѣвцевъ:

О прощеніи грѣховъ.

Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, по великому благоутробію Твоему изгладь преступленія мои. Многократно омой меня отъ беззаконія моего, и отъ грѣха моего очисти меня. Ибо преступленія мои я знаю, и грѣхъ мой непрестанно предо мною. Предъ Тобою, предъ единымъ Тобою я согрѣшилъ и

предъ Твоими очами сдѣлалъ зло.—Се, въ беззаконіи я рожденъ и во грѣхахъ зачала меня мать моя. Се, Ты любишь истину, въ сердцѣ и внутренно открываешь мнѣ мудрость. Окропи меня иссопомъ, и—буду чистъ; омой меня, и буду бѣлѣе снѣга. Сотвори мнѣ, Боже, чистое сердце и духъ правый обнови внутри меня. Не отринь меня отъ лица Твоего, и духа Твоего Святаго не отними отъ меня. Возврати мнѣ радость спасенія Твоего, и Духъ владычественный да подкрѣпитъ меня. (изъ Псал. 50).

Кто знаетъ всѣ свои погрѣшности? И отъ тайныхъ очисти меня, и отъ произвольныхъ грѣховъ удержи раба Твоего, чтобы они не обладали мною. Тогда я буду совершенъ и чистъ отъ великаго преступленія. (Псал. 18).

Господи! не во гнѣвѣ Твоемъ обличай меня и не въ ярости Твоей наказывай меня. Нѣтъ мира въ костяхъ моихъ отъ грѣха моего: ибо беззаконія мои покрыли голову мою, какъ тяжелое бремя тяготятъ меня. Господи! предъ Тобою всѣ желанія мои, и вздохъ мой не

сокрыть отъ Тебя. *Я* сознаю вину мою и сокрушаюсь о грѣхѣ моемъ. (Псал. 37).

Ежели на беззаконія взирать будешь, Господи: Господи, кто устоитъ? Но у Тебя прощеніе, дабы благоговѣли къ Тебѣ. (Псал. 129).

Вспомни милосердіе Твое, Господи, и милости Твои; ибо онѣ вѣчны. Грѣховъ юности моей и преступленій моихъ не воспоминай. (Псал. 24).

Не входи въ судъ съ рабомъ Твоимъ, ибо не оправдается предъ Тобою ни одинъ живущій. (Псал. 142).

О просвѣщеніи.

Всѣмъ сердцемъ моимъ ищу Тебя, *Господи*, не дай мнѣ уклониться отъ заповѣдей Твоихъ. Благословенъ Ты Господи: научи меня уставамъ Твоимъ. Открой мнѣ глаза, чтобы я видѣлъ чудеса закона Твоего. Странникъ я на землѣ,—не сокрой отъ меня заповѣдей Твоихъ. Руки Твои сотворили меня и устроили меня: вразуми меня, и научуся заповѣдямъ Твоимъ. Осіяй раба Твоего свѣтомъ лица Твоего, и научи меня уставамъ Твоимъ.

Ты явилъ правду въ откровеніяхъ Твоихъ и истину непреложную. (Псал. 118).

Укажи мнѣ путь, по которому мнѣ идти: ибо къ Тебѣ возношу душу мою. Научи меня исполнять волю Твою, ибо Ты Богъ мой; Духъ Твой благій да руководствуетъ меня по стезѣ прямой. (Псал. 142).

Блаженство, ощущаемое по очищеніи отъ грѣховъ.

Блаженъ, кому прощено преступленіе, чей грѣхъ покрытъ! Блаженъ человѣкъ, которому Господь не вмѣняетъ вины, и въ чьемъ духѣ нѣтъ лукавства! Когда молчалъ я, измождились кости мои отъ вседневнаго стона, ибо ночь и день тяготѣла надъ мною рука Твоя; потерялась свѣжесть во мнѣ, какъ въ лѣтніе жары. Открылъ я Тебѣ грѣхъ мой и вины моей не утаилъ; я сказалъ: «исповѣдаюсь предъ Господомъ въ преступленіяхъ моихъ,» и Ты снялъ съ меня вину грѣха моего. Посему да умоляетъ Тебя всякій святый, когда можно найти Тебя! (Псал. 31).

Преданность въ волю Божію.

Господи! не надмѣвается сердце мое и не возносятся очи мои; и я не вхожу въ великое – въ то, что выше меня. Я смиренъ и кротокъ душею моею, какъ дитя подлѣ матери; душа моя во мнѣ какъ дитя. (Псал. 130).

Пороки удаляютъ отъ Бога.

Кто взойдетъ на гору Господню? Кто станетъ на святомъ мѣстѣ Его? Тотъ, у кого чисты руки и непорочно сердце, кто не произноситъ имени Его вотще, и не клянется лукаво ближнему своему. (Псал. 23).

Кто не клевещетъ языкомъ своимъ, не дѣлаетъ другому зла и не злословитъ ближняго своего. (Псал. 14).

Ты Богъ, не любящій беззаконія; у Тебя не водворится злый. Безумцы не предстануть предъ очи Твои. (Псал. 5).

III.

Чтеніе Евангелія.

Почти безъисходное пребываніе прежнихъ Христіанъ въ Церкви въ продол-

женіе Страстной недѣли давало довольно времени, чтобы прочитать имъ *всю исторію жизни Іисуса Христа*, по повѣствованію всѣхъ четырехъ Евангелистовъ. Въ подражаніе древнимъ и по уставу Церкви, прочитываются и нынѣ всѣ четыре Евангелія.

Чтобы Евангельскую исторію сократить подъ одинъ всглядъ, возмемъ нѣкоторыя только разительнѣйшія черты изъ жизни Іисуса Христа и особенно тѣ, въ которыхъ Онъ намъ представлялъ Себя, *какъ образецъ для подражанія*.

Двѣнадцатилѣтній Іисусъ.

Уже двѣнадцатилѣтній Іисусъ показывалъ, что изъ Него будетъ послѣ. Во храмѣ среди учителей Онъ слушалъ ихъ, спрашивалъ, и удивлялъ присутствующихъ своими умными вопросами и отвѣтами. Но въ Его отвѣтѣ Матери всего яснѣе выразилось, что скрывалось въ Его сердцѣ и кто Онъ будетъ. Когда она нашла Его во храмѣ и сказала Ему: *Сынъ мой! что Ты сдѣлалъ съ нами? Вотъ отецъ Твой и я съ великою скор-*

бію искали Тебя. Тогда Онъ отвѣчалъ: за чѣмъ было вамъ искать Меня? или вы не знали, что Мнѣ должно обращаться въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему? (Лук. 2, 48. 49).

Онъ и въ отрочествѣ уже жилъ и дышалъ небеснымъ воздухомъ. Его духъ чувствовалъ радость, когда Онъ былъ въ домѣ Божіемъ и говорилъ о Богѣ. Когда Онъ былъ во храмѣ близъ Бога, тогда былъ на своемъ мѣстѣ.—Быть съ Богомъ, или лучше сказать, имѣть и выражать постоянное общеніе съ Богомъ, есть пища благочестивой души. Если бы и между нами въ какомъ либо отрокѣ оказывался вкусъ къ сей небесной пищѣ; то можно бы сказать, что такой отрокъ ростетъ съ Іисусомъ, и выростетъ высоко—до небесъ.

Тридцать лѣтъ безмолвной жизни Его.

О слѣдующихъ годахъ жизни Іисусовой до Его вступленія въ общественное служеніе, пишетъ Евангелистъ: *Онъ пошелъ съ ними* (съ родителями) *въ Назаретъ и былъ въ повиновеніи у нихъ. И пре-*

успѣвалъ въ премудрости и возрастѣ и любви у Бога и человѣковъ (Лук. 2, 51. 53).

Тотъ, который совершенно зналъ свое высокое званіе и своею мудростію удивлялъ учителей Іерусалимскихъ, пошелъ въ Назаретъ, чтобъ жить въ неизвѣстности, раздѣлять съ отцемъ ремесленническіе труды его; и жилъ тамъ до тридцатаго года. О, какъ далеки мы нынѣ отъ сего образца смиренія! — Іисусъ тридцать лѣтъ созрѣвалъ въ уединеніи, и потомъ три года свѣтилъ на свѣщникѣ общественнаго служенія: а наши юноши хотятъ повелѣвать, не научившись повиноваться; вырываются на свѣтъ и хотятъ свѣтить, не бывъ свѣтлы; помышляютъ о великихъ дѣлахъ, тогда какъ сами малы и по духу и по тѣлу. Можно ли ожидать плодовъ отъ дерева, когда оно еще не выросло?

Жизнь и дѣла Іисусовы въ три года торжественнаго служенія Его.

Когда же пришло время служенія Его, тогда Онъ съ безпримѣрною дѣятельностію совершалъ Божественное дѣло

свое. Оно состояло въ томъ, чтобъ искупивъ родъ человѣческій, установить и утвердить на землѣ царство небесное, въ которомъ бы блаженствовали люди всѣхъ странъ и временъ. Закономъ сего царства должна быть любовь къ Богу. Онъ видѣлъ, что если бы Отецъ Небесный воцарился во всѣхъ умахъ и сердцахъ, то всѣ человѣки, какихъ бы они ни были странъ, временъ, состояній и возрастовъ, были бы между собою братья, и бывъ тѣсно связаны взаимною любовію, жили бы и по силамъ своимъ дѣйствовали бы на землѣ, какъ дѣти единаго Отца, —всѣ равно отъ малаго до великаго устремлялись бы къ Единому и всего ожидали бы отъ Единаго. Не ссорили бы ихъ земныя различія, временныя выгоды. Истина и добродѣтель одушевляли бы ихъ, доставляли бы имъ на землѣ истинное счастіе, и приготовляли бы къ безпредѣльному блаженству небесному.

Мысль, чтобы составить изъ людей царство Божіе, такъ занимала душу Его, что ни опасности, какія Онъ предвидѣлъ, ни угрозы современниковъ, ни бли-

стательные виды, какіе представлялъ ему злой духъ на пространномъ пути жизни, не удержали Его отъ великой цѣли. Величіе души и всеобъемлющая любовь къ человѣкамъ были отличительныя черты въ Его характерѣ и выражались въ каждомъ Его дѣйствіи, въ каждомъ словѣ. Онъ имѣлъ душу открытую для друзей, сердце почтительное къ родителямъ; горѣлъ любовію къ единоземцамъ, но не довольствовался тѣснымъ кругомъ друзей, семейства и своего отечества. Его человѣколюбивое сердце объимало весь міръ. Его желаніе было — содѣлать счастливыми всѣхъ человѣковъ отъ конца до конца вселенныя. Жить, дѣйствовать и умереть для водворенія на всей землѣ царства Божія, было Его цѣлію и славою.

Исполненіе благодѣтельной своей мысли о всеобщемъ царствѣ Божіемъ Онъ предвидѣлъ, и не однажды предсказывалъ ученикамъ своимъ, что оно откроется вскорѣ послѣ Его. Самые первые признаки появленія всеобщаго царства уже Его радовали. Когда нѣкоторые изъ языч-

никовъ предъ Его кончиною обнаружили желаніе видѣть Его; то Онъ въ восторгѣ всеобъемлющей любви сказалъ ученикамъ: *пришелъ часъ прославиться Сыну человѣческому! Истинно, истинно говорю вамъ: если пшеничное зерно падши въ землю не умретъ, то останется одно: а если умретъ, то принесетъ много плода* (Іоан. 12, 23. 24).

Всѣ ужасы крестнаго страданія исчезали при свѣтѣ той мысли, что Онъ страждетъ и умираетъ для искупленія всѣхъ человѣковъ. *Когда я вознесенъ буду отъ земли, всѣхъ привлеку къ Себѣ.*

И чудеса, которыя совершалъ Онъ, были только выраженіе любви Его и желанія, чтобы всѣ познали истину и обратились на путь спасенія къ Богу. Онъ исцѣлялъ неизлечимыхъ больныхъ, воскрешалъ мертвыхъ, и болѣе являлся кроткимъ Спасителемъ страждущаго человѣчества, нежели грознымъ Судіею упорныхъ. Какъ Сынъ Божій, Онъ могъ бы вызвать легіоны Ангеловъ, которые бы дѣйствовали за Него: но Онъ любилъ дѣйствовать болѣе какъ Сынъ человѣче-

скій, чтобъ выказать людямъ, какія въ нихъ скрываются силы.

При всемъ томъ, что въ сердцѣ Его горѣла сильная любовь къ человѣчеству, Онъ къ цѣли своей шелъ тихими шагами, и зналъ, что сѣемое Имъ небесное сѣмя жизни не останется безъ плода. Онъ избралъ Себѣ не большой кругъ учениковъ, которымъ передавалъ мысли свои мало по малу, переходя отъ легчайшаго къ труднѣйшему; съ мудрою осторожностію искоренялъ утвердившіеся въ нихъ воспитаніемъ предразсудки, будто Богъ есть только Богъ Евреевъ, будто Мессія явится въ блистательномъ видѣ и дастъ имъ политическую свободу и славу. Наклонялъ мысли ихъ къ внутреннему достоинству человѣка и къ истинной свободѣ духа, которая основана на любви къ истинѣ и добродѣтели. Въ буквахъ Ветхаго Завѣта указывалъ духъ и раскрывалъ въ немъ существенное, вопреки тогдашнимъ учителямъ, которые вдавались въ мѣлочныя толкованія и вводили въ заблужденіе себя и другихъ. Тѣмъ удобнѣе могъ Онъ

сообщать небесныя истины ученикамъ своимъ, что всѣ они были изъ проста-го класса людей и не столько заражены были ложными правилами надмѣнныхъ учителей Синагоги. Разговоръ Его былъ простой, общепонятный. Впрочемъ не рѣдко рѣчь Его прикрывалась таинственностію. Повѣсти и притчи Его, безъ всякаго напряженія составленныя, но между тѣмъ сильно поражавшія своею новостію и привлекавшія таинственностію, имѣли то свойство, что оставались въ сердцахъ учениковъ на—долго и производили въ нихъ животворное дѣйствіе. Какъ древніе Пророки придавали силу рѣчамъ символическими дѣйствіями, такъ неоднократно дѣлалъ и Онъ (Іоан. 13, 14 — 15. 26). Много надобно было терпѣнія, чтобы переносить непонятливость Своихъ учениковъ и опровергать ихъ предразсудки: но Онъ переносилъ все то съ неимовѣрною кротостію и нѣжно любилъ ихъ до самой смерти.

Съ ними ходилъ Онъ по отечественной землѣ своей и среди многихъ тру-

довъ и огорченій разносилъ свѣтъ истиннаго Богопознанія ученымъ и не — ученымъ, знатнымъ и не — знатнымъ. На путь истины Онъ возводилъ не принужденіемъ и не краснорѣчіемъ увлекалъ умы, но дѣйствовалъ на сердца кроткимъ убѣжденіемъ и Божественною силою своего слова. Онъ просто раскрывалъ сокровище истины и предоставлялъ волѣ каждаго брать или небрать изъ сего сокровища. Чувство сожалѣнія о жестокосердіи своихъ слушателей выказывалось въ Немъ гораздо чаще, нежели негодованіе на ихъ упорство и невѣріе. Онъ не требовалъ слѣпой вѣры и буквальнаго повторенія словъ Его, но хотѣлъ, чтобъ слушатели сами размышляли, углублялись и испытывали. Для сего-то часто говорилъ Онъ народу въ прикровенныхъ притчахъ, желая тѣмъ побудить ихъ къ размышленію и углубленію. Онъ хотѣлъ воскресить спящія въ человѣкѣ силы духовной жизни. Такъ дѣйствуетъ на землю солнце. Оно весною дѣйствіемъ своихъ лучей пробуждаетъ въ ней уснувшія во время зимы силы.—Постоян-

нымъ занятіемъ и удовольствіемъ Его было—вразумлять несвѣдущихъ, наставлять заблуждающихъ, обращать къ покаянію грѣшниковъ, утѣшать раскаявающихся, исцѣлять больныхъ. Въ сихъ занятіяхъ, продолжавшихся часто по цѣлому дню, Онъ не рѣдко забывалъ о пищѣ и питіи, и самый покой ночи посвящалъ на молитвенное собесѣдованіе съ Богомъ.

Личныя оскорбленія, насмѣшки, ругательства отъ черни, Онъ переносилъ кротко и равнодушно: но предъ тѣми, которые должны были блюсти правосудіе, Онъ защищалъ правоту свою и требовалъ законнаго сужденія о Его поступкахъ. Страхъ человѣческій не имѣлъ надъ Нимъ власти. Онъ щадилъ невѣдѣніе и только сожалѣлъ объ немъ: но лицемѣровъ, которые знали истину и превращали, обличалъ безбоязненно, кто бы они ни были. Зложелателей своихъ Онъ отражалъ вдругъ или сильнымъ отвѣтомъ, или такимъ вопросомъ, который приводилъ ихъ въ замѣшательство. Никогда личные враги Его не могли

возмутить души Его: но когда Онъ видѣлъ поруганіе святыни и неуваженіе къ тому, что для всѣхъ должно быть важно; тогда священная ревность возгаралась въ Немъ. Исполняя обязанности своего званія, Онъ не заботился, какія бы ни вышли изъ того вредныя для Него самаго послѣдствія. Дѣлая то, чего требовало Его Божественное назначеніе, Онъ не боялся и смерти. Не разъ подвергался Онъ опасности отъ возставшей противъ Него черни: но духъ живущій въ Немъ и промыслъ Божій хранили Его, доколѣ не пришло время. Среди бурь и смятеній сердце Его было въ Богѣ — Отцѣ Его, и въ вѣрѣ въ Него оно было твердо.

Съ твердостію души и Божественною высотою духа совмѣщалась въ Немъ и нѣжная любовь къ дѣтямъ, также чувство къ красотамъ природы и къ радостямъ общежитія. Онъ не убѣгалъ дружескихъ угощеній, любилъ быть въ кругу добрыхъ семействъ, ласкалъ дѣтей и неоднократно внушалъ дѣтскія чувства и ученикамъ своимъ. Посѣщалъ домы богатыхъ и бѣдныхъ, бесѣдовалъ съ мы-

тарями, грѣшниками и фарисеями, и цѣнилъ доброе сердце, въ комъ бы оно ни было, въ мытарѣ ли, въ фарисеѣ ли, въ Самарянинѣ ли, въ язычникѣ ли. Обращая вниманіе на красоты природы, на разнообразіе и обиліе жизни ея, Онъ возвышалъ умы слушателей въ Творцу ея. Изъ явленій природы Онъ заимствовалъ большую часть нравоучительныхъ притчей. Природа въ глазахъ Его была изображеніемъ премудрости и благости Творца и Промыслителя, и нравоученіемъ для людей.

Чувство любви къ Богу и къ человѣкамъ такъ наполняло Его сердце, что попеченія о нуждахъ тѣла далеки были отъ Него. Онъ и самъ не возмущалъ души своей заботливостію о пищѣ, одеждѣ и прочихъ потребностяхъ жизни; и Апостоламъ своимъ совѣтовалъ искать во-первыхъ царствія Божія, и потомъ имѣть полную довѣренность къ Промыслу, что при усердномъ занятіи ихъ дѣлами званія все прочее приложится имъ. Часто говорилъ Онъ объ опасности богатства на пути ко спасенію, но на-

ходилъ сію опасность не въ самомъ богатствѣ, а въ безразсудной привязанности къ нему. Скорбь о бѣдствіяхъ жизни человѣческой иногда исторгала у Него слезы, но не омрачала души Его. Мысль о Богѣ—Отцѣ Его, надежда на Него и молитва къ Нему были твердымъ для Него оплотомъ.—Что страшнѣе смерти крестной? но Онъ и объ ней благодушно предсказывалъ ученикамъ своимъ, и когда она наступала,—подкрѣпивъ Себя молитвою, срѣтилъ ее и предалъ Себя всѣмъ ужасамъ оной съ непоколебимымъ мужествомъ.

Предъ кончиною своею Онъ окончательно на послѣдней вечери раскрылъ ученикамъ свое сердце, и уже яснѣе и подробнѣе изложилъ имъ то, что постоянно было въ мысляхъ у Него. А объяснить прочее, что не вмѣщалось еще въ умы ихъ, предоставилъ Святому Духу.

Послѣдняя вечеря, на которой ученики слышали столь много завѣщаній о взаимной любви, и гдѣ въ Ходатайственной жертвѣ Его видѣли столь великое

доказательство Божественной любви Его къ человѣкамъ, содѣлалась на вѣкъ драгоцѣннымъ памятникомъ.

Не льзя представить себѣ ничего проще и выразительнѣе сего великаго памятника, оставленнаго Іисусомъ. Краткая надпись его: *любите Бога и другъ друга, какъ Я люблю Бога и человѣковъ, и какъ любитъ васъ Богъ, предавшій въ жертву Сына своего,*—выражаетъ всю силу Новаго Завѣта и объясняетъ цѣль жизни Іисусовой.

Такъ, жизнь Іисусова отъ начала до конца есть не что иное, какъ непрестанное выраженіе всеобъемлющей любви, и напоминаніе любви къ Богу и человѣкамъ. Разставшись съ учениками своими послѣ вечери, и въ молитвѣ предавъ ихъ Отцу небесному, Онъ укрѣпилъ и Себя молитвою, и потомъ въ безмолвіи переносилъ безчисленныя ругательства отъ разъяренныхъ судей своихъ и черни, и безтрепетно встрѣчалъ смерть. На Голгоѳѣ ввѣривъ матерь свою попеченію ученика своего Іоанна, предалъ душу свою въ руки Божіи. Послѣдняя мо-

литва Его была молитва за распинавшихъ Его враговъ: *Отче! прости имъ; ибо они не знаютъ, что дѣлаютъ.*

IV.

О постѣ.

Къ говѣнію сверхъ молитвъ, хожденія въ Церковь, чтенія священныхъ книгъ и благоговѣйныхъ размышленій, принадлежитъ и постъ, то есть, строгая умѣренность въ пищѣ и воздержаніе отъ всѣхъ яствъ, сколько нибудь пріятныхъ для вкуса. Кто истинно кается и сокрушается о грѣхахъ своихъ, тому не до роскоши въ пищѣ; кто желаетъ изгнать изъ себя нечистыя мысли, истребить страсти и имѣть свѣтлый умъ, тотъ по необходимости долженъ поститься. Кто не замѣчалъ надъ собою, что пресыщеніе помрачаетъ умъ, лакомыя и роскошныя кушанья или разслабляютъ тѣло, или питаютъ страсти?

Кромѣ сего тѣлеснаго поста есть еще другой, духовный. Онъ состоитъ въ строгомъ наблюденіи надъ собою, въ обуз-

даніи страстей, въ искорененіи дурныхъ привычекъ, въ удаленіи не только отъ грѣховныхъ желаній и дѣйствій, но даже и отъ всякаго нечистаго помышленія. Тотъ и другой всегда, а наипаче вовремя говѣнія, должны быть соединяемы. Одинъ безъ другаго быть не долженъ. Духовный постъ безъ внѣшняго невозможенъ; внѣшній безъ внутренняго не имѣетъ никакого значенія, и есть одно лицемѣріе. По сему-то Св. Церковь учитъ насъ: *постясь тѣлесно, поститься и духовно.*

Мысли Отцевъ Церкви о истинномъ покаяніи и постѣ.

Св. Іоанна Златоуста.

Будучи въ грѣхахъ не станемъ отчаяваться, но и не будемъ безпечны; будемъ носить истинное сокрушеніе въ сердцѣ, а не на языкѣ только. Ибо я знаю многихъ, которые плачутъ о своихъ грѣхахъ, но ничего добраго не дѣлаютъ. Они постятся, носятъ на себѣ грубую одежду; а между тѣмъ такъ же жадны къ деньгамъ, какъ ростовщики; предаются

гнѣву, какъ свирѣпые звѣри, и любятъ о ближнемъ говорить болѣе зла, нежели другіе добра. Это не покаяніе, а только призракъ покаянія. Если мы постимся и вмѣстѣсъ тѣмъ питаемъ въ себѣ гордость; то мы не только не получаемъ пользы, а напротивъ дѣлаемъ себѣ вредъ. И такъ смири сердце свое, чтобы Господь приблизился къ тебѣ: ибо *Господь близокъ къ сокрушеннымъ въ сердцѣ* (Псал. 34, 19). Не о томъ воздыхай, чтобъ не наказалъ тебя Богъ, но о томъ, что ты оскорбилъ кроткаго человѣколюбиваго, пекущагося о твоемъ спасеніи Бога, который Сына своего предалъ за тебя. Вотъ о чемъ воздыхай, и вотъ что непрестанно дѣлай! Это будетъ истинное покаяніе.

Онъ же въ другомъ мѣстѣ.

Когда я говорю о постѣ, то разумѣю постъ истинный. Онъ состоитъ не только въ воздержаніи отъ пищи, но и въ воздержаніи отъ грѣховъ. Ибо безполезенъ постъ, когда онъ не правиленъ. Постился и Фарисей, но не получилъ пользы. Мытарь не постился, но предпоч-

тенъ постящемуся Фарисею. Изъ сего можно видѣть, что одинъ постъ ничего не сдѣлаетъ. Жители Ниневіи постились и получили помилованіе. Іудеи постились, и ничего не приобрѣли, а только осуждены Богомъ. Что отвратило отъ Ниневіи гнѣвъ Божій? то ли, что они постились и облеклись во вретище? Нѣтъ,—а то, что они перемѣнили свою жизнь. Это я говорю не къ униженію поста, но для того, чтобъ уважали постъ надлежащимъ образомъ. А надлежащее уваженіе посту сдѣлано будетъ тогда, когда будутъ воздерживаться не только отъ пищи, но и отъ грѣховъ. Кто постъ поставляетъ въ одномъ воздержаніи отъ пищи, тотъ крайнее показываетъ къ нему неуваженіе. И такъ если ты постишься, то покажи это дѣлами. Какими? Увидѣвъ бѣднаго, окажи ему милость; увидѣвъ врага, примирись съ нимъ. Не одни уста, а всѣ наши чувства пусть постятся. Какая намъ польза не ѣсть птицъ и рыбы, когда мы съѣдаемъ братьевъ нашихъ? Какая намъ польза отъ поста,

когда мы не отлагаемъ худыхъ привычекъ? Вотъ, сего дня мы цѣлый день провели въ постѣ и вечеромъ столъ нашъ умѣреннѣе, нежели вчера. Можетъ ли кто сказать, что и жизнь сего дня перемѣнилась такъ же, какъ его столъ? едва ли! Итакъ что пользы въ постѣ? Поелику же есть у васъ многіе, которые постомъ хотятъ превзойти другъ друга, такъ что одни проводятъ два дня безъ пищи, другіе во весь постъ удаляютъ отъ стола не только деревянное масло и вино, но и всякую пищу, кромѣ воды и хлѣба; то станемъ лучше соревновать другъ другу въ томъ, чтобъ отложить привычку непрестанно божиться. Это будетъ полезнѣе всякаго поста; отъ этого болѣе выгоды, нежели отъ изнуренія тѣла. Насъ назовутъ большими глупцами, если мы запрещенное закономъ Божіимъ оставимъ безъ уваженія, а всю нашу ревность обратимъ на то, что само въ себѣ малозначительно.

Совершаемъ постъ не тогда, когда оканчиваемъ сорокодневное его время: но

тогда, когда сдѣлаемъ себя лучшими. О томъ будемъ думать, исправились ли мы, загладили ли свои погрѣшности, очистились ли отъ грѣховъ. Если иной будетъ передъ тобою хвалиться: «я всѣ сорокъ дней постился;» то ты скажи: «а я имѣлъ недруга и примирился съ нимъ, имѣлъ дурную привычку злословить другихъ, и теперь ее оставилъ.»

Св. Ефрема Сиріанина.

Обманывается тотъ, кто думаетъ, что сущность поста состоитъ въ уменьшеніи только тѣлесной пищи. Ибо извѣстно, что нарушители правилъ истинной добродѣтели не получаютъ отъ того никакой пользы. Изнуреніе тѣла безполезно для тѣхъ, которые въ сердцѣ питаютъ ненависть и въ груди своей носятъ закоренѣлую злобу и мстительность. Богъ не войдетъ въ такое гнусное жилище.— Не лишнее ли дѣло мучить тѣло голодомъ и жаждою, когда душа измучена и гибнетъ отъ пороковъ? — И молитва и постъ безполезны для тебя, когда ты не украшенъ вѣрою, надеждою и любовію.

Св. Василія Великаго.

Чтобы постъ былъ настоящій, одного воздержанія отъ пищи не-достаточно. Будемъ поститься постомъ Богопріятнымъ. Истинный постъ есть воздержаніе отъ пороковъ, обузданіе языка, укрощеніе гнѣва и страстей, отложеніе злорѣчія, лжи, обмана. Воздержаніе отъ сего есть истинный постъ.

Блаженнаго Іеронима.

Принимай на себя столько поста, сколько нести можешь. И пощеніе твое должно быть чисто, просто, нелицемѣрно, умѣренно, а не суевѣрно.

Св. Іоанна Постника.

Смотри—если постишься, не гордись; если творишь дѣла милосердія, не тщеславься, а лучше по прошествіи поста подумай, что приобрѣлъ ты отъ неяденія, не таковъ ли точно вышелъ, какъ и вошелъ; посмотри, какой грѣхъ смылъ ты, или въ чемъ сдѣлался лучшимъ, какую приобрѣлъ добродѣтель, какую злую на-

клонность исправилъ; оставилъ ли гнѣвъ, злословіе или клевету; удержался ли отъ божбы, и что другое доброе сдѣлалъ: а если только воздерживался отъ пищи, не сдѣлавъ ничего другаго, то какую ты получилъ пользу отъ неяденія?

Когда Господь говоритъ тебѣ—постись, ты можешь отговариваться слабостію; когда говоритъ—твори милостыню, ты можешь извиняться бѣдностію; когда говоритъ—иди въ Церковь, ты можешь представлять недосуги. Но когда говоритъ—не гнѣвайся, что можешь сказать противъ сего?—ни невѣдѣніе, ни недосуги не препятствуютъ тебѣ имѣть сію добродѣтель.

V.

Благотворительность.

Благотворительность или милостыня есть необходимая принадлежность кающихся; ибо она есть существенная добродѣтель Христіанъ. *Чистое и непорочное благочестіе предъ Богомъ и Отцемъ есть то, чтобъ призирать сиротъ и вдовъ въ ихъ несчастіи, и хранить себя неосквер-*

неннымъ отъ міра (Іак. I, 27). Да и всего естественнѣе ищущему помилованія быть самому милостиву.

Посему у прежнихъ Христіанъ дни поста и покаянія были особенными днями благотворенія. По совѣту святыхъ Отцевъ, по крайней мѣрѣ то отдаваемо было на пропитаніе бѣднымъ, что сберегалось постомъ.

VI.

О домашнемъ испытаніи себя и исповѣди предъ духовнымъ отцемъ.

Послѣднее дѣйствіе кающагося нынѣ есть исповѣдь тайная. Ищущій спасенія Христіанинъ ходя въ Церковь, вникаетъ въ законъ Божій, взираетъ на образъ Іисуса Христа, вслушивается въ чувства и совѣты Святыхъ мужей—для того, чтобы сравнить свою жизнь съ жизнію Спасителя, свои дѣла и чувства съ правилами Церкви и съ чувствами Святыхъ мужей ея. Ужасное разстояніе, какое находитъ онъ тогда между своимъ поведеніемъ и святою жизнію мужей Божіихъ, повер-

гаетъ его въ горесть. Онъ со слезами и глубокимъ покаяніемъ молитъ Бога о исцѣленіи души своей, и готовъ открыть другимъ свою болѣзнь, чтобъ они молились о немъ и умилостивляли Бога такъ, какъ больный тѣломъ ищетъ помощи у врача и кромѣ того пользуется совѣтами друзей. Въ прежнія времена Церкви точно такъ и было. Кто изъ Христіанъ чувствовалъ въ себѣ внутреннюю рану или сдѣлалъ что либо противное законамъ Божіимъ, тотъ и наединѣ предъ опытными въ благочестіи мужами и предъ всею Церковію раскрывалъ свою жизнь и раскаявался въ своихъ грѣхахъ. Не трудно тому подвергнуть себя суду Святаго общества, кто самъ себя осудилъ внутренно. Въ послѣдующее время, когда братская откровенность исчезла, Церковь сдѣлала снисхожденіе кающимся: позволила имъ подвергать свое поведеніе суду одного Пресвитера наединѣ.

Итакъ духовный отецъ для кающагося есть отецъ, врачъ, совѣтникъ, наставникъ и судія. Богу и Церкви онъ отдастъ отвѣтъ, если невѣрно выполнитъ то

дѣло, на которое вызвала и поставила его Церковь. Но и кающійся виновенъ предъ Богомъ, предъ Церковію и самимъ собою, когда въ духовномъ отцѣ не хочетъ видѣть отца, врача, совѣтника и наставника. Если онъ къ духовному отцу идетъ только по одному обычаю, безъ откровенности; то — намѣреваясь очиститься отъ грѣховъ, онъ прилагаетъ къ прежнимъ грѣхамъ новый грѣхъ лицемѣрія. Извѣстно, что бываетъ съ больными, которые утаиваютъ отъ врачей свои болѣзни. Болѣзни, которыя въ началѣ легко было излечить, остаются неизлечимыми, и такимъ образомъ скрытность ихъ дѣлается причиною смерти. Но скрытность предъ врачемъ духовнымъ, который именемъ Божіимъ врачуетъ болѣзни души, тѣмъ ужаснѣе, что она можетъ причинить смерть духовную, вѣчную. Можно утаить свое поведеніе отъ земныхъ судей, но отъ Бога и совѣсти не возможно. Богъ и совѣсть будутъ преслѣдовать нераскаяннаго.

Кто привыкъ наблюдать надъ собою

постоянно, и кто каждый вечеръ припоминаетъ дѣла и мысли, изъ которыхъ составлялась жизнь цѣлаго дня; тому легко припомнить и жизнь цѣлаго года. Впрочемъ ни одинъ благомыслящій духовникъ не потребуетъ подробнаго отчета во всѣхъ дѣлахъ, мысляхъ и желаніяхъ. Довольно и того, если кающійся обратитъ вниманіе на господствующія въ себѣ худыя наклонности, и будетъ замѣчать, съ какимъ усиліемъ онъ противоборствовалъ симъ наклонностямъ, много ли онъ успѣлъ въ искорененіи ихъ, и вообще чувствуетъ ли онъ, что подвигается впередъ, или отклоняется назадъ. Въ нравственной жизни нѣтъ стоянія, но человѣкъ непрестанно идетъ или впередъ или назадъ.

Господствующую наклонность узнать легко. Она есть средоточіе всѣхъ почти мыслей, желаній и дѣйствій. Что любишь всѣмъ сердцемъ, тѣмъ занимается твое чувство, воображеніе, разумъ, воля, весь ты. Что любишь всѣмъ сердцемъ, то—владыка надъ твоими дѣлами, то — господинъ, которому ты служишь,

то—богъ, которому ты покланяешься. И такъ, вникая въ себя, усмотри, кто этотъ идолъ, которому ты поклоняешься: суетность ли, гордость ли, самохвальство ли, вѣтренная ли разсѣянность, упорство ли, роскошь ли, сластолюбіе ли, пустословіе ли, мстительность ли и пр.

Исчислить всѣхъ малыхъ идоловъ человѣческаго сердца невозможно, но главные изъ нихъ три: *сластолюбіе*, когда мы собственному тѣлу служимъ нѣгою, сладострастіемъ, разсѣянностію, праздностію; *корыстолюбіе*, когда мы, увлекаясь ложною расчетливостію разсудка, мучимъ есбя суетами жизни, стараемся накопить *много*, чтобы жить *широко*, и наконецъ *честолюбіе*, когда мы, увлекаясь мечтами воображенія, не соблюдаемъ строгой мѣры въ желаніи честей и достоинствъ, усиливаемся какими бы то ни было средствами стать *высоко*, и величаемся предъ другими.

Краткое начертаніе закона для домашняго испытанія своей совѣсти.

Въ семъ краткомъ начертаніи сказано, чего требуетъ отъ насъ любовь къ

Богу и ближнимъ, что съ нею сообразно и что не-сообразно. Испытывающій себя, помолившись, пройдетъ каждое отдѣленіе медленно, съ глубокимъ вниманіемъ, и увидитъ, что въ немъ есть и чего недостаетъ. Послѣ того онъ переберетъ въ мысляхъ члены Символа Вѣры чтобы судить, точно ли онъ такъ вѣруетъ, какъ вѣруетъ святая Церковь. Послѣ такого домашняго суда предстанетъ къ отцу духовному, и раскроетъ ему свое сердце и свою жизнь.

Чувствованія желающаго приступить къ Тайнамъ предъ домашнимъ испытаніемъ себя самаго.

Господи Іисусе Христе! къ Тебѣ чистому и святому можетъ приближаться только чистый и святый. Но кто на землѣ чистъ, и кто безгрѣшенъ, кромѣ Тебя Единаго? И наилучшіе изъ человѣковъ имѣютъ только желаніе добра и святости, но не всегда на дѣлѣ выполняютъ то, чего ищетъ и желаетъ благочестивая душа ихъ. Молю Тебя, воспламени во мнѣ сіе святое желаніе,

которое бы повело меня выше и выше къ Твоей Божественной чистотѣ; научи меня войти въ свою душу и испытать себя, какъ далекъ я отъ Твоего закона. Узнавъ, какъ далекъ я отъ Твоего закона, я со слезами паду предъ Тобою, чтобъ Ты простилъ мнѣ прежніе грѣхи мои, и удостоилъ таинственной Твоей—небесной пищи, которая укрѣпитъ меня на новую жизнь; ибо Ты единъ и истинный Учитель человѣковъ и Искупитель и Утѣшитель.

Испытаніе себя самаго въ заповѣдяхъ.

Люби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ, и всею крѣпостію твоею.

Люби ближняго какъ себя самаго.

Вотъ двѣ заповѣди, которыя въ немногихъ словахъ заключаютъ всѣ мои обязанности! Выполнивъ сей Законъ, я сдѣлалъ бы все то, чего требуетъ моя совѣсть, и чего желаетъ мой Спаситель.

Признаки любви къ Богу.

Кто любитъ Бога, тотъ *исполняетъ заповѣди Его съ охотою*, безъ принужде-

нія; и въ исполненіи заповѣдей Божіихъ находитъ удовольствіе и радость.

Кто любитъ Бога, тотъ часто *молится*, часто *воспоминаетъ* и *говоритъ* о Богѣ и дѣлахъ Божіихъ, и воспоминаетъ всегда съ благоговѣніемъ.

Кто любитъ Бога, тотъ дорого цѣнитъ всякой даръ, полученный изъ рукъ Божіихъ, и *благодаритъ* Бога.

Кто любитъ Бога, тотъ *любитъ* слушать и читать *Слово Божіе*. Слушаетъ Слово Божіе со вниманіемъ, безъ разсѣянности, и слышанное принимаетъ къ сердцу.

Кто любитъ Бога, тотъ съ охотою *идетъ въ Церковь*, гдѣ поютъ пѣсни во славу Божію и бесѣдуютъ съ Богомъ въ молитвахъ.

Кто любитъ Бога всѣмъ сердцемъ, и всею душею и всею крѣпостію; тотъ употребляетъ всѣ силы ума, чтобы *знать волю Божію*. Узнавъ волю Божію, употребляетъ всѣ силы духа и тѣла, чтобы *выполнить волю Божію*.

Кто любитъ Бога, тотъ *любитъ все сотворенное Богомъ*, себя и другихъ че-

ловѣковъ, въ которыхъ сіяетъ образъ Божій, и—любить чистою, святою любовію.

Мѣра любви къ самому себѣ.

Любить себя человѣку естественно, только любовь къ себѣ часто превращается въ пристрастіе къ себѣ или самолюбіе, и потому Слово Божіе предписываетъ намъ наблюдать мѣру въ любви къ самимъ себѣ.

Кто любитъ себя, тотъ бережетъ *свое здоровье*, и если оно потеряно, старается возвратить его. Не правильно же бережетъ свое здоровье, кто *слишкомъ* нѣжитъ себя *сномъ*, *пищею*, *разсѣянностію и праздностію*.

Изъ любви къ самому себѣ должно стараться и о томъ, чтобъ тѣло было чисто и прилично одѣто.

Въ одеждѣ Христіанинъ соблюдаетъ *простоту* и *степенность*, во взглядахъ и въ походкѣ *скромность*. Рѣчь его *обдуманна*, языкъ его *не пустословитъ*, руки его дѣлаютъ только нужное и полезное. *Или не знаете*, говоритъ Апостолъ,

что тѣла ваши суть храмъ живущаго въ васъ Духа Божія?

Истинный Христіанинъ не думаетъ много о *богатствѣ*, и болѣе всего удалена отъ него *скупость* и *жадность* къ деньгамъ.

Истинный Христіанинъ бережетъ и защищаетъ свое доброе *имя*, но именемъ своимъ *не превозносится, не гордится* предъ другими; онъ *не ссорится, не злится, не мститъ*, когда видитъ себѣ оскорбленіе.

Христіанинъ позволяетъ себѣ и *увеселенія*, но *благородныя* и *умѣренныя*, поколику находитъ ихъ необходимыми для возобновленія силъ своихъ на новые духовные подвиги.

Любящій себя *образуетъ свой умъ, прилежно обдумываетъ самъ, съ охотою* перенимаетъ отъ другихъ, старается знать полезное для жизни здѣшней, и наипаче мыслитъ о жизни будущей. Чего не видитъ на самомъ дѣлѣ, того *надѣется* и *ожидаетъ съ терпѣніемъ*.

Любящій себя старается пріобрѣсть *постоянство характера и твердость во-*

ми, чтобы не увлекаться страстями и дурными примѣрами.

А болѣе всего бережетъ *чистоту совѣсти* и слушается ея голоса.

Ложь, притворство, лицемѣріе, самохвальство живутъ въ низкихъ только душахъ.

О любви къ ближнимъ.

Ближняго люби какъ себя.

Чего не желаешь себѣ, того не желай и не дѣлай другому.

Всѣ человѣки братья между собою, дѣти единаго Бога.

Любовь къ ближнимъ имѣетъ въ своемъ сердцѣ тотъ, кто желаетъ и дѣлаетъ имъ добро, оберегаетъ *здоровье, честь, собственность* другихъ, и въ случаѣ нужды *помогаетъ*.

Еще болѣе любитъ другихъ, кто думаетъ о душѣ другихъ, и сколько можетъ, старается, чтобъ они были *просвѣщенны, добры, честны и благочестивы*.

Грѣшитъ противъ закона любви къ ближнимъ, кто *презираетъ* другихъ, *порочитъ* ихъ имя, *отнимаетъ* собствен-

ность, *завидуетъ, сердится за всякую малость, притѣсняетъ, препятствуетъ просвѣщенію и благочестивымъ занятіямъ.*

Изъ ближнихъ ближе всѣхъ родители. *Дитя*, любящее родителей, *послушно*, старается *угождать* имъ и дѣлать пріятное; въ погрѣшностяхъ, какія сдѣлаетъ, тотчасъ *проситъ прощенія*, съ откровенностію сказываетъ все, что у него на сердцѣ. *Скрытность* въ дѣтяхъ есть тяжкій грѣхъ.

Цѣлость и благосостояніе общества поддерживается уваженіемъ къ законамъ и верховному блюстителю ихъ — Государю.

Истинный Христіанинъ *чтитъ Государя*, какъ посланника и помазанника Божія, и любитъ какъ отца, служитъ ему *по совѣсти*, а не по одному страху, радѣетъ пользамъ отечества, посвящая ему силы, свои дарованія, имѣніе и въ случаѣ нужды самую жизнь.

Испытаніе себя въ вѣрѣ.

О Богѣ Отцѣ.

Членъ первый: «Вѣрую во единаго Бога—

Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ.»

То есть, я вѣрю, что единъ Богъ — Отецъ сотворилъ все, и силою своею держитъ все, что я вижу и чего не вижу.

Впрочемъ, если я только вѣрю и исповѣдую, что есть Богъ, и что Онъ все сотворилъ и все держитъ, а между тѣмъ живу такъ, какъ бы я не помышлялъ о Богѣ; то такая вѣра называется *мертвою*. Вѣрующій въ Бога—Отца ходитъ предъ Его всевидящими очами, а потому и наединѣ страшится дѣлать противное закону. Вѣрующій знаетъ, что Богъ премудръ и благъ, и потому увѣренъ, что Онъ все дѣлаетъ премудро и людямъ даетъ все наилучшее.— Вѣрующій въ горести не унываетъ, въ радости не забывается. Мысль о Богѣ – Творцѣ, Промыслителѣ и Правителѣ судебъ человѣческихъ, какъ свѣтило въ умѣ, должно разгонять все мрачное и вносить жизнь и теплоту во все существо наше.

Вотъ какъ мыслили вѣрующіе:

Господь свѣтъ мой и спасеніе мое, кого мнѣ бояться? (Псал. 26).

Господь Богъ есть солнце и щитъ; Господь даетъ благодать и славу; ходящихъ въ непорочности не лишаетъ благъ. (Псал. 83).

Въ Богѣ покой души моей, отъ Него спасеніе мое (изъ Псал. 61).

Всегда вижу предъ собою Господа. Онъ одесную меня, не поколеблюсь. (Псал. 15).

О Сынѣ Божіемъ.

Члены: 2—7: «(Вѣрую) и во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, единороднаго, иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, Свѣта отъ Свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, не сотворенна, единосущна Отцу, имъже вся быша.—Насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы и вочеловѣчшася; распятаго же за ны при Понтійстѣмъ Пилатѣ и страдавша и погребенна. И воскресшаго въ третій день по Писаніемъ, и возшедшаго на небеса и сѣдяща одесную Отца, и паки грядущаго со сла-

вою судити живымъ и мертвымъ, Егоже царствію не будетъ конца.»

То есть, вѣрю также, что единый Господь нашъ есть Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій единородный, который прежде всѣхъ вѣковъ родился отъ Отца, Свѣтъ отъ Свѣта, Богъ истиный отъ Бога истиннаго, родился, а не сотворенъ; Онъ единаго съ Отцемъ существа и все чрезъ Него существуетъ; Онъ для насъ человѣковъ и для нашего спасенія сошелъ съ неба, принялъ плоть отъ Святаго Духа и Маріи Дѣвы и сдѣлался человѣкомъ; при Понтіи Пилатѣ за насъ былъ распятъ, страдалъ и погребенъ былъ, но въ третій день воскресъ, какъ сказано въ Писаніи; вознесся на небеса и сѣдитъ одесную Отца, и опять придетъ со славою судить живущихъ и умершихъ, и царству Его не будетъ конца.

Еще въ младенчествѣ при крещеніи я далъ обѣщаніе такъ вѣровать во Іисуса. Потомъ возрастая, чѣмъ болѣе я вникалъ въ законъ Божій, слушалъ слова Іисуса Христа и обращалъ вниманіе на

жизнь Христіанъ, тѣмъ болѣе удостовѣрялся и нынѣ твердо по чувству сердца вѣрю, что Іисусъ есть Спаситель, Сынъ Божій. Ибо и самъ я чувствую, что слова Его проникаютъ до глубины сердца моего и преобразуютъ меня, что повѣствованіе о жизни Его воодушевляетъ меня; и надъ другими вижу, что они, прилежно слушая слова Евангелія, дѣлаются людьми добрыми, спокойными, терпѣливыми, кроткими, благотворительными. Не есть ли это признакъ спасенія? Я знаю исторію людей жившихъ до Іисуса Христа. Тамъ рабство, безчеловѣчіе, буйство страстей, низкія—скотскія наслажденія не имѣли мѣры, а нынѣ Христіанскій міръ вовсе другой. Могъ ли бы такъ преобразовать міръ человѣкъ земнородный? Нѣтъ, Преобразователь сей долженъ быть и есть истинный Сынъ Божій!

И такъ отъ всего сердца вѣрю, что единый Господь нашъ есть Іисусъ, тотъ самый, коего жизнь описана въ Евангеліяхъ, что Онъ есть давно обѣщанный

Пророками Христосъ (Мессія), Сынъ Божій—единородный, истинный Богъ.

Вѣрю, что безъ Іисуса Христа не было бы истиннаго просвѣщенія.

Вѣрю, что безъ Іисуса Христа не было бы истинной добродѣтели.

Вѣрю, что Іисусъ Христосъ есть единый просвѣтитель умовъ, утѣшитель душъ, Искупитель отъ бѣдствій и грѣховъ.

Какое прекрасное зрѣлище, гдѣ люди живутъ по духу Іисусову!—Они живутъ въ Немъ вѣрою, а Онъ живетъ въ нихъ Духомъ своимъ. Живутъ не они, но живетъ въ нихъ Христосъ. И отъ того какъ они богобоязненны, добры, кротки, великодушны, мужественны, умѣренны! Они ходятъ по землѣ, но духъ ихъ на небѣ—тамъ, гдѣ Христосъ одесную Бога. И страдая они не страдаютъ, потому что они и духомъ и всѣми своими чувствами покоятся въ своемъ Господѣ; и умирая не умираютъ, потому что идутъ къ своему Господу. Общество такихъ людей есть царство Божіе.

Такое царство Іисусово не можетъ

разрушиться: оно вѣчно, конца и предѣловъ ему не будетъ.

О Духѣ Святомъ.

Членъ 8-й: «(Вѣрую) и въ Духа Святаго—Господа животворящаго, иже отъ Отца исходящаго, иже со Отцемъ и Сыномъ споклаияема и сславима, глаголавшаго Пророки.»

То есть, вѣрю такъ же, что Духъ Святый есть Господь животворящій, что Онъ отъ Отца исходитъ, и что Ему должны мы поклоняться и чтить Его наравнѣ съ Отцемъ и Сыномъ; Онъ говорилъ чрезъ Пророковъ.

Вѣрю, что Духъ Святый есть Господь животворящій. Животворное дѣйствіе Святаго Духа отъ начала міра оказывалось надъ человѣками. Духъ Божій вызывалъ на дѣло служенія и воодушевлялъ Пророковъ, освящалъ сердца древнихъ благочестивыхъ мужей, но особенно ясно силы Духа открылись въ Апостолахъ по вознесеніи Іисуса Христа. Тогда умъ ихъ сдѣлался свѣтлъ, сердце воспламенилось, въ груди ихъ оказалось необычай-

ное мужество и готовность на всякія пожертвованія для царства Іисусова.

Если и я чувствую иногда ревность къ истинѣ и любовь къ добру; если послѣ молитвы дѣлаюсь веселъ и бодръ, если, сдѣлавъ благодѣяніе, ощущаю въ себѣ удовольствіе: то сія внутренняя радость, сіе воодушевленіе къ добродѣтели, сіе исканіе святости есть дѣйствіе во мнѣ Духа Святаго. Это залогъ вѣчной жизни, это свидѣтельство о царствѣ небесномъ.

Дѣйствія Духа Святаго на души наши такъ же сильны и животворны, какъ дѣйствія Отца и Сына; — и такъ Ему, какъ всемогущему Господу душъ принадлежитъ то же поклоненіе, какое Отцу и Сыну! — Невидимый Отецъ по любви своей послалъ намъ благодать свою во Іисусѣ Христѣ. Іисусъ лично не долго былъ съ человѣками, но Святый Духъ сердцамъ нашимъ вѣчно свидѣтельствуетъ и напоминаетъ о любви Бога Отца и о благодѣяніяхъ Іисуса Христа, и такимъ образомъ, согрѣвая сердца, собираетъ людей въ единое вѣчное царство Божіе.

О Церкви.

Членъ 9-й: «(Вѣрую) во едину, святую, соборную и Апостольскую церковь.»

Всѣ познанія о Богѣ Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ, столько для меня животворныя, получилъ я отъ Церкви (Церковію называется общество вѣрующихъ во Іисуса Христа и крестившихся во имя Отца и Сына и Святаго Духа). Церковь для меня есть мать и учительница, которая съ дѣтства приняла меня въ свои объятія и воспитываетъ въ вѣрѣ и благочестіи. Чтобъ знать объ Отцѣ и Сынѣ и одушевиться Духомъ Святымъ, мнѣ должно съ довѣріемъ принимать уроки Церкви.

Но поелику Церковь составляется изъ людей, которые легко могутъ погрѣшать, —такъ какъ и дѣйствительно отъ разногласія произошло множество церквей, то я обязанъ вѣрить и вѣрю только такой Церкви, которая есть единая, святая, соборная и Апостольская. Единство есть вѣрный признакъ истины. Пути лжи разнообразны, а истина всегда едина.

Единство Церкви заключается въ томъ, что она есть одно духовное тѣло, т. е. такой по духу и цѣли составъ вѣрующихъ, который возможенъ и долженъ быть только одинъ между Христіанами: ибо у нее одно основаніе (1 Кор. 3, 11. Еф. 2, 20), одна Глава — Іисусъ Христосъ, одна Вѣра и одни Таинства, чрезъ которыя Благодать Божія сообщаетъ дары свои; всѣ члены ея одушевляются однимъ духомъ любви и соединяются въ единомъ упованіи званія своего (Еф. 4, 4).

Святость Церкви состоитъ въ томъ, что она, однажды бывъ очищена и освящена чрезъ страданія и смерть Господа своего – Іисуса Христа, постоянно освящается чрезъ Его святое ученіе, чрезъ Его Божественное ходатайство и чрезъ установленныя Имъ таинства; что всѣ ея члены, освященные благодатію Святаго Духа, призваны и стремятся къ святости въ мысляхъ, чувствованіяхъ, желаніяхъ, намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ. Впрочемъ о сей (въ послѣднемъ смыслѣ) святости я не долженъ судить по нѣкоторымъ

только членамъ Церкви, которые могутъ быть члены немощные или нездоровые, но долженъ судить по лучшимъ ея членамъ, а наипаче по ея основаніямъ, духу и правиламъ.

Кромѣ сего я долженъ знать, что довѣрія моего достойна только Церковь *Соборная* или вселенская, т. е. такая, которая не ограничивается ни мѣстомъ извѣстнымъ, ни временемъ, ни народомъ, но заключаетъ въ себѣ истинно—вѣрующихъ изъ всѣхъ мѣстъ, временъ и народовъ, и которая посему должна быть и есть одна во *всемъ* мірѣ.

Наконецъ, если я увѣренъ, что Церковь, къ которой принадлежу, есть *Апостольская*, т. е. та самая, которую основали и созидали Апостолы, и которая исповѣдуетъ и содержитъ въ чистотѣ ихъ ученіе и свято хранитъ всѣ ихъ уставы: то она заслуживаетъ полную мою вѣру; ибо Апостолы передали ученіе чистѣйшее, какое слышали изъ устъ самаго Спасителя, и какое внушено имъ Духомъ Святымъ.

Радуюсь и благодарю Бога, что Цер-

ковь, въ которой я родился и воспитываюсь, имѣетъ въ себѣ всѣ признаки истины. Она, обращая умы всѣхъ своихъ членовъ къ единому Іисусу Христу, даетъ мнѣ святое Слово Его — то самое, какое получила отъ Апостоловъ; она держитъ тѣ правила и догматы, которые установлены всеобщимъ голосомъ Церкви на вселенскихъ Соборахъ. И потому она есть единая, святая, соборная и Апостольская. Она какъ матерь ведетъ меня въ царство небесное, и потому я чувствую обязанность и готовность чтить ея постановленія, содѣйствовать ея благу по силамъ моимъ, и повиноваться ей какъ управляемой и управляющей своими членами посредствомъ благодати Божіей.

О крещеніи.

Членъ 10-*й*: «Исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ.»

То есть признаю, что надобно единожды принять крещеніе для очищенія себя отъ грѣховъ, и для вступленія въ жизнь духовную, благодатную.

Крещеніе установлено самимъ Іисусомъ Христомъ, который сказалъ Апостоламъ: *идите и учите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Кто увѣруетъ и крестится, спасенъ будетъ.* — Оно есть единственное средство войти въ Церковь и удостоиться тѣхъ благъ, которыя предоставлены членамъ царства Христова. Крещеніемъ я присоединяюсь къ сынамъ царства Божія, одушевляюсь Духомъ Божіимъ и получаю возможность слышать Слово Божіе, которое какъ небесная пища питаетъ духъ мой, чтобъ я возрасталъ въ мѣру возраста Христова.

О воскресеніи мертвыхъ и вѣчной жизни.

Члены 11-*й и* 12-*й*: «Чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Аминь.»

То есть надѣюсь, что мертвые воскреснутъ и въ будущемъ мірѣ мы будемъ живы.

Сія надежда на будущую жизнь одушевляетъ Христіанъ переносить всѣ непріятности жизни настоящей. Въ

сей надеждѣ Христіане считають себя странниками и пришельцами на земли, и потому въ счастіи они умѣренны, въ несчастіи не унывають. Вся настоящая жизнь ихъ есть осторожное приготовленіе къ дальнѣйшей, лучшей; и потому вся дѣятельность ихъ здѣсь состоитъ въ постоянномъ улучшеніи себя. О, какъ чисто ведутъ себя тѣ, которые одушевлены сею святою надеждою! О, какъ счастливы мы Христіане, которые видѣли образъ нашего воскресенія во Іисусѣ Христѣ, и для которыхъ будущая жизнь столько же извѣстна, какъ настоящая!

VII.

Разрѣшеніе отъ грѣховъ.

Когда придешь къ Священнику,—онъ помолится, выслушаетъ твою исповѣдь и съ новою молитвою и крестнымъ знаменіемъ дастъ тебѣ *разрѣшеніе* именемъ Іисуса Христа. Симъ оканчивается покаяніе, и ты снова дѣлаешься здравымъ

членомъ Церкви, съ которою разлучили тебя грѣхи.

О, какъ легко и пріятно душѣ, когда Священникъ именемъ Іисуса Христа, подъявшаго на Себя грѣхи всего міра, сниметъ съ ней тяжести грѣховныя!—Много радуется заключенный въ темницѣ должникъ, когда приносятъ ему вѣсть, что долги ему прощены, что онъ освобождается изъ темницы и можетъ возвратиться въ семейство свое; но радость о прощеніи грѣховъ и возвращеніи грѣшника въ святое общество Божіе есть радость несравненно высшая, чистѣйшая. Впрочемъ сію радость способны чувствовать только истинно - раскаявшіеся: ибо *Господь близокъ только къ сокрушеннымъ въ сердцѣ.*

XI.

ХРИСТІАНСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ.

I.

Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ: не якоже міръ даетъ, Азъ даю вамъ (Іоан. 14, 27). Кто не ищетъ мира, кто не желалъ бы утвердить его въ своемъ сердцѣ, въ своемъ семействѣ, съ своими ближними? Кто не желалъ бы быть свободнымъ отъ всѣхъ безпокойствъ и томительныхъ заботъ, столько тяготящихъ нашу душу? — Но сколько отстоитъ небо отъ земли: столько миръ Божій выше мира, который обѣщаетъ намъ міръ.

Міръ доставляетъ намъ радости преходящія, и хотя дорого покупаемыя, но растворенныя земнымъ, преисполненныя нерѣдко скорбію, скукою, раскаяніемъ. — Радости напротивъ, которыя

уготовляетъ намъ Іисусъ Христосъ суть радости духовныя, чистыя, святыя, небесныя. Онѣ проистекаютъ изъ познанія истины, изъ созерцанія вѣчной красоты и добра, изъ любви къ Богу, изъ благоговѣнія ко Іисусу Христу и Его святому Евангелію, изъ радостнаго взора горѣ — на небо, имѣющее быть нѣкогда достояніемъ безсмертнаго нашего духа.

Истинный миръ состоитъ въ единеніи съ Богомъ; и сіе единеніе утверждается только вѣрою, смиреніемъ, послушаніемъ и любовію. Чистое сердце, преданное Господу съ дѣтскою простотою и невозмущаемое никакими нечистыми пожеланіями, коими—какъ нѣкіими зловонными парами помрачается духовное око человѣка,—чистое сердце выну, а особенно въ молитвѣ, зритъ Бога предъ собою, и чувствуя Его благодатное присутствіе, оживляется истиннымъ веселіемъ, проникается неизреченнымъ блаженствомъ.

Что можетъ лишить Христіанина сего мира? Бѣдность, презрѣніе, бѣдствіе

скорбѣ и нужда? Нѣтъ! для любящихъ Бога сіе мнимое зло служитъ истиннымъ благословеніемъ; ибо отчуждаетъ ихъ отъ жизни плотской и дѣйствительнѣе располагаетъ къ жизни святой, къ жизни по Бозѣ.—Отецъ нашъ небесный! когда внидемъ мы въ блаженный миръ сей, который оставилъ возлюбленный Сынъ Твой вѣрующимъ во имя Его?

II.

Блажени алчущіи и жаждущіи правды, яко тіи насытятся (Мат. 5, 6). Кого насыщаютъ земныя блага; кто въ удовольствіяхъ міра находитъ полное для себя удовлетвореніе, и при всемъ томъ, считая еще себя праведнымъ и добродѣтельнымъ, думаетъ, что онъ достигъ того собственными силами: тотъ не можетъ жаждать свѣта, спасенія и утѣшенія Евангельскаго; для него слово крестное—юродство: ибо онъ всего ищетъ въ самомъ себѣ.

Но кто живо чувствуетъ, что онъ ничего не можетъ творить о себѣ

что его вѣдѣніе слишкомъ скудно, что онъ знаетъ нынѣ только *отчасти* (1 Кор. 13, 6), что его добродѣтели какъ нечистый портъ; кто, устремляясь за тѣсные предѣлы времени, жаждетъ мира и славы жизни вѣчной, ищетъ примиренія съ Богомъ чрезъ вѣчнаго Ходатая Іисуса Христа, въ коемъ сокрыты всѣ сокровища премудрости и разума: тотъ насытится хлѣбомъ жизни, напитается отъ тука дома Божія, напоится изъ потока сладостей небесныхъ (Пс. 35, 9).

Вкушать благость Господа гораздо способнѣе та душа, которая въ искушеніи и скорби познала скудость утѣшенія человѣческой мудрости. Только сокрушенное сердце Богъ хощетъ исцѣлить, только уязвленное—обязать, поникшее укрѣпить, печальное—утѣшить; только смиреннымъ даетъ Онъ благодать и поникшихъ возставляетъ. Когда сердце ощущаетъ печаль по Бозѣ (2 Кор. 7, 10): то оно жаждетъ Его божественнаго утѣшенія и возставляется онымъ, какъ увядшій цвѣтокъ ро-

сою; ибо только *алчущіе* исполняются *благъ*, а *богатящіеся* отпускаются *тщи* (Лук. 1, 53).

Евангеліе благовѣствуется нищимъ, т. е. тѣмъ, которые въ пустынѣ жизни алчутъ небесной манны, чувствуютъ себя безпомощными и оставленными, и ожидаютъ новаго неба и новой земли, въ коихъ обитаетъ правда. Но какъ искать вѣчнаго отечества тѣмъ, которые на землѣ думаютъ обрѣсти себѣ небо? — Посему не преставай пробуждать во мнѣ, Боже мой, жажду Твоего спасенія и обновлять жажду Твоей правды. *Безъ Мене не можете творити ничесоже*, сказалъ Господь ученикамъ Своимъ. Къ Нему убо буду я прибѣгать и отъ Него принимать утѣшеніе, наставленіе и помощь.

III.

Какъ трудно судить о человѣкѣ безошибочно! Нужно хорошо знать его способности и силы, его воспитаніе и житейскія отношенія, судьбы, которымъ

онъ подвергался; въ частности нужно знать, въ какихъ ближній мой находится обстоятельствахъ, съ какими дѣйствовалъ намѣреніями; надобно знать расположеніе души его, состояніе его здоровья и тому подобное: иначе нельзя произнести объ немъ суда правильнаго. И однакожъ какъ поспѣшно и неразсудительно, какъ жестоко и непріязненно судимъ мы часто о своемъ ближнемъ! Мы произносимъ надъ нимъ сужденіе, не выслушавъ его, не изслѣдовавъ самаго дѣла, не выслушавъ и слова въ его оправданіе. Люди порочные радуются, слыша о погрѣшностяхъ и проступкахъ другихъ; они ищутъ въ чужихъ порокахъ оправданія собственной своей порочности. Завистъ и злорадованіе услаждаются уничиженіемъ ближняго. Гордость и высокомѣріе, какъ у Фарисея, возносятся надъ собратомъ и говорятъ: *нѣсмь якоже прочіи человѣцы*. Простой и малосвѣдущій судитъ о другихъ по себѣ и не понимаетъ, какъ можно мыслить и дѣйствовать иначе, нежели какъ онъ; ему и на мысль не приходитъ вник-

нуть въ существо дѣла и отличить наружное въ немъ отъ внутренняго, видимость отъ истины!—Ахъ, сколько такимъ образомъ совершается несправедливости, жестокости; какъ часто оскорбляемъ невинность, обижаемъ праваго, уничижаемъ слабаго; какъ легко такою легкомысленностію посрамить честь и доброе имя, нарушить покой, радость, счастіе и миръ семейственный!

Посему тщательно должно смотрѣть за собою, все испытывать, судить о другихъ какъ можно осторожнѣе, говорить обдуманнѣе и все обращать къ общему назиданію. Строги, но справедливы слова Спасителя: *глаголю вамъ, яко всяко слово праздное, еже аще рекутъ человѣцы, воздадятъ о немъ слово въ день судный* (Мат. 12, 36).

IV.

Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененіи, говоритъ Спаситель.—Подъ сими труждающимися разумѣетъ Онъ тѣхъ, которые напрасно усиливались собственными силами снискать себѣ опра-

вданіе (Рим. 10, 3); тѣхъ, которые, бывъ удручены тяжкимъ игомъ закона, блуждали какъ овцы, не имѣющія пастыря; тѣхъ сокрушенныхъ сердцемъ грѣшниковъ, коихъ жертвенная кровь и службы храма не могли освободить отъ укоризнъ совѣсти; тѣхъ скорбныхъ и огорченныхъ, кои въ скорби сердца своего воздыхали, плакали и не находили, кто бы изсушилъ ихъ слезы; тѣхъ труждающихся и обремененныхъ, въ душѣ коихъ тлилась еще искра упованія на милость и благость Божію, но которой никакой жрецъ не умѣлъ ни пробудить, ни поддержать, ни возжечь въ яркій пламень вѣры; наконецъ тѣхъ изнуренныхъ и опечаленныхъ, которые, претерпѣвъ жестокія потери, испытавъ глубокія скорби, понесши тяжкія обиды, не обрѣли въ мірѣ ни утѣшенія ни успокоенія.

Азъ упокою вы, и обрящете покой душамъ вашимъ, говоритъ Господь. Сіе обѣтованіе Его есть самое утѣшительное, какого только душа огорченная желать можетъ. Іисусъ Христосъ обѣщаетъ осіять духъ свѣтомъ Божественной благодати,

избавить отъ безпокойствъ и мученій преступной совѣсти, даровать вожделѣнный миръ, проистекающій отъ общенія съ Отцемъ, изліявшимъ на насъ любовь свою Духомъ Святымъ,—обѣщаетъ блаженную вѣчность и утѣшаетъ радостнымъ ожиданіемъ оной.—Что же значатъ всѣ блага и величіе міра въ сравненіи съ тѣмъ Божественнымъ миромъ, который озаряетъ свѣтомъ нашу душу, успокоиваетъ и освящаетъ наше сердце, очищаетъ нашу совѣсть, утишаетъ нашу скорбь, возвышаетъ и укрѣпляетъ всѣ наши силы, проливаетъ сладкую радость во все наше существо. Боже мой! ниспосли мнѣ миръ сей о имени Іисуса Христа, Господа и Искупителя моего.

— —

V.

Міръ преходитъ и похоть его, а творяй волю Божію пребываетъ во вѣки (1 Іоан. 2, 11).—Сіе ученіе столь же древне, какъ самый міръ. Кто размышлялъ о существѣ всего земнаго и о его безпрерывныхъ измѣненіяхъ, кто приглядывался къ оживляющейся и увядающей силѣ

въ природѣ и въ своей собственной жизни; кто видѣлъ, какъ исчезаютъ самыя величественныя произведенія, разрушаются самыя прекрасныя творенія искуствъ,—какъ слабѣетъ самая дѣятельная сила: тотъ не можетъ не воскликнуть съ Мудрымъ: *все суета, всяческая суета!*— Даже тѣ люди, которымъ болѣе прочихъ, казалось, судьба благопріятствовала,—даже сильные и владыки земли, питомцы счастія, кои во всемъ имѣли успѣхъ,—всегда наконецъ приходили къ сему же концу своихъ опытовъ.—Все, что даетъ человѣку земля, она опять отнимаетъ у него. Престолы падаютъ, царства потрясаются, блескъ земнаго величія исчезаетъ, изъ развалинъ возникаютъ новые троны, изъ смятеній и разрушенія возникаетъ новый порядокъ вещей,—но и сей порядокъ прейдетъ и новая радость и слава приближатся къ концу своему: но *творяй волю Господа пребываетъ во вѣки.* Среди сей смѣны безпрерывныхъ перемѣнъ, среди сей ужасающей борьбы радости и скорби есть нѣчто постоянное, неизмѣнное, вѣчное, какъ по своему происхожде-

нію, такъ и по своему продолженію. Оно происходитъ отъ Бога и есть достояніе нашего безсмертнаго духа. Законъ правды въ нашемъ сердцѣ, жажда вѣчнаго и предчувствованіе онаго, чистый свѣтъ разума, вѣра во вседержавное Провидѣніе и въ мудрое міроправленіе Божіе, истина Божественнаго Слова, принесеннаго намъ съ неба Іисусомъ Христомъ — суть споручники и провозвѣстники той вѣчной славы, которая нѣкогда въ насъ откроется.

Когда то Божественное чувство, которымъ одушевленъ былъ Искупитель, возноситъ духъ человѣка надъ всѣмъ перстнымъ; когда святая воля Всевышняго управляетъ нашими мыслями и намѣреніями; тогда никакая внѣшняя сила, никакая перемѣна обстоятельствъ не можетъ уклонить насъ отъ правды и отъ истиннаго нашего назначенія. — Сіе истинное свойство природы человѣка остается неизмѣнно одинаково, хотя бы все вокругъ его смѣшивалось, помрачалось и другъ друга разрушало.

О, если бы могъ я утвердиться въ

этой независимости духа отъ всѣхъ превратностей въ жизни земной! О, если бы могъ я неуклонно идти путемъ правды и строже наблюдать за своими поступками! Всевышній и Всеблагій! благослови и укрѣпи меня на сей подвигъ!

VI.

Буди же слово ваше: ей ей, и—ни ни. лишше же сею отъ непріязни есть (Мат. 5, 37). О, если бы съ сею заповѣдію Господа согласовались всѣ мои слова и рѣчи!—Какой величественный даръ Божій есть слово! Оно открываетъ всю глубину нашего сердца, даетъ жизнь нашимъ мыслямъ, осуществляетъ наши ощущенія, проливаетъ въ душу смертныхъ свѣтъ, утѣшеніе, мужество и радость.

Но сколь часто сей великій даръ Божій употребляется на ложь и обманъ, на обольщеніе и соблазнъ, на распространеніе суетъ и заблужденія? Сколько исходитъ изъ устъ нашихъ язвительныхъ рѣчей, сколько злословія, сколько выраженій злобныхъ и укоризненныхъ, сколько пересудовъ суетныхъ! Ложь вно-

сить въ нашу душу несогласіе и противорѣчіе, заглушаетъ гласъ совѣсти, испровергаетъ уваженіе къ намъ и довѣренность другихъ. Мысли тогда идутъ на-перекоръ одна другой; сердце становится безпокойно; мы принуждены стыдиться самихъ себя и желали бы сокрыться отъ Того, который вѣдаетъ каждое слово на языкѣ нашемъ, который испытуетъ сердца и утробы наши.

Обычай человѣка лжива безчестіе, и студъ его присно съ нимъ, говоритъ Премудрый (Сир. 20, 26). Посему ни какъ не вѣрь тѣмъ, которые не поставляютъ истины выше и дороже всего: ибо кто въ словѣ не согрѣшаетъ, тотъ совершенъ; онъ можетъ обуздать и все тѣло (Іак. 3, 2). Кто обращается съ клеветниками и охотно вѣритъ злословію, тотъ безразсудно губитъ миръ своего сердца и счастіе своего дома; его любовь превращается въ ненависть, его миръ—въ безпокойство; на мѣсто довѣренности вступаетъ подозрѣніе, веселость уступаетъ мѣсто мрачности. Посему никогда да не отверзается ухо мое злословящему. Ме-

жду словами и дѣйствіями, между мыслію и рѣчію да будетъ у меня самое строгое согласіе. Истины познанной и перешедшей въ мое убѣжденіе никогда не отвергнусь; но дерзновенно и безбоязненно буду исповѣдывать оную предъ цѣлымъ міромъ. Никогда не буду обольщать другихъ льстивыми словами, притворными добродѣтелями, утонченными поступками; каково слово, такова и жизнь да будетъ. *Истинѣ поучится гортань мой, мерзки же предъ мною устны лживыя: съ правдою вси глаголы устъ моихъ: ничто же въ нихъ стропотно, ниже развращенно* да будетъ (Прит. 9, 7).

VII.

Не еже хощу доброе, творю: но еже не хощу злое, сіе содѣваю (Рим. 7, 19)—. Слабость и грѣхъ есть печальное наслѣдіе человѣка; они же и мое достояніе. Что справедливо и добро, въ томъ нельзя сомнѣваться, если прислушиваться къ гласу совѣсти, да сверхъ того и открыто намъ, чего Господь отъ насъ тре-

буетъ и что благоугодно Ему. Посему-то всѣ тѣ, которые не омрачили себя ложнымъ ученіемъ и превратнымъ вѣдѣніемъ, никогда не разногласятъ въ сужденіи о томъ, что праведно и неправедно. Но одного познанія правды еще недостаточно; нужно, чтобъ воля получила твердое и рѣшительное направленіе къ добру; нужно, чтобы сердце согрѣто было святымъ пламенемъ благочестія.—Быть всегда безпорочну, чисту и незазорну, — вотъ самая трудная, и вмѣстѣ самая святая обязанность въ жизни, самая горняя высота совершенства, которой Христіанинъ долженъ достигать! — Никогда не достигнемъ мы сей высоты, если не будемъ имѣть безпрерывнаго наблюденія за своимъ легко - обольщающимся сердцемъ, если не будемъ вести неутомимой борьбы со всякою преступною наклонностію, если не будемъ твердо и рѣшительно сопротивляться всякому искушенію, на насъ устремляющемуся. Посему станемъ и бдѣть и молиться, чтобъ не внити намъ въ напасть, будемъ

наблюдать за своими склонностями, чтобы не возрасли онѣ въ похотѣнія и страсти. Боже! отверзи очи духа моего; озари мой умъ, укрѣпи сердце, и не введи меня въ искушеніе.

XII.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

БЕСѢДА

НА XII ПСАЛОМЪ.

Не давно, когда я бесѣдовалъ съ вами о Мелхиседекѣ, вы удивлялись обилію въ словѣ; а я дивился вашему усердію къ слушанію и вашему благоразумію, по которому, не смотря на продолжительность слова, вы до конца онаго слѣдовали за мною вниманіемъ своимъ. При томъ слово сіе, кромѣ обширности, заключало въ себѣ много труднаго. Но ни продолжительность, ни трудность онаго не охладили вашего усердія. — И такъ постараюсь теперь вознаградить васъ за оный трудъ, предложивъ вамъ слово совершенно ясное. Не надобно же

постоянно держать духъ слушателей въ напряженномъ состоянiи, ибо отъ того онъ скоро приходитъ въ изнеможенiе: но съ другой стороны не должно и поблажать ему излишнимъ послабленiемъ, потому что отъ сего онъ становится недѣятельнымъ. Посему надлежитъ разнообразить поученiя, и въ одно время произносить торжественныя, въ другое—обличительныя.

Тогда я замѣтилъ, что пастухи при нападенiи волковъ на стадо овецъ, бросаютъ свирѣль свою и вооружаются палкою. Теперь, когда уже кончились праздники Iудеевъ, которые свирѣпѣе самыхъ волковъ,—теперь мы, бросивъ изъ рукъ палку, возмемся опять за свирѣль; оставя обличительный тонъ, предложимъ яснѣйшее слово; возмемъ цитру Давидову, и изъяснимъ Псаломъ, который сегодня мы пѣли всѣ совокупно. Какой же это Псаломъ?

Имже образомъ желаетъ елень на источники водныя: сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже!

Нужнымъ считаю прежде всего ска-

зать о томъ, для чего Псалмы введены въ жизнь нашу; для чего самыя пророчества изрекаются преимущественно въ пѣсняхъ. Для чего?.. послушай.

Господь видя, что многіе изъ людей нерадивы, не имѣютъ расположенія къ чтенію Священныхъ Писаній, и считаютъ упражненіе въ семъ тягостнымъ,— видя сіе и желая сдѣлать оное упражненіе пріятнымъ и свободнымъ отъ всякаго утомительнаго ощущенія, соединилъ съ пророчествами мелодію, дабы всѣ, увлекаясь плавнымъ теченіемъ стиховъ, съ совершеннымъ усердіемъ возглашали Ему священныя пѣснопѣнія. Въ самой вещи, ничто такъ не возбуждаетъ и не окрыляетъ душу, ничто съ такою силою не отторгаетъ ее отъ земли и не разрѣшаетъ отъ узъ плоти, ничто столько не располагаетъ ее къ любомудрію и не возвышаетъ надъ всѣмъ житейскимъ, какъ гармоническій стихъ и священная пѣснь, сложенная по закону риѳма.

Природа наша такъ услаждается пѣснопѣніемъ и стихами, такое имѣетъ

съ ними сродство, что и грудныя дѣти, если плачутъ и дѣлаются безпокойны, — оными усыпляются. Кормилицы, нося ихъ на рукахъ, ходятъ туда и сюда, и напѣвая ихъ дѣтскія пѣсенки, тѣмъ и утишаютъ ихъ безпокойный плачъ. Часто также и путешественники, въ жаркій полдень ѣдущіе на подъяремныхъ животныхъ, поютъ, и пѣніемъ облегчаютъ тягость путешествія. Равно и земледѣльцы, выжимаютъ ли сокъ изъ виноградныхъ кистей, собираютъ ли, обчищаютъ ли виноградъ, или другое что дѣлаютъ, обыкновенно поютъ. И мореходцы, работая веслами, тоже дѣлаютъ. Наконецъ и женщины, когда ткутъ или спутавшіяся на станѣ нити разбираютъ челнокомъ, — иногда каждая порознь, иногда всѣ въ одинъ голосъ поютъ какую нибудь пѣсню. Всѣ же, и женщины, и путешественники, и земледѣльцы, и мореплаватели, дѣлаютъ сіе для того, чтобы пѣніемъ усладить труды свои: такъ какъ душа, при звукахъ стиховъ и пѣсней, легче можетъ выносить все—и скуку и труды.

Итакъ, поелику сей родъ увеселенія столько сроденъ душѣ нашей, Богъ въ предотвращеніе того, чтобы обольститель не развращалъ людей, внушая имъ блудныя пѣсни, — установилъ Псалмы, коихъ свойство таково, что отъ нихъ человѣкъ получаетъ и удовольствіе и пользу. — Отъ мірскихъ пѣсней бываетъ много вреда, развращенія и другихъ золъ: ибо все то, что есть въ нихъ худаго и безнравственнаго, проникая въ душу, разслабляетъ ее и развращаетъ. Напротивъ духовныя пѣсни доставляютъ великую пользу и назиданіе: это источники освященія, руководители къ любомудрію; потому что и слова въ нихъ очищаютъ душу, и Святый Духъ низходитъ въ сердце поющаго оныя: ибо тѣ, которые поютъ Псалмы съ сознаніемъ, — дѣйствительно призываютъ на себя святую благодать Его. — О семъ свидѣтельствуетъ Апостолъ Павелъ такъ: *не упивайтеся виномъ, въ немже есть блудъ; но паче исполняйтеся Духомъ*; въ объясненіе же способа, какъ исполняться Духомъ, присовокупляетъ: *глаго-*

люще себѣ во псалмѣхъ, и пѣніихъ и пѣснѣхъ духовныхъ; воспѣвающе и поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви (Еф. 5, 18. 19). Я сказалъ: *съ сознаніемъ*, — не такъ, т. е. чтобы въ то время, какъ уста произносятъ Псаломъ, умъ блуждалъ по внѣшнимъ предметамъ; но такъ, чтобы вся душа внимала тому, что произноситъ языкъ.

Гдѣ много нечистоты, туда сбѣгаются и животныя нечистыя; равно, гдѣ цвѣты и благоуханія, туда и пчелы слетаются. Подобнымъ образомъ, гдѣ поются срамныя пѣсни, туда стекаются и демоны: напротивъ, гдѣ возглашаются духовныя пѣснопѣнія, туда низходитъ благодать Святаго Духа, которая освящаетъ и уста и души поющихъ. Сіе говорю я не съ тѣмъ, чтобы только васъ самихъ расположить къ псалмопѣнію, но чтобы вы и дѣтей и женъ своихъ учили пѣть духовныя пѣсни, не только во время домашнихъ занятій, но въ особенности при трапезѣ. — Врагъ обольститель много навѣтуетъ людямъ во время пиршествъ; при чемъ упо-

требляетъ оружіемъ противъ нихъ же собственное упоеніе ихъ и пресыщеніе, неумѣренный смѣхъ и разсѣянность духа. Посему особенно нужно предъ трапезою и послѣ оной ограждать себя отъ его навѣтовъ Псалмами; и вставши изъ-за стола, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, возглашать Господу священныя пѣсни.

Апостолъ Павелъ даже и тогда, какъ тѣло его покрыто было нестерпимыми язвами, ноги забиты въ колодѣ, самъ онъ заключенъ былъ въ темницу, — въ глубокую полночь, когда всѣ люди покоятся сладкимъ сномъ, вмѣстѣ съ Силою пѣснословилъ Бога, и — ни мѣсто, ни обстоятельства времени, ни утомленіе, ни сильное склоненіе ко сну, ни болѣзненное положеніе, ничто не могло принудить его прервать пѣснопѣніе. — Кольми паче мы, наслаждаясь благоденствіемъ и обиліемъ даровъ Божіихъ, должны возносить ко Господу, толико насъ ущедряющему, благодарственныя пѣсни, чтобы, если отъ упоенія или пресыщенія и войдетъ въ душу что-либо скверное, псалмопѣніемъ изгнать

изъ нее всѣ нечистыя и скверныя пожеланія.

Извѣстно также, что многіе изъ богатыхъ людей, намочивъ губку бальзамомъ, вытираютъ ею столы, дабы, если отъ кушаньевъ и замарается столъ, то чрезъ такое вытираніе сдѣлать оный опять совершенно чистымъ. Такъ и мы должны поступать, вмѣсто бальзама наполняя уста свои духовною мелодіею, дабы, если отъ пресыщенія и приразится въ душѣ какая-либо скверна, измыть сію посредствомъ оной; и вставши изъ-за стола, будемъ единогласно взывать къ Богу: *возвеселилъ еси насъ, Господи, въ твореніи Твоемъ и въ дѣлѣхъ руку Твоею возрадуемся* (Пс. 91, 5). —

Послѣ псалмопѣнія да вознесется къ Богу молитва, чтобы посредствомъ ея и самый домъ вмѣстѣ съ душею живущихъ въ немъ освятился. — Тѣ, которые приглашаютъ къ себѣ на пиръ лицедѣевъ, плясуновъ, непотребныхъ женщинъ, — вмѣстѣ съ такими людьми призываютъ къ себѣ и демоновъ и діавола, и производятъ въ домахъ своихъ

различныя неустройства: ибо слѣдствіями таковыхъ собраній бываютъ ревность, нарушеніе правъ, нарушеніе супружеской вѣрности, и другіе пороки. Напротивъ, кто призываетъ къ себѣ Давида съ цитрою, тотъ съ нимъ вмѣстѣ призываетъ самаго Іисуса Христа. А гдѣ Іисусъ Христосъ, туда ни одинъ демонъ никогда не осмѣлится и заглянуть, не только что взойти. — Тогда на домъ сей изліется, какъ изъ источника, миръ, любовь и все доброе. — Тѣ люди превращаютъ домы свои въ театры: а ты свой домъ сдѣлай церковію. И дѣйствительно, гдѣ псалмопѣніе, молитва, ликовствованіе Пророковъ, гдѣ умы устремлены къ Богу: такое собраніе безошибочно можно назвать церковію.

Пусть ты не разумѣешь силы произносимыхъ тобою словъ; по крайней мѣрѣ до времени приучай хотя языкъ возглашать оныя: ибо языкъ освящается и словами, если только сіи произносимы бываютъ отъ усердія. Пріобрѣтши же такой навыкъ, никогда ни по свое-

волію, ни по безпечности, не оставляй сего добраго занятія; пусть этотъ навыкъ и противъ воли возбуждаетъ тебя совершать доброе сіе служеніе.

При совершеніи псалмопѣнія, не причтется въ вину, если кто будетъ или старъ, или молодъ, или съ необразованнымъ голосомъ, или наконецъ совершенно незнакомъ съ мѣрою стиховъ. Цѣломудренная душа, бодрый умъ, сердце сокрушенное, помыслъ твердый, совѣсть чистая — вотъ что требуется здѣсь! Если съ такими совершенствами ты войдешь въ святое собраніе Божіе, то можешь стать рядомъ съ самимъ Давидомъ. Здѣсь не нужно ни цитры, ни натянутыхъ струнъ, ни смычка, ни искуства, ни какихъ инструментовъ: но, если захочешь, то самъ можешь сдѣлаться цитрою, — только умертви уды плотскіе, и тѣло свое настрой согласно съ душею. Ибо, когда плоть не похотствуетъ на духа, но покаряется его велѣніямъ; когда духъ будетъ постоянно вести плоть по сему наилучшему и удивительному пути повиновенія: тогда онъ составитъ духовную мелодію.

Также не требуется здѣсь искуство, долговременнымъ упражненіемъ усовершаемое: возъимѣй только твердую рѣшимость, и — въ скоромъ времени пріобрѣтешь опытность. — Равно не нужно для сего назначать извѣстное мѣсто или время: на всякомъ мѣстѣ, во всякое время можно пѣть — мысленно. По торжищу ли ходишь, путешествуешь ли гдѣ, или проводишь время въ сообществѣ друзей, — вездѣ можешь возбудить душу свою, можешь и молча взывать къ Богу. Такъ взывалъ Моисей, и — Богъ услышалъ его. — Ремесленникъ ты? — сидя въ мастерской и продолжая свою работу, можешь пѣть. Воинъ ли ты, или засѣдаешь въ судѣ? — тоже дѣлать можешь и ты. — И безъ голоса пѣть можно, когда внутри тебя раздаются вопли сердечные. — Не для людей поемъ мы, но для Бога, который слышитъ біеніе сердца, проникаетъ въ сокровенную глубину души. О семъ такъ свидѣтельствуетъ Апостолъ Павелъ: *Самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными. Испытаяй же сердца*

вѣсть, что есть мудрованіе Духа, яко по Богу ходатайствуетъ о святыхъ (Рим. 8, 26. 27). Сіе сказалъ Апостолъ не потому, чтобы Духъ воздыхалъ; но потому, что духовные мужи, обладающіе дарованіями Духа, когда молятся о ближнихъ и возносятъ къ Богу свои прошенія, то совершаютъ сіе съ сокрушеннымъ сердцемъ и воздыханіями. Такъ и мы должны поступать, каждодневно предстоя Богу со псалмами и молитвами. — Но чтобы намъ не произносить только слова одни, не разумѣя силы ихъ, — займемся теперь изъясненіемъ самаго вступленія избраннаго нами Псалма. — Какое же вступленіе онаго? —

Имже образомъ желаетъ елень на источники водныя: сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже! —

Таково свойство душъ любящихъ, что онѣ не таятъ подъ покровомъ молчанія любви своей, но обнаруживаютъ ее предъ ближними, и говорятъ, что онѣ любятъ. Любовь пламенна, и душа не можетъ стерпѣть, чтобы молчать объ ней. Посему-то, воодушевленный любовію

Павелъ говоритъ къ Коринѳянамъ: *уста наша отверзаются къ вамъ, Коринѳяне* (2 Кор. 6, 11); т. е. «не могу скрыть и молчать о любви моей, но всегда и всюду, въ умѣ и на языкѣ, ношу васъ.» — Точно также и сей блаженный другъ Божій, пламенѣя любовію, не можетъ молчать, но — въ одно время восклицаетъ: *имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже!* — въ другое: *Боже, Боже мой! къ Тебѣ утренюю, возжада Тебѣ душа моя* (Пс. 62, 1. 2), какъ земля пустая, непроходимая и безводная (такъ читалъ другой переводчикъ).

Псалмопѣвецъ, не могши любовь свою изобразить простыми словами, тамъ и здѣсь ищетъ примѣра, чтобы хотя подобіемъ объяснить намъ, и въ насъ возбудить оную. Послушаемъ его, и научимся любить, подобно ему. — Не говори мнѣ: «какъ могу я любить Бога, когда Его не вижу?» — Смотри, многихъ и не видя мы любимъ, напр. отсутствующихъ друзей, дѣтей и родителей, сродниковъ и домашнихъ. То самое, что мы не видимъ

ихъ, не только не препятствуетъ намъ любить ихъ, но еще усиливаетъ наше къ нимъ расположеніе, увеличиваетъ любовь. Посему-то Апостолъ Павелъ, повѣствуя о Моисеѣ, что онъ, презрѣвши сокровища и богатства, царскую славу и всѣ прочія почести Египетскаго Двора, лучше согласился страдать съ Іудеями, — причиною таковаго самоотверженія Моисеева представляетъ то, что все сіе онъ сдѣлалъ для Бога: *Невидимаго бо яко видя, терпяше* (Евр. 11, 25). — Ты не видишь Бога, — но видишь созданія Его, небо, землю и море. А любящій, когда увидитъ — или что либо сдѣланное его другомъ, или обувь, или одежду его, или другое что, тотчасъ воспламеняется любовію къ нему. — Ты не видишь Бога, но видишь Его служителей, друзей, т. е. святыхъ, имѣющихъ къ Нему дерзновеніе, мужей. И такъ почти ихъ, и — симъ не малое доставишь удовлетвореніе жаждѣ любви.

И между людьми, обыкновенно мы любимъ не однихъ только друзей своихъ, но и тѣхъ, кого сіи любятъ. Если другъ

скажетъ намъ: я такого-то люблю; если онъ получитъ отъ сего человѣка благодѣяніе: — мы смотримъ на сіе благодѣяніе, какъ на оказанное намъ самимъ; все дѣлаемъ для того человѣка, всячески стараемся угодить ему, какъ будто видимъ въ немъ самаго друга нашего. Тоже и въ отношеніи кь Іисусу Христу можемъ мы дѣлать. Онъ сказалъ: „Я люблю бѣдныхъ; и кто окажетъ имъ благодѣяніе, тому Я воздамъ, какъ бы Самъ отъ него получилъ оное.“ — Итакъ будемъ все дѣлать для облегченія участи бѣдныхъ; на нихъ истощимъ стяжанія свои, въ той увѣренности, что въ лицѣ ихъ питаемъ самаго Господа. Подлинно, питая нищихъ, мы питаемъ самаго Господа; о семъ, послушай, что говоритъ Іисусъ Христосъ: *взалкахся, и дасте Ми ясти; возжадахся, и напоисте Мя; нагъ, и одѣясте Мя* (Мат. 25, 35. 36). — Такъ, много открываетъ намъ Богъ случаевъ къ удовлетворенію сердечнаго нашего влеченія къ благотворительности!

Обыкновенно, три предмета возбуждаютъ въ насъ любовь: тѣлесная красота,

великодушная благотворительность, и расположенность къ намъ другихъ. Каждый изъ сихъ предметовъ, самъ по себѣ, способенъ возжечь въ насъ любовь. Напр. хотя бы мы отъ извѣстнаго человѣка и не получили никакого благодѣянія, но если услышимъ, что онъ благорасположенъ къ намъ, хвалитъ насъ, уважаетъ: то и сами тотчасъ привязываемся къ нему душею, любимъ его, какъ нашего благодѣтеля. — Но въ Богѣ находимъ мы не одно какое либо, но всѣ три сіи совершенства, и притомъ въ такой высокой степени, что и выразить то словомъ невозможно.

И вопервыхъ, въ Немъ мы открываемъ красоту, свойственную блаженной и вѣчной природѣ, существо коей непостижимо, превыше всякаго сравненія, описанія и разумѣнія. При имени красоты здѣсь не подумай, возлюбленный, о красотѣ тѣлесной: но представляй себѣ нѣкую безтѣлесную славу и несказанное великолѣпіе. Сію красоту Пророкъ изображаетъ такъ: *и Серафимы стояху окрестъ Его, шесть крилъ единому и*

шесть крилъ другому; и двѣма убо покрываху лица своя, двѣма же покрываху ноги своя, и двѣма летаху. И взываху другъ ко другу, и глаголаху: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ (Ис. 6, 2. 3), — такъ они были изумлены и поражены блескомъ, величіемъ и славою Господа! — И Давидъ, когда духомъ узрѣлъ сію красоту блаженнаго онаго Существа, — въ восторгѣ изумленія воскликнулъ: *препояши мечь Твой по бедрѣ Твоей, Сильне, красотою Твоею и добротою Твоею* (Пс. 44, 4. 5)! — Потому-то Моисей и изъявлялъ такъ часто желаніе видѣть Господа, что онъ горѣлъ любовію къ Нему и оной славѣ. Посему-то и Филиппъ воскликнулъ: *покажи намъ Отца, и довлѣетъ намъ* (Іоан. 14, 8). — Впрочемъ, сколько бы мы ни говорили, не можемъ изобразить и малѣйшаго даже подобія Божественной славы.

Не угодно ли тебѣ, чтобы мы исчислили благодѣянія Божіи? Но — и сихъ описать словомъ невозможно. Посему-то Апостолъ Павелъ говоритъ: *благодареніе Богови о неисповѣдимѣмъ Его дарѣ*

(2 Кор. 9, 15); въ другомъ мѣстѣ: *ихже око не видѣ и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. 2, 9); еще въ другомъ: *о, глубина богатства и премудрости и разума Божія! яко неиспытани судове Его, и неизслѣдовани путіе Его* (Рим. 11, 33).

Наконецъ, какое слово изобразитъ любовь Божію къ намъ? — Пораженный величіемъ оной, Іоаннъ восклицаетъ: *тако возлюби Богъ міръ, яко Сына Своего единороднаго далъ есть* (Іоан. 3, 16)! Если тебѣ хочется услышать слова самаго Господа, какими Онъ изображаетъ любовь Свою къ намъ; то послушай, что Онъ говоритъ чрезъ Пророка. *Еда забудетъ жена отроча свое, еже не помиловати изчадія чрева своего? Аще и забудетъ сихъ жена, но Азъ не забуду тебе* (Иса. 49, 15). — И, какъ съ одной стороны Давидъ восклицаетъ: *имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже*; такъ съ другой — Господь Іисусъ Христосъ говоритъ: *якоже собираетъ кокошь птенцы своя подъ*

крылѣ, тако восхотѣхъ собрати чада твоя, и не восхотѣсте (Мат. 23, 37). Въ другомъ мѣстѣ говоритъ Псалмопѣвецъ: *якоже щедритъ отецъ сыны своя, ущедри Господь боящихся Его* (Пс. 102, 13); еще въ иномъ: *по высотѣ небесный отъ земли утвердилъ есть Господь милость Свою на боящихся Его* (ст. 14).

Такимъ образомъ, какъ Пророкъ ищетъ примѣра, коимъ бы выразить любовь свою къ Богу: такъ и Господь примѣрами же изображаетъ любовь свою, каковую являетъ Онъ въ устроеніи нашего спасенія. Пророкъ приводитъ въ примѣръ жаждущую лань и землю безводную; Господь — заботливость птицъ о своихъ птенцахъ, попечительность родителей о дѣтяхъ, разстояніе неба отъ земли, сердоболіе матери. И сіе дѣлаетъ Онъ не потому, чтобы Его любовь была только подобна любви материнской: но потому, что кромѣ сихъ опредѣленій, подобій и примѣровъ, у насъ нѣтъ другихъ разительнѣйшихъ свидѣтельствъ любви. А что Богъ любитъ насъ несравненно болѣе, нежели какъ мать свое чадо; это

видно изъ сихъ словъ: *аще и забудетъ жена исчадій своихъ, но Азъ не забуду тебе.* Слова сіи ясно показываютъ, что любовь Божія къ намъ горяче всякой другой любви.

О всемъ этомъ разсуди самъ въ себѣ, и ты возжешь въ сердцѣ своемъ горячую и чистую какъ пламень, любовь. — Любовь къ людямъ возбуждается въ насъ отъ воспоминанія о благодѣяніяхъ, нами отъ нихъ полученныхъ: тоже самое будемъ дѣлать и въ отношеніи къ Богу. Представимъ себѣ, сколько Онъ сдѣлалъ для насъ, — самое небо, землю, море, воздухъ, земныя произрастенія, испещренные цвѣты, животныхъ, пресмыкающихся, рыбъ морскихъ, птицъ по воздуху летающихъ, звѣзды небесныя, солнце, луну, молніи, порядокъ временъ, послѣдованіе дня и ночи, годичныя перемѣны, словомъ сказать, все видимое. — Онъ вложилъ въ насъ душу, одарилъ насъ разумомъ, почтилъ высокою властію. Посылалъ къ намъ Ангеловъ, посылалъ Пророковъ, и наконецъ Сына Своего Единороднаго далъ есть намъ. Но и теперь призываетъ тебя

ко спасенію и Самъ и чрезъ Единороднаго Сына Своего. Вотъ, Апостолъ Павелъ непрестанно вопіетъ: *по Христѣ молимъ, яко Богу молящу нами; молимъ по Христѣ, примиритеся съ Богомъ* (2 Кор. 5, 20).

Но симъ еще не ограничиваются дѣйствія любви Божіей: Господь, пріявъ Первенца отъ естества нашего, посадилъ Его превыше всякаго начальства и власти и силы, и всякаго имени, какое только именуется не въ семъ только, но и въ будущемъ вѣкѣ. По истинѣ прилично нынѣ воскликнуть: *кто возглаголетъ силы Господни, слышаны сотворитъ вся хвалы Его* (Пс. 105, 2)? Также: *что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми* (Пс. 115, 3)? — Ибо что можетъ сравниться съ этою честію, когда Первенецъ рода нашего, толико озлобленнаго и уничиженнаго, возсѣлъ на таковой высотѣ и получилъ толь великую славу?

Но и кромѣ сихъ, общихъ всему роду человѣческому благодѣяній, размысли еще о тѣхъ милостяхъ, какія самъ ты получилъ отъ Господа. Вспомни, какъ нѣкогда ты обнесенъ былъ клеветою, и

однакожъ освободился отъ обвиненія; — какъ въ бурную и мрачную полночь ты впалъ въ руки разбойниковъ, и однакожъ избѣжалъ ихъ насилія; какъ понесенныя тобою потери опять были вознаграждены; какъ, подвергшись жестокой болѣзни, ты получилъ облегченіе. Перечисли въ умѣ своемъ всѣ, въ продолженіи цѣлой жизни твоей полученныя тобою отъ Бога, милости: о, вѣрно много найдешь ты ихъ не только въ цѣлой своей жизни, но и въ одномъ днѣ оной! — Ахъ! если бы Богъ восхотѣлъ представить намъ на видъ всѣ благодѣянія, какія мы, вѣдая и невѣдая, каждодневно получаемъ отъ Него: — мы и не перечислили бы оныхъ. — Сколько демоновъ носится по воздуху! сколько враждебныхъ намъ силъ! Если бы Господь позволилъ имъ только открыть предъ нами страшныя и гнусныя лица свои: то не пришли ль бы мы тогда въ ужасъ, не погибли ль бы, не уничтожились ли бы?

Размышляя о всемъ этомъ, если еще мы вспомнимъ о грѣхахъ своихъ, какіе мы волею или по невѣдѣнію содѣлы-

ваемъ; то необходимо должны будемъ исполниться любовію ко Господу: ибо и это уже не малая для насъ милость, что Онъ не преслѣдуетъ ежедневно казнію ежедневныя наши беззаконія. — Въ самомъ дѣлѣ, когда ты представишь себѣ, сколько грѣховъ учинилъ ты въ каждый день, напротивъ сколько благодѣяній Господь ежедневно изливалъ на тебя; сколь великое милосердіе и благоснисхожденіе являетъ Онъ къ тебѣ; — когда подумаешь, что, если бы Господь каждый день преслѣдовалъ тебя судомъ своимъ, то ты не могъ бы прожить и кратчайшаго мгновенія, по слову Пророка: *аще беззаконія назриши, Господи, Господи, кто постоитъ* (Пс. 129, 1)? — тогда изліешься предъ Нимъ въ благодарности, и не будешь сѣтовать о постигающихъ тебя бѣдствіяхъ; но сердечно сознаешься, что ты, если бы и большія испыталъ напасти, то и тогда еще не претерпѣлъ бы всѣхъ заслуженныхъ тобою наказаній. — При такомъ расположеніи духа, ты воспламенишься любовію къ Богу и воскликнешь съ Пророкомъ: *имже образомъ желаетъ елень*

на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже!

Здѣсь умѣстно сказать, почему Пророкъ представилъ въ примѣръ это именно животное. — Лань имѣетъ сильное чувство жажды, и посему часто прибѣгаетъ къ источникамъ воднымъ. Жажда возбуждается въ ней и отъ природы и еще отъ того, что она пожираетъ змѣй и питается ихъ мясомъ. И ты дѣлай тоже. Поглоти умственнаго змія; сокруши грѣхъ, и — возчувствуешь жажду божественную. Извѣстно, что злая совѣсть оскверняетъ насъ и доводитъ до отчаянія; посему, когда мы сокрушимъ въ себѣ грѣхъ и очистимъ себя отъ пороковъ, тогда сдѣлаемся способными къ духовной жаждѣ и съ пламеннымъ усердіемъ будемъ призывать Господа; тогда возбудимъ въ сердцахъ своихъ горячайшую къ Нему любовь, и не словами только, но паче самыми дѣлами будемъ возглашать оное пророческое слово. Ибо не для того и оставилъ намъ псалмы свои сей блаженный Пророкъ, или лучше сказать, благодать Святаго Духа, — не для

того, чтобъ мы произносили однѣ только слова, но для того, чтобы осуществляли оныя самыми дѣлами.

Итакъ не думай, будто ты приходишь въ Церковь для того, чтобы произносить только слова; но, когда поешь псаломъ, то представляй оный завѣтомъ между Богомъ и тобою. Точно, когда ты взываешь: *имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже*; въ то время ты, хотя и безъ бумаги и безъ чернилъ, пишешь обязательство: ибо самымъ пѣніемъ исповѣдуешь, что ты любишь Бога паче всего, что не предпочитаешь Ему ничего, и пламенѣешь любовію къ Нему. Итакъ, если ты по выходѣ изъ церкви, увидишь красивую женщину, которая разставляетъ тебѣ сѣти и хочетъ преклонить тебя къ любви, — то скажи ей такъ: «не могу идти за тобою; я учинилъ завѣтъ съ Богомъ въ присутствіи братій, Священниковъ и Учителей; словами Псалма я изрекъ исповѣданіе и обѣщаніе любить Его такъ, какъ лань жаждетъ источниковъ водныхъ; страшусь

нарушить завѣтъ, къ Богу единому пламенѣю любовію.» — Если увидишь на торжищѣ множество серебра и золотыхъ одеждъ; если увидишь, какъ иные гордо выступаютъ въ сопровожденіи слугъ, или на златоубранныхъ коняхъ; — не обольщайся симъ блескомъ, но и здѣсь пой внутренно и скажи душѣ своей: «недавно мы пѣли: *имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже*; я къ себѣ относилъ слова сіи, и себѣ усвоилъ ихъ.» Итакъ не будемъ пристрастны ни къ чему житейскому; да пребудетъ въ насъ оная Божественная любовь чистою, да не ослабится она раздѣленіемъ на другіе предметы. — Подлинно, съ симъ богатствомъ мы будемъ имѣть всякое другое богатство, всякое сокровище, всякую почесть, всякую славу, всякую знаменитость; оное пріобрѣсть постараемся, и ни въ чемъ не будетъ у насъ недостатка.

Между людьми бываетъ, что иной, воспламенившись постыдною любовію къ дѣвицѣ, часто даже безобразной, — не смотря на угрозы родителей, упреки

друзей и насмѣшки постороннихъ людей, не оставляетъ предмета страсти своей, но прилѣпясь къ нему, забываетъ родительскій домъ и наслѣдство, нерадитъ о чести, о доброй славѣ и уваженіи друзей, считая полнымъ за все это вознагражденіемъ для себя, если только онъ угоденъ своей любимицѣ, хотя бы она была бѣдна, и съ худою славою, и вообще, какова бы она ни была. — Кольми паче истинно-любящіе Господа будутъ ли чувствительны къ почестямъ и оскорбленіямъ людскимъ? — Нѣтъ, услажденные оною любовію, они не обратятъ ни одного взора на обманчивые виды настоящей жизни; посмѣются всему, что называется счастіемъ; не тронутся и превратностями онаго, потому что всецѣло преданы любви Божіей, ничего не видятъ, кромѣ Его одного, и всюду зря Его, почитаютъ себя блаженнѣйшими изъ всѣхъ смертныхъ. Пусть будутъ они въ бѣдности, въ поношеніи, въ узахъ, среди скорбей, даже въ крайнихъ опасностяхъ: но не смотря на все сіе, почтутъ себя блаженнѣе самыхъ царей,

Се устроены вамъ новыя келліи; устрояйте себѣ вѣчные кровы на небеси. Се преобразился и обновился храмъ молитвы; преобразуйтеся и вы духомъ отъ славы въ славу; обновляйтесь сердцемъ, постепенно совлекаясь ветхаго и облекаясь въ новаго человѣка. Се освященъ и елеемъ святымъ помазанъ храмъ молитвы; да освятится душа ваша — истинный храмъ молитвы; да помажется сердце ваше въ живый храмъ Духа Святаго. Помните непрестанно оныя Апостольскія слова: *не вѣсте ли, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа суть? прославите убо Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ и въ душахъ вашихъ* (1 Кор. 6, 19. 20).

Не давайте мыслямъ вашимъ паренія, сердцу поползновенія, тѣлу излишней сытости и покоя; ходите въ простотѣ и чистотѣ, то возбуждая себя взаимно во псалмахъ и пѣніяхъ духовныхъ, воспѣвающе и поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви; то трудами тѣлесными укрѣпляя тѣлесныя силы и умерщвляя нечистыя вожделѣнія. Бойтеся

будемъ такъ переносить оныя, если возлюбимъ Господа столь же пламенно, какъ возлюбилъ Его Пророкъ. Сія любовь Давида выражается не только въ изложенномъ нами стихѣ, но и въ слѣдующихъ за онымъ словахъ.

Псалмопѣвецъ, сказавши: *имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже,* — такъ продолжаетъ: *возжада душа моя къ Богу крѣпкому, живому; когда пріиду и явлюся лицу Божію?* — Не сказалъ просто: «возлюбила душа моя Бога живаго»; но, чтобы совершенно выразить стремленіе свое къ Богу, онъ назвалъ любовь жаждою, показывая тѣмъ и пламенность оной и постоянство. Ибо извѣстно, что мы чувствуемъ жажду не въ одинъ, не въ два, не въ три дня, но во всю жизнь свою: сама природа къ тому насъ побуждаетъ. Подобнымъ образомъ и сей блаженный, и всѣ Святые мужи, не въ одинъ только, не въ два или три дня, — какъ это бываетъ со многими другими людьми, — сокрушались сердцемъ о Господѣ (толь кратко-

временное сокрушеніе ни сколько не удивительно): нѣтъ, они постоянно горѣли благоговѣйною любовію къ Богу, и каждодневно болѣе и болѣе усиливали любовь свою. — Таковую-то постоянную любовь свою къ Богу Псалмопѣвецъ выразилъ словами: *возжада душа моя къ Богу крѣпкому, живому!*

Сими же словами онъ объясняетъ и причину такой любви, а вмѣстѣ и тебя вразумляетъ, какъ надлежитъ тебѣ любить Бога подобно ему. Ибо сказавши: *возжада душа моя къ Богу,*— присовокупляетъ: *живому.* — Какъ бы такъ восклицаетъ онъ къ міролюбцамъ: «что вы ослѣпляетесь тѣлесною красотою? для чего любите плоть? къ чему жаждете славы? что гоняетесь за удовольствіями? — Ни одинъ изъ сихъ предметовъ не-постояненъ, не-вѣченъ; всѣ преходящи, кратковременны; всѣ — тѣни ничтожнѣе, сонныхъ мечтаній обманчивѣе, скорѣе цвѣтовъ весеннихъ увядаютъ. Иные изъ нихъ оставляютъ насъ вмѣстѣ съ сею жизнію; другіе же еще въ теченіе оной погибаютъ. Обладаніе ими

не надежно, наслажденіе непостоянно, потеря мгновенна! — Но въ Богѣ нѣтъ ничего тому подобнаго: Онъ живъ и пребываетъ вѣчно; никакая перемѣна, никакой переворотъ Его не касаются.»

Итакъ, презрѣвъ временное и тлѣнное, возлюбимъ Вѣчнаго, Присносущаго. Кто любитъ Его, тотъ не постыдится никогда. А кто любитъ богатство, тотъ или при своей кончинѣ, или еще и прежде, лишается предмета любви своей. Одинаковой участи подлежитъ и тотъ, кто любитъ временную славу. А красота тѣлесная часто еще и того скорѣе преходитъ. Да и все вообще житейское кратковременно, скоропреходяще; не успѣетъ начаться, не успѣетъ появиться, и — исчезаетъ! — Но въ любви къ духовнымъ благамъ все напротивъ: она всегда бодра, всегда цвѣтетъ; не знаетъ ни старости, ни изнеможенія, не подлежитъ никакимъ перемѣнамъ, никакимъ переворотамъ; не страшится безвѣстности будущаго. Кто стяжалъ ее, тѣмъ она и здѣсь приноситъ пользу, служитъ защитою противъ всѣхъ напастей; и по отшествіи отсюду не оста-

вляетъ ихъ, но съ ними сопутствуетъ и переходитъ туда — въ небесное жилище, и наконецъ въ оный день суда содѣлываетъ ихъ свѣтлѣйшими самыхъ звѣздъ небесныхъ.

Зная все сіе, блаженный Давидъ постоянно имѣлъ въ сердцѣ любовь ко Господу; и сей любви онъ не скрывалъ внутрь себя, но предъ всѣми, кто имѣетъ слухъ, всячески старался обнаружить огнь, внутри его пылавшій. Ибо сказавъ: *возжада душа моя къ Богу крѣпкому, живому,* — онъ присовокупляетъ: *когда пріиду и явлюся лицу Божію?* — Смотри, какъ онъ пламенѣетъ! Смотри, какъ горитъ! — Вѣдалъ блаженный, что перешедши изъ сей жизни, онъ узритъ Господа; посему-то онъ и тяготился продолженіемъ ея, томился медленностію ея теченія, и — симъ обнаружилъ въ себѣ духъ Апостольскій. Ибо и Апостолъ воздыхалъ о продолжительности земнаго странствія (2 Кор. 5, 2). О томъ же скорбѣлъ и Давидъ, посему и говорилъ: *когда пріиду и явлюся лицу Божію?* — Конечно великое дѣло, если и простый, незнат-

ный человѣкъ, который терпитъ униженіе и бѣдность, — если, говорю, такой человѣкъ не дорожитъ жизнію. Но это не такъ велико въ сравненіи съ тѣмъ, когда Царь, вкушающій всѣ утѣхи счастія, достигшій высокой знаменитости, одержавшій столько побѣдъ, покорившій многочисленныхъ враговъ, наполнившій вселенную славою своего величія, — когда такой Царь пренебрегаетъ всѣмъ, и богатствомъ, и славою, и утѣхами; напротивъ всѣ желанія свои устремляетъ къ благамъ грядущимъ: это свойственно только душѣ великой, мудрой, окрыленной небесною любовію.

Ему будемъ подражать и мы; перестанемъ заниматься настоящимъ, чтобы свободно размышлять о будущемъ; или лучше, прилѣпимся къ будущему такъ, чтобы и не думать о настоящемъ. Если мы непрестанно будемъ о томъ размышлять; если непрестанно будемъ представлять себѣ о царствѣ небесномъ, о безсмертіи, о нескончаемой жизни, о ликахъ Ангеловъ, о пребываніи со Христомъ, объ оной непреходящей славѣ, о

жизни безпечальной; если вообразимъ, что и слезы, и поношенія, и уничиженіе, и смерть, и печали, и труды, и болѣзнь, и уныніе, и бѣдность, и злорѣчіе, и сиротство, и грѣхъ, и осужденіе, и наказанія, и мщеніе, и всякое другое зло и бѣдствіе, какое только въ сей жизни приключается съ нами, — изъ оной небесной жизни изгнано; что напротивъ тамъ обитаютъ миръ, благость, милосердіе, любовь, слава, честь, и прочія блага, коихъ и описать словомъ невозможно; если, говорю, будемъ непрестанно размышлять о семъ: то ни одно изъ настоящихъ благъ не прельститъ насъ, и мы тогда, вмѣстѣ съ Пророкомъ, будемъ восклицать: *когда пріиду и явлюся лицу Божію?!* При такомъ расположеніи духа, мы въ счастіи не возгордимся, въ несчастіи не предадимся унынію; ни зависть, ни суетность, никакая другая, подобная онымъ, страсть не возобладаетъ нами.

Итакъ будемъ входить во храмъ не просто — безъ цѣли; будемъ слушать возглашаемыя здѣсь пѣснопѣнія не такъ,

какъ будто бы оныя ни сколько насъ не касались: но возмемъ себѣ оныя вмѣсто жезловъ, и такъ будемъ выходить изъ храма. — Въ нихъ каждый стихъ можетъ возбудить насъ къ глубокому любомудрію; можетъ научить правой вѣрѣ, особенно же доброй жизни. Даже, если внимательно будемъ разбирать въ нихъ каждое рѣченіе порознь, то и изъ сего извлечемъ обильную пользу. — Не представляй мнѣ препятствіемъ къ сему ни своей бѣдности, ни недосуга, ни безпечности. Пусть ты бѣденъ, и за бѣдностію не имѣешь Свящ. книгъ; или положимъ, что ты хотя и имѣешь оныя, но не улучаешь досужнаго времени: но — соблюди только въ памяти своей тѣ слова изъ псалма, которыя ты здѣсь поешь, не однажды, не дважды, не трижды, а многократно; запомни оныя, и — ты по выходѣ отсюда многое получишь отъ нихъ назиданіе. Смотри, какое сокровище открылъ намъ сей стихъ, нынѣ изложенный! — Никто не говори и того, что до истолкованія онъ не разумѣлъ смысла онаго. Для внимательнаго слу-

шателя онъ удобопонятенъ и безъ поясненія. Чаще только взывай: *имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже! Возжада душа моя къ Богу крѣпкому, живому; когда пріиду и явлюся лицу Божію?*— чаще только произноси слова сіи, и — безъ изъясненія можешь почерпнуть изъ оныхъ глубокую мудрость.

И не сей одинъ только псаломъ, но и каждый другой стольже обильное доставитъ намъ богатство. Наприм. произнеси только: *блаженъ мужъ, бояйся Господа* (Пс. 111, 1), и проникни въ смыслъ сихъ словъ: тогда не богатому поревнуешь, не владыкѣ, не благообразному, не сильному, не живущему въ пышныхъ палатахъ, не засѣдающему въ судѣ, не питающемуся царскою трапезою, ни другому подобному человѣку, но поревнуешь мужу благочестивому, мудрому, богобоязненному; — поревнуешь ему не ради только уготованныхъ для него на небеси благъ, но и ради здѣшняго даже состоянія его. Ибо онъ и въ настоящей жизни могущественнѣе

всѣхъ оныхъ. Вотъ, сего облеченнаго порфирою богача поражаетъ болѣзнь, и — ни оруженосцы, ни вся чрезмѣрная пышность его ни сколько не содѣйствуютъ къ облегченію оной! При одрѣ его стоятъ домашніе, сродники, и многіе даже изъ постороннихъ; на немъ и подъ нимъ лежатъ золотыя одежды, но самъ онъ горитъ, какъ въ печи. — Напротивъ благочестивый и богобоязненный человѣкъ, хотя бы при немъ не было ни отца, ни родственника, ни другаго кого, возведетъ только взоры свои къ Нему — не многократно, но одинъ или два раза, и — весь пламень болѣзни потухнетъ. Тоже можно видѣть и при другихъ несчастныхъ обстоятельствахъ: богатые и вельможи упадаютъ въ духѣ, а благочестивые и мудрые все встрѣчаютъ безтрепетно. — Всего же преимущественнѣе то, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ совѣсть богобоязненнаго человѣка вкушаетъ высшія и чистѣйшія радости, нежели — совѣсть богатаго. — Богачь среди внѣшнихъ наслажденій сильнѣе томимыхъ голодомъ му-

чится отъ воспоминанія о своихъ безэаконіяхъ и отъ злой своей совѣсти: напротивъ богобоязненный человѣкъ, когда даже и необходимаго для жизни не имѣетъ, — благодушнѣе изобилующихъ всякими удовольствіями; потому что питается утѣшительными надеждами, и каждодневно ожидаетъ воздаянія за свои добрыя дѣла.

Впрочемъ, чтобы обширностію слова не утомить и усерднѣйшихъ изъ слушателей, я оставляю теперь трудъ — изъяснять всѣ до одного стихи настоящаго псалма и излагать смыслъ оныхъ, и заключаю слово мое таковымъ обращеніемъ къ любви вашей. Не приходите во храмъ безъ благой цѣли, но, выслушавъ со вниманіемъ возглашаемыя здѣсь пѣснопѣнія, храните оныя какъ драгоцѣнности, непрестанно размышляйте о нихъ въ домахъ своихъ, бесѣдуйте съ друзьями и женами своими. Уныніе ли нападетъ на васъ, похоть ли возгорится, гнѣвъ ли, или другая какая либо безумная страсть возобладаетъ вами: во всякомъ случаѣ пойте оныя

пѣсни. — Будемъ такъ поступать, дабы намъ и въ настоящей жизни наслаждаться глубокимъ миромъ, и въ будущей получить вѣчныя блага, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ котораго и съ которымъ Отцу и купно Духу Святому слава, держава и честь, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

XIII.

БЛАЖЕННАГО ѲЕОФАНА, МИТРОПОЛИТА НИКЕЙСКАГО

КАНОНЪ
НА БЛАГОВѢЩЕНІЕ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ (*).

Пѣснь 1-я. ***Ирмосъ.***

Разверзу уста мои, наполнятся онѣ Духомъ, и я отъ сердца произнесу слово *въ честь* Царицѣ-Матери; буду весело торжествовать, и съ радостію воспѣвать Ея чудеса.

Давидъ, Твой праотецъ, Владычица, да поетъ Тебѣ, брящая въ гусли духовныя: «Слушай, Дщерь, пріятный гласъ Ангела; онъ объявляетъ Тебѣ неизреченную радость.»

(*) Канонъ сей составленъ Блаженнымъ Ѳеофаномъ, Митрополитомъ Никейскимъ, и Святымъ Іоанномъ Дамаскинымъ. Симъ послѣднимъ написаны двѣ пѣсни, 8-я и 9-я; всѣ прочія принадлежатъ Блаженному Ѳеофану.

Ангелъ.

Съ радостiю взываю Тебѣ, Всечистая! — Приклони ухо Твое, и внимай моему благовѣстiю: *Ты* безсѣменно зачнешь Бога; ибо такую обрѣла благодать у Господа, какой никогда не обрѣталъ никто другой.

Богородица.

Ангелъ! желала бы я уразумѣть значенiе словъ твоихъ. Скажи яснѣе, какъ сбудется сказанное тобою? какъ Я — юная Дѣва — могу зачать? и какъ притомъ могу содѣлаться Матерiю Творца своего?

Ангелъ.

Замѣчаю, Тебѣ кажется лукавою рѣчь моя; и радуюсь, видя Твою осмотрительность. Вѣруй, Владычица! коль скоро хощетъ Богъ, то и чудеса легко совершаются!

Пѣснь 3-я. *Ирмосъ.*

Живый и преобильный источникъ, Богородица! укрѣпи Твоихъ пѣвцевъ, составившихъ духовный ликъ, и въ Бо-

жественной славѣ Твоей удостой *ихъ* вѣнцевъ славы.

Богородица.

Такъ, Князь отъ Іуды оскудѣлъ; время, въ которое долженъ явиться Христосъ, надежда язычниковъ, уже настало: но ты вразуми *Меня,* какъ *Я,* будучи Дѣва, могу родить Его?

Ангелъ.

Хочешь узнать отъ меня, Дѣва, образъ Твоего зачатія: но онъ неизъяснимъ. Духъ Святый произведетъ зачатіе, осѣнивши Тебя зиждительною силою.

Богородица.

Моя праматерь, когда повѣрила внушенію змія, лишена была божественныхъ наслажденій: потому и Я, опасаясь паденія, страшусь твоего страннаго привѣтствія.

Ангелъ.

Ангелъ, предстоящій Богу, присланъ объявить Тебѣ Божественный совѣтъ. Что же Ты страшишься меня, Всене-

порочная, когда несравненно болѣе я самъ Тебя страшусь? Для чего Ты опасаешься меня, Владычица, когда я самъ съ благоговѣйною боязнію стою предъ Тобою?

Пѣснь 4-я. *Ирмосъ.*

Сѣдящій во славѣ, на престолѣ Божества, пребожественный Іисусъ пришелъ на легкомъ облакѣ, и пречистою дланію спасъ взывающихъ: Христе! слава силѣ Твоей.

Богородица.

Я слышала, древній Пророкъ предсказалъ, что нѣкая священная Дѣва родитъ Эммануила: но желаю знать, какъ можетъ человѣческое естество перенесть соединеніе съ Божествомъ?

Ангелъ.

Благодатная, всѣми воспѣваемая! купина, объятая пламенемъ и несгарающая, уже проявила чудное, *имѣющее совершиться* съ Тобою, таинство: ибо и по рожденіи останешься чистою, вѣчною Дѣвою.

Богородица.

Гавріилъ, провозвѣстникъ истины, освѣщаемый сіяніемъ Бога Вседержителя! скажи сущую истину: какъ я возмогу родить во плоти Слово безплотное, сохранивъ неповрежденною чистоту Мою?

Ангелъ.

Я предъ Тобою стою теперь, Дѣва, какъ рабъ предъ Госпожею своею, съ боязнію, со страхомъ! не смѣю теперь и взирать на Тебя. — Какъ дождь на руно, снидетъ на Тебя Слово Отчее: такова Его благая воля!

Пѣснь 5-я. *Ирмосъ.*

Вся *тварь* въ изумленіи отъ Божественной славы Твоей! ибо Ты, непричастная браку Дѣва, носила во утробѣ Бога всяческихъ, и родила безлѣтнаго Сына, даруя миръ всѣмъ воспѣвающимъ Тебя.

Богородица.

Не могу постигнуть истины словъ твоихъ. Ибо, хотя много разъ Божественная сила совершала чудеса; хотя есть

знаменія и прообразованія въ Законѣ: но чтобъ Дѣва, не познавши мужа, родила — сего никогда не случалось!

Ангелъ.

Ты удивляешься, Всенепорочная! и дѣйствительно, неслыханное чудо *совершится* съ Тобою. Ибо токмо Ты одна пріимешь во утробѣ воплощающагося Царя вселенныя. Тебя прообразуютъ и предреченія и гаданія Пророковъ и прообразованія Закона.

Богородица.

Для всѣхъ Невмѣстимый и никѣмъ Невидимый, какъ Онъ можетъ вселиться во утробу Дѣвы, которую Самъ образовалъ? Какъ Я зачну Бога — Слово, собезначальное Отцу и Духу?

Ангелъ.

Онъ обѣщалъ праотцу Твоему, Давиду, посадить Плодъ Твоего чрева на престолъ царства его; и Тебя, красу Іакова, едину избралъ *Себѣ* разумною обителію.

Пѣснь 6-я. *Ирмосъ.*

Пророкъ Іона, прообразуя тридневное во гробѣ пребываніе *Господа, во вну-*

онѣ ископали нѣкогда *гробы похотѣнія:* но самыя скорби и ужасы оной духовной пустыни, лежащей предъ духовнымъ Іерусалимомъ, и должны возбуждать тебя и могутъ дать тебѣ крѣпость и силу для подвига твоего. — Мужайся! мѣра твоего мужества и страданій будетъ мѣрою приближенія твоего къ отечеству твоему, къ наслѣдію твоему.

Такъ, Слуш., не на радости своего плотскаго человѣка мы родились въ міръ сей. Правда, мы были сотворены Богомъ на радости, были введены въ рай сладости; но по грѣхопаденіи своемъ изгнаны изъ сего рая, и — дорога къ нему заросла для насъ терніемъ. Теперь одинъ крестъ, тяжкій и убійственный для нашей плоти, который показуетъ и вручаетъ намъ Благодать Божія, можетъ сквозь терніе произрастить неувядаемые цвѣты на пути нашемъ.

Но человѣкъ, и думая слѣдовать ей, часто новое и важнѣйшее препятствіе дѣйствію въ себѣ Благодати полагаетъ гордостію духовною. — Сколь растлѣнна наша природа, сколь сильно надъ нею

владычество грѣха! Когда мы гонимъ его изъ плоти умерщвленіемъ плотоугодія; грѣхъ вторгается въ духовную область нашу, производитъ въ насъ духовное самоугожденіе, и плодами духовной нашей жизни питается и крѣпится такъ, какъ бы не укрѣпился, живя и въ чувственной нашей природѣ: ибо духъ крѣпче тѣла. Гордость оная открывается въ томъ, когда человѣкъ, или осмѣливаясь сравнивать себя съ другими, внутренно, если не наружно, поставляетъ себя выше прочихъ; или, взирая на подвиги свои въ умерщвленіи плоти, мечтаетъ, что онъ стяжалъ ими право на высшіе дары Благодати, съ самохвальствомъ выставляетъ мнимое право предъ Богомъ и съ самолюбивымъ нетерпѣніемъ усиливается достигнуть высшаго совершенства духовной жизни; или наконецъ, возмечтавъ, что его разумъ и воля уже очищены Благодатію, осмѣливается дѣйствія ихъ вносить въ дѣло спасенія, совершаемое Духомъ Св., то прибавляя отъ себя къ нему нѣчто, то убавляя, то перемѣняя. Очевидно, основаніемъ всего

сего есть то, что человѣкъ и видитъ во всемъ себя одного и любитъ себя одного; смотритъ на себя, какъ на средоточіе нѣкое, къ которому все должно стекаться — и люди съ своимъ удивленіемъ, и самъ Богъ съ своими дарами. Но жизнь такая, гдѣ человѣкъ и видитъ и любитъ только себя одного, есть — жизнь діавольская: гордость есть похоть діавола Благодать Божія удаляется отъ творящаго сію похоть, и не смотря на язвы плоти его, наложенныя крестомъ, умерщвляющимъ плоть, печатлѣетъ его на судъ именемъ уничижителя и хулителя своего. Сколько мнимыхъ крестоносцевъ, гордостію своею послуживщихъ вмѣсто Бога діаволу, погибло вѣчною погибелію! Всѣ подвиги ихъ остались тщетны; вѣнецъ ихъ восхищенъ; имя изглажено изъ книги живота; Церковь Христова болѣзнуетъ, Духъ Благодати скорбитъ о потерѣ въ нихъ чадъ своихъ.

Христіане! отъ таковой гордости, ненавистной Небу, любезной аду, мы должны предохранять себя глубочайшимъ

смиреніемъ предъ человѣками и постояннымъ уничиженіемъ и самоотверженіемъ предъ Богомъ. Помыслимъ, чѣмъ бы мы могли превозноситься надъ братіями своими? Дарами ли внѣшними? но таковаго киченія гнушается и развращенная природа человѣческая. Дарами ли Благодати? но мы не можемъ сказать, больше ли имѣемъ даровъ сихъ мы, нежели братъ нашъ, уничижаемый міромъ. Самые дары сіи не суть наша собственность. Пусть мы и болѣе ихъ пріяли, нежели другой: но, можетъ быть, мы были въ нихъ невѣрны Великому своему Заимодавцу. Намъ убо стыдѣніе лица! Добрыми ли дѣлами своими? но дѣла не даютъ намъ права на царствіе небесное; даетъ оное одна Благодать Божія. Вспомнимъ слова Спасителя, сказанныя Книжникамъ и Фарисеямъ, блюстителямъ Закона, надменнымъ своею правдою: *грѣшники и мытари варяютъ вы въ Царствіи Божіемъ* (Мат. 21, 31). — Смиряйся убо, самооправданный праведникъ, и предъ грѣшникомъ, котораго въ гордой ревности своей ты готовъ заметать

каменіемъ! Можетъ быть, онъ дороже и любезнѣе тебя Богу; можетъ быть, въ домостроительствѣ Благодати онъ назначенъ быть орудіемъ твоего спасенія, ходатаемъ за тебя предъ престоломъ ея!

Если же столько мы уничиженны и предъ уничижаемыми братіями своими: то чѣмъ можемъ похвалиться предъ Богомъ? *Правду ли свою ищемъ поставити предъ* Нимъ (Рим. 10, 3)? — Но вся правда наша есть нечистота и мерзость. Мы не сдѣлали и сдѣлать ничего сами по себѣ не можемъ добраго. Все довольство наше отъ Бога; все, что имѣемъ, отъ Него пріяли. Наша собственность — одинъ грѣхъ. Но лучше бы не существовать, нежели быть богату такою собственностію. Повергнемся убо предъ Господомъ, единымъ благимъ и сильнымъ, въ свой прахъ, въ свое ничтожество. Здѣсь только мы становимся примѣтными для Бога; здѣсь только Онъ призираетъ на насъ съ высоты своей, и благодатію своею изъ ничтожества нашего творитъ *нѣчто*. Если одно таковое *нѣчто* — дѣло Божіе — бываетъ болѣе,

другое менѣе; — ты, меньшее *нѣчто*, не ропщи за то на Бога: и тѣмъ ты сдѣлалось не по заслугамъ твоимъ, но по единому дару Божію. Ахъ! лучше же быть и пылинкою, только въ дому Божіемъ, нежели великаномъ и властителемъ въ царствѣ діавола! Не усиливайся же ты, малое *нѣчто*, само собою содѣлаться большимъ, доколѣ Богъ не возраститъ тебя. Душа самолюбивая и нетерпѣливая! за чѣмъ ты самовольно осмѣливаешься, по возбужденіямъ гордой своей мысли и нечистой воли, парить подъ облака и подъ небеса, думая приблизиться чрезъ то къ самому престолу Благодати, и завладѣть всѣми высшими дарами ея — и духовнымъ вѣдѣніемъ, и общеніемъ съ Ангелами, и хожденіемъ во свѣтѣ Божіемъ? Виждь, душа неразумная! разумъ и воля твоя ничего не могутъ присовѣтовать тебѣ истинно добраго: а ты еще хочешь дать имъ участіе въ дѣлѣ спасенія своего, совершаемаго Духомъ Святымъ! — Нѣтъ! Духу Благодати не нужны такіе сотрудники, — они привыкли властвовать, а не повино-

ваться: а дѣла Духа таковы, что ихъ никто не можетъ знать, кромѣ Его самаго; слѣдовательно Онъ одинъ и долженъ всѣмъ распоряжать въ устроенiи твоего спасенiя. — Откажись же, человѣкъ, отъ твоего разума и воли! Сколько бы разумъ твой ни былъ просвѣщенъ, сколько бы воля твоя ни была напитана нравственностiю естественною, — откажись отъ нихъ: сколько бы они для тебя ни были любезны, — откажись отъ нихъ: сколько бы они ни стоили тебѣ дорого, — откажись отъ нихъ: сколько бы они ни обѣщали тебѣ выгодъ даже по отношенiю къ твоему спасенiю, — откажись отъ нихъ. Содѣлайся убо ничѣмъ для себя самаго, чтобъ Благодать Божiя содѣлала изъ тебя все для себя! Доколѣ ты будешь почитать себя чѣмъ либо въ нравственномъ отношенiи, — Богъ не можетъ сотворить изъ тебя новой твари: потому что Онъ не творитъ изъ вещества, какое бы мы Ему подавали, но творитъ все изъ ничего.

Симъ-то образомъ мы должны содѣлывать дѣйствительными для себя дѣй-

ствія Благодати! Попечемся о томъ, Христіане: ибо отъ того зависитъ наше спасеніе. Безъ содѣйствія Благодати Божественной мы не можемъ устроить своего спасенія.

Нынѣ Церковь Христова торжествуетъ невидимое пришествіе къ себѣ Господа — Царя славы. Имѣмъ вѣру, — нынѣ Онъ грядетъ къ каждому изъ насъ своею Благодатію. Неужели не видитъ и не слышитъ кто шествія сего? Посмотрите, весь градъ — міръ сей, въ которомъ мы живемъ, сотрясается отъ сего шествія: послушайте, необычайныя событія вокругъ васъ возвѣщаютъ сіе шествіе. Душа Христіанская — дщи Сіоня! радуйся: се Царь твой грядетъ къ тебѣ! — Христіане! взыдемъ во срѣтеніе Царю нашему, вопреки внушеніямъ разума нашего книжническаго и желаніямъ воли фарисейской! Изыдемъ изъ града шумнаго, насъ разсѣвающаго! Изыдемъ всѣ — и малые и великіе, бѣдные и богатые, и грѣшные и мнящіеся быти праведны. — Всѣмъ нужно срѣтить Господа. — Бѣдный грѣшникъ! повергни предъ Госпо-

демъ шествующимъ ризы своя — плоть свою. Богатый праведникъ! Принеси Господу вѣтви отъ древа крестнаго, процвѣтающаго въ тебѣ; принеси добрыя дѣла твои и повергни предъ Нимъ. Все, что мы имѣемъ, есть Господне. Ему единому слава!

Господи — Царь нашъ! Гряди утѣшить Церковь Твою, обновить сердца вѣрующихъ Тебѣ, сокрушить жестокосердіе невѣрующихъ, второе Тебя распинающихъ. *Осанна! благословенъ грядый во имя Господне Царь Израилевъ!* Аминь.

XVII.

СЛОВО
ВЪ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Что се есть? *Имѣяй жизнь въ себѣ* (Іоан. 5, 26), Источникъ и Виновникъ жизни живущихъ — мертвъ. *Даяй всему дыханіе* (Дѣян. 17, 25) бездыханенъ. Вѣчное Слово — безмолвно. *Носяй всяческая глаголомъ силы своея* (Евр. 1, 3), носится бренными руками человѣческими. Тотъ, для котораго *не довлѣетъ небо и небо небеси* (3 Цар. 8, 23), — заключается въ тѣсныхъ предѣлахъ гроба. *Иже сый сіяніе славы Отчей* (Евр. 1, 3) — скрывается въ мрачныхъ нѣдрахъ земли!...... Это ли *утѣха Израилева* (Лук. 2, 25)? Это ли *слава людей своихъ* (Лук. 2, 25)? Это ли упованіе язычниковъ (Иса. 42, 4)? — Ты ли еси *хотяй избавити Израиля* (Лук. 24, 21)? *Ты ли еси грядый, или иного*

чаемъ (Мат. 11, 3), вопрошаемъ и мы нынѣ — сраженные скорбію — Тебя, безмолвный Виновникъ настоящаго печальнаго собранія; подобно какъ нѣкогда вопрошали Тебя ученики Іоанновы, недоумѣвающіе о Тебѣ: *Ты ли еси грядый, или иного чаемъ?* И слухомъ вѣры внемлемъ утѣшительный гласъ мертваго Животодавца: « *да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте* (Іоан. 14, 1). Лучше, да Единъ умретъ за вся люди. Таковъ предвѣчный совѣтъ Тріединаго. » — Такъ *для* очей вѣры гробъ Іисуса Христа есть источникъ жизни; Его смерть — наше безсмертіе; Его язвы — наше исцѣленіе; Его безчестіе — наша слава; Его уничиженіе — наше величіе. Пусть Іудеи, ослѣпленные невѣріемъ и суевѣріемъ, *соблазняются крестомъ* Іисуса Христа; пусть Язычники, *въ премудрости своей неразумѣвающіе премудрости Божіей,* почитаютъ оный *безуміемъ* (1 Кор. 1, 21. 23): но мы не стыдимся торжественно исповѣдовать и проповѣдовать Іисуса Христа распятаго. — Святая Церковь нынѣ

такъ живо представляетъ намъ страданія и смерть нашего Господа, какъ бы Онъ предъ очами нашими былъ распятъ, измученъ, убіенъ и погребенъ. При подножіи Креста Божественнаго Страдальца и при гробѣ сего Праведника, о чемъ всего естественнѣе помышлять намъ, если не о страданіяхъ, если не о Крестѣ Его? — И такъ размышленіе о великости Креста Христова да будетъ съ нашей стороны каплею мура на гробъ Спасителя міра.

Великость Креста Христова слагается изъ долготы, широты и тяжести онаго.

Что есть долгота Креста? Она есть продолженіе бѣдствій и страданій чрезъ извѣстное пространство времени. Приникните въ Евангеліе, — и вы увидите, что вся земная жизнь Іисуса Христа, отъ яслей до гроба, есть непрерывная цѣпь бѣдствій и страданій. Самое рожденіе Его ознаменовано печатію Креста. Божественный Младенецъ раждается не въ свѣтлыхъ чертогахъ, но въ мрачномъ вертепѣ; полагается не на мягкихъ возглавіяхъ, не въ драгоцѣнныхъ тканяхъ,

ню въ *ясляхъ*, но въ убогихъ пеленахъ. Слабое тѣло его испытываетъ тяжкія болѣзни обрѣзанія. Младенецъ еще нѣмотствуетъ, — и царство тьмы ополчается противъ Него со всею злобою: коварный Иродъ хочетъ убить Его. Тотъ, коему со страхомъ и трепетомъ *предстоятъ тысячи тысящь* Архангеловъ *и тьмы темъ* Ангеловъ (Апок. 5, 11), и въ коемъ *сокрыты всѣ сокровища премудрости и разума* (Кол. 2, 3), — находится въ глубокомъ повиновеніи своимъ земнымъ родителямъ, и скрывается во мракѣ безвѣстности до тридцатилѣтняго возраста. — Святыхъ Святѣйшій подвергается коварнымъ и обольстительнымъ искушеніямъ отъ діавола. Тотъ, который отверзаетъ руку, — и все исполняется благости (Псал. 103, 28), алчетъ. Тогда какъ *лиси имутъ язвины и птицы небесныя гнѣзда:* а *Имѣяй престолъ небо и подножіе землю* (Иса. 65, 1), *не имѣетъ* на землѣ, *гдѣ приклонить главу свою* (Мат. 8, 20). Онъ обтекаетъ грады и веси, благотворя всѣмъ и исцѣляя всякій недугъ и всякую болѣзнь въ людяхъ: а

Его неоднократно покушаются побить каменіемъ, или низвергнуть съ высоты. Верховный Законодатель, содержай въ десницѣ своей времена и лѣта, исцѣляетъ больныхъ въ субботу, — и Его провозглашаютъ нарушителемъ и презрителемъ закона. Онъ изгоняетъ бѣсовъ силою Духа Божія, въ Немъ обитающаго: — зависть и злоба сіе приписываютъ тайнымъ Его сношеніямъ съ княземъ бѣсовскимъ (Мат. 12, 24). — *Пришедшій взыскати и спасти* заблуждающихъ *и погибающихъ* (Мат. 18, 11), Онъ пріемлетъ мытарей и грѣшниковъ, приходящихъ къ Нему, и кротко обращается съ ними; — и вопіютъ: это *ядца и винопійца, другъ мытарей и грѣшниковъ* (Мат. 11, 19). *Отрокъ, коего гласъ не слышится на распутіяхъ, и который трости надломленной не преломитъ и льна курящагося не угаситъ* (Мат. 12, 19. 20), обвиняется какъ возмутитель общественнаго покоя. Онъ изводитъ плѣненныя въ свободу и отпущаетъ грѣхи людямъ, да прославится Отецъ въ Сынѣ, — и Его укоряютъ въ Богохульствѣ (Мат. 9, 29).

Но исчисленныя нами страданія нашего Господа суть только начало тѣхъ жесточайшихъ болѣзней, кои предлежали Ему въ послѣдніе дни земной Его жизни. *Ядый* съ Нимъ хлѣбъ, постоянный Его собесѣдникъ, участвующій во всѣхъ дарахъ Его любви и благости, *подъемлетъ на* Него *свою пяту* (Іоан. 13, 18): ученикъ дѣлается предателемъ своего Учителя. Судія живыхъ и мертвыхъ стоитъ предъ судомъ Пилата, какъ агнецъ безгласный, и осуждается на поносную, крестную смерть. Тотъ, который *грѣха не сотворилъ и въ устахъ* котораго *не было лжи* (1 Петр. 2, 22), причисленъ къ ужаснѣйшимъ злодѣямъ. Господь славы и велелѣпоты распинается и умираетъ на древѣ крестномъ среди жесточайшихъ мученій. Се долгота Креста Христова, равняющаяся продолженію земной Его жизни!

Что есть широта Креста? Она есть распространеніе болѣзней и страданій на извѣстныя части существа Страдальца. Воззрите на страждущаго Богочеловѣка! *Одѣяйся свѣтомъ яко ризою* (Пс. 103, 2)

и повѣсивый на водахъ землю и свѣтила на тверди небесной, обнаженный виситъ на крестномъ древѣ предъ лицемъ неба и земли, и выставленъ на позоръ и поруганіе твари. *Красный добротою паче* всѣхъ *сыновъ человѣческихъ* (Псал. 44, 3)! гдѣ зайде доброта зрака Твоего? — Се зримъ, *видъ Его безчестенъ, умаленъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ!* Се *человѣкъ*, весь *въ язвѣ сый* и единъ *вѣдый терпѣти болѣзнь* (Иса. 53, 3): отъ главы даже до ногъ нѣтъ въ Немъ цѣлости! Воззрите, се глава Его терніемъ прободена, власы запекшіеся кровію, руцѣ и нозѣ гвоздіемъ пронзены! — Очи пріяли оплеваніе, слухъ — заушенія, ланиты — ударенія, хребетъ — бичеванія, уста напоены оцтомъ и желчію, бокъ прободенъ копіемъ, вся кровь *излилась* изъ Него, *какъ вода* изъ разбитаго сосуда (Псал. 21, 15); *крѣпость тѣлесная изсохла, какъ* скудельный *черепъ* (ст. 16); *языкъ прилѣпнулъ къ устамъ* (тамъ же); *сердце Его, какъ воскъ, растаяло посреди чрева* (ст. 15), и вся внутренность Его сожжена огнемъ безмѣрныхъ мученій. Се широта Креста Христова!

Что есть тяжесть Креста? Она есть глубокая скорбь, которую ощущаетъ душа Страдальца. О, какая скорбь можетъ сравниться съ душевною скорбію стражду щаго Іисуса? Приложите болѣзни къ болѣзнямъ, мученія къ мученіямъ, раны къ ранамъ; присоедините къ жесточайшимъ скорбямъ еще жесточайшія; повторите все сіе тысящекратно: и — вы не выразите однакожъ той скорби, какую перенесъ въ душѣ своей сей великій Страдалецъ. Многочисленные сонмы Мучениковъ и послѣдователей Креста Христова умирали среди жестокихъ мученій. Иные изъ нихъ были побиваемы камнями, другіе претираемы пилою; многіе были сжигаемы на пламенѣющихъ кострахъ; иные были терзаемы и пожираемы лютыми звѣрями: другіе умирали въ заточеніяхъ и темницахъ отъ голода; иные, бывъ влачимы ярыми животными, испускали духъ; нѣкоторые были распинаемы на крестахъ; другіе умирали отъ самаго дробнаго отдѣленія частей тѣла; иные, бывъ облиты горючими веществами, сгарали медленно на

подобіе факеловъ: но всѣ ихъ мученія и скорби, по истинѣ тягчайшія и для человѣческой природы нестерпимыя, будучи вмѣстѣ взяты, въ сравненіи съ страданіями и скорбію нашего Господа суть не болѣе, какъ капля предъ океаномъ. — Ибо Мученики страдали и умирали изъ любви къ Пострадавшему и Умершему за нихъ. Но какъ утѣшительно, какъ сладостно страдать и умирать за друга, пожертвовавшаго за насъ своею жизнію! Притомъ сіи страдальцы текли съ готовностію на смерть, бывъ одушевляемы вѣрою и несомнѣнною надеждою, что ихъ временныя страданія суть залоги вѣчныхъ и неизреченныхъ наслажденій, и что *сіе легкое печали тяготу вѣчной славы содѣлываетъ* для нихъ (2 Кор. 4, 17) на небѣ — въ царствѣ славы. Наконецъ ихъ страданія были облегчаемы невидимою, но дѣйственною помощію свыше и были услаждаемы неизреченными утѣшеніями благодати Святаго Духа. — Но что зримъ мы въ великомъ Страдальцѣ Іисусѣ Христѣ? Онъ страдаетъ и умираетъ за враговъ своихъ. — Грѣхи

всего человѣческаго рода, отъ начала до кончины міра, во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ, со всѣми своими послѣдствіями, своею безмѣрною тяжестію подавляютъ сего Божественнаго Крестоносца. Онъ предвидитъ пренебреженіе и попраніе своихъ страданій и смерти отъ Іудеевъ и Язычниковъ и отъ самыхъ увѣровавшихъ въ Него; — и сіе усугубляетъ болѣзни души Его. Всѣ мученія и скорби ада, предлежавшія по законамъ безконечнаго Правосудія, за безчисленныя преступленія, безчисленному потомству Адамову, совокупившись во-едино, отяготѣли на душѣ Сына человѣческаго и сосредоточились въ Его сердцѣ. Въ сіи минуты смертельная скорбь тяготитъ Его душу: *прискорбна есть душа Моя даже до смерти* (Матѳ. 26, 38), открываетъ Онъ ученикамъ своимъ въ саду Геѳсиманскомъ. Оставленный самому себѣ и преданный всей строгости Божественнаго Правосудія и всей ярости гнѣва Его, — Іисусъ Христосъ возноситъ молитвенный гласъ къ Отцу Своему: но Сей не внемлетъ Ему. Троекратно по-

вторенные подвиги молитвы, даже до кроваваго пота, не преклоняютъ Божественнаго гнѣва на милость. Сей *Агнецъ Божій, закланный отъ сложенія міра* (Апок. 13, 8), въ предвѣчномъ совѣтѣ Троичнаго Единства, теперь ужасается чаши страданій и молитъ Отца своего, *да мимоидетъ отъ Него сія чаша* (Матѳ. 26, 39). По истинѣ, *прискорбна душа* нашего Господа *даже до смерти!* — Но раскаленныя стрѣлы Божественнаго Правосудія не престаютъ поражать Его. Въ сіи тяжкія минуты изліяніе скорбныхъ чувствованій предъ искреннимъ другомъ доставило бы нѣкоторое облегченіе душѣ Страдальца. Но въ страданіяхъ нашего Господа никто не пріемлетъ участія. Самые преданнѣйшіе ученики теперь оставляютъ своего Учителя (Марк. 14, 50). Наконецъ пронзительный вопль жалобы исторгается изъ стѣсненной скорбію груди Его: *Боже Мой! Боже Мой! вскую Мя еси оставилъ* (Матѳ. 28, 46)? Но и послѣ сего никакой лучь надежды не просіяваетъ въ душѣ Его, ни единая капля небеснаго утѣшенія не

изливается въ Его сердце. Самая Божественная природа, всегда и неотлучно сущая въ лицѣ Богочеловѣка, на сей разъ какъ бы заключается сама въ себѣ и не сообщаетъ никакого утѣшенія душѣ страждущаго Сына человѣческаго. Среди сихъ страданій смерть была бы для Него благодѣяніемъ: но и она медлитъ пресѣчь Его мученія. И тогда уже, когда исполнилась мѣра Божественнаго Правосудія, мечь опаго, упоенный кровію Агнца, вземлющаго грѣхи всего міра, вступаетъ въ свое влагалище, — и мучительная смерть, сопровождаемая сильнымъ потрясеніемъ неба и земли, прекращаетъ Его безпредѣльныя душевныя скорби. Се тяжесть Креста Христова!

Христіане! вотъ что сдѣлалъ для насъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ! А мы что для Него? Онъ понесъ на раменахъ своихъ великій и безмѣрно тяжелый Крестъ для нашего спасенія: а мы не хотимъ и перстомъ коснуться благаго ига и легкаго бремени Креста Его, для собственнаго своего спасенія. Онъ испилъ за грѣхи наши всю чашу гнѣва и

ярости Божественнаго Правосудія, не растворенную ни единою каплею любви и милосердія Отчаго: а мы не хотимъ вкусить и единой капли отъ сей чаши — не гнѣва и ярости Господней, но паче любви и благости Отчей; не хотимъ перенести благодушно и малѣйшаго оскорбленія, причиненнаго нашему самолюбію неосторожностію ближняго. Онъ для насъ былъ въ трудѣ, въ озлобленіи, въ язвѣ, въ тугѣ и скорби чрезъ всю жизнь: а мы не хотимъ и единаго часа побдѣть для Него. Онъ не пощадилъ жизнь свою за насъ — враговъ своихъ: а мы за Него — единственнаго нашего Благодѣтеля — жалѣемъ распять и умертвить истиннаго врага нашего — плоть свою. Сего мало: нерѣдко мы совершенно забываемъ нашего Избавителя и Господа, погружаясь всѣмъ существомъ своимъ въ волнующееся предъ нами море мірскихъ наслажденій. Іисусъ Христосъ своею смертію избавилъ насъ отъ вѣчной смерти и стяжалъ намъ жизнь вѣчную: — мы презираемъ жизнь, и избираемъ смерть вѣчную. Іисусъ Христосъ своею кровію

искупилъ насъ отъ темнаго владычества діавола, и поставилъ въ свѣтлое Царство благодати и любви Божественной: — мы добровольно оставляемъ Царство свѣта, и спѣшимъ паки въ мрачный плѣнъ свой и лобызаемъ постыдныя оковы рабства грѣха. Какое достоплачевное ослѣпленіе! Міръ и діаволъ не оказали и не могутъ оказать намъ никакихъ благодѣяній, напротивъ всячески ищутъ нашей погибели; и не токмо не удовлетворяютъ нашего безсмертнаго духа, но утомляютъ его и мучатъ гладомъ ненасыщаемымъ, жаждою неутолимою, и за раболѣпную имъ преданность готовятъ намъ вѣчный огнь: не смотря на то, мы охотно жертвуемъ для нихъ покоемъ, здоровьемъ, и, что всего міра драгоцѣннѣе, жертвуемъ душею. А для Іисуса Христа, толико насъ облагодѣтельствовавшаго и столько намъ благодѣющаго, положившаго за насъ на крестѣ животъ свой, насыщающаго духъ нашъ Словомъ своимъ, питающаго насъ своимъ Тѣломъ и Кровію, и обѣщающаго содѣлать насъ участниками непостижимаго своего блаженства

и спосадить насъ съ Собою на престолѣ въ вѣчномъ царствѣ своемъ, — мы не хотимъ пожертвовать тлѣннымъ, дабы получить нетлѣнное, — временнымъ, дабы получить вѣчное, — ничтожнымъ, дабы получить славное. И что еще? О, ужасъ! мы иногда самыя заслуги нашего Ходатая обращаемъ въ побужденія ко грѣху. Мы представляемъ себѣ всю великость и цѣну заслугъ Его, дабы тѣмъ безопаснѣе погружаться въ сладкій по началу, но гибельный по слѣдствіямъ, сонъ безпечности. Мы нарицаемъ Бога Отцемъ нашимъ, усыновившимъ насъ себѣ въ возлюбленномъ Сынѣ своемъ, — дабы тѣмъ безбоязненнѣе ходить по влеченію развращенной воли нашей. Омывшись кровію, яко Агнца непорочна — Христа, мы попираемъ кровь сію. Содѣлавшись причастниками Духа Святаго, мы преогорчеваемъ Его. Получивъ нетлѣнный залогъ жизни вѣчной, погребаемъ его въ истлѣніи. Ахъ! Это ли истинные Христіане? Это ли послѣдователи Креста Христова? Это ли чтители Распятаго? Нѣтъ; это, по слову Апостола,

враги Креста Его (Фил. 3, 18); это — *вторые распинатели Сына Божія* (Евр. 6, 6)!...... Будетъ время, когда иными очами воззримъ на Того, котораго нынѣ такъ безбоязненно, такъ дерзновенно прободаемъ нашими неправдами. Но тогда будетъ уже поздо. Тогда кровь Іисуса Христа, проліянная за насъ на Голгоѳѣ и вопіющая нынѣ ко Отцу небесному о милосердіи къ грѣшникамъ, будетъ вопіять къ Божественному Правосудію объ отмщеніи за ея поруганіе. Тогда крестъ, нынѣ нами презираемый, противъ воли и безотрадно понесемъ во всю вѣчность. Безконечные ряды вѣковъ не уменьшатъ и единой краты въ болѣзняхъ нашихъ; безконечные вопли не преклонятъ Божественнаго гнѣва на милость; безконечныя слезы не устудятъ пламени огня геенскаго. О, *страшно впасть въ руцѣ Бога живаго* (Евр. 10, 31)!

Христіане! обымемъ и облобызаемъ лучше нынѣ — во времени и благодушно Крестъ Христовъ. Да будетъ онъ нашею похвалою и славою, утѣшеніемъ въ скорбяхъ, услажденіемъ въ горестяхъ. На-

знаменуемъ его на сердцѣ нашемъ, подобно какъ знаменуемъ на персяхъ нашихъ. Возлюбимъ его — не словомъ и языкомъ, но дѣломъ и истиною. Пусть насъ поносятъ, пусть *изрекаютъ на насъ всякъ золъ глаголъ, лжуще* Іисуса ради (Матѳ. 5, 11); пусть поражаютъ насъ удары за ударами несчастій; пусть бездна бездну золъ призываетъ на главу нашу, по гласу Божественнаго Правосудія: мы да не обинемся возложить на рамена свои крестъ сей, но паче да пріимемъ оный съ радостію, какъ вожделѣнное благо, какъ драгоцѣнный залогъ любви къ намъ Божіей и нашего спасенія: *егоже бо любитъ Господь, наказуетъ; біетъ же всякаго сына, егоже пріемлетъ* (Евр. 12, 6). Поклонники Креста и чтители Распятаго! поклянемся въ сіи священныя минуты, при подножіи Креста Іисуса и при гробѣ сего Праведника, отнынѣ даже до гроба воинствовать подъ знаменемъ Креста Его, ни на минуту не слагая съ себя всеоружія Божія, и принести въ жертву нашему Искупителю и душу и тѣло и умъ, и волю и

сердце, и очи и слухъ, и все существо наше, какъ Ему принадлежащее и по праву творенія, и наипаче по праву искупленія. Тогда и самъ Пострадавшій и Умершій за насъ, паче же и Воскресшій даруетъ намъ и свѣтъ ума, и силу воли, и жизнь духа, и теплоту вѣры, и пламень любви, и твердость упованія во времени, и славу и величіе и радость и блаженство въ вѣчности. *Если* съ нашимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ *постраждемъ* здѣсь — на землѣ; то *съ Нимъ* и *воцаримся* тамъ — на небѣ (Рим. 8, 17). Помыслите, что можетъ быть вожделѣннѣе сего? Аминь.

XVIII.

О ЦѢЛИ
ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢКА.

Для чего я существую въ семъ мірѣ? для чего я живу на землѣ?

Должна быть какая нибудь цѣль моего здѣсь существованія: ибо гдѣ дѣйствуютъ силы, тамъ есть и цѣль, для которой онѣ дѣйствуютъ; и гдѣ дѣйствуютъ такія силы, какія видимъ въ человѣкѣ, тамъ должна быть важная цѣль, для которой онѣ дѣйствуютъ.

Не создалъ ли меня Творецъ мой только для того, чтобъ я *наслаждался* благами, которыми Его десница такъ щедро обогатила нашу земную обитель?

Но если только это было цѣлію, для которой Онъ сотворилъ меня; то Онъ — не такъ меня устроилъ, какъ бы слѣдовало. Мнѣ нельзя блаженствовать здѣсь:

съ одной стороны, во мнѣ *много лишняго*; съ другой, во мнѣ *многаго недостаетъ* для этой цѣли. *Много лишняго*: потому что внутреннее, непреодолимое, обладающее всѣмъ моимъ духовнымъ существомъ, стремленіе постоянно влечетъ меня къ какой-то высшей, обширнѣйшей, недостижимой на землѣ, цѣли. Тамъ, въ невообразимомъ отдаленіи, превыше всего сонма свѣтилъ небесныхъ, тамъ ищетъ себѣ успокоенія духъ мой, и ищетъ тѣмъ съ большею нетерпѣливостью, чѣмъ долѣе я живу здѣсь, и чѣмъ больше усовершаю себя. Не здѣсь мое отечество. Земля не удовлетворяетъ меня. Я наслаждаюсь ея благами, и благодарю за нихъ Бога; но мое сердце грустить, непрестанно воздыхаетъ о родинѣ, и напоминаетъ мнѣ о моемъ здѣсь странствованіи. «Знаю, что водворяясь въ тѣлѣ, я устраненъ отъ Господа, и потому сильно желаю выдти изъ тѣла, и водвориться у Господа (2 Кор. 5, 6. 8).»

И если даже оставить безъ вниманія сію тоску моего сердца: все цѣлію моего существованія здѣсь я не могу признать

земное благополучіе, потому что оно тогда лишь имѣетъ цѣну въ глазахъ добродѣтельнаго, когда озарено высшимъ свѣтомъ. Исторгните изъ своего сердца всѣ расположенія *не-земныя*: для васъ не будетъ никакой радости на этой землѣ, или вы будете веселиться, какъ скоты безсмысленные! Самыя лучшія наши наслажденія здѣсь — наслажденія духовныя: любовь, дружелюбіе, смиреніе, кротость, благочестіе, преданность волѣ Божіей. Ближайшія къ нимъ наслажденія тѣ, которыя проистекаютъ изъ созерцанія природы, ея величественныхъ красотъ. Но къ симъ послѣднимъ мы были бы нечувствительны, если бы не видѣли въ нихъ чего-то высшаго, болѣе роднаго нашему духу. Мы восхищаемся, напримѣръ, весеннимъ благолѣпіемъ природы; но, судя строго, природа сама въ себѣ одинакова; и испещренная цвѣтами и убѣленная снѣгомъ, она та же природа. Слѣдственно, если насъ радуетъ весна, то причина сего находится не столько внѣ насъ, сколько въ нашемъ духѣ, въ его способности усматривать

въ преходящихъ явленіяхъ образъ жизни лучшей, и слѣды благости Того, чье дыханіе обновляетъ лице земли (Псал. 103, 30). Таковъ же источникъ и прочихъ чистыхъ наслажденій нашихъ. И такъ нельзя полагать, чтобы цѣлію моего здѣсь пребыванія было наслажденіе благами земли, неимѣющее никакой цѣны безъ высшаго освященія. Гораздо естественнѣе — искать ее тамъ, откуда нисходитъ сіе освященіе.

Съ другой стороны, въ человѣкѣ *многаго недостаетъ* къ тому, чтобы быть благополучнымъ здѣсь. Начало его жизни вопль слабости, конецъ — стонъ изнеможенія! Между воплями и стонами изрѣдка промелькнетъ радостное мгновеніе; и оно замѣтно только тому, кто пріобрѣлъ навыкъ — *забывать*. Одна сильная привязанность къ жизни заставляетъ насъ сносить тягости жизни. Но сія глубоко укорененная въ насъ любовь къ жизни, опять, указываетъ намъ на высшую цѣль нашего пребыванія на землѣ. Она есть такое влеченіе къ жизни, которое удерживаетъ насъ

на землѣ почти противъ воли нашей, дабы мы не могли своевольно оставить ее, не выполнивъ того, для чего на ней поставлены.

Если жъ наслажденіе не можетъ быть цѣлію нашего пребыванія на землѣ, то для чего мы созданы? Не для того ли, можетъ быть, чтобы своею дѣятельностію споспѣшествовать благу общему, быть *полезными* въ составѣ цѣлаго?

Справедливо, что цѣлое не можетъ существовать безъ частей, государство не можетъ быть безъ гражданъ. Какъ въ физическомъ мірѣ малѣйшая пружина, малѣйшее звено, нужны въ составѣ машины, такъ и въ нравственномъ мірѣ каждый человѣкъ можетъ быть полезенъ. Земледѣлецъ, ремесленникъ, разносчикъ, купецъ и т. д. такъ же нужны въ государственной машинѣ, какъ и судья, врачь, наставникъ, правитель. Самая по-видимому незначительная услуга, которую оказываетъ частный человѣкъ государству, не остается безъ послѣдствій, благодѣтельныхъ для всей жизни общественной.

Не смотря на сіе, *польза,* какую каждый изъ насъ можетъ своею дѣятельностію доставить цѣлому государству, даже всему роду человѣческому, не можетъ быть главною цѣлію нашего земнаго бытія: ибо для чего существуетъ весь родъ человѣческій? Если бы его не было, то не нужны были бъ и тѣ услуги ему, которыя мы такъ высоко теперь цѣнимъ; тогда не нужны были бъ ни земледѣльцы, ни купцы, ни судьи, ни врачи, ни правители: ибо всѣ они — въ родѣ человѣческомъ и для рода человѣческаго. Для чего же существуетъ самый родъ человѣческій? Очевидно, надобно искать другой цѣли: польза, которую я могу доставлять отечеству, не разрѣшаетъ вопроса о моемъ назначеніи.

Можетъ быть, родъ человѣческій, разсматриваемый какъ одно цѣлое, существуетъ для того, чтобъ непрерывно *усовершаться,* не выходя впрочемъ изъ предѣловъ земнаго бытія? Но прежде надобно спросить: точно ли онъ непрерывно усовершается? Давно, и ка-

жется справедливо, говорять, что нѣтъ ничего новаго подъ луною. Встрѣчаемые въ Индіи, да и во всей Азіи, даже въ Африкѣ, памятники образованности древнихъ ихъ обитателей, изумляютъ собою мудрѣйшихъ нашихъ современниковъ. Во многихъ отрасляхъ знанія и искуства мы еще не сравнялись съ древними Греками; и если у насъ есть что нибудь лучшее, то — не новое, но только подновленное. Едва ли даже не справедливѣе будетъ мысль, что родъ человѣческій старѣетъ: время жизни сократилось, силы оскудѣли; многія искуства, которыя были извѣстны древнимъ, нынѣ затеряны; ихъ произведеній зодчества мы почти не умѣемъ и оцѣнить по достоинству.

Но положимъ, что родъ человѣческій дѣйствительно идетъ къ совершенству; опять спрашивается: чѣмъ же все это кончится? Этой землѣ не бывать небомъ, и человѣку на ней — не сдѣлаться Ангеломъ. И если самая земля подвергнется измѣненію; если какая нибудь комета, подойдя къ нашей планетѣ;

увлечеть ее за собой; если эта горсть вещества, эта земля разсыпдется по необозримому пространству небесъ: тогда, что будетъ тогда съ вашими мечтами о усовершенствованіи человѣческаго рода, съ вами самими, жалкіе, ничтожные обитатели земли? Цѣлію всего величія человѣческаго тогда будетъ — разрушеніе?

Нѣтъ, этого быть не можетъ! Я получилъ жизнь не для того, чтобъ пресыщаться земными удовольствїями, и — исчезать вмѣстѣ съ ними, и не для того только, чтобъ *частнымъ* своимъ содѣйствіемъ споспѣшествовать благу *цѣлаго*, или земному усовершенствованію рода человѣческаго, всегда вожделѣнному, и никогда недостижимому. Я родился для того, чтобы — *жить*, непрестанно возрастать, восходить выше и выше къ Началу и Концу всего существующаго. *Нѣсть Богъ, Богъ мертвыхъ, но живыхъ* (Матѳ. 22, 32). Здѣсь, на сей блуждающей звѣздѣ, я получаю жизнь, — изъ бренія составленное, Всемогущимъ Богомъ одушевленное, чудное и

величественное созданіе, именуемое: *человѣкъ, образъ и подобіе Божіе!* Здѣсь ему надобно возрастать, созрѣвать для своего высшаго назначенія, пока смерть не совлечетъ временной оболочки съ его безсмертнаго духа. — Земная жизнь есть преддверіе жизни будущей: вотъ ея истинное значеніе. — Человѣку нельзя имѣть на землѣ полнаго знанія, неизмѣнно-благой воли; но въ замѣну ихъ даны ему три святыя сопутницы: одна изъ нихъ, облеченная въ одежду свѣта, держащая въ одной рукѣ вѣнецъ, другою указующая на небо, куда устремлены ея взоры, называется *вѣра*; вторая, съ спокойствіемъ во взорахъ, съ улыбкою радости и мира привѣтствующая и ободряющая земнаго путника, именуется *надежда*; третья, кротко и дружелюбно распростирающая человѣку свои объятія, *любовь*. Руководимый сими сопутницами — шествуй, земнородный, благодушно путемъ тебѣ предназначеннымъ. Будь благочестивъ, добръ, надѣйся: и ты исполнишь свой долгъ. И чѣмъ тѣснѣе твое содружество и об-

щеніе съ сими тремя путеуказательницами, тѣмъ вѣрнѣе достигнешь своей цѣли. Тамъ, гдѣ мелькаютъ миріады міровъ, тамъ, и еще выше, далѣе, глубже, тамъ — въ безпредѣльности, въ вѣчности, тамъ твое Небо, тамъ твое истинное Отечество!

XIX.

ИЗВѢСТІЕ (*)
О ЧУДЕСНОМЪ ИЗЦѢЛЕНІИ НѢМАГО
ПРИ МОЩАХЪ
ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ, РАДОНЕЖСКАГО ЧУДОТВОРЦА.

Святотроицкой Сергіевой Лавры Учрежденный Соборъ донесъ о благодатномъ исцѣленіи нѣмаго при мощахъ Преподобнаго Отца нашего Сергія, Радонежскаго Чудотворца, совершившемся 23 дня прошедшаго Февраля въ четвертокъ второй недѣли настоящаго поста.

На другой день послѣ сего событія, 24 Февраля, по совершеніи молебнаго

(*) Въ *спискѣ* съ репорта Святѣйшему Правительствующему Синоду Преосвященнаго *Филарета*, Митрополита Московскаго, отъ 12 Марта 1833 года.

пѣнія Пресвятой Богородицѣ и Преподобному Сергію, получившій исцѣленіе, Тульской Губерніи, Веневскаго Уѣзда, села Щучьева крестьянинъ Сергей Ивановъ призванъ былъ въ Учрежденный Соборъ, и въ присутствіи онаго, по крестномъ цѣлованіи, показалъ слѣдующее:

« Отъ рода мнѣ 19 лѣтъ; каждогодно, по нѣмотствованію моему, разрѣшаемъ былъ глухою исповѣдію, и пріобщался Св. Таинъ. — На десятомъ году отъ рожденія былъ отданъ для обученія граматѣ къ приходскому Священнику Отцу Александру; и на первомъ году ученія моего во снѣ сдѣлался со мною припадокъ, отъ котораго по пробужденіи моемъ я оказался лишеннымъ языка, и оттолѣ оставался нѣмымъ, не лишась слуха. Стали со мною дѣлаться и припадки ежемѣсячно, въ новолуніе, повторяясь въ полторы сутки три раза, по утру, вечеромъ, и на другой день по утру; притомъ повредилась и рука лѣвая, которую не имѣлъ я возможности поднять къ верху, чувствуя ее сведенною. »

«Въ такомъ положеніи я пропитывался по возможности трудами своими, по разнымъ мѣстамъ, большею частію при нанковыхъ фабрикахъ и въ своемъ селѣ. Желая получить милость Божію въ исцѣленіи, я ходилъ молиться къ Св. Угодникамъ Божіимъ въ Москву и Преподобному Сергію, послѣ Пасхи прошлаго года; а потомъ пошелъ въ Кіевъ.»

«По возвращеніи изъ Кіева, проживъ въ домѣ своемъ недѣлю, въ одну ночь вижу во снѣ, что кто-то говоритъ мнѣ: »ты былъ у Преподобнаго Сергія; сходи и опять къ нему; можетъ быть, ты будешь и говорить.» — Проснувшись, я обрадовался обѣщанному, и сталъ собираться къ Преподобному. Дядя мой родной и малый мой братъ стали спрашивать: куда я сбираюсь? Чрезъ знаки показалъ я имъ, что иду Богу молиться, а показывая въ ухѣ серьгу, симъ изъяснилъ имъ, что иду къ Троицѣ, къ Сергію. Дядя мой выпросилъ мнѣ отъ старосты Волостнаго Лаврентья Иванова билетъ для прохода моего къ Троицѣ, съ которымъ я и пришелъ въ Обитель

Преподобнаго. Съ позволенія Начальствующаго проживалъ я въ кухнѣ, гдѣ помогалъ поварамъ въ приготовленіи братской пищи и питался, какъ и прочіе странные, остатками братской трапезы; притомъ ходилъ и въ Церковь, молиться преподобному Сергію. Во время проживанія моего, хаживалъ я неоднократно къ О. Благочинному, который всегда наставлялъ меня молиться и вѣровать благодати Преподобнаго, чѣмъ я укрѣпился въ уповапіи на Преподобнаго, желая сильно разрѣшенія языка.»

«Проживъ около двухъ недѣль въ Обители, и не видя себѣ облегченія, притомъ въ новолуніе, въ мясопустную недѣлю, имѣвъ опять обычный сильный припадокъ при всѣхъ въ кухнѣ, повторившійся, какъ и прежде, три раза, по утру, въ вечеру и на другой день по утру, пришедши послѣ того въ память, я вздумалъ собираться домой; притомъ и совѣстился безъ работы ѣсть хлѣбъ. Меня уговаривали пожить и помолиться еще и О. Благочинный и О. Иларій; но все я сбирался идти.»

«Въ одну же ночь опять вижу во снѣ, что кто-то тихо и радостно говоритъ мнѣ: «что ты спѣшишь домой-то? Поживи еще; можетъ быть, Господь дастъ тебѣ языкъ; ты станешь и говорить.» Послѣ сего я остался еще; и сталъ усерднѣе молиться по ночамъ Угоднику Божію, и ходить къ службѣ, прося его милости.»

«Въ четвертокъ на второй недѣлѣ, когда я стоялъ у главы Св. Мощей Угодника, подлѣ Гробоваго Іеромонаха О. Благочиннаго, во время молитвы моей предъ окончаніемъ часовъ, точно кто-то сказалъ мнѣ на ухо: «погоди; чрезъ часъ тебѣ дастъ Господь языкъ, ты будешь говорить.» — Отъ голоса этого я обрадовался и испугался; всего меня потрясло. Опомнившись, я осмотрѣлся, и не видѣлъ возлѣ себя никого, кто бы сказалъ мнѣ это. Я упалъ на колѣна, и со слезами молился Угоднику. Въ это время О. Благочинный, подозвавъ меня, далъ мнѣ выпить изъ лампады при Мощахъ угодника нѣсколько масла, и заставилъ приложиться къ Св. Мощамъ.

Я почувствовалъ, что у меня языкъ одеревенѣлъ, и какъ бы развязалось или разорвалось что во мнѣ; и рука стала подниматься. Я упалъ со слезами къ Угоднику, и не знаю и самъ, что со мною дѣлалось. Помолясь, по выходѣ всѣхъ изъ Церкви, пошелъ и я съ великою радостію въ келлію Преподобнаго, и при выходѣ приложась къ тремъ Мощамъ, вышелъ оттолѣ. Взглянулъ на Успенскій Соборъ и слышу, что говорю: Господи Боже мой! Сергій Преподобный! помолись о насъ грѣшныхъ! — Произнося слова, я думалъ, что не своимъ языкомъ говорю это. Радуясь, и не вѣря себѣ, я пошелъ къ О. Иларію, куда пришелъ и О. Благочинный. Они стали заставлять меня выговаривать: азъ, — потомъ: Богъ. Съ начала трудно мнѣ было по нихъ выговаривать, какъ бы у меня всѣ опорваны были жилы; но когда за ними сказалъ я: Богъ; то и сталъ свободно говорить все.»

Благочинный Іеромонахъ Иннокентій, по Священству, подтвердилъ все, что въ

семъ показаніи до него касается, присовокупивъ, что исцѣленному предложено приготовиться къ принятію Св. Таинъ, и что имъ сіе исполнено.

Іеромонахъ Иларій не спрошенъ за отлучкою по Лаврскому порученію.

Служащіе при братской поварнѣ, одинъ послушникъ и пять штатныхъ служителей подъ присягою показали, что проживавшій въ кухнѣ Сергей Ивановъ, по всѣмъ признакамъ, дѣйствительно былъ нѣмъ до дня исцѣленія; и что съ нимъ былъ припадокъ, и било его неоднократно.

Въ билетѣ, съ которымъ пришелъ Сергей въ Лавру, показанъ онъ нѣмымъ.

Учрежденный Соборъ заключаетъ свое донесеніе слѣдующимъ образомъ:

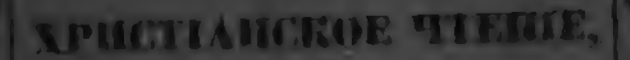
Видя столь открыто силу предстательства Преподобнаго и убѣдительные признаки дара Благодати Божіей въ трепетной радости, простотѣ и смиреніи исцѣленнаго, какъ бы развернутыхъ благодатною силою во внѣшность, — (чего безъ утѣшенія и умиленія сердечнаго нельзя было видѣть), — изъ благоговѣ-

нія къ столь явной истинѣ дѣйствія Благодати, Соборъ не рѣшился идти по путямъ мрачнаго сомнѣнія распространеніемъ далѣе изслѣдованія о семъ событіи, но удоволвствовался тѣмъ, что здѣсь представлено.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ НА 1833 ГОДЪ.

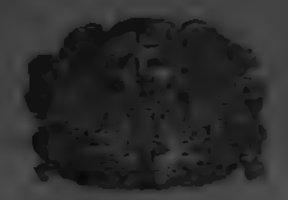
ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

НА 1835 ГОДЪ

Часть вторая

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1839.

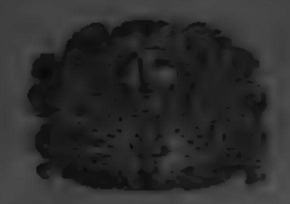
ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

НА 1833 ГОДЪ

Третья четверть.

АПРѢЛЬ. МАЙ. ІЮНЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1830

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Наздани на основаніи Апостолъ и Пророкъ,
сущу краеугольну самому Іисусу Христу.
Ефес. 2, 20.

НА 1833 ГОДЪ
Часть вторая.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Изданіе второе.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИЛЬИ ГЛАЗУНОВА И Ко.
1839.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется. Мая 10 1839 года.

Цензоръ, ***Академіи Баккалавръ Соборный Іеромонахъ Евсевій.***

I.

О ПРОПОВѢДИ АПОСТОЛЬСКОЙ ПО ВОСКРЕСЕНИИ ІИСУСА ХРИСТА.

ОТРЫВОКЪ

изъ 5 бесѣды Святаго Іоанна Златоустаго на первое посланіе къ Коринѳянамъ.

По чему бы Апостолы могли думать и надѣяться, что они побѣдятъ всю вселенную, если бы не видали Христа воскресшимъ изъ мертвыхъ? Ужели они были въ такомъ чрезвычайномъ изступленіи, что рѣшились на столь важное дѣло необдуманно и безразсудно? Ибо чаяніе исполнить столь великое дѣло безъ содѣйствія благодати Божіей превосходитъ всякое безуміе. Какимъ же образомъ могли совершить оное безумные и изступленные?—Но если Апостолы, какъ то и самыя дѣла ихъ показали, находи-

*

лись въ здравомъ умѣ; то какъ бы могли они, если бы не получили небеснаго удостовѣренія въ побѣдѣ и помощи свыше, какъ бы могли они—двѣнадцать человѣкъ — съ такимъ мужествомъ выступить на столь великіе подвиги, отважиться на брань съ землею и моремъ, рѣшиться на измѣненіе нравовъ всей вселенной, сильно укоренившихся отъ столь долгаго времени? И, что всего важнѣе, призывая людей на небо и въ горьняя жилища, чѣмъ бы они надѣялись убѣдить своихъ слушателей? Еслибъ Апостолы изъ дѣтства славны были своимъ родомъ, богатствомъ, властію, ученостію; тогда, хотя и невѣроятно было бы, чтобъ они могли рѣшиться на столь необычайное дѣло, по крайней мѣрѣ надежда ихъ исполнить оное имѣлабъ нѣкоторое основаніе. Но изъ Апостоловъ одни занимались ловлею рыбы въ озерахъ, другіе—выдѣлываніемъ кожъ, иные были мытари. Такія занятія всего менѣе могли располагать ихъ къ любомудрію и возбуждать къ великимъ замысламъ, особенно, когда никто изъ нихъ

ни въ комъ не видѣлъ примѣра сему. Да не только не видѣли они примѣровъ, внушавшихъ имъ надежду успѣть въ своихъ предпріятіяхъ; но напротивъ имѣли очевидныя доказательства тому, что вовсе не успѣютъ въ оныхъ. Ибо многіе за нововведенія заплатили своею жизнію (я не о Грекахъ говорю, между коими не было нововводителей, а о самыхъ Іудеяхъ того времени), притомъ тогда, какъ приступили къ онымъ не съ двѣнадцатью человѣками, а съ великимъ числомъ войска. — Ибо Ѳевда и Іуда, привлекши себѣ весьма много соумышленниковъ, погибли наконецъ и съ учениками своими (Дѣян. 5, 36, 37). Страхъ, внушаемый неудачнымъ покушеніемъ сихъ людей, достаточенъ былъ бы для вразумленія Апостоловъ, еслибъ они прежде не были рѣшительно увѣрены, что безъ божественной помощи не возмогутъ успѣть въ своемъ предпріятіи. Если бы даже надѣялись они все препобѣдить; то и тогда съ какою надеждою отважились бы на толикія опасности, еслибъ не имѣли въ виду будущаго?

Но предположимъ, что Апостолы имѣли твердую надежду успѣть въ своемъ предпріятіи: какой прибыли могли они ожидать себѣ отъ того, еслибъ привлекли всѣхъ къ Тому, Который не воскресалъ, какъ вы говорите? Если нынѣ и тѣ люди, которые уже вѣруютъ, что имъ уготованы царство небесное и безчисленныя въ немъ блага, весьма неохотно рѣшаются на опасности; то почему бы Апостолы захотѣли подвергаться онымъ безъ всякой выгоды, и даже ко вреду своему? Ибо, если бы не было того, что дѣйствительно было,—если бы Христосъ не восшелъ на небо; то тѣ, которые бы рѣшились выдумать сіе и разгласить другимъ, оскорбили бы Бога, и посему должны были бы ожидать себѣ свыше безчисленныхъ и тяжкихъ наказаній.

Съ другой стороны, хотябъ Апостолы при жизни Іисуса Христа имѣли чрезвычайное къ Нему усердіе, но сіе усердіе ихъ должно было ослабѣть по смерти Его. Ибо, еслибъ Онъ не воскресъ; то они моглибъ почесть Его обманщикомъ и льстецомъ. Вы знаете,

что при жизни полководца и царя даже слабое войско оказываетъ мужество; а по смерти ихъ—и сильное разбѣгается.— Скажи—пожалуй, какими бы побужденіями руководились Апостолы, когда рѣшились начать свою проповѣдь и идти во всю вселенную? И какія трудности не удерживали ихъ отъ сего? Если бъ они были изступленные (я не перестану повторять сего); то ничего бы хорошаго не сдѣлали, потому что изступленныхъ никто не послушаетъ: но если совершили они свое дѣло, какъ дѣйствительно и совершили; то конецъ дѣла показываетъ, что они были мудрѣйшіе изъ всѣхъ. Еслижъ они были мудрѣйшіе изъ всѣхъ, то само собою разумѣется, что вышли на проповѣдь не безъ разсужденія. Еслибъ Апостолы не видали Христа воскресшимъ, то что заставило бы ихъ выдти на столь великую брань? И что не отвращало бы отъ оной!

Христосъ предсказалъ имъ, что Онъ чрезъ три дня воскреснетъ, и возвѣстилъ о царствѣ небесномъ; сказалъ, что они получатъ Духа Святаго и побѣдятъ всю

вселенную; къ сему присовокупилъ другія безчисленныя обѣтованія, превышающія всѣ силы природы. И такъ, если бы ничего изъ сказаннаго не исполнилось; то Апостолы — и вѣрившіе Іисусу Христу при Его жизни, перестали бы вѣрить Ему по смерти, еслибъ не видали Его воскресшимъ. Они конечно стали бы такъ разсуждать: говорилъ Онъ, что чрезъ три дня воскреснетъ, и—не воскресъ; обѣщалъ послать Духа, и—не послалъ: какъ же теперь вѣрить будущимъ обѣтованіямъ Его, когда мы увѣрились во лжи настоящихъ?

По чемужъ бы Апостолы стали проповѣдывать, что Христосъ дѣйствительно воскресъ, еслибъ Онъ не воскресалъ?— Потому, скажутъ, что они любили Его. Но въ послѣдствіи они должны были бы возненавидѣть Его за то, что Онъ обманулъ ихъ, измѣнилъ имъ, — что, обольстивъ ихъ безчисленными надеждами, Онъ заставилъ ихъ оставить свои семейства, родителей и все; и наконецъ, вооруживъ противъ нихъ весь Іудейскій народъ, совершенно ихъ оставилъ.

Если бъ одна только слабость была причиною случившагося, они могли бы простить ее; теперь же надлежало считать это доказательствомъ величайшаго злоумышленія: ибо Ему надлежало бы говорить истину и не обѣщать неба, когда Самъ былъ, какъ вы говорите, только человѣкъ смертный. Въ такомъ случаѣ надобно было Апостоламъ поступить совсѣмъ иначе, нежели какъ они поступили; они должны были обнаружить обманъ и сказать, что Онъ былъ только обманщикъ и льстецъ. Такимъ образомъ и отъ опасностей были бы они свободны, и положили бы конецъ своей брани. Если Іудеи дали деньги стражамъ за то, чтобы сіи сказали, будто ученики украли тѣло Іисусово (Мат. 28, 12); то чего не получили бы самые ученики, еслибъ они пришли и сказали: дѣйствительно мы украли Его, и Онъ не воскресъ? Слѣдовательно въ ихъ было волѣ получить и честь и награды. Почему же бы предпочли они поношенія и бѣдствія, если бы не убѣждала ихъ въ истинѣ воскресенія Хри-

стова Божественная сила, которая всего сего могущественнѣе?

Если для твоего убѣжденія въ истинѣ недостаточно еще доселѣ сказаннаго, то обрати вниманіе на слѣдующее. Если бы Христосъ не воскресъ, то Апостолы, хотя бы весьма были расположены къ Нему, не стали бы всенародно возвѣщать о Немъ, но оставили бы Его безъ вниманія. Ибо знаете, что мы и слышать не хотимъ имени таковыхъ обманщиковъ. Почемужъ Апостолы проповѣдали имя Іисусово? Развѣ они надѣялись чрезъ него одержать побѣду? Но имъ надлежало ожидать противнаго. Ибо, еслибъ и побѣду одержали они, и тогда бы погибли, потому что разгласили бы имя обманщика. А если бы захотѣли они утаить прошедшее; то должны были бы молчать объ имени Іисусовомъ, потому что ихъ усилія поборать о немъ возбудили бы только большее гоненіе на нихъ и презрѣніе къ нимъ. И такъ, откуда пришла имъ на мысль такая выдумка? Ибо то, что они слышали, уже вышло изъ памяти ихъ. Если тогда, какъ еще не-

чего было имъ страшиться, они многое позабыли (Іоан. 2, 17. 22—12, 16), а инаго, какъ замѣчаетъ Евангелистъ (Іоан. 12, 16), даже и не понимали; то не исчезло ли бы все изъ ихъ памяти при дѣйствительной опасности?— Да что говорить, что они забыли слова, слышанныя ими отъ своего Учителя, когда и самая любовь ихъ къ Нему по-малу охладѣвала въ нихъ отъ страха угрожающихъ опасностей, за что Онъ и укорялъ ихъ! Ибо прежде, когда Апостолы дѣйствительно были привержены къ Іисусу, они съ живымъ участіемъ спрашивали Его: *камо идеши?* (Іоан. 13, 36). Но послѣ того, какъ въ продолжительной бесѣдѣ съ ними Онъ представилъ имъ тѣ опасности, какимъ они подвергнутся во время крестной Его смерти,—они, пораженные страхомъ, пребыли безмолвны. Слушай, какъ Онъ о семъ съ укоризною говоритъ имъ: *никтоже отъ васъ вопрошаетъ Мене: камо идеши; но яко сія глаголахъ вамъ, скорби исполнихъ сердца ваша* (Іоан. 16, 5. 6). И такъ, если Апостолы столько опечалились тогда, какъ

еще ожидали Его смерти и воскресенія: то они, если бы не видали Его воскресшимъ, конечно совершеннобъ сокрушились и пожелали бы сами скрыться подъ ту же землю—частію отъ скорби о томъ, что вдались въ обманъ, частію же отъ страха предстоящихъ бѣдствій.

Но откуда у нихъ и такое высокое ученіе? Учитель сказалъ имъ, что они въ послѣдствіи услышатъ еще возвышеннѣйшее. *Еще много*, говорилъ Онъ, *имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ* (Іоан. 16, 12). Значитъ, то, что еще не было имъ сказано, было выше. Между тѣмъ одинъ изъ учениковъ Іисуса Христа, услышавъ объ опасности, не хотѣлъ даже идти съ Нимъ въ Іудею, но съ прискорбіемъ и трепетнымъ ожиданіемъ своей смерти сказалъ: *идемъ и мы, да умремъ съ Нимъ* (Іоан. 2, 16). Если же тогда, когда Самъ Іисусъ Христосъ былъ съ нимъ, ученикъ сей боялся смерти, и потому хотѣлъ бы уклониться отъ ней; то безъ Него и безъ прочихъ учениковъ какихъ онъ не могъ бы ожи-

дать опасностей? И сіе было сильнымъ доказательствомъ малодушія Апостоловъ.

Что же могли Апостолы говорить, вышедъ на Проповѣдь?—Что Учитель ихъ пострадалъ, объ этомъ вся вселенная знала; потому что Онъ повѣшенъ былъ на высокомъ древѣ, въ полдень, въ столичномъ городѣ, въ самый великій праздникъ, на который долженствовалъ всякой Іудей придти въ Іерусалимъ. Но о воскресеніи Его никто изъ посторонних не зналъ; что было не малымъ препятствіемъ къ ихъ убѣжденію. Что Онъ погребенъ былъ, о семъ также всѣ твердили; что ученики украли тѣло Его,—это разсказывали стражи всѣмъ Іудеямъ. Но что воскресъ Онъ, о семъ, какъ сказано, никто изъ постороннихъ не зналъ. Какъ же Апостолы могли надѣяться увѣрить въ томъ вселенную? Если при видѣ чудесъ стражи согласились свидѣтельствовать противное; то какъ Апостолы могли рѣшиться безъ чудесъ проповѣдывать?—какъ могли, не имѣя ни овола, надѣяться увѣрить и землю и море въ воскресеніи?—Развѣ

они рѣшились бы на сіе изъ любви къ славѣ? Но тогда каждый проповѣдуемое имъ ученіе сталъ бы лучше приписывать себѣ, а не Умершему. «Имъ люди, скажете, не повѣрили бы.» Напротивъ. Въ кого бы они удобнѣе увѣровали? Въ Того ли, кто былъ схваченъ и распятъ на крестѣ; или въ тѣхъ, которые избѣгли рукъ Іудейскихъ? Для чего же, скажи мнѣ, рѣшились Апостолы на такое дѣло?—Они не тотчасъ оставили Іудею и пошли въ языческіе города, но довольно времени медлили еще въ Іерусалимѣ. Если не творили они никакихъ знаменій, то чѣмъ же увѣряли они? Но если творили знаменія (какъ дѣйствительно и творили); то это было дѣйствіе силы Божіей. А если они и знаменій не творили, и однако же побѣждали; то это еще болѣе было удивительно. Ужели, скажи мнѣ, не знали, они Іудеевъ? ужели не знали они нечестиваго ихъ духа и сердца исполненнаго ненависти? — Ужели не знали они тѣхъ Іудеевъ, которые хотѣли побить каменіемъ Моисея, даже послѣ того, какъ онъ провелъ

ихъ по морю яко по суху; послѣ побѣды, которую одержали они, послѣ чуднаго онаго трофея, который воздвигли руками его безъ пролитія крови надъ Египтянами—своими поработителями; послѣ манны, послѣ источниковъ водъ, источенныхъ для нихъ изъ камня; — послѣ безчисленныхъ чудесъ, которыя онъ сотворилъ въ Египтѣ, при Чермномъ морѣ и въ пустынѣ? Сіи Іудеи Іеремію бросили въ ровъ и многихъ Пророковъ убили. Вотъ слушай, что говоритъ о нихъ Илія! Послѣ извѣстнаго ужаснаго глада, послѣ чуднаго дождя (3 Цар. 19, 10), послѣ того пламени, который низвелъ онъ съ неба, и послѣ неожиданнаго онаго всесожженія, будучи далеко изгнанъ изъ отечества, взываетъ онъ къ Богу: Господи! *олтари Твоя раскопаша, и Пророки Твоя избиша оружіемъ, и остахъ азъ единъ, и ищутъ души моея изъяти.* Но Пророки не замышляли никакихъ перемѣнъ въ Законѣ. Откуда же, скажи мнѣ, такое вниманіе къ ученикамъ Христовымъ, когда они имѣли гораздо менѣе важности, нежели каждый изъ Про-

роковъ?—Сверхъ того Апостолы старались ввести тоже ученіе, за которое Учитель ихъ былъ распятъ; и въ семъ случаѣ преступленіе ихъ могло казаться еще большимъ, нежели Христово, хотя они учили съ Нимъ одному и тому же. О Христѣ Іудеи могли думать, что Онъ дѣлалъ это для своей славы: учениковъ же Его они должны были бы возненавидѣть гораздо болѣе, потому что они стали сражаться съ ними за другаго.

«Но ученикамъ, скажете, помогали Римскіе законы.» Напротивъ того сіи законы были сильнымъ для нихъ препятствіемъ; ибо ясно гласили: *всякъ, иже царя себе творитъ, нѣсть другъ Кесаревъ* (Іоан. 19, 12). Слѣдовательно это служило только препятствіемъ для нихъ, что они были учениками Того, который почитаемъ былъ за Царя, и желали поддержать власть Его.

И такъ, что побуждало Апостоловъ подвергаться столь великимъ опасностямъ? Что такое могли они сказать объ Іисусѣ Христѣ, за что показались бы до-

стойными вниманія? То ли, что Онъ былъ распятъ на крестѣ? То ли, что Онъ родился отъ бѣдной Іудеянки, которая обручена была за бѣднаго тектона? То ли, что Онъ произошелъ отъ такого народа, который былъ ненавидимъ въ цѣломъ мірѣ?—Но все сіе не только не могло привлекать и убѣждать слушателей къ принятію Апостольской проповѣди, но еще долженствовало отклонять ихъ отъ оной, тѣмъ болѣе, что ее возвѣщали мытари и рыбари.

Могло ли все сіе не приходить на мысль ученикамъ Христовымъ? Боязливые люди могутъ воображать болѣе препятствій, нежели сколько ихъ есть: но Апостолы дѣйствительно таковы были. Итакъ, на чемъ бы могли они основывать надежду счастливо исполнить свое предпріятіе? Не паче ли, при безчисленныхъ къ тому препятствіяхъ, должны были потерять всякую надежду, если бы Христосъ не воскресъ? Надобно быть слѣпымъ, чтобъ не видѣть того, что Апостолы не только не могли бы предпринять и исполнить такого дѣ-

ла, но даже и въ умѣ себѣ представить, если бы не имѣли великой и богатой благодати, и не получили залога воскресенія.

И такъ, если столь много было препятствій, не говорю уже къ тому, чтобъ съ успѣхомъ дѣйствовать, но даже къ тому, чтобы еще рѣшиться на такое дѣло; если Апостолы, не смотря на то, рѣшились и свою рѣшимость увѣнчали успѣхомъ; и если наконецъ они на самомъ дѣлѣ исполнили то, что было выше всякаго ожиданія: то для каждаго должно быть ясно, что они совершили это не человѣческою силою, но Божественною благодатію.

II.

ИСТОРІЯ

ВОСКРЕСЕНІЯ ІИСУСА ХРИСТА.

Одною изъ самыхъ разительныхъ чертъ въ исторіи воскресенія Іисуса Христа служитъ то, что оно было предсказано Спасителемъ; притомъ не однажды только и мимоходомъ, но нѣсколько разъ, при различныхъ удобныхъ случаяхъ: не однимъ только приближеннымъ ученикамъ, но всему народу Іудейскому и учителямъ его; не въ обоюдныхъ выраженіяхъ, но ясно, такъ что никто не могъ не понять сего предсказанія или понять оное превратно; наконецъ предсказано было съ точнымъ опредѣленіемъ времени, которое Спасителю надлежало пребыть во гробѣ.

И во первыхъ, мы замѣчаемъ въ Евангеліи четыре случая, при которыхъ

Іисусъ Христосъ предсказалъ о своемъ воскресеніи Іудейскимъ учителямъ и народу. *Первые два* случая сходны между собою. Ожесточенные невѣріемъ Книжники, Фарисеи и Саддукеи, желая искусить Спасителя, дважды требовали отъ Него знаменія съ небеси. Іисусъ Христосъ въ справедливомъ негодованіи на ихъ невѣріе, въ обоихъ случаяхъ далъ имъ одинаковый отвѣтъ: *родъ лукавъ и прелюбодѣйный знаменія ищетъ: и знаменіе не дастся ему, токмо знаменіе Іоны Пророка. Якоже бо бѣ Іона во чревѣ китовѣ три дни и три нощи: тако будетъ и Сынъ человѣческій въ сердцы земли три дни и три нощи* (Матѳ. 12, 40. 16, 4). Изъ сего отвѣта открывается, что Спасителю надлежало пробыть во гробѣ двѣ ночи и одинъ полный день, а въ третій день воскреснуть; ибо Іудеи подъ тремя днями и тремя ночами разумѣли такое продолженіе времени, какъ то можно видѣть (между прочимъ) и изъ сличенія 16 стиха 4 главы съ первымъ стихомъ 5 главы (*) кн. Есѳири. *Третій*

(*) См. Греч. подлинникъ, въ которомъ говорит-

случай, по коему Іисусъ Христосъ предсказалъ Іудеямъ о своемъ воскресеніи, былъ слѣдующій. Іудеи требовали отъ Спасителя доказательства Его Божественнаго посольства; тогда Онъ отвѣчалъ имъ: *разорите церковь сію и треми деньми воздвигну ю* (Іоан. 2, 19).—Подъ церковію Спаситель разумѣлъ, какъ замѣчаетъ Евангелистъ, Свое тѣло, въ которомъ обитала вся полнота Божества. Наконецъ, *четвертый* случай былъ тотъ, когда Іисусъ Христосъ незадолго предъ своимъ страданіемъ говорилъ Фарисеямъ, имѣвшимъ предать Его на смерть: *Азъ душу Мою полагаю, да паки пріиму ю. Никтоже возметъ ю отъ Мене: но Азъ полагаю ю о себѣ. Область имамъ положити ю, и область имамъ паки пріяти ю* (Іоа. 10, 17. 18).

Предсказанія сіи довольно ясны; но тѣ, которыя далъ Іисусъ Христосъ ученикамъ своимъ, были еще яснѣе. Послѣдняго рода предсказаній въ св. Евангеліяхъ мы находимъ пять, именно: 1) почти за

ся, что Есѳирь престала молиться въ третій день.

годъ до смерти своей Іисусъ Христосъ началъ открывать ученикамъ своимъ, *яко подобаетъ Ему ити во Іерусалимъ, и много пострадати отъ старецъ и Архіерей и книжникъ, и убіену быти, и въ третій день востати* (Матѳ. 16, 21).—2) По прошествіи шести дней послѣ сего предсказанія взявши съ собою Петра, Іакова и Іоанна, Онъ осіялъ ихъ лучами своей славы, преобразившись предъ ними, и заповѣдалъ имъ никому не открывать видѣннаго до времени, *дондеже Сынъ человѣческій изъ мертвыхъ воскреснетъ* (Мат. 17, 9).—3) Во время пребыванія своего съ Апостолами въ Галилеи, Спаситель опять напоминаетъ имъ, что *преданъ имать быти Сынъ человѣческій въ руцѣ человѣкомъ: и убіютъ Его, и въ третій день воскреснетъ* (Матѳ. 17, 22. 23).—4) На послѣднемъ пути въ Іерусалимъ, Іисусъ отозвалъ двѣнадцать учениковъ отъ прочихъ и сказалъ имъ: *се восходимъ во Іерусалимъ, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ Архіереемъ и книжникомъ: и осудятъ Его на смерть, и предадятъ Его языкомъ на поруганіе и біеніе и пропятіе:*

и въ третій день воскреснетъ (Матѳ. 20, 17—19. сл. Мар. 10, 33. 34). Наконецъ 5) по совершеніи послѣдней вечери Спаситель сказалъ ученикамъ своимъ, что кончина Его приблизилась, что они по смерти Его разсѣются какъ овцы, не имѣющія пастыря, и что Онъ по воскресеніи своемъ встрѣтитъ ихъ въ Галилеи (Матѳ. 26, 31. 32).

Спустя нѣсколько часовъ послѣ сего предсказанія, т. е. вечеромъ въ четвертокъ, отрядъ вооруженныхъ воиновъ повлекъ Іисуса Христа прежде въ домъ Первосвященника, гдѣ собравшіеся Книжники и Старцы осуждаютъ Его на смерть; а потомъ—къ Пилату, который своимъ подтвержденіемъ окончательно рѣшилъ приговръ беззаконныхъ судей Іудейскихъ. Въ пятокъ около полудня Спасителя распинаютъ на крестѣ вмѣстѣ съ двумя разбойниками; въ концѣ третьяго часа (или девятаго, по Еврейскому исчисленію времени) Онъ умираетъ. Посему воины, посланные сокрушить голени распятыхъ, дабы скорѣе можно было снять и погребсти ихъ, на-

шедъ Божественнаго Страдальца уже умершимъ, не пребили у Него голеней; но одинъ изъ нихъ, частію, можетъ быть, по жестокосердію своему, а частію, для большаго удостовѣренія въ дѣйствительности Его смерти, пронзилъ Ему ребро копіемъ своимъ.

Когда Пилатъ совершенно увѣрился, что Іисусъ Христосъ умеръ; тогда приказалъ отдать тѣло Его Іосифу Аримаѳейскому, который просилъ позволенія погребсти оное. Іосифъ, вмѣстѣ съ Никодимомъ, снявши Божественное тѣло Спасителя со креста, обвилъ оное плащаницею съ благовонными мастями, и положилъ въ новый гробъ изъ камня изсѣченный, въ которомъ еще никто не былъ полагаемъ. Сей гробъ былъ не что иное, какъ довольно пространная пещера; входъ въ оную плотно заваленъ былъ большимъ камнемъ.

На другой день послѣ сего, то есть въ субботу, Первосвященники и Фарисеи собрались къ Пилату, и сказали ему: *господи, помянухомъ, яко льстецъ онъ рече, еще сый живъ: по тріехъ днехъ во-*

стану. Повели убо утвердити гробъ до третіяго дне: да некако пришедше ученицы Его нощію украдутъ Его, и рекутъ людемъ: воста отъ мертвыхъ (Матѳ. 27, 62—64). Пилатъ, желая устранить отъ себя дѣло сіе, отвѣчалъ имъ: вы имѣете стражу; подите, охраняйте, какъ знаете. Они пошли, и, приложивъ, печать къ камню,, приставили ко гробу стражу (ст. 65 и 66).

Тщетныя предосторожности! Ибо предъ разсвѣтомъ перваго дня недѣли и третьяго по смерти Іисуса Христа, вдругъ сдѣлалось великое землетрясеніе. Оно было знакомъ, что Христосъ воскресъ. *Ангелъ бо Господень*, говоритъ Евангелистъ Матѳей, *сшедъ съ небесе, приступль отвали камень отъ двери гроба, и сѣдяше на немъ. Бѣ же зракъ его яко молнія, и одѣяніе его бѣло яко снѣгъ. Отъ страха же его сотрясошася стрегущіи, и быша яко мертвеи* (Матѳ. 28, 2—4).

Но пришедши въ себя послѣ страха и увѣрившись, что Іисусъ воскресъ, стражи обратились въ бѣгство; нѣкоторые же изъ нихъ, продолжаетъ Евангелистъ,

пришедши въ городъ, донесли Первосвященникамъ о всемъ случившемся. И сіи собравшись со Старѣйшинами и сдѣлавши совѣтъ, довольно денегъ дали воинамъ, говоря: скажите, что ученики Іисусовы ночью пришли и украли Его, когда мы спали. И если сіе услышитъ Игемонъ, мы уговоримъ его, и васъ отъ бѣды избавимъ. Воины, взявъ деньги, поступили, какъ научены были; и слухъ сей пронесся между Іудеями до сего дня, т. е. до того времени, когда Св. Матѳей въ своемъ Евангеліи описывалъ сіи происшествія (28, 11—15).

Между тѣмъ какъ невѣріе ухищрялось такимъ образомъ находить себѣ сообщниковъ, Іисусъ Христосъ началъ посѣвать первыя сѣмена вѣры, долженствовавшей вскорѣ распространиться по всему міру. Когда удалились воины, ко гробу Іисусову приходятъ нѣкоторыя благочестивыя жены, сопровождавшія Его изъ Галилеи въ Іерусалимъ и на Голгоѳу, желая помазать тѣло своего Учителя ароматами, и тѣмъ отдать Ему послѣдній долгъ. Но вдругъ онѣ видятъ, что

сіе усердіе ихъ уже теперь излишне; ибо Ангелъ, сидѣвшій на камнѣ въ преддверіи гроба и своимъ явленіемъ устрашившій стражей, сказалъ женамъ: *не бойтеся вы: вѣмъ бо, яко Іисуса распятаго ищете. Нѣсть здѣ: воста бо, яко же рече. Пріидите видите мѣсто, идѣже лежа Господь: и скоро шедше рцыте ученикомъ Его, яко воста отъ мертвыхъ* (Матѳ. 28, 5—7).

Сіи благочестивыя жены входятъ во гробъ, и видятъ тамъ нѣкоторыя еще одного Ангела, а другія—двухъ, которые сказали имъ: *что ищете живаго съ мертвыми? Нѣсть здѣ, но воста: помяните, якоже глагола вамъ, еще сый въ Галилеи, глаголя, яко подобаетъ Сыну человѣческому предану быти въ руцѣ человѣкъ грѣшникъ, и пропяту быти, и въ третій день воскреснути* (Лук. 24, 5—7. Мар. 16, 5).— Жены вспомнили слова Его; и, возвратясь отъ гроба въ страхѣ и вмѣстѣ съ великою радостію, спѣшили возвѣстить все сіе одиннадцати Апостоламъ.

Между тѣмъ одна изъ женъ, Марія Магдалина, предваривъ всѣхъ своихъ спутницъ, возвѣщаетъ Петру и Іоанну, что

тѣла Господня нѣтъ во гробѣ. Сіи два ученика немедленно отправляются также ко гробу, и находятъ въ немъ только лежащія пелены, коими обвито было тѣло Іисусово, и платъ, который былъ на главѣ Его, лежащій не съ пеленами, но особо свитый на другомъ мѣстѣ.

Но лучь свѣта, которымъ Іисусъ Христосъ хотѣлъ озарить свое воскресеніе, и доселѣ еще не былъ открытъ вполнѣ. По сему Спаситель спѣшитъ увѣрить учениковъ многократными своими явленіями въ томъ, что тѣло Его не похищено, но что Онъ дѣйствительно воскресъ. Такихъ явленій, по свидѣтельству Апостольскихъ писаній, было *десять*, изъ коихъ пять послѣдовали въ самый день воскресенія.

Первое явленіе было Маріи Магдалинѣ при гробѣ, когда она опять приходила къ оному съ Петромъ и Іоанномъ. Между тѣмъ какъ сіи ученики, не нашедши тѣла Іисусова, возвращались домой, Марія стояла подлѣ гроба и плакала. Во время своего плача, она наклонилась посмотрѣть во гробъ, и вдругъ увидѣла въ

немъ двухъ Ангеловъ, изъ коихъ одинъ сидѣлъ въ головахъ, а другой въ ногахъ, гдѣ лежало тѣло Іисусово. Они спросили ее: *жено, что плачешися?* На сіе Марія отвѣчала: *взяша Господа моего, и не вѣмъ, гдѣ положиша Его.* Сказавъ сіе, она обратилась назадъ и увидѣла Іисуса Христа, но не узнала, что это Онъ; ибо не думала увидѣть Его такъ близко около себя. Тогда Спаситель сказалъ ей: *жено, что плачеши? кого ищеши?* Марія думая, что это садовникъ,—ибо гробъ былъ въ саду,—сказала Ему въ отвѣтъ: *Господи, аще ты еси взялъ Его, повѣждь ми, гдѣ еси положилъ Его; и азъ возму Его.* Тогда Христосъ назвалъ ее по имени и сказалъ: *Маріе!* Магдалина, услышавъ знакомый голосъ Спасителя, тотчасъ узнала Его, и съ восторгомъ воскликнула: *Раввуни*— Учитель! Потомъ, повергшись къ ногамъ Его, хотѣла обнять оныя, но Іисусъ удержалъ ее отъ сего, сказавъ ей: *не прикасайся Мнѣ, не у бо взыдохъ ко Отцу Моему*; то есть, для тебя еще не ушло время отдать Мнѣ такую честь; ибо Я не скоро еще вонесусь на небо. — *Иди*

же, продолжаетъ Спаситель, *ко братіи Моей* (такъ называетъ Онъ Апостоловъ), *и рцы имъ: восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему.* Слова разительныя и вмѣстѣ таинственныя! Іисусъ Христосъ давалъ въ нихъ Маріи разумѣть, что Онъ дѣйствительно воскресъ. Ибо изъ сего разговора она могла увѣриться, что говоритъ съ нею тотъ же самый Сынъ человѣческій, котораго она видѣла умирающимъ на крестѣ. Послѣ сего Магдалина идетъ и возвѣщаетъ ученикамъ, что видѣла Господа, и что Онъ сіе сказалъ ей (Іоан. 20, 10—18).

Второе явленіе сдѣлано прочимъ благочестивымъ женамъ. Когда онѣ шли возвѣстить ученикамъ, что́ видѣли и слышали при гробѣ;—Іисусъ, какъ повѣствуетъ святый Матѳей, встрѣтилъ ихъ и сказалъ: *радуйтеся!* Онѣ приступили, ухватились за ноги Его, и поклонились Ему. Тогда говоритъ имъ Іисусъ: *не бойтеся: идите возвѣстите братіи Моей, да идутъ въ Галилею, и ту Мя видятъ.* И дѣйствительно, спустя не много време-

ни ученики увидѣли Его въ Галилеи. Но Іисусъ, исполняя болѣе, нежели сколько обѣщалъ, не дожидался ихъ прибытія туда, но Самъ поспѣшилъ явиться нѣкоторымъ изъ нихъ (Матѳ. 28, 9—11).

Третіе явленіе. Когда святыя жены возвѣстили ученикамъ, что Іисусъ Христосъ воскресъ, и что онѣ Его видѣли; то Апостолы почли все разсказываемое ими за мечтаніе. Но Симонъ Петръ скоро былъ выведенъ изъ сего заблужденія; ибо въ тотъ же самый день Іисусъ Христосъ явился ему, какъ это видно изъ Евангелія Луки (24, 34) и 1го посланія къ Коринѳянамъ (15, 5).

Четвертое явленіе было то, о которомъ Еванг. Лука повѣствуетъ слѣдующимъ образомъ: въ тотъ же день (въ самый день воскресенія) двое изъ учениковъ Іисусовыхъ шли въ селеніе, отстоящее стадій на шестьдесятъ отъ Іерусалима (около двухъ миль), называемое Эммаусъ; и разговаривали между собою о всѣхъ бывшихъ въ тѣ дни приключеніяхъ. Когда они такимъ образомъ разговаривали и разсуждали между собою,

подошелъ къ нимъ самъ Іисусъ Христосъ и пошелъ съ ними по пути. Но очи ихъ были удержаны, и они не узнали Его. Тогда Іисусъ спросилъ ихъ: *что суть словеса сія, о нихже состязаетася къ себѣ идуще,* и отъ чего вы печальны? На сей вопросъ одинъ изъ нихъ, именемъ Клеопа, отвѣчалъ Ему: *Ты ли единъ пришлецъ еси во Іерусалимѣ, и не увѣдѣлъ еси бывшихъ въ немъ во дни сія?* — *Кіихъ?*—опять спросилъ Іисусъ. Ученики сказали: *яже о Іисусѣ Назарянинѣ, иже бысть мужъ Пророкъ, силенъ дѣломъ и словомъ предъ Богомъ и всѣми людьми: како предаша Его Архіереи и Князи наши на осужденіе смерти и распяша Его. Мы же надѣяхомся, яко сей есть хотя избавити Израиля: но и надъ всѣми сими* (но со всѣмъ тѣмъ), *третій сей день есть днесь, отнелиже сія быша. Но и жены нѣкія отъ насъ ужасиша ны, бывшыя рано у гроба: и не обрѣтше тѣлесе Его пріидоша, глаголюще, яко и явленіе Ангелъ видѣша, иже глаголютъ Его жива. И идоша нѣцыи отъ насъ ко гробу, и обрѣтоша тако,*

якоже и жены рѣша: Самаго же не видѣша. Тогда Іисусъ сказалъ имъ: *о, несмысленная и косная сердцемъ, еже вѣровати о всѣхъ, яже глаголаша Пророцы! Не сія ли подобаше пострадати Христу и внити въ славу свою?* И начавъ отъ Моисея, изъ всѣхъ Пророковъ изъяснялъ имъ сказанное о Немъ во всемъ Писаніи. Между тѣмъ приближились къ тому селенію, въ которое шли; тогда Христосъ показалъ видъ, что хочетъ идти далѣе,—конечно Онъ и оставилъ бы учениковъ, если бы они не удержали Его, говоря: *облязи съ нама, яко къ вечеру есть, и приклонился есть день.* Господь вошелъ въ домъ и остался съ ними. Когда же Онъ возлежалъ съ ними за столомъ; то, взявъ хлѣбъ, благословилъ оный, преломилъ и подалъ имъ. Тутъ отверзлись у учениковъ очи, и они узнали Іисуса. Вѣроятно, много къ сему содѣйствовалъ настоящій поступокъ Его, обративъ ихъ на Него вниманіе и въ тоже время напомнивъ имъ, что Іисусъ и прежде, еще при жизни своей, имѣлъ обыкновеніе благослов-

лять и раздавать хлѣбъ ученикамъ своимъ. Послѣ сего Спаситель вдругъ сталъ невидимъ. Ученики удивлялись, что такъ долго не узнавали Іисуса, и разсуждая о томъ, что происходитъ съ ними, сказали другъ другу: не горѣло ли въ насъ сердце, *егда глаголаше нама на пути и егда сказоваше нама Писаніе?* И вставши въ тотъ же часъ, возвратились въ Іерусалимъ, гдѣ нашли вмѣстѣ собравшихся одиннадцать Апостоловъ и другихъ учениковъ, которые говорили, что Господь точно воскресъ, и явился Симону. Потомъ они сами начали разсказывать, что съ ними случилось на пути, и какъ они узнали Іисуса въ преломленіи хлѣба (Лук. 24, 13—35).

Пятое явленіе описано Лукою въ гл. 24 и Іоанномъ въ гл. 20. Когда два ученика, пришедши изъ Эммауса, разсказали прочимъ, что случилось съ ними на пути; тогда о семъ разсказѣ каждый изъ Апостоловъ судилъ по своему, и всѣ вообще, какъ замѣчаетъ Ев. Маркъ (16, 13), съ трудомъ вѣрили, что Іисусъ воскресъ. Но, когда они такимъ образомъ сомнѣ-

вались въ воскресеніи Христовомъ, и когда двери дома, въ которомъ собрались они, были заперты по опасенію отъ Іудеевъ: — вдругъ приходитъ самъ Іисусъ, становится посреди Апостоловъ, и говоритъ имъ: *миръ вамъ! Азъ есмь: не бойтеся!* Они, смутившись и испугавшись, подумали, что видятъ духа, принявшаго на себя ложный видъ человѣка. Іисусъ же сказалъ имъ: *что смущени есте, и почто* такія мысли *входятъ въ сердца ваша? Видите руцѣ Мои и нозѣ Мои, яко самъ Азъ есмь: осяжите Мя и видите: яко духъ плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща.* Сказавъ сіе, Онъ показалъ имъ руки и ноги свои. Когда же Апостолы отъ радости не вѣрили и дивились; тогда Спаситель, для полнаго ихъ увѣренія, спрашиваетъ у нихъ: *имате ли что снѣдно здѣ?* Они подали Ему часть печеной рыбы и сотоваго меда. — Хотя плоть воскресшаго Іисуса для поддержанія своего не имѣла уже нужды въ пищѣ: но дабы показать Апостоламъ, что она, при всемъ измѣненіи своемъ,

въ сущности осталась также плотію, и хотя не имѣетъ уже нужды въ пищѣ, однако не лишилась еще способности употреблять оную,—Іисусъ, взявъ рыбу и медъ, ѣлъ при нихъ; и дабы увѣрить ихъ, что видѣнное ими не есть обманъ, Онъ, взявъ остальное, подалъ имъ. Послѣ сего дуновеніемъ сообщилъ Духа Святаго (Лук. 24, 36 -- 43. сн. Іоан. 20, 19. 23).

Шестое явленіе. Ѳома, иначе называемый Дидимъ (близнецъ), одинъ изъ двѣнадцати Апостоловъ, не былъ съ ними, когда приходилъ къ нимъ Іисусъ, т. е. вечеромъ въ самый день воскресенія, въ который Онъ дѣлалъ и говорилъ то, о чемъ мы выше сказали. Посему другіе ученики, лишь только возвратился къ нимъ Ѳома, сказали ему: *видѣхомъ Господа.* Но онъ отвѣчалъ: *аще не вижу на руку Его язвы гвоздинныя, и вложу перста моего въ язвы гвоздинныя, и вложу руку мою въ ребра Его, не иму вѣры.* По прошествіи осьми дней, ученики Іисусовы опять находились всѣ вмѣстѣ въ одномъ домѣ, и Ѳома былъ съ ними. Когда двери, какъ и прежде,

были уже заперты, вдругъ явился Христосъ, сталъ посреди учениковъ и сказалъ имъ: *миръ вамъ*! Потомъ, обратившись къ Ѳомѣ, говоритъ ему: *принеси перстъ твой сѣмо, и виждь руцѣ Мои: и принеси руку твою, и вложи въ ребра Моя: и не буди невѣренъ, но вѣренъ.* Ѳома, совершенно убѣжденный симъ въ истинѣ воскресенія Христова, исповѣдуетъ Его радостнымъ восклицаніемъ: *Господь мой и Богъ мой*! Тогда Іисусъ сказалъ ему: *яко видѣвъ Мя вѣровалъ еси: блажени невидѣвшіи, и вѣровавше* (Іоан. 20, 24—29).

Седьмое явленіе, описанное въ 21 гл. Ев. Іоанна, произошло въ Галилеи, на берегу моря Тиверіадскаго, слѣдующимъ образомъ. Симонъ Петръ и Ѳома, иначе называемый Дидимъ, и Наѳанаилъ изъ Каны Галилейской, и сыновья Зеведеевы и двое другихъ учениковъ Христовыхъ находились вмѣстѣ. Симонъ Петръ сказалъ имъ: *иду рыбу ловити*; а другіе ученики отвѣчали: *идемъ и мы съ тобою.* Пошли; но не поймали въ ту ночь ничего. Когда же настало утро; то увидѣли,

что Іисусъ стоитъ на берегу: но ученики не узнали, что это Іисусъ. Онъ спросилъ ихъ: *дѣти! еда что снѣдно имате?* и получилъ въ отвѣтъ: *ни.* Послѣ сего сказалъ имъ: *ввергите мрежу одесную страну корабля и обрящете.* Они закинули сѣть, и уже не могли вытащить ее по причинѣ множества пойманной рыбы. Тогда ученикъ, котораго любилъ Іисусъ— это былъ Іоаннъ—сказалъ Петру: *Господь есть.* Услышавъ это, Петръ бросился въ море; а другіе ученики между тѣмъ привлекли сѣть къ берегу. Когда же вышли на оный; то увидѣли разложенный огонь, рыбу и хлѣбъ.—Въ семъ случаѣ тотъ же всемогущій Іисусъ Христосъ, который прежде страданія своего дважды чудесно увеличивалъ количество хлѣба въ ихъ рукахъ, приготовилъ для нихъ трапезу. Послѣ сего Онъ сказалъ имъ: *пріидите, обѣдуйте.* Тогда никто изъ учениковъ не смѣлъ спросить Его: кто ты? ибо знали, что это Господь. Во время обѣда Іисусъ Христосъ трекратно вопрошалъ Петра о любви, поручилъ ему своихъ овецъ и предсказалъ мученическую смерть (Іоан. 21, 1—17).

Осьмое явленіе замѣчено въ 28 главѣ Еванг. Матѳея. Доселѣ Іисусъ Христосъ являлся только, такъ сказать, случайно. Но теперь Онъ съ большею торжественностію является на горѣ, въ Галилеи, гдѣ, по прежде-данному отъ Него повелѣнію, должны были находиться въ сіе время одиннадцать Апостоловъ. Они, увидя Его тамъ, поклонились Ему, то есть, признали Его за Спасителя и Бога своего. Но нѣкоторые, вѣроятно изъ 500 братій, о коихъ упоминаетъ Ап̃. Павелъ (1 Кор. 15, 6), и которые тогда находились съ Апостолами,—еще и теперь сомнѣвались въ томъ. Іисусъ, желая увѣрить всѣхъ въ истинѣ своего воскресенія, Божественнаго достоинства и всегдашняго присутствія съ вѣрующими,—приближась, сказалъ имъ: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли. Шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ: и се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. 28, 16—20).

Девятаго явленія свидѣтелемъ былъ

Апостолъ Іаковъ. Обстоятельства сего явленія неизвѣстны (1. Кор. 15, 7).

Десятое явленіе случилось по возвращеніи Апостоловъ изъ Галилеи въ Іерусалимъ. Іисусъ явился имъ въ послѣдній разъ, когда они возлежали за столомъ, и укорялъ ихъ за невѣріе и жестокосердіе, по причинѣ коихъ они не повѣрили видѣвшимъ Его воскресшаго (Марк. 16, 15). Потомъ отверзъ имъ умъ къ уразумѣнію Писанія, и въ подтвержденіе прежняго ихъ посольства, къ которому Онъ приготовлялъ ихъ еще до послѣдняго своего явленія, сказалъ имъ: *шедше въ міръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари. Иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ: знаменія же вѣрующимъ сія послѣдуютъ: именемъ Моимъ бѣсы ижденутъ, языки возглаголютъ новы, змія возмутъ; аще и что смертно испіютъ, не вредитъ ихъ: на недужныя руки возложатъ, и здрави будутъ* (Мар. 16, 15—18). И дѣйствительно, изъ исторіи Апостольской видно, что таковыя чудсса между вѣрующими были всеобщи.—Наконецъ Іисусъ Христосъ

заключилъ свою послѣднюю бесѣду съ Апостолами своими увѣреніемъ, что они вскорѣ получатъ обѣтованнаго имъ Духа Святаго, и повелѣніемъ—не отлучаться отъ Іерусалима, доколѣ не облекутся силою свыше. Послѣ сего, Онъ вывелъ ихъ вонъ изъ города до Виѳаніи, и, поднявъ руки свои, благословилъ ихъ. Когда же благословлялъ ихъ,—сталъ отдаляться отъ нихъ и возноситься на небо. Ученики, съ своей стороны, поклонились Ему какъ Богу, и возвратились въ Іерусалимъ съ великою радостію (Лук. 24, 49—52).

Вотъ исторія воскресенія Іисуса Христа! Изъ ней видно, что Онъ по смерти своей дѣйствительно воскресъ и въ продолженіи 40 дней многократно являлся избраннымъ свидѣтелямъ—своимъ ученикамъ, бесѣдуя съ ними о Царствіи Божіемъ, т. е. о Религіи, для распространенія которой между людьми они были призваны, и которая ведетъ человѣка къ Царствію небесному (Дѣян. 1, 3).

III.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, ПРИЗНАКИ И СЛѢДСТВІЯ ВОСКРЕСЕНІЯ ІИСУСА ХРИСТА.

Одна исторія воскресенія Іисуса Христа въ томъ простомъ видѣ, въ какомъ она представлена Апостолами (*), уже весьма достаточно можетъ убѣдить насъ въ истинѣ воскресенія Христова. Ибо, кто хотя мало имѣетъ безпристрастія и добросовѣстности, тотъ никогда не повѣритъ, чтобы обманъ могъ принять видъ такой достовѣрности, какая видна въ помянутой исторіи. Но въ наше время есть много безпокойныхъ умовъ, которыхъ весь талантъ состоитъ въ умѣньи затемнять предметы самые ясные. Для предостереженія отъ ихъ ложныхъ мудрованій, теперь мы намѣрены изложить доказательства, признаки и слѣд-

(*) См. предъидущую статью.

ствія воскресенія Христова. Мы намѣрены изложить *доказательства* онаго, дабы человѣкъ здравомыслящій не могъ имѣть нималѣйшаго сомнѣнія въ очевидной истинѣ воскресенія;—*признаки*, дабы чрезъ нихъ можно было существенно отличить оное отъ всѣхъ другихъ, когда либо бывшихъ, воскресеній, и чрезъ сіе самое сильнѣе увѣриться въ Божественности Іисуса Христа; — наконецъ, *слѣдствія*, дабы видѣть въ воскресеніи Его одно изъ самыхъ твердыхъ основаній Христіанской Религіи.

Доказательствъ воскресенія Христова откроется весьма много, если обратить вниманіе на неоспоримую достовѣрность смерти Іисуса Христа, на предосторожности Іудеевъ, чтобъ ученики не похитили тѣла Его, на многократныя Христовы явленія, по смерти, на характеръ Апостоловъ, и наконецъ, на ихъ проповѣдь.

Обратимъ вниманіе наше на достовѣрность смерти Іисуса Христа. Если бы враги Христіанской Религіи могли по крайней мѣрѣ предполагать, что Спаси-

тель въ ту минуту, когда склонялъ на крестѣ главу свою, имѣлъ еще нѣкоторую искру жизни, которая могла возгорѣться во гробѣ; то сомнѣнія ихъ въ дѣйствительности Христовой смерти отчасти имѣли бы мѣсто. Но къ такому предположенію нельзя найти никакого основанія: ибо кто былъ свидѣтель смерти Іисуса Христа, и увѣряетъ насъ въ оной? Только Его ученики? Нѣтъ; были свидѣтели и кромѣ ихъ. И во-первыхъ тотъ воинъ, который, дабы увѣриться, дѣйствительно ли Христосъ умеръ, пронзилъ копіемъ ребро Его. Если бы Христосъ и въ самомъ дѣлѣ въ сіе время совершенно еще не умеръ; то сильный ударъ копіемъ безъ сомнѣнія прервалъ бы слабую нить Его жизни. *Во-вторыхъ*, свидѣтелемъ смерти Іисусовой былъ Пилатъ, который не прежде позволилъ Іосифу Аримаѳейскому снять со креста тѣло Спасителя, какъ уже увѣрился, что Онъ дѣйствительно умеръ (Мар. 15, 44). Наконецъ, въ смерти Христовой ни мало не сомнѣвались и лютые враги Его, которые жаждали ви-

дѣть Его погибель, и дотолѣ не сходили съ горы Голгоѳы, доколѣ не увѣрились, что невинной жертвы ихъ злобы уже не стало въ живыхъ. *Помянухомъ*, говорятъ они Пилату, *яко льстецъ онъ рече, еще сый живъ: по тріехъ днехъ востану*. Замѣтьте, внушаетъ св. Златоустъ, сіи слова ихъ: *еще сый живъ*;—онѣ показываютъ, что Іисуса Христа тогда уже не было въ живыхъ, и что сами Іудеи признавали смерть Его несомнѣнною.

Но если смерть Іисуса Христа столь достовѣрна, что и самые враги свидѣтельствуютъ объ оной; то необходимо должно допустить, что Онъ воскресъ. Доказательство сіе тѣмъ большую получитъ силу, если обратимъ вниманіе на тѣ предосторожности, какія приняты были врагами Іисусовыми, чтобы ученики не унесли тѣла Его. Іудеи осматривали гробъ, положили на немъ печать свою и приставили къ нему своихъ стражей. Если бы дѣло сіе принялъ на себя Пилатъ, то они могли бы обвинять его въ небреженіи; но они все это сдѣлали сами. Послѣ сего, что можно ска-

зать противъ истины воскресенія Христова?—Изъ собственнаго признанія Іудеевъ извѣстно, что тѣла Іисусова въ третій день по смерти Его уже не было во гробѣ: куда же оно скрылось, если Спаситель не воскресъ? какимъ образомъ оно освободилось изъ гроба? гдѣ оно? что съ нимъ послѣдовало?

Скажутъ: оно унесено учениками. Но какъ ученики могли войти во гробъ? Развѣ они съ оружіемъ напали на отрядъ стражей и побѣдили ихъ? Но гдѣ было взять бѣднымъ рыбарямъ оружіе? Положимъ даже, что они могли заготовить оное: но откуда явилась въ нихъ такая отважность? Отъ чего вдругъ сдѣлались столь смѣлы тѣ люди, которые прежде при одной тѣни опасности обращались въ бѣгство? Какъ осмѣлились напасть на вооруженныхъ воиновъ тѣ, которые прежде, при видѣ нѣсколькихъ рабовъ съ дрекольями, разбѣжались,—которые и послѣ съ боязливою осторожностію запирали двери дома своего, страшась невѣрныхъ Іудеевъ?—Такіе люди, конечно, открытою силою не могли у

воиновъ отнять тѣло Учителя своего. Но тѣмъ менѣе можно ихъ подозрѣвать въ подкупѣ стражей; ибо при крайней своей бѣдности, гдѣ бы они взяли достаточную для того сумму?—Предположимъ и это возможнымъ; но какъ они могли войти у стражей въ такую довѣренность, чтобы сіи склонились на ихъ предложеніе? Стражи конечно знали, что они, измѣнивъ своему долгу, выдавъ тѣло Іисусово, неминуемо должны будутъ подвергнуться заслуженной казни: но такіе незнатные люди, каковы были ученики Христовы, не могли, подобно Первосвященникамъ, обнадежить ихъ: если сіе услышитъ Игемонъ, и захочетъ подвергнуть васъ наказанію; то мы уговоримъ его, и васъ отъ бѣды избавимъ (Матѳ. 26, 14).

И такъ остается только прибѣгнуть къ нечестію, то есть, клеветать, вмѣстѣ съ Іудеями, будто ученики Іисусовы подкрались ночью и хищнически унесли тѣло Его, когда воины спали. Но чѣмъ это доказать? На сіе нѣтъ другихъ доказательствъ, кромѣ свидѣтельства вои-

новъ. *Ученицы Его*, говорятъ они по наущенію Первосвященниковъ, *нощію пришедше украдоша Его, намъ спящимъ* (Матѳ. 28, 13). Но спящіе что за свидѣтели? взываетъ блаж. Августинъ. И что значитъ ихъ свидѣтельство? Вотъ что, если выразить оное другими словами: «Мы свидѣтельствуемъ, что ученики Іисусовы унесли тѣло Его; и свидѣтельство наше безъ сомнѣнія должно быть принято за вѣрное. Ибо въ то время, какъ они уносили тѣло, мы спали столь крѣпкимъ сномъ, что ничего не слыхали и не видали».

Вотъ, каковы тѣ свидѣтели, которыхъ беззаконіе приняло подъ свое покровительство! Какое различіе между ихъ и Апостольскимъ свидѣтельствомъ! Апостолы—сіи свидѣтели истины, не говорятъ, какъ воины: «мы спали;» а напротивъ утверждаютъ: «мы видѣли, мы слышали, мы осязали». Притомъ, принимая въ соображеніе то, что они повѣствуютъ о явленіяхъ Іисуса Христа, нельзя думать, чтобы они могли въ семъ случаѣ обмануться. Ибо, если бы Іи-

сусъ Христосъ явился только разъ или два, двоимъ или троимъ изъ учениковъ своихъ; если бы Онъ произнесъ имъ только нѣсколько словъ, и то какъ бы мимоходомъ: въ такомъ случаѣ еще можно было бы думать, что сіи два или три человѣка, можетъ быть, призракъ приняли за дѣйствительное явленіе. Но Спаситель являлся многократно, являлся всѣмъ Апостоламъ, и однажды явился болѣе, нежели пяти стамъ учениковъ своихъ. Сверхъ сего, во время столь многократныхъ своихъ явленій Онъ произнесъ не два, не три слова; но имѣлъ съ учениками продолжительныя бесѣды, когда изъяснялъ имъ Писанія, открывалъ тайны царствія своего, которыя они должны были проповѣдывать; подавалъ имъ новыя силы, или утверждалъ ихъ въ полученныхъ; предсказывалъ имъ то, что съ ними впредь случится, и начертывалъ для нихъ планъ будущаго ихъ дѣйствія. Онъ даже ѣлъ и пилъ съ ними. Такая цѣпь происшествій никакому здравомыслящему человѣку не можетъ показаться рядомъ мечтаній или

обмановъ. Посему никакъ нельзя сомнѣваться въ достовѣрности тѣхъ свидѣтелей, которые, по собственному ихъ увѣренію, были очевидцами всѣхъ оныхъ произшествій.

Свидѣтельство Апостоловъ о воскресеніи Христовомъ должно получить въ очахъ нашихъ еще большую силу, когда мы припомнимъ, какъ они прежде мало ожидали онаго, и съ какимъ трудомъ вѣрили ему, за каковое коснѣніе въ вѣрованіи и самъ Спаситель часто укорялъ ихъ при жизни своей и даже по воскресеніи. Такъ, когда Онъ незадолго предъ страданіемъ предсказывалъ Апостоламъ о смерти своей и вмѣстѣ о своемъ воскресеніи въ третій день; то *они*, по словамъ Ев. Луки, *совершенно не поняли словъ Іисусовыхъ* (9, 45). Потомъ когда Марія Магдалина съ другими благочестивыми женами, и двое учениковъ, ходившихъ въ Эммаусъ, возвѣстили одиннадцати Апостоламъ, что они видѣли воскресшаго Іисуса; тогда сіи послѣдніе, не вѣря ни тѣмъ ни другимъ, почли повѣствуемое ими за мечтаніе: *и явишася*

предъ ними яко лжа глаголы ихъ, и не вѣроваху имъ (Лук. 24, 11. сн. Марк. 16, 13). Наконецъ, когда и сами Апостолы увидѣли Іисуса въ первый разъ послѣ воскресенія; то они подумали, что видятъ духа.—Людей, столь недовѣрчивыхъ, конечно обмануть трудно. Посему, если Апостолы увѣрились наконецъ въ дѣйствительности того, чему прежде съ такимъ трудомъ вѣрили; то нельзя сомнѣваться, что они могли быть приведены къ такой увѣренности только очевидными и несомнѣнными доказательствами воскресенія Христова.

Можетъ быть, кто спроситъ: почему Іисусъ Христосъ не жилъ среди учениковъ своихъ постоянно въ продолженіи сорока дней—отъ воскресенія своего до вознесенія, а являлся имъ только по временамъ? На это можно просто отвѣчать: Онъ не имѣлъ нужды жить съ ними постоянно. Но скажутъ, при такомъ постоянномъ пребываніи Его съ ними лучше бы можно было увѣриться въ истинѣ воскресенія, нежели при столь рѣдкихъ и кратковременныхъ явленіяхъ.

Нѣтъ; сіи явленія Іисуса Христа, какъ мы видѣли, были довольно часты и продолжительны, такъ что по справедливости нельзя ничего болѣе требовать для увѣренія даже самыхъ упорныхъ невѣровъ. Впрочемъ Отцы Церкви представляютъ намъ нѣкоторыя причины, почему Іисусу Христу угодно было только по временамъ являться Апостоламъ, а не всегда пребывать съ ними. Такъ поступалъ Онъ, говорятъ Отцы, для того, чтобы болѣе и болѣе уклоняясь своимъ человѣчествомъ отъ учениковъ своихъ, приверженныхъ къ Нему, яко человѣку, возвысить чрезъ то ихъ образъ мыслей, и въ тоже время, посредствомъ сего временнаго отсутствія, прерываемаго частыми явленіями постепенно приучить ихъ къ благодушному перенесенію всегдашняго своего съ Нимъ разлученія по плоти, имѣвшаго быть по Его вознесеніи на небо.

Другое возраженіе, которое противники съ гордостію предлагаютъ намъ, (ибо всѣ возраженія, представляющіяся ихъ уму, они считаютъ неопровержи-

мыми) состоитъ въ слѣдующемъ. Почему, спрашиваютъ они, Іисусъ Христосъ не являлся въ мѣстахъ общественныхъ, Священникамъ, учителямъ, и всему народу?—Но что изъ сего? Ужели болѣе, нежели пять-сотъ свидѣтелей (1 Кор. 15, 6), которые видѣли Его, осязали Его и слышали Его бесѣды, не заслуживаютъ нашей довѣренности? и ужели свидѣтельство ихъ надобно отвергнуть? — это было бы весьма безразсудно и несправедливо.—Чего же хотятъ противники?—Почему Іисусъ Христосъ являлся только своимъ ученикамъ, а не міру? Но они забываютъ, что Господь открываетъ Себя только душамъ правымъ; а тѣ Священники, тѣ учители и тотъ мятежный по ихъ наущенію народъ, которыхъ не могли тронуть всѣ чудеса Іисуса Христа, такой милости были недостойны. И къ чему бы она имъ послужила? Такіе Священники и учители, въ которыхъ воскресеніе четверодневнаго мертвеца возбудило только бо́льшую завпсть къ Божественному Чудотворцу, и побудило ихъ скорѣе приве-

сти въ исполненіе свои злые замыслы противъ Іисуса Христа, такіе Священники и учители, хотябъ и собственными глазами своими увидѣли Его по воскресеніи, безъ сомнѣнія ухитрились бы и тогда ослѣпить себя и народъ, упорно рѣшившись не вѣрить въ Того, котораго они какъ злодѣя предали на смерть! — А что они упорно рѣшились невѣрить воскресенію Христову, сіе видно между прочимъ изъ того, что они, услышавъ о немъ отъ воиновъ, ни мало не хотѣли изслѣдовать истину онаго.

Но оставимъ злонамѣренныхъ противниковъ и нелѣпыя ихъ возраженія.—Доказавъ, что сами Апостолы не могли быть обмануты въ воскресеніи Іисуса Христа, посмотримъ теперь, не обманывали ль они другихъ, увѣряя ихъ въ воскресеніи, котораго, можетъ быть, никогда и не было?—Рѣшительно говоримъ, что сего никакъ быть не могло:—это не сообразно ни съ характеромъ Апостоловъ, ни съ ихъ проповѣданіемъ. Несобразно съ ихъ характеромъ; ибо из-

вѣстно, что Апостолы были люди простые и необразованные, неученые и безграмотные. Но если бы все повѣствуемое ими о воскресеніи Іисуса Христа и Его явленіяхъ было не что иное, какъ рядъ вымысловъ: то необходимо надлежало бы предположить, что сіи люди столь простые, необразованные и неимѣющіе ни малѣйшей способности къ искуснымъ выдумкамъ, были однакожъ— по странному противорѣчію самимъ себѣ— въ состояніи вымыслить исторію сего мнимаго воскресенія столь послѣдовательную, столь обстоятельную, столь связную во всѣхъ частяхъ своихъ, что ни въ одномъ пунктѣ ея незамѣтно никакого недостатка. Надлежало бы, сверхъ того безъ всякаго основанія предположить, что Апостолы дѣйствительно были весьма способны дать вымышленнымъ повѣствованіямъ тотъ видъ истины, или правильнѣе, тотъ характеръ божественности, который каждый разсудительный человѣкъ можетъ замѣтить въ Апостольской исторіи воскресенія Христова и котораго нельзя най-

ти въ сочиненіяхъ собственно человѣческихъ. Ахъ, подлинно не таково бываетъ вымышленное! Даже, чтобы только выдумать такую басню (если бы исторію воскресенія Христова можно было назвать баснію)*, потребенъ былъ для сихъ простыхъ и столь необразованныхъ людей геній высшій, нежели человѣческій; ибо до воскресенія Христова никому и въ умъ не приходило, чтобы человѣкъ могъ самъ собою воскресать.

Но если бы воскресеніе Іисуса Христа было чистый вымыслъ, то всего удивительнѣе, всего непонятнѣе для насъ становится проповѣдь Апостоловъ. Смотрите на нихъ, говоритъ свят. Златоустъ: они какъ бы на крыльяхъ летаютъ по вселенной; ничто ихъ не устрашаетъ, ничто не останавливаетъ—ни опасности ни смерть, ни трудности предпріятія, ни многочисленность, власть и сила враговъ ихъ, — ничто не способно замедлить полета ихъ. Они всюду возвѣщаютъ, что человѣкъ Іисусъ, распятый и умершій на крестѣ, воскресъ изъ

мертвыхъ, и что они видѣли Его. Вотъ основаніе всего ихъ ученія!

Теперь, если бы они на самомъ дѣлѣ не видали Іисуса Христа, и если бы Онъ подлинно не воскресъ; то могла ли бы у нихъ родиться мысль—приводить весь міръ къ вѣрѣ въ Него? какъ бы они рѣшились на такое предпріятіе? какъ бы они приступили къ исполненію онаго?— И во-первыхъ, могла ли бы въ нихъ родиться мысль или намѣреніе—привести весь міръ къ вѣрѣ въ Іисуса? Что могло бы возбудить въ нихъ оное? любовь къ своему Учителю? Но если бы Онъ не воскресъ, отвѣчаетъ св. Златоустъ, то сія любовь необходимо превратилась бы въ ненависть; ибо въ такомъ случаѣ они видѣли бы въ Немъ только льстеца, который заставилъ каждаго изъ нихъ отказаться отъ всего—отъ имущества, дома, семейства, и, подвергнувъ ихъ ненависти согражданъ, какъ бы насмѣялся надъ ними; поелику не исполнилъ данныхъ имъ обѣщаній.

Что же могло побудить Апостоловъ къ такому предпріятію? Развѣ какія ли-

бо значительныя выгоды? Но можно ли было ожидать отъ сего выгодъ? Они, конечно, могли бы получить выгоды важныя въ томъ случаѣ, когда бы согласились говорить, что Іисусъ Христосъ не воскресъ, а остался мертвымъ. Ибо Первосвященники и Фарисеи, которые столь дорогою цѣною подкупали воиновъ разгласить, будто тѣло Іисусово во время ихъ сна унесено учениками, несравненно большую сумму дали бы самимъ ученикамъ, если бы сіи согласились говорить, что они обмануты, и что Учитель ихъ былъ льстецъ. — Напротивъ, своимъ твердымъ свидѣтельствомъ о Его воскресеніи Апостолы явно подвергали себя крайней ненависти сильныхъ Первосвященниковъ и Фарисеевъ, гоненіямъ, мученіямъ и самой смерти. Но возможно ли представить, чтобы люди, хотя нѣсколько имѣющіе здраваго смысла, рѣшились безъ всякой для себя пользы, для поддержанія одной лжи, жертвовать важнѣйшими своими выгодами, своимъ спокойствіемъ и самою жизнію?

Впрочемъ допустимъ на время, что

Апостолы, по нѣкоему странному настроенію ума, даже безъ всякой причины и побужденія, вздумали увѣрять міръ въ мнимомъ воскресеніи Учителя ихъ. Спрашивается, въ чемъ бы они нашли подкрѣпленіе себѣ для исполненія такого предпріятія? При ихъ твердомъ убѣжденіи въ истинѣ воскресенія Христова и—что необходимо за симъ слѣдуетъ—при ихъ увѣренности, что Господь Іисусъ по обѣтованію своему всегда пребываетъ съ ними, такое постоянство ихъ во всѣхъ превратностяхъ для насъ нисколько не удивительно; ибо мы увѣрены, что ихъ поддерживала десница Всемогущаго.—Но уничтожьте сіе воскресеніе, отнимите сію Божественную помощь: тогда что̀ было бы съ ними?—Тогда, безъ сомнѣнія, тотчасъ бы оставила ихъ бодрость, и они поспѣшили бы отказаться отъ своего предпріятія.

Наконецъ, если Апостолы говорили неправду, и воскресеніе Іисуса Христа есть вымыслъ; то раждаются многіе совершенно непонятные вопросы. Во-первыхъ, какъ могли Апостолы распространять

свой вымыслъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Іисусъ Христосъ умеръ, и—однако никѣмъ не были обличены въ обманѣ? Какъ они могли здѣсь столь смѣло увѣрять въ оной мнимой истинѣ цѣлые милліоны Іудеевъ, для которыхъ полезно было обличить въ обманѣ (если бъ то было возможно) проповѣдниковъ новаго и ненавистнаго для нихъ ученія? — Во-вторыхъ, какъ могла распространиться такая ложь по всему міру, несмотря на то, что весь міръ усиливался истребить оную? Почему въ продолженіи трехъ вѣковъ, безчисленное множество христіанъ, безъ всякихъ для себя личныхъ выгодъ, рѣшались проливать свою кровь и съ радостію подвергались смерти, чтобы только поддерживать оный вымыслъ?—Наконецъ, возможно ли, чтобы въ продолженіи 18 вѣковъ исповѣдывали сей вымыслъ отъ конца до конца вселенной столь многіе милліоны людей всѣхъ сословій, всѣхъ состояній, между коими было много самыхъ глубокомысленныхъ мужей, и при всемъ томъ никто изъ нихъ не открылъ, что

онъ есть просто вымыслъ? Какой это удивительный вымыслъ! Какъ онъ похожъ на истину, когда всякой здравомыслящій умъ охотно принимаетъ его за оную!

Довольно; изъ вышесказаннаго ясно открывается, что въ свидѣтельствѣ Апостоловъ о воскресеніи Іисуса Христа нельзя подозрѣвать нималѣйшаго обмана. Если же это справедливо, и если сами они, какъ выше показано, не могли быть обольщены ложными призраками; то необходимо должно заключить, что Іисусъ Христосъ дѣйствительно воскресъ.

Сіе воскресеніе Іисуса Христа, кромѣ доказательствъ, имѣетъ еще свои особенные признаки, которые отличаютъ оное отъ всѣхъ другихъ воскресеній, и вмѣстѣ показываютъ, что воскресшій Іисусъ есть истинно Богъ. Въ Св. Писаніи упоминается объ осьми воскресеніяхъ, именно: въ 3 и 4 книгахъ Царствъ повѣствуется о воскрешеніи трехъ человѣкъ, изъ коихъ одного воскресилъ Илія, другаго—Елиссей, а третій ожилъ отъ

прикосновенія къ костямъ сего послѣдняго Пророка, бывъ брошенъ въ гробъ его. Въ Евангеліяхъ говорится о воскрешеніи Іисусомъ Христомъ дочери Іаировой, сына вдовицы Наинской, и Лазаря, уже четыре дня лежавшаго во гробѣ. Наконецъ, въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ сказано, что Ап. Петръ воскресилъ Тавиѳу, а Павелъ нѣкоего юношу Евтиха.

Но, во-первыхъ, ни одинъ изъ упомянутыхъ умершихъ и потомъ воскресшихъ людей, при жизни своей не предвидѣлъ ни воскресенія своего, ни времени онаго; напротивъ, Іисусъ Христосъ много разъ предсказывалъ ученикамъ и народу о своемъ воскресеніи въ третій день, и дѣйствительно *воста якоже рече* (Матѳ. 28, 6). Въ сихъ трехъ словахъ заключается самое сильное доказательство Его Божественности; ибо одному только Богу свойственно такъ опредѣленно предсказать о воскреніи своемъ, какъ о дѣлѣ, совершенно зависящемъ отъ Его воли, и потомъ во всей точности исполнить предсказанное.

Во-вторыхъ, помянутые умиравшіе

люди нимало сами не содѣйствовали своему воскресенію. Два отрока, воскрешенные Иліею и Елиссеемъ, своею жизнію всецѣло обязаны симъ двоимъ Пророкамъ, или лучше, всемогуществу Божію, въ десницѣ коего они были только орудіями. Мертвецъ, который былъ брошенъ во гробъ Елиссеевъ, оживленъ дѣйствіемъ той же всемогущей силы, сокровенной въ семъ гробѣ. Дочь Іаира, сынъ вдовицы Наинской и Лазарь обязаны также воскресеніемъ своимъ единственно Іисусу Христу. Наконецъ, Тавиѳа и Евтихъ воскрешены молитвами Петра и Павла. Изъ обстоятельствъ сихъ воскресеній видно, что возвращеніе жизни воскрешеннымъ зависѣло не отъ нихъ самихъ, но отъ другихъ. Напротивъ, въ комъ заключается причина воскресенія Іисуса Христа? Входъ во гробъ Его заваленъ былъ огромнымъ камнемъ; грозные, недремлющіе стражи наблюдали, дабы никто и никакимъ образомъ не могъ войти въ оный; о воскресеніи Іисуса Христа никто не молилъ Бога, какъ молились сестры о воскресеніи своего брата Лазаря;

и никто не воззывалъ Его изъ гроба, какъ Онъ воззвалъ къ жизни друга своего. И такъ, опять повторяемъ, что было причиною воскресенія Іисуса Христа? Источникъ и причина воскресенія Христова находилась въ Его собственномъ Божественномъ существѣ. Онъ имѣлъ власть отдать душу свою, имѣлъ также власть и возвратить себѣ оную; а посему воскресъ своею Божественною силою. Онъ—яко Богъ — *животъ иматъ въ себѣ* (Іоан. 5, 26).

Въ-третьихъ, всѣ упомянутые умиравшіе люди, которые воскресали не своею силою, должны были спустя нѣсколько времени послѣ воскресенія своего опять умереть и притомъ навсегда. Давно уже всѣ они покоятся въ гробахъ своихъ до дня всеобщаго воскресенія. Но Іисусъ Христосъ *воста отъ мертвыхъ* и *ктому не умираетъ: смерть Имъ ктому не обладаетъ* (Рим. 6, 9). Другую черту Своей Божественности нашъ Спаситель открылъ Апостолу Іоанну, свыше ему возвѣщая: *Азъ есмь первый и послѣднiй: и живый, и быхъ мертвъ, и се*

живъ есмь во вѣки вѣковъ.... и имамъ ключи, то есть, Я есмь Владыка *ада и смерти* (Апок. 1, 17. 18).

Какія же изъ всего выше сказаннаго вытекаютъ слѣдствія? Сіи слѣдствія безчисленны. Чтобы только просто изложить оныя, не входя въ ихъ подробное раскрытіе, для сего потребно былобъ написать обширныя сочиненія. Но мы на сей разъ считаемъ достаточнымъ замѣтить только то, что Ап. Павелъ сказалъ Христіанамъ Церкви Коринѳской. *Аще,* говоритъ онъ, *Христосъ не воста, тще убо проповѣданіе наше, тща же и вѣра ваша: вы есте во грѣсѣхъ вашихъ и мы окаяннѣйши всѣхъ человѣкъ есмы* (1 Кор. 15, 14. 17. 19). Сіи слова имѣютъ такой смыслъ: если бы Іисусъ Христосъ не воскресъ, то Онъ не былъ бы Богъ; если же Онъ не былъ бы Богомъ, то Его ученіе и обѣтованіе не имѣли бы никакой важности, т. е. все, во что мы вѣримъ и чего надѣемся, не имѣлобъ тогда никакого основанія. Далѣе, если бы наша вѣра и надежда не имѣли основанія, то совершенно были бы безполезны

для насъ всѣ наши страданія, которыя мы нынѣ должны бываемъ претерпѣвать, частію отъ другихъ, частію же сражаясь съ собственными своими страстями. Наконецъ, если бы мы должны были страдать безъ всякаго плода; то страданія наши, не услаждаемыя надеждою на будущее воздаяніе, своею тяжестію подавили бы насъ.

Нынѣ же, продолжаетъ св. Павелъ, *Христосъ воста отъ мертвыхъ* (ст. 20). Теперь, обращая умозаключеніе Апостола, можемъ мы сказать: если Іисусъ Христосъ воскресъ, то вѣра наша не тщетна, но утверждается на непоколебимомъ основаніи, на воскресеніи Іисуса Христа. Ибо, если Іисусъ Христосъ воскресъ своею силою, и воскресши не умираетъ; то очевидно, Онъ есть Богъ. Если Онъ Богъ, то слова Его истинны, все ученіе несомнѣнно, всѣ обѣтованія непреложны. Сколько бы ни нападали на Религію Іисуса Христа со всею силою и утонченностію, къ какимъ только способенъ человѣкъ: но сія Божественная Религія при всѣхъ нападеніяхъ оста-

нется непоколебимою; всѣ возможныя возраженія, вымышляемыя противъ нея, падутъ сами собою, и моя вѣра будетъ для нихъ недоступна. Почему? потому что я признаю за несомнѣнное, что все предлагаемое въ оной Религіи ученіе, преподанное Іисусомъ Христомъ, воскресшимъ изъ мертвыхъ, есть вѣчно истинно, вѣчно достовѣрно, вѣчно неопровержимо. Пусть отвсюду вооружаются на меня, пусть осыпаютъ меня проклятіями, пусть меня преслѣдуютъ, пусть на меня клевещутъ, пусть подвергаютъ меня всѣмъ бѣдствіямъ; но, если я истинный ученикъ Іисуса Христа воскресшаго, то я радуюсь, я восхищаюсь, я нахожу блаженство среди таковыхъ скорбей. Почему? потому что воскресшій Іисусъ Христосъ, коего обѣтованія непреложны, увѣряетъ меня, что сіи скорби служатъ ко очищенію моей души, и на небесахъ ожидаетъ меня неизреченная награда.

Поминайте всегда Господа Іисуса Христа, воставшаго отъ мертвыхъ (2 Тим. 2, 8).

IV.

СЛОВО

на день Святыя Пасхи.

Сей нареченный и святый день, единъ субботъ царь и господь, праздниковъ праздникъ и торжество есть торжествъ.

(Изъ канона на св. Пасху).

Въ царствѣ Христовомъ нѣтъ мѣста печали и сѣтованію; непрестанная радость, непрерывное торжество предоставлены и земнымъ членамъ сего царства. Здѣсь, по описанію еще древняго Пророка, страждущіе слышатъ утѣшительную вѣсть, сокрушенные сердцемъ получаютъ отраду, плѣннымъ проповѣдуется свобода, всѣ сѣтующіе, всѣ унывающіе духомъ утѣшаются (Иса. 61, 1—3); отсюда вовсе изгнаны печаль и воздыханіе, такъ что и самыя болѣзни

и страданія не нарушаютъ ихъ радости. Ибо прерванный союзъ человѣка съ Богомъ уже возстановленъ, и человѣкъ опять принятъ въ Божественное сыновство; грѣхъ единожды оправданнаго уже никогда не воспомянется Правосуднымъ; врата рая для него уже отверсты; Сынъ Божій ходатайствуетъ о немъ на небѣ; Святый Духъ осѣняетъ его на землѣ. Ему только остается, съ чувствомъ благоговѣйнаго восхищенія, направлять собственныя стопы къ блаженному и вѣчному жилищу, царственнымъ путемъ—Вѣры во Христа. *Вѣруяй въ Мя имать животъ вѣчный* (Іоан. 6, 47), говоритъ Свидѣтель вѣрный и истинный.

И св. Церковь, вѣрная законамъ царства Христова, вѣрная руководительница къ небеснымъ обителямъ, предваряетъ и сопровождаетъ подобнымъ торжествомъ и собственное человѣка шествіе къ онымъ. Указуя во Іисусѣ Христѣ и Путеводителя, она, время отъ времени, своими празднествами напоминаетъ ему всѣ обстоятельства земной

Его жизни, и всегда столь же торжественно, сколь славны и спасительны были оныя. Напоминая о томъ времени, когда Іисусъ былъ еще младенцемъ, свидѣтельствуетъ и о славѣ Вѣры, познающей въ Немъ, съ Виѳлеемскими Пастырями, *Спасителя* (Лук. 2, 11) и видящей, съ Симеономъ, *свѣтъ къ просвѣщенію языковъ и славу Израиля* (ст. 22). Прославляя Іисуса, какъ народнаго Учителя и Чудотворца, прославляетъ и величіе Вѣры, несомнѣвающейся съ Самарянами, что Онъ *воистину Спаситель міра, Христосъ* (Іоан. 4, 42). Превознося смерть Іисуса, превозноситъ и Вѣру, изрекающую съ Римскимъ сотникомъ: *воистину человѣкъ сей Сынъ Божій* (Мар. 15, 39). Такъ, каждое празднество Церкви о каждомъ событіи жизни Христовой есть торжество Вѣры христіанской. Но среди сихъ ея праздниковъ и торжествъ, празднество воскресенія Христова есть для нее царь и господь, есть торжество совершеннѣйшее, высочайшее. Ибо слава Вѣры нигдѣ такъ ясно, совершенно и величественно не откры-

вается, какъ въ воскресеніи Господа. Если Онъ былъ младенцемъ славнымъ, то былъ вмѣстѣ и слабымъ и униженнымъ. Если былъ Учителемъ великимъ, то подвергался вмѣстѣ и скорбямъ и гоненіямъ. Если смерть Его была прославлена, то была вмѣстѣ и смерть крестная. Но Онъ воскресъ, и—окрестъ Его только величіе и слава Божества! Онъ воскресъ, и—окрестъ насъ только величіе и слава Вѣры! Вотъ почему и св. Церковь какъ бы опасаясь, что мы несовершенно выразумѣли важность воскресенія Христова, совершаетъ воспоминаніе онаго не одинъ день, не два, но цѣлую седьмицу, цѣлые сорокъ дней, каждый седьмый день въ цѣломъ годѣ.

И такъ, соотвѣтствуя намѣреніямъ Церкви, принесемъ, Сл!, днесь исповѣданіе славѣ Воскресшаго въ словѣ *о торжествѣ Вѣры, оправданной* и *прославленной, утвержденной* и *побѣдоносной возстаніемъ Спасителя*; Вѣры—*нашей*, и *древнихъ нашихъ Праотцевъ*.

Не одни мы, Сл!,—вѣрующіе; имѣли Вѣру и прежніе роды; питомцемъ ея былъ

еще древній Израиль, со всѣми своими Пророками; еще Авраамъ наименованъ отцемъ вѣрующихъ. Вѣрою же утѣшались и Прародители: ибо царство ея едва несовременно бытію рода человѣческаго. И уроки ея всегда относились къ тому же Христу Спасителю.

Древніе, провидѣвъ сего Спасителя грѣшниковъ, постоянно и несомнѣнно ожидали Его; но ихъ ожиданія долго, очень долго не исполнялись. Съ рожденіемъ Іисуса начала обнаруживаться тайна и ихъ чаяній; всѣ Его дѣла и приключенія Его жизни, самое уничиженіе Его до смерти и гроба, показывали всегда болѣе и болѣе, что Онъ есть Христосъ. Впрочемъ, при всей Его славѣ и величіи во время Его жизни, они еще могли съ Іоанномъ или учениками сего Пророка, недоумѣвать, точно ли Онъ тотъ, котораго они чаяли (Матѳ. 11, 3), и при Его смерти сомнѣваться, съ Еммаускими путниками, Онъ ли *хотяй избавити Израиля* (Лук. 24, 21). Они думали, что Христосъ доставитъ свѣтъ (Иса. 60, 3) и благословеніе Израилю и всѣмъ языкамъ

(Гал. 3, 8) чрезъ ихъ Вѣру въ Него: но можно ли было надѣяться сего безъ новаго, величайшаго чуда—воскресенія, когда и Израиль и языки распяли Его, и уже мертваго, какъ злодѣя, блюли во гробѣ, заградивъ оный камнемъ и печатію, и окруживъ стражею? Древніе Праотцы были увѣрены, что Христомъ попранъ будетъ сатана: но не осталась ли бы сія увѣренность ихъ, вмѣстѣ съ Іисусомъ навсегда мертвымъ, поруганною, когда самъ Онъ былъ доведенъ до смерти сатаною, внушившимъ Іудѣ мысль предать Его (Іоа. 12, 1)? Они полагали за несомнѣнное, что душа Мессіи—Господа не должна оставаться въ адѣ, и плоть Его истлѣть (Псал. 15, 10): но не значило ли бы, что Іисусъ не Мессія, если бы Онъ подвергся общей участи человѣческой--тѣлесному разрушенію? Не значило ли бы, что, если Іисусъ не Мессія, то не будетъ Мессіи; ибо время пришествія Его тогда уже прошло (Дан. 9, 25—27)? Домъ Давидовъ уповалъ произвести такое Сѣмя, коего царственный престолъ будетъ стоять до вѣка (2 Цар.

7, 12. сл.): но какое царство для сего Сѣмени, погибающаго во гробѣ? Пророки возвѣщали, что Христосъ, самъ возставъ отъ тѣсноты и суда (Иса. 53, 8), не тольвоскреситъ въ Себѣ насъ (Ос. 6, 3), но и вовсе истребитъ смерть (Ос. 13, 14): но можно ли было надѣяться сего отъ Того, кто самъ навсегда умеръ отъ суда и тѣсноты? — Но Іисусъ возсталъ отъ гроба, и—всѣ недоумѣнія исчезли. Теперь Онъ уже вполнѣ открылъ Себя Искупителемъ: ибо показалъ истребленіе грѣха въ истребленіи его клятвы—смерти, и въ поруганіи напряженнѣйшаго неистовства и козней сатаны. Явилъ въ Себѣ Начальника всеобщаго мира: ибо возсталъ для того, чтобы до скончанія вѣка пребывать въ своей Церкви съ благословеніемъ мира. Возвѣстилъ въ себѣ славнаго всемірнаго Царя и Владыку: ибо опять воспріялъ плоть свою для того, чтобы можно было обладать не только умершими, но и живыми (Рим. 14, 9), не только небесными, но и земными. Воскресеніемъ началась и слава и сила Его, какъ Христа Господня: ибо чрезъ него

Онъ вознесенъ надъ всѣми земнородными и самыми Ангелами (Еф. 1, 2). Убо торжествуйте, Праотцы! ибо *Вѣра* ваша совершенно *оправдана*,—ибо Христосъ воскресе!

Но, оставляя Праотцевъ при ихъ торжествѣ, перенесемся мыслію къ самому воскресенію Господа, и при полномъ свѣтѣ славы онаго, бросимъ еще одинъ взоръ на ихъ Вѣру. Ахъ, въ какомъ свѣтѣ славы представляется и она! Ея величіе открывается уже и въ томъ, что они прозирали *вдалеко* (2 Цар. 7, 19); не колебались недоумѣніями въ случаяхъ, противныхъ ея чаяніямъ; не ослабѣвали въ трудностяхъ, переносили всѣ искушенія, побѣждали всѣ соблазны. Но несравненно величественнѣйшею она является въ Христовомъ воскресеніи. Мужъ, владычествующій надъ строгими законами природы, измѣняющій опредѣленія самаго Бога, въ себѣ и собою являющій дѣйствія Божескаго могущества, Богъ въ образѣ человѣка, кратко, Іисусъ Христосъ, возставляющій Себя изъ мертвыхъ: вотъ предметъ Вѣры древнихъ Святыхъ! Мудр-

ствующій о Богѣ по началамъ своего плотскаго разума отвергаетъ даже возможность такого чуда; язычникъ почитаетъ своихъ боговъ и ироевъ безсмертными, но не можетъ думать, чтобы они, подвергшись смерти, могли сами собою воскресать; Іудей уже убѣжденъ въ дѣйствительности происшедшаго воскресенія, но еще не хочетъ вѣрить ему, и подкупаетъ злыхъ клеветниковъ на друзей Воскресшаго. Но Іисусъ дѣйствительно, чудесно воскресъ, и сей-то Іисусъ былъ предметомъ Вѣры древнихъ Святыхъ! Чего еще недостаетъ для славы сей Вѣры? Сія слава ея, при славѣ воскресенія Христова, дѣлается видимою и въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ, кажется, наименѣе можно было бы искать ея. Ной, по видимому, только для спасенія своей жизни, съ своимъ ковчегомъ предалъ себя волнамъ всемірнаго моря: но, по ученію Апостоловъ, мы знаемъ, что погруженіе въ нихъ ковчега и сохраненіе Ноя предъизображали смерть и воскресеніе Іисуса Христа (1 Петр. 3, 21. сн. Рим. 6, 3). По одному, казалось, по-

слушанію къ Божіимъ велѣніямъ Аврамъ рѣшился заклать обѣтованнаго сына: но обстоятельства сего событія и Св. Павелъ (Евр. 11, 19) показываютъ, что и здѣсь знаменовалось также воскресеніе Спасителя, послѣдовавшее за Его смертію. И Моисей не по одной любви къ соотечественникамъ предпочелъ участи царскаго сына жребій изгнанника и страдальца: онъ долженствовалъ быть провозвѣстникомъ Мессіи и того славнаго времени Его, въ которое Израильтяне должны были—или оказать совершенное послушаніе Ему, или испытать надъ собою страшное мщеніе Божіе (Втор. 18, 15. 19). Можно было бы сказать теперь о Давидѣ и другихъ Пророкахъ, возвѣщавшихъ блаженное состояніе Церкви и торжествовавшихъ будущее торжество ея; можно было бы упомянуть и о всѣхъ истинныхъ Израильтянахъ, ожидавшихъ для себя счастливѣйшихъ временъ воскресшаго Мессіи,—если бы мы не довольно увѣрены были въ величіи Вѣры Праотцевъ. Итакъ, усугубь свое торжество,

ты, древняя Церковь! ибо *Вѣра* твоя *прославлена,* ибо Христосъ воскресе!

Христосъ воскресе! Вы, Сл.! съ радостію внимаете сему привѣтствію, и съ восторгомъ отвѣтствуете на оное свидѣтельствомъ вашей Вѣры во Христа. И сія ваша радость, сей вашъ восторгъ, совершенно справедливы. Ибо и наша Вѣра въ Іисуса, какъ Спасителя міра, вмѣстѣ съ Вѣрою ветхозавѣтныхъ Праотцевъ, одинаково торжествуетъ въ Его воскресеніи и свое оправданіе и свою славу. У насъ съ ними одинъ Господь и одна Вѣра, слѣдовательно, и одно торжество Вѣры въ Господа. Но мы имѣемъ при семъ еще болѣе, нежели сколько они могли имѣть.

Аще Христосъ не воста, тща вѣра ваша, говоритъ Апостолъ Павелъ (1 Кор. 15, 14). Конечно, ученіе Іисуса Христа божественно, жизнь Его свята, дѣла велики; но вотъ и ветхозавѣтные Пророки проповѣдывали ученіе небесное, провождали жизнь Богоугодную, совершали великія знаменія и чудеса,—даже нѣкоторые изъ нихъ, подобно распятому Іису-

су, умерли мученическою смертію. Впрочемъ, пусть крестная смерть, добровольно Спасителемъ избранная для Себя и предсказанная, относится къ Его славѣ: но Онъ также предсказывалъ, и притомъ многократно, и ученикамъ своимъ и народу, что воскреснетъ: и что же было бы, если бы не сбылось сіе предреченіе? Тогда съ спокойною совѣстію мы, вмѣстѣ съ Іудеями, могли бы говорить и увѣрять другихъ, что *льстецъ Онъ* (Мат. 27, 23). Слѣдовательно, *аще Христосъ не воста, тща вѣра наша.* Но возсталъ Христосъ, и—вотъ основаніе Вѣры нашей, *твердое* и *единственное. Единственное:* ибо и самъ Господь хотѣлъ, чтобы только воскресеніе Его служило знаменіемъ Божественнаго Его посланничества. Онъ много дѣлалъ чудесъ и знаменій: но или являлъ свою чудодѣйственную силу по нуждѣ и просьбѣ народа, а не для своего прославленія; или запрещалъ возвѣщать о великихъ дѣлахъ своихъ до времени своего воскресенія (Мат. 17, 9). Одно воскресеніе Онъ поставилъ знаменіемъ для Іудеевъ и Фарисеевъ, требовавшихъ

отъ Него особенныхъ чудесъ. *Разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю,* отвѣчалъ Онъ Іудеямъ, говоря о церкви тѣла своего (Іоан. 2, 19. 21); *знаменіе не дастся вамъ,* говорилъ Онъ Фарисеямъ, *токмо знаменіе Іоны Пророка: якоже бо бѣ Іона во чревѣ китовѣ три дни и три нощи: тако будетъ и Сынъ человѣческій въ сердцы земли три дни и три нощи* (Мат. 12, 39. 40). Въ самомъ дѣлѣ Іудей, долженствовавшій быть для другихъ народовъ свидѣтелемъ и проповѣдникомъ Іисуса Христа, всякое другое дѣйствіе Его, сколь бы оно велико ни было, могъ бы приписать силѣ Веельзевула (Мат. 12, 24), и такимъ озразомъ лишить Его всей вѣры: но возстаніе Его изъ мертвыхъ не можетъ почитать дѣйствіемъ князя бѣсовскаго; ибо, съ одной стороны, мертвые повелѣвать не могутъ, а съ другой, врагъ для безопасности собственнаго царства, не сталъ бы, если бы даже могъ, возвращать жизни своему побѣдителю.—Воскресеніе есть печать и утверждение всѣхъ прочихъ чудесъ Христовыхъ; ибо оно открываетъ, что Онъ

творилъ чудеса силою Божественною, тою самою, которою возставилъ Себя изъ мертвыхъ. Но почему Іисусу Христу угодно было назначить печатію своего Божественнаго посланничества свое воскресеніе? Безъ сомнѣнія потому, что оно есть вмѣстѣ и основаніе нашей Вѣры—самое *твердое.* Ибо чего бы большаго испытатель нашего вѣрованія Іисусу могъ требовать отъ Него, для утвержденія высокаго достоинства своего лица и истины своего ученія? того ли, чтобы Онъ открылся какъ Богъ, со всею славою? Но мы не уразумѣли бы Бога въ Божескомъ образѣ, и потому Онъ тщетно являлъ бы предъ нами свое величіе. Или того, чтобы однимъ словомъ произвелъ всемірный переворотъ, погубилъ всѣхъ живыхъ и воскресилъ всѣхъ умершихъ,—отнялъ свѣтъ у солнца и всѣ звѣзды низринулъ въ бездну, чтобы потрясъ самое основаніе вселенной? Но и теперь Чудотворецъ еще оставался бы со своею силою, еще оставалась бы чудодѣйственная сила. Но умершій Іисусъ, казалось, лишился всѣхъ

силъ своихъ, коими прежде производилъ великія дѣла, и—о чудо!—произвелъ величайшее изъ чудесъ, при совершенной невозможности онаго для человѣка. Онъ явилъ дѣло Божества въ образѣ человѣка, уже безжизненнаго! И мы видимъ здѣсь все Его величіе! Подлинно, если бы и другой кто нибудь воскресъ, подобно Іисусу; то мы не усумнились бы признать его за втораго Христа, Сына Божія. И кто теперь можетъ заставить насъ, не—покланяться Господу Іисусу, и не благоговѣть предъ Его ученіемъ? Да торжествуемъ убо и мы, слушатели! ибо Вѣра наша непреложна,—ибо воистину Христосъ воскресе!

Апостолы, первые проповѣдники Вѣры, конечно знали, сколь важно для Христіанства воскресеніе Христово. Благовѣствуя о Христѣ, они всегда и вездѣ говорили и о Его воскресеніи—предъ сонмами Іудеевъ (Дѣян. 4, 10) и предъ верховнымъ Іерусалимскимъ Судилищемъ (5, 31), предъ язычниками—и простыми (17, 3. 4), и знатными (ст. 31), и мудрыми (ст. 18), и въ Іудеи и далеко

за ея предѣлами. Можно сказать, что вся проповѣдь ихъ о Іисусѣ состояла въ проповѣди о возстаніи Его изъ мертвыхъ. Священный повѣствователь ихъ дѣяній, желая показать ревность ихъ въ благовѣствованіи, говоритъ только: *веліею силою воздаяху свидѣтельство Апостолы воскресенію Господа Іисуса Христа* (Дѣян. 4, 33). Въ самомъ дѣлѣ, что было бы съ Христіанствомъ безъ воскресенія Христова? Апостолы, тогда только уразумѣвшіе Своего Учителя и Его ученіе, когда узрѣли Его возставшимъ,— обманутые въ своихъ надеждахъ, навсегда отреклись бы отъ Него и опять сдѣлались бы ловцами рыбъ, вмѣсто того, чтобы быть ловцами человѣковъ. Іерусалимляне, знавшіе объ исцѣленіи и тридцатиосьмилѣтняго больнаго и слѣпорожденнаго, безъ сомнѣнія, не подвигнулись бы ни событіемъ дня Пятидесятницы, ни исцѣленіемъ хромаго, чтобы увѣровать въ мертваго. Жители Іудеи и Галилеи, бывшіе свидѣтелями множества чудесъ Іисуса, отвѣчали бы проповѣдникамъ Его: Учитель вашъ улов-

лялъ своимъ ученіемъ нашу простоту, но самъ былъ уловленъ мудростію нашихъ Архіереевъ и Книжниковъ. Язычники не согласились бы перемѣнить свою древнюю вѣру на новую вѣру въ распятаго; для нихъ бездушный, но изъ твердаго металла изваянный кумиръ болѣе бы значилъ, нежели человѣкъ, истлѣвающій во гробѣ. Если Христосъ и по воскресеніи своемъ для Іудеевъ соблазнъ, и безуміе для Еллиновъ (1 Кор. 1, 23); то что было бы безъ онаго? Но воскресъ Христосъ, и Апостолы, которые прежде не имѣли твердой вѣры въ Него, — которые, опасаясь участвовать въ Его страданіяхъ, оставили Его, отреклись отъ Него, теперь презирая *для* Него всѣ труды, опасности и гоненія, съ Его именемъ обтекаютъ всю вселенную; и Іудеи, вопіявшіе: *распни, распни Его* (Іоан. 19, 6), тысячами обращаются къ Нему; и мудрость языческая, отвращавшаяся не только крестной смерти, но и одного имени Іудея, покаряется буйству Евангелія. Воскресъ Христосъ, и—Вѣра являетъ свою побѣду

надъ всѣмъ міромъ, во всѣ времена. Во всѣ времена: ибо и послѣ временъ Апостольскихъ, и нынѣ воскресшій Христосъ отверзаетъ умы людей къ разумѣнію Писанія (Лук. 24, 45); и нынѣ увѣряетъ ихъ, что Онъ Господь нашъ и Богъ нашъ (Іоан. 20, 28); исполняетъ ихъ души ревностію къ Своему служенію (Дѣян. 26, 2. 9. 20), внушаетъ имъ любовь къ Себѣ, ни чѣмъ непоколебимую (Іоан. 21, 17), питаетъ ихъ сердца чувствомъ священныхъ радостей (Іоан. 20, 21). Надобно ли сіе доказывать? Вы, Слуш. сами свидѣтели тому. Ибо что̀ значитъ настоящее присутствіе ваше въ семъ храмѣ? Что̀ значитъ, что въ первую, еще глубокую ночь настоящаго торжества можно найти васъ и всѣхъ Христіанъ только въ храмахъ Божіихъ? Не то ли, что вы ощущаете въ себѣ дѣйствіе и силу воскресенія Христова? Не то ли, что вы узнали отъ своихъ отцевъ, сознсете сами и будете внушать своимъ потомкамъ, сколь велико могущество онаго надъ вѣрующими и надъ всѣми слышащими проповѣдь Вѣры?

Такъ, мы,—и съ нами весь міръ, днесь торжествуемъ, и торжествуемъ справедливо; ибо Вѣра явилась *побѣдоносною,* — ибо воистину Христосъ воскресе!

Но какъ далеко должна простираться настоящая, торжественная наша радость? Какова должна быть ея мѣра, и гдѣ ея предѣлы? Кто достоинъ блаженства, ею доставляемаго? — Отвѣтъ на сіе даетъ намъ собственное наше сердце и наша Вѣра. Сердце человѣческое никогда не веселится безъ достаточной причины; не можетъ непрерывно возвышаться и распространяться въ своихъ восхищеніяхъ; не любитъ, въ полнотѣ радостей, обращаться къ *самому* себѣ и себя испытывать; а если и испытываетъ, то нерѣдко обманываетъ себя въ семъ испытаніи. Но Вѣра не изыскиваетъ причинъ; хочетъ всегда возвышаться и укрѣпляться; всегда искушаетъ себя и никогда въ семъ дѣлѣ не погрѣшаетъ. Убо тотъ, кто торжествуетъ воскресеніе Христово, не усиливаясь постигнуть то, чему вѣруетъ, и тор-

жествуетъ по побужденію одной Вѣры,— тотъ совершаетъ торжество справедливое, совершенное и Божественное. Кто, не усовершаясь въ Вѣрѣ, стремится къ тому, чтобы насладиться совершенною радостію настоящихъ дней; тотъ далекъ отъ святой радости. Кто, не желая познать себя, хочетъ только знать, чего недостаетъ ему днесь для полноты веселія; тотъ недостоинъ веселія истиннаго, какое должно быть при настоящемъ великомъ торжествѣ. Кто, зная состояніе своей души, но слѣдуя обольщеніямъ нечистаго своего сердца, вкушаетъ теперь удовольствіе не отъ духа Христова; тотъ и вовсе неспособенъ ощущать радость воскресенія Христова.

Но для чего сими печальными размышленіями помрачать свѣтлое празднество? Всѣ мы—чада Сіона; а къ нему Церковь взываетъ нынѣ: *ликуй и веселися, Сіоне! Христосъ бо воста, веселіе вѣчное!* Аминь.

V.

СЛОВО

ПРЕДЪ ИЗБРАНІЕМЪ СУДЕЙ ИЗЪ ДВОРЯНСТВА.

Усмотри себѣ мужы сильны, Бога боящыяся, мужи праведны, ненавидящыя корысти, и да судятъ они людей. Исх. 18, 21. 22.

Такъ мудро совѣтовалъ нѣкогда Мадіамскій Священникъ первому Вождю Израильскому. Моисей, носившій на раменахъ своихъ всю, для одного необъятную, тяжесть народоправленія, цѣлые дни лишался покоя, отъ утра до вечера занимаясь рѣшеніемъ распрей народнаго сонма, который также отъ утра до вечера стоялъ предъ нимъ въ безпокойствѣ, ожидая суда отъ него. Увидѣвъ столь тягостное положеніе Вождя

и народа, благоразумный старецъ Іоѳоръ вѣщалъ Моисею: *трудомъ утрудишися несноснымъ и ты, и вси людіе сіи:* одинъ ты не можешь успѣшно удовлетворять всѣмъ нуждамъ народнымъ. Посему избери себѣ помощниковъ, которые для общаго блага должны быть *мужи сильны, Бога боящыяся, мужы праведны, ненавидящыя корысти;*—и пусть они судятъ людей подъ надзоромъ твоимъ. Моисей внялъ сему искреннему совѣту, который въ послѣдствіи одобренъ самимъ Богомъ.

Вонмите оному и вы, почтенные слушатели! Къ сему васъ не смиренный служитель олтаря Господня побуждаетъ, но обязываетъ Самъ Августѣйшій Помазанникъ Божій. Нашъ Монархъ, непрестанно заботясь объ устроеніи благоденствія народовъ, Промысломъ Ему ввѣренныхъ, едва ли даетъ покойный *сонъ* очамъ своимъ *и* вѣждямъ *дреманіе* (Пс. 131, 4). Но Онъ человѣкъ: не можетъ самъ вездѣ быть, не можетъ одинъ все видѣть, все слышать, все устроять и исправлять. По сему для успѣшнѣйша-

го исполненія мудрыхъ предначертаній своихъ и точнѣйшаго соблюденія благодѣтельныхъ законовъ, Онъ, какъ отецъ попечительный, благоволитъ удѣлять часть своей правительственной власти избраннымъ изъ подданныхъ сыновъ своихъ. Кто же сіи мужи избранные, коимъ суждено высокое отличіе быть ближайшими споспѣшниками Державнаго въ великомъ и разновидномъ Его служеніи благу Отечества? Лестное право рѣшить это Монархъ довѣрилъ вамъ, какъ нелицепріятнымъ избирателямъ будущихъ судей—вашихъ собратій.

Важенъ подвигъ, вамъ предстоящій! Теперь отъ васъ зависитъ болѣе или менѣе содѣйствовать лучшимъ намѣреніямъ Монарха, избравъ Ему въ споспѣшники слугъ вѣрныхъ и усердныхъ. Теперь отъ вашей *десницы* зависитъ, по мѣрѣ силъ вашихъ, устроять благоденствіе градовъ и весей родной страны вашей, давъ имъ правителей добрыхъ и судей справедливыхъ. Честь вамъ и слава! если мужи, вами избранные, своимъ достохвальнымъ служеніемъ снищутъ себѣ отъ Бога и

человѣковъ хвалу истинную, а не поношеніе достойное. Что же, если о комъ изъ нихъ справедливо будетъ гласить молва народная: *судія есть въ нѣкоемъ градѣ, Бога не боясь и человѣкъ не срамляяся?* (Лук. 18, 2). О, тогда вы за него должны будете бояться Бога! Тогда вы за него должны стыдиться всѣхъ добрыхъ людей!

Но удалимъ отъ себя печальную мысль. Ужели благородные сыны Отечества, забывъ честь своего сословія знаменитаго, пожелаютъ почтить недостойнаго высокимъ саномъ судіи народнаго? Ужели среди толикаго собранія мужей, именитыхъ своими заслугами, мало найдется способныхъ вступить на чреду служенія общественнаго? Нѣтъ, поч. сл., вы легко и много найдете такихъ мужей въ обширномъ кругу своемъ; но для васъ, можетъ быть, трудно будетъ изъ достойныхъ отличить достойнѣйшихъ. Посему для облегченія вашего въ трудномъ дѣлѣ избранія, да позволено будетъ намъ купно съ вами припамятовать отличительныя и необходимыя качества

потребныхъ судей. Они должны быть, по слову Божію, *мужи сильны, Бога боящыяся, мужи праведны, неневидящыя корысти.*

Судіи должны быть *мужы сильны.* Правда для того не много нужно силы, кто желаетъ токмо засѣдать на почетномъ мѣстѣ судіи въ покойномъ бездѣйствіи. Но кто намѣренъ быть судіею, кто хочетъ бодрственно назирать и твердо держать *не легкіе* вѣсы правосудія; тому потребно очень много силъ, не только тѣлесныхъ, дабы немощь не ослабляла его благотворной дѣятельности, но паче необходима сила ума и крѣпость духа.

Необходима судіи сила ума; ибо *заповѣдь* закона, по которой онъ долженъ изрекать правый судъ людямъ, *широка зѣло* (Пс. 118, 96). И для одного ея прочтенія потребно много времени, а тѣмъ болѣе смысла—для полнаго уразумѣнія. Конечно, найдутся люди, которые охотно будутъ мыслить и дѣйствовать вмѣсто судей, *умаленныхъ въ разумѣ суда и законовъ* (Прем. Сол. 9, 5). Но не слу-

чается ли, что *пишущіи* безъ надзора судіи смысленнаго, иногда — какъ бы по ошибкѣ—*лукавство пишутъ?* (Иса. 10,1). Посему паки повторяемъ, что судіи необходима сила ума, дабы онъ самъ, а не другой кто за него, могъ разумѣвать законъ и творить по оному правду, отличая добро отъ зла, истину отъ лжи. Его умъ долженъ быть зорокъ, долженъ проницать въ сердце судимыхъ. — Кто судитъ по однимъ токмо внѣшнимъ признакамъ преступленія или невинности, тотъ нерѣдко произноситъ приговоръ неправедный; ибо наружность часто обманываетъ. Часто злая неправда, дѣйствуя съ зміинымъ лукавствомъ, столь искусно умѣетъ защищать порокъ и столь хитро клевещетъ на добродѣтель, что судія долженъ имѣть всю прозорливость ума, дабы не оправдать виновнаго на пагубу невиннаго. Но съ умомъ ему необходимо соединять и благоразуміе, особенно въ осужденіи виновника. Не велика для него честь, не велика и польза отъ него, если онъ умѣетъ только засудить. Нѣтъ,

ему надлежитъ прежде разсудить о дѣлѣ: онъ обязанъ внимательно взвѣсить причины беззаконій и тяжесть ихъ виновности, обязанъ точно разграничить неумышленныя преступленія отъ произвольныхъ, погрѣшность слабости отъ дѣйствій злонамѣренныхъ. Самое наказаніе судія долженъ растворять благоразумнымъ снисхожденіемъ, доставляя преступнику случай и побужденія оставить путь неправды. *Хвалится* такая *милость на судѣ* (Іак. 2, 13).

Впрочемъ сія благоразумная милость никогда не должна простираться за предѣлы, полагаемые закономъ правды, — не должна превращаться въ безразсудное послабленіе, столь обычное судіямъ слабодушнымъ. По сему-то сильные умомъ судіи должны быть крѣпки и духомъ, какъ мужественные стражи закона—главной твердыни общественнаго покоя. Много враговъ покушаются на сію твердыню *безопасности* мирныхъ согражданъ, *опасную* токмо для людей буйныхъ и *опасныхъ*. По сему великое потребно и мужество ея стражамъ—судіямъ. Наипа-

че имъ нужно укрѣпить свое сердце противъ силы и коварства, коими преступленіе часто старается ихъ устрашить и обольстить, дабы тѣмъ удобнѣе покорить себѣ законъ. Такъ иногда злодѣйство, мощное покровомъ сильныхъ представъ предъ судію въ грозномъ видѣ, говоритъ ему, указывая на невинную жертву своей злобы: *распни, распни его!* или ты—*нѣси другъ Кесаревъ* (Іоан. 19, 6. 12). И вотъ судія малодушный, устрашенный гласомъ мощнаго, забываетъ наказъ Кесаря: судить всѣмъ нелицепріятно; и по манію сильнаго налагаетъ тяжкій крестъ на слабаго, хотя и не обрѣтаетъ въ немъ вины! Иногда то же злодѣйство, дѣйствуетъ иначе: обольщаетъ судію плотоугодіемъ, словесами ласканія, и другими коварными средствами завлекаетъ въ свои сѣти. Если же оно такимъ образомъ успѣетъ уловить слабодушнаго; тогда, дерзко навѣтуя на праведнаго, проситъ беззаконнаго: друже, *даждь ми главу* сего человѣка — сего изверга, *яко непотребенъ намъ есть* (Мат. 14, 8. Прем. Сол. 2, 12). И

вотъ глава невинная, если не мечемъ, то перомъ погубляется! . . . Подобныя явленія, въ болѣе или менѣе ужасномъ ихъ видѣ, часто бываютъ тамъ, гдѣ вѣсы правосудія ввѣряются мужамъ немужественнымъ, которые не имѣютъ въ себѣ твердаго характера и сердца неблазненнаго, коихъ рука дрожитъ и неправо дѣйствуетъ отъ бурнаго дыханія сильныхъ, или ослабѣваетъ и дѣйствуетъ худо отъ обаятельнаго повѣванія лести.

По сему, поч. сл., на васъ лежитъ священная обязанность возложить великій санъ судіи на мужей сильныхъ; но сильныхъ не своею токмо человѣческою силою ума и духа. Что нашъ умъ, себѣ оставленный? Что наше мужество, не подкрѣпляемое Богомъ? Умъ—тусклый свѣтильникъ человѣка, коимъ такъ много и многіе гордятся не по праву, имѣетъ странное свойство: иногда и на ясныя дѣла наводитъ онъ столь непроницаемый мракъ, что справедливо можно бываетъ назвать его сущею *тмою* (Мат. 6, 23). А мужество наше? О, и крѣпкіе духомъ мужи, въ минуту ис-

кушенія ихъ твердости, часто отрицаются отъ истины, если не съ клятвою, какъ Петръ, то вопреки данной клятвѣ,—что еще преступнѣе. Безъ Бога, безъ страха Божія въ умѣ и сердцѣ, *развратятся мужіе силы* (Екк. 12, 3. Иса. 57, 11).

Предвидя и устраняя пагубныя послѣдствія сего развращенія, вы, поч. сл., обязаны тщательно наблюдать при избраніи Судей, чтобы они были *мужи Бога боящыяся.* Мужъ богоязненный всегда памятуетъ о Богѣ, всегда имѣетъ Его предъ очами своими. Не нужно доказывать вамъ, сколь дѣйственно охраняетъ судію отъ неправды, а законъ отъ нарушенія, сіе памятованіе о верховномъ и правосудномъ Законодателѣ. Возмите въ примѣръ своихъ домочадцевъ. Если они чувствуютъ къ вамъ должный страхъ, если они видятъ васъ предъ собою: то съ какою точностію, съ какимъ усердіемъ исполняютъ всѣ ваши приказанія! Но такъ ли поступаютъ они, когда не имѣютъ къ вамъ ни уваженія, ни боязни,—когда и нѣтъ васъ

при нихъ? О, чего не дѣлаетъ безстрашный слуга за глазами господина своего!— Точно то же бываетъ и съ судіями. Судія богобоязненный своимъ сердцемъ ощущаетъ присутствіе Господа, который слѣдитъ всѣ его пути, назираетъ всѣ его мысли и дѣянія. Онъ знаетъ, онъ твердо увѣренъ, что сей правосудный Господь рано или поздно, но непремѣнно потребуетъ отъ него строгій отчетъ во всѣхъ его дѣлахъ и намѣреніяхъ. Чувствуя и зная это, богобоязненный судія трепещетъ и съ трепетомъ хранитъ законъ, яко святыню, творя по оному судъ нелицемѣрный, какъ *судъ Господень* (2 Пар. 19, 6). Законопреступленіе для него страшно, какъ грѣхъ! По сему будутъ ли прещеніемъ претить ему, дабы онъ не произносилъ словесъ судныхъ, обличающихъ неправду сильныхъ земли,—онъ отвѣтствуетъ: *повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели* вамъ *человѣкомъ* (Дѣян. 5, 29). И не повинуется имъ! Или будутъ коварствомъ склонять его къ тому, чтобы онъ призналъ *праведнаго неправеднымъ*, *а не-*

праведнаго праведнымъ (Притч. 17, 15),—онъ речетъ своимъ искусителямъ: *како сотворю глаголъ злый сей, и согрѣшу предъ Богомъ?* (Быт. 39, 9). И не сотворитъ!—Но не такъ мыслитъ и дѣйствуетъ судія небогобоязненный. *Тма,* которою столь искусно умѣю прикрывать свои неправедныя дѣла, *окрестъ мене,* думаетъ онъ, *и стѣны* моего дома или судилища *закрываютъ мя, и никтоже мя видитъ,—кого убоюся?*—А всевидящаго Бога?—Бога? отвѣчаетъ преступный,—*грѣховъ моихъ не воспомянетъ Вышній!* (Сир. 23, 25).—О, судія, судія!!...

Отъ него нельзя ожидать никакой правды; а между тѣмъ благо общественное непремѣнно требуетъ, чтобы судіи были *мужи праведны:* праведны въ самихъ себѣ и правосудны въ отношеніи къ другимъ. Если судія правдолюбивъ и добродѣтеленъ; тогда подсудимые прибѣгаютъ къ нему съ полною довѣренностію, какъ дѣти къ отцу своему, не страшатся обнажить предъ нимъ тайну своей совѣсти, и одно его слово, искреннее и благонамѣренное, почитаютъ уже

закономъ для себя. Сколько такой судія благоразумнымъ совѣтомъ своимъ предотвратитъ распрей въ народѣ? Сколько онъ своимъ справедливымъ рѣшеніемъ прекратитъ гибельныхъ тяжебъ, которыя, къ стыду судей и подсудимыхъ, иногда изъ рода въ родъ продолжаются, питая первыхъ и поядая послѣднихъ?— Съ другой стороны, добродѣтели и пороки судей суть доброе или злое сѣмя, произращающее обильные плоды по роду своему; ибо люди любятъ подражать примѣру другихъ, особенно высшихъ. Это еще до насъ замѣтилъ одинъ внимательный наблюдатель человѣческаго сердца и дѣлъ житейскихъ. *Якоже судія,* говоритъ онъ, *тако и слузи его; и якоже владыка града, тако и вси живущіи въ немъ* (Сир. 10, 2). Иначе и быть не можетъ! Судіи добродѣтельному совѣсть запрещаетъ, потворствуя пороку, соблазнять подчиненныхъ; а порочному—неохотно бываетъ поощрять ихъ къ нелюбимой добродѣтели, и стыдно безъ пользы обличать въ нихъ то, чему онъ самъ первый, и можетъ быть, бо-

лѣе всѣхъ другихъ преданъ. По сему онъ часто служитъ покровомъ не добрыхъ, а злыхъ. Въ его сердцѣ, нелюбящемъ правды, нѣтъ правосудія! Гдѣ же тогда оно? Покойно почиваетъ въ книгѣ закона! Но худо, когда правосудіе дремлетъ, усыпляемое совѣстію судіи безсовѣстнаго; ибо тогда злодѣйство бодрствуетъ. Худо, когда оно въ дреманіи слабо или превратно дѣйствуетъ мечемъ своимъ; ибо тогда усиливается и дерзновенно подъемлетъ преступную главу свою непосѣкаемое беззаконіе. Тогда водворяются въ обществѣ хищенія, обиды и насилія; тогда ослабѣваютъ въ немъ взаимная любовь, уваженіе и довѣренность согражданъ; тогда прерываются всѣ связи общественныя. Чтó же неминуемо должно послѣдовать за сими неустройствами? Совершенное разстройство общества.—Слѣдствіе очевидно!

Очевидно также и то, что вы, поч. сл., обязаны избрать въ судіи мужей праведныхъ; а дабы ихъ правда не колебалась на судѣ, то они въ свою чреду необходимо должны быть *мужы ненави-*

дящыя корысти. Корысть, корысть! какъ ты пагубна для всѣхъ людей вообще, а тѣмъ паче для судей? Ты губишь въ нихъ всѣ похвальныя качества, для нихъ столь необходимыя: ты ослѣпляешь въ нихъ умъ, развращаешь сердце, подавляешь страхъ Божій, истребляешь правду. Мудръ былъ Валаамъ прозорливый, твердъ былъ духомъ Валаамъ, дерзавшій говорить правду предъ лицемъ Царя неправеднаго, и богобоязненъ и праведенъ былъ прежде Валаамъ пророкъ Божій (Чис. гл. 22—24), но за дары Валака не устыдился онъ, не убоялся посягнуть на Божій народъ. А сребролюбивый Іуда—свою душу продалъ сатанѣ!!... Такъ-то соблазнительна и пагубна корысть!— И однако, за что всего болѣе и такъ много, такъ сильно упрекаютъ судей? За корысть!—Справедливъ ли сей упрекъ, мы не знаемъ. Но легко случиться можетъ, что судія расположенный къ корысти, прельстившись златомъ подсудимаго, возметъ себѣ оное; а потомъ, какъ бы для пробы его полновѣсности, положитъ на вѣсы правосудія. Тогда до-

рогое, тяжелое золото перетянетъ бѣдную, легкую правду!... И—вотъ судія заключитъ изъ сего: виновный златодаръ невиненъ, а бѣднякъ—хотя бы онъ былъ и праведникъ—очевидно неправъ. Это все такъ естественно, такъ легко случиться можетъ: за что же упрекаютъ судей лихоимныхъ? За то, что они творятъ куплю запрещенную — продаютъ законъ, совѣсть, правду, самаго Бога!— И какъ иногда дешево? За тридесять сребренникъ!!.. Впрочемъ это было уже давно; нынѣ, говорятъ, возвысилась цѣна за правду.—За то упрекаютъ судей лихоимныхъ, что златница въ ихъ нечистыхъ рукахъ сіяетъ не своимъ блескомъ а червленѣетъ цвѣтомъ, похожимъ на кровь: она часто бываетъ *цѣною крове*, или по крайней мѣрѣ пота кроваваго! Ибо даровъ, особенно судіямъ, повѣрьте, даромъ не даютъ.—Ахъ, не избирайте въ судіи людей корыстолюбивыхъ, даже изъ одного сожалѣнія къ нимъ. Золото неправдою собранное, отъ единаго мановенія всемогущаго и правосуднаго Бога, обратится *тамъ* для судіи неправед-

наго въ вѣчно-палящее угліе; а здѣсь — и здѣсь онъ получитъ за мздопріимство достойное возмездіе. Лихоимство для судіи есть завѣтный плодъ, котораго онъ не долженъ касаться подъ страхомъ тяжкаго наказанія. Если же откроется, — а нѣтъ тайны, которая бы не открылась (Лук. 12, 2), — если откроется, что судія сорвалъ его: то *далеко нигдѣ* въ потѣ лица будетъ себѣ снискивать хлѣбъ (Быт. 3, 19).

Но кажется утомилось уже вниманіе ваше, почтенные слушатели! И такъ прекратимъ наше слово, хотя важность его предмета требовала продолжительнѣйшаго разглагольствія и лучшихъ словесъ. Или, можетъ быть, вы желаете еще услышать отъ насъ, какъ познать и отличить мужей сильныхъ, Бога боящихся, мужей праведныхъ, ненавидящихъ корысти? Вотъ вамъ краткій совѣтъ: обратите вниманіе на образъ жизни избираемыхъ, на ихъ дѣла, на ихъ домоправленіе. *Аще кто своего дому не умѣетъ правити*, говоритъ Апостолъ, кто о себѣ и *о своихъ не промышляетъ*: какъ

тотъ можетъ пещися о чуждыхъ домахъ, о благѣ другихъ (1 Тим. 3, 5. 5, 8)? По сему, если кто, будучи просвѣщенъ свѣдѣніями, необходимыми для человѣка и гражданина, не губитъ времени въ бездѣльной праздности или въ суетной дѣятельности, но посвящаетъ оное на занятія истинно-полезныя: это признакъ, что сей человѣкъ имѣетъ умъ. Кто не кичится въ счастіи и не малодушествуетъ въ несчастіи, не напыщается предъ низшими и не пресмыкается предъ высшими: это признакъ, что сей человѣкъ крѣпокъ духомъ, имѣетъ характеръ постоянно-благородный. Кто сердцемъ преданъ святой Вѣрѣ, а чуждъ нечестиваго вольномыслія; кто съ благоговѣніемъ чтитъ уставы Церкви православной и усердно исполняетъ всѣ постановленія Монаршей власти, отъ Бога установленной (Рим. 13, 1): это признакъ, что сей человѣкъ имѣетъ страхъ Божій. Кто не подаетъ и не терпитъ соблазна въ семействѣ своемъ, кто въ кругу подчиненныхъ сохраняетъ порядокъ, миръ и тишину: это при-

знакъ, что сей человѣкъ добродѣтеленъ и правдивъ. Наконецъ, кто безкорыстно благотворя другимъ, для своего обогащенія не дѣлаетъ подвластныхъ ему нищими, не изнуряетъ ихъ тяжкими трудами и налогами: это признакъ, что сей человѣкъ некорыстолюбивъ. Вотъ вѣрные признаки достойныхъ судей! Отъ вашего благоразумія и безпристрастія зависитъ приложить ихъ къ избираемымъ.

Но при всемъ отличномъ благоразуміи вашемъ, поч. слуш., при всемъ вашемъ безпристрастіи, въ которомъ мы не смѣемъ сомнѣваться, вы, какъ человѣки, легко можете и неумышленно погрѣшить въ избраніи судей. Легко можете вмѣсто пастырей добрыхъ избрать нерадивыхъ наемниковъ, или даже волковъ алчныхъ, скрывающихъ свою лютость подъ видомъ незлобивыхъ агнцевъ, дабы тѣмъ удобнѣе поядать стадо, ввѣренное ихъ храненію. По сему, дабы не подвергнуться такой погрѣшности, отъ которой можетъ произойти столько злоупотребленій, притѣсненій, обидъ,—

отъ которой тысящи будутъ страдать, стенать и проливать горькія слезы, дабы не подвергнуться сей пагубной погрѣшности: то каждый изъ васъ, намѣреваясь бросить свой жребій, долженъ, по примѣру Апостоловъ, съ вѣрою помолиться и рещи Богу въ своемъ сердцѣ: *Господи Сердцевѣдче всѣхъ! покажи, егоже избралъ еси* отъ сихъ многихъ *пріяти жребій служенія* общественнаго (Дѣян. 1, 24. 25). Тогда Господь по вѣрѣ нашей укажетъ вамъ мужа достойнаго! Аминь.

VI.

ДУХЪ И ПЛОТЬ.

Между различными родами живыхъ существъ, населяющихъ землю, мы встрѣчаемъ одинъ, особенный родъ, который можно почитать начальнымъ звеномъ новаго міра. Это—человѣкъ.

Человѣкъ, имѣя тѣло составленное изъ вещественныхъ стихій, проходитъ свое земное поприще такъ же, какъ и всякое другое живущее существо. Онъ раждается, растетъ, чувствуетъ нужды, подверженъ болѣзнямъ, старѣетъ, и—умираетъ. Хотя красивая наружность отличаетъ его отъ прочихъ животныхъ, и въ ряду ихъ поставляетъ на первомъ мѣстѣ: однако иной можетъ почесть ее игрою природы, которой произведенія такъ безчисленно разнообразны, или даже производитъ сіе преимущество человѣ-

ка изъ собственной его суетности: ибо человѣкъ же произноситъ судъ о красотѣ и изяществѣ своей наружности. Но пусть объ этомъ думаютъ, какъ кому угодно; пусть вѣрятъ, что животныя, если бъ могли подать свой голосъ, не согласились бы уступить человѣку первенства вразсужденіи тѣлеснаго устроенія: только подъ этою грубою, земною оболочкою бьется чувствительное сердце, и въ этомъ животномъ тѣлѣ обитаетъ мыслящій, познающій, имѣющій самосознаніе, безсмертный духъ!

Откуда явился здѣсь, среди земной персти духъ мыслящій, чувствующій, имѣющій самосознаніе? Изъ какихъ странъ пришло ты сюда, въ міръ вещественный, чудное, непонятное существо? Изъ какихъ стихій составилось? Откуда такъ неожиданно, такъ непостижимо, являешься ты въ человѣкѣ? Я говорю: *неожиданно*, ибо мы не видимъ ничего ему подобнаго ни въ одномъ существѣ, даже самомъ близкомъ къ человѣку въ другихъ отношеніяхъ. Много было го-

ворено о душахъ животныхъ, о ихъ способностяхъ, хитростяхъ: но самосознанія не отъискано ни въ одномъ изъ нихъ; а оно есть средоточіе, въ которомъ соединяется все достоинство духа. Всѣ превозносимыя способности животныхъ, напр. слона, бобра и нѣкоторыхъ другихъ, подчинены инстинкту, а не свободѣ. Только человѣкъ самостоятельно и свободно мыслитъ, судитъ, хочетъ. Какъ объяснить сіе явленіе? Разложите человѣческое тѣло на самомалѣйшія составныя части: вы не найдете нигдѣ даже слѣда того, что можно было бы счесть особенною стихіею духа. Его физическое устроеніе совершенно такое же, какое въ животныхъ; и хотя человѣческій черепъ содержитъ въ себѣ больше мозга, однако законы его организаціи тѣ же, какія и у нихъ.—Я говорю: *непостижимо*, потому что всѣ оныя древнія и новѣйшія предположенія о происхожденіи человѣческаго рода, ни мало не объясняютъ намъ, *какъ* человѣкъ получилъ самосознаніе. Изъ ила, положимъ, могутъ раждаться насѣкомыя,—но, какъ

бы ни увѣряли древніе Египетскіе мудрецы, нельзя согласиться, чтобъ тамъ же получило бытіе и существо одаренное свободою; тѣмъ менѣе могли образоваться изъ Девкаліоновыхъ камней— человѣческія сердца. Производить людей отъ обезьянъ можно было бы, если бъ опытъ показалъ намъ хоть одного такого Орангъ-утанга, который сдѣлался человѣкомъ. Такимъ сказкамъ пусть вѣрятъ Негры на берегахъ Гвіаны: у насъ онѣ остаются сказками. Въ сумасшествіи или во время болѣзни человѣкъ можетъ низходить въ состояніе несмысленнаго животнаго; но это ничего не доказываетъ. Могутъ и недѣлимыя и цѣлыя племена подвергаться болѣзнямъ; но болѣзнь—не есть естественное ихъ состояніе. Мы—люди, и спрашиваемъ: какъ *мы* произошли? Отвѣтъ, самый естественный, самый разумный, единственный, какой можно дать на сей вопросъ есть слѣдующій: *созда Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его, мужа и жену сотвори ихъ* (Быт. 1, 27). Такое

объясненіе не проще ли, не основательнѣе ли всѣхъ ученыхъ предположеній?

И такъ моя душа получила бытіе отъ Бога. Къ Богу она и возвратится изъ своего земнаго странствованія.

Въ царствѣ животныхъ и растеній мы примѣчаемъ постепенность: нѣтъ большихъ промежутковъ между видами и родами. Но все сотворенное есть одно цѣлое, одна осуществленная мысль Божія: почему жъ не допустить, что человѣкъ составляетъ собою среднее звено между землею и небомъ, между животнымъ и Ангеломъ? Почему не допустить, что горній міръ соприкасается дольнему, и тамъ, гдѣ находится точка сего соприкосновенія, поставленъ человѣкъ? Ты удивляешься тому, что тебѣ не вполнѣ извѣстна связь высшаго міра съ низшимъ? Но твое бытіе только что начинается; это первое удареніе пульса; и ты ужъ хочешь быть всевѣдущимъ? Ты немногое можешь знать ясно и удовлетворительно; но способность предощущать, вѣровать, надѣяться, любить, дарована тебѣ въ обиліи. Довольствуйся

нока ею: она предвѣстница твоего будущаго совершеннѣйшаго просвѣщенія и блаженства.

Авва Отче! такъ я и здѣсь уже имеǹую Тебя, Боже мой! такъ я и тамъ буду взывать къ Тебѣ; но я тогда буду ближе созерцать Твою славу. Нынѣ познаю Тебя отчасти, а тогда узрю Тебя, какъ Ты есть, Всеблагій (1 Іоан. 3, 2). Ты существуешь, и Твое бытіе служитъ мнѣ ручательствомъ, что буду и я существовать: ибо Твое бытіе есть неизмѣнное хотѣніе, чтобъ существовали и мы, первенцы Твоихъ земныхъ тварей. Мудрецы, величающіеся познаніемъ таинъ природы и духа; вы, усиливающіеся превратить бытіе въ ничтожество! испытайте здѣсь свои силы: всѣ ваши умствованія сокрушаются о сію истину: «Онъ всегда существуетъ, и мы будемъ всегда существовать!» Мало сего, мы не только будемъ безсмертны, но даже теперь безсмертны. За чемъ ты ищешь свое безсмертіе по ту сторону гроба? Или ты недоумѣваешь о будущей жизни, потому, что не знаешь ея? Но развѣ

завтрешній день извѣстенъ тебѣ? развѣ ты знаешь мгновеніе, послѣдующее за настоящимъ? и однако жъ сомнѣваешься ли въ томъ, что оно наступитъ?—И самое любопытство, такъ заботливо старающееся прояснить тебѣ все относящееся до будущей жизни, не есть ли уже предчувствіе, сознаніе ея? Нѣтъ ни одного народа, который бы не вѣрилъ въ безсмертіе, который бы по крайней мѣрѣ не имѣлъ темнаго понятія о немъ. Откуда сіи понятія, и притомъ у такихъ людей, которымъ извѣстны однѣ чувственныя нужды? Это или остатки, отголоски счастливѣйшихъ временъ, когда люди имѣли лучшія свѣдѣнія о мірѣ духовномъ, или плодъ человѣческаго духа, сознающаго свое назначеніе; и въ томъ и другомъ случаѣ, ихъ основаніе незыблемо.—И сомнѣніе о безсмертіи—что оно значитъ? Сомнѣніе всегда только сомнѣніе, а не увѣренность. Укажите сомнѣвающемуся человѣка, рѣшительно не вѣрующаго въ безсмертіе: онъ будетъ презирать такого вольнодумца, потому что рѣшительно отвергающій бу-

дущую жизнь—рѣшительно негодный человѣкъ! Ибо человѣкъ потолику имѣетъ какое либо достоинство въ глазахъ ближняго и собственныхъ, поколику одаренъ способностями вѣровать и любить. Таково свойство всякаго ограниченнаго существа, облеченнаго плотію, что истина отчасти открыта ему, а отчасти сокрыта отъ него. Сочувствіе съ невидимою истиною и жизнію есть вѣрованіе. Чѣмъ болѣе кто либо обнаруживаетъ въ себѣ расположенія, вниманія къ невидимому; тѣмъ болѣе заслуживаетъ уваженіе. Тотъ былъ бы самымъ пустымъ, самымъ глупымъ человѣкомъ, кто осмѣлился бы сказать о себѣ, что ему ничего неизвѣстно, что онъ ничему не вѣритъ. Были такіе умствователи, которые отреченіе отъ будущей жизни называли дѣйствіемъ душевной крѣпости, расположеніе къ добру, замѣченное въ сомнѣвающихся о безсмертіи души,—возвышенностью духа: и однако жъ тутъ нѣтъ ни малѣйшей ни возвышенности, ни твердости. Это чистая слабость: слабость въ знаніи, по-

тому что истинное знаніе всегда приводитъ къ вѣрѣ, даже само оно есть отчасти вѣра; слабость въ добродѣтели, потому что добродѣтель безъ ожиданія будущей жизни есть не болѣе, какъ мірское, расчетливое благоразуміе. Если я невѣченъ, то я не могу быть и истинно—добрымъ. Если я невѣченъ, то я не могу быть истинно—разумнымъ существомъ.—Каждая твоя способность, каждое движеніе твоего духа, каждое сердечное ощущеніе свидѣтельствуетъ о твоемъ союзѣ съ міромъ невидимымъ: и ты хочешь расторгнуть сей союзъ, потому только, что не можешь видѣть чувственными очами незримаго, не можешь осязать неосязаемаго? Ты хочешь расторгнуть сей союзъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ истребить въ себѣ всякое благородное расположеніе, всякое доброе ощущеніе, и оставить—одинъ скелетъ, который завтра же превратится во прахъ? О, истинно ты самъ не знаешь, что дѣлаешь: иначе не сталъ бы такъ легкомысленно шутить столь важнымъ предметомъ!

Поступимъ далѣе. Если мой духъ предназначенъ для вѣчности, то для чего онъ соединенъ съ плотію, съ чувственнымъ міромъ?

Чувственный міръ объемлетъ, можно сказать, человѣка со всѣхъ сторонъ. Ни одно живое существо такъ не порабощено ему въ началѣ своего бытія, какъ человѣкъ; ни одно изъ нихъ не бываетъ при рожденіи своемъ такъ немощно, такъ безпомощно, зависимо. Жалкое существо! что было бы съ тобою, еслибъ попечительная любовь родителей не охраняла твоего младенчества? — Одна половина юности его принадлежитъ сну и удовлетворенію чувственныхъ нуждъ, другая—играмъ. Потомъ начинаетъ раскрываться внутренній человѣкъ; но какъ слабо, какъ медленно! Отъ перваго слова, которое дитя научается произносить, до нѣсколько—замѣтной степени образованія человѣческаго, сколько надобно ему преодолѣть препятствій! И когда человѣкъ уже достигъ до сей степени,— и тогда много ль онъ знаетъ о томъ, что ожидаетъ его въ будущности, о чемъ

гадаетъ его сердце, что какъ бы мелькаетъ предъ очами его духа! Цѣль его всегда вдали, а міръ всегда при немъ, въ немъ самомъ. Это узы, облегающія его со всѣхъ сторонъ; это тяжесть, обременяющая духъ его и увлекающая долу. Нѣтъ свободы духа,—нѣтъ и чистой добродѣтели! Одни такъ погружены въ чувственность, что не только не приносятъ плодовъ правды, но и вовсе не возникаютъ изъ праха. Посмотрите на сихъ сластолюбцевъ, честолюбцевъ, любостяжателей, на сихъ суетныхъ искателей разсѣянности: они рабствуютъ міру; ему они продали души свои. Другіе трудятся въ половину: они преодолѣваютъ слабыя препятствія, но страшатся борьбы, требующей больше усилій и власти надъ собою. Очень немногіе нѣсколько воспаряютъ надъ міромъ съ его суетами; но только Одинъ могъ сказать на землѣ: *Я побѣдилъ міръ* (Іоан. 16, 33).

Если же человѣкъ, болѣе всѣхъ прочихъ живыхъ тварей, вначалѣ бываетъ зависимъ отъ міра, и уже постепенно

отрѣшается отъ него; то по чему не сказать, что онъ, живя въ семъ мірѣ, только—*раждается*? Міръ, коего отношеніе къ нашему духу столь немногіе правильно понимаютъ, есть училище, въ которомъ я долженъ получить воспитаніе и образованіе; есть почва, на которой произрастаетъ и развѣтаетъ духъ мой. Насильственно расторгающій связь духа съ плотію лишаетъ его питательныхъ соковъ, нужныхъ для его оплодотворенія. Не убѣгать отъ міра, но преодолѣвать его, мужественно противиться его соблазнамъ, упражнять и укрѣплять свои силы въ борьбѣ съ его искушеніями: вотъ обязанность человѣка относительно къ міру! Вся наша земная жизнь есть великое рожденіе: начало его совершенно чувственное; подъ перстною оболочкою образуется почка, изъ которой долженствуетъ нѣкогда развиться величественное древо; тысячи опасностей угрожаютъ ей и должны угрожать, должны постигнуть ее, дабы возбудить въ ней и укрѣпить жизненную силу. Медленно совершается рож-

деніе человѣка; всюду встрѣчаются преграды, всюду требуется усиліе. Наконецъ рожденіе кончилось, и новорожденный, вратами смерти, вступаетъ въ жизнь! Вы спросите: всякой ли умирающій дѣйствительно родился, созрѣлъ для новаго міра? Вотъ краткій отвѣтъ на сей вопросъ: кто не созрѣлъ для жизни, тотъ не можетъ и жить истинною жизнію; ему надобно *снова родиться* (Іоан. 3, 3). *Никто же пріидетъ къ Отцу, токмо Мною,* говоритъ Спаситель (Іоан. 14, 6).

VII.

БЕСѢДА
СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО
о Давидѣ и Саулѣ.

Недавно вы хвалили незлобіе Давида, а я удивился вашему къ Давиду благорасположенію и любви; ибо мы не малой награды достойны бываемъ не только тогда, какъ сами ревностно подвизаемся на пути добродѣтели, но и тогда, когда воздаемъ хвалу и удивляемся другимъ, которые идутъ симъ путемъ. Равно какъ заслуживаемъ и не легкое мученіе не только тогда, какъ сами идемъ путемъ порока, но и тогда, какъ хвалимъ другихъ, живущихъ порочно; — даже, чего не льзя и сказать безъ удивленія, похваляющимъ порочныхъ предлежитъ мученіе гораздо тягчайшее, не-

жели тѣмъ, которые живутъ порочно. А что это правда, сіе открывается изъ слѣдующихъ словъ Ап. Павла. Онъ, изчисливъ всѣ виды пороковъ и признавъ виновными всѣхъ, попирающихъ законы Божіи, присовокупляетъ о тѣхъ, которые одобряютъ законопреступниковъ, слѣдующее: *Иже и оправданіе Божіе разумѣвше, яко таковая творящіи достойни смерти суть, не точію сами творятъ, но и соизволяютъ творящимъ. Сего ради безотвѣтенъ еси, о человѣче!* (Рим. 1, 32. 2, 1). Видишь — Апостолъ сими словами хочетъ показать, что грѣхъ послѣднихъ тягчае грѣха первыхъ, Ибо за одобреніе согрѣшающихъ возвѣщается гораздо большее наказаніе, нежели за самое согрѣшеніе. И это весьма справедливо. Ибо таковое благорасположеніе къ согрѣшающимъ есть знакъ развращенной и неисцѣльною болѣзнію страждущей души. Кто по содѣланіи преступленія осуждаетъ свой грѣхъ, тотъ современемъ еще можетъ исправиться: но кто одобряетъ порокъ, тотъ самъ себя лишилъ врачевства по-

каянія. Посему справедливо Ап. Павелъ признаъ грѣхъ послѣднихъ тягчайшимъ грѣха первыхъ. И такъ, какъ тѣ, которые превозносятъ похвалами людей порочныхъ, подвергаются одинаковому мученію съ тѣми, которые сами предаются порокамъ, или еще тягчайшему; такъ и тѣ, которые хвалятъ людей добродѣтельныхъ и удивляются имъ, дѣлаются участниками вѣнцевъ, имъ уготованныхъ. Доказательство сему можно также видѣть въ Св. Писаніи. Въ бесѣдѣ съ Авраамомъ Богъ говоритъ ему: *благословлю благословящыя тя, и клянущыя тя прокляну* (Быт. 12, 3). Тоже всякой можетъ замѣтить и на Олимпійскихъ играхъ. Ибо не только восхищается подвижникъ, перенесшій труды съ потомъ и получившій вѣнецъ; но и зритель, изъявляющій удивленіе сему побѣдителю, не малое получаетъ отъ своей хвалы удовольствіе. Посему-то и я не только ублажаю Давида за его великодушіе, но и васъ за ваше къ нему благорасположеніе. Давидъ сражался, побѣдилъ и получилъ вѣнецъ; а вы не ма-

лую часть сего вѣнца получили за то, что прославили его побѣду. И такъ, чтобы доставить вамъ еще болѣе удовольствія и пользы, предложимъ вамъ и остальную часть сей исторіи.

Священный Писатель послѣ того, какъ привелъ самыя слова Давида, которыми онъ выразилъ свое несогласіе убить Саула, присовокупляетъ: *и не даде имъ воставшимъ убити Саула* (1 Цар. 24, 8). Сіи слова въ одно и тоже время показываютъ и великодушіе Давида, и стремленіе сподвижниковъ его къ убійству. Нынѣ многіе, по видимому кроткіе люди, хотя сами не соглашаются погубить враговъ своихъ, но когда другіе устрояютъ имъ погибель, они не хотятъ возбранить имъ. Не такъ поступилъ Давидъ. Почитая врага своего за нѣкій ввѣренный себѣ залогъ, въ которомъ долженъ былъ дать отчетъ, онъ не только самъ не коснулся его, но, какъ стражъ и наилучшій его защитникъ, не допустилъ и другихъ погубить его. Почему справедливо можно сказать, что Давидъ былъ тогда въ большей опасно-

сти, нежели Саулъ. Ибо не малая предлежала ему опасность, когда онъ всячески старался разрушить ковы, устрояемыя воинами противъ Саула. Онъ не столько боялся того, чтобы самому не быть убиту, сколько страшился того, чтобы воины, воспламененные гнѣвомъ, не умертвили его гонителя; посему-то столь сильно и защищалъ его. Воины были обвинителями Саула,—и обвиняли его тогда, какъ онъ спалъ; Давидъ—врагъ Сауловъ былъ его защитникомъ; Судіею былъ Богъ. Онъ утвердилъ опредѣленіе Давида; ибо сей безъ помощи Божіей не могъ бы укротить ярости воиновъ. Благодать Божія пребывала на устахъ Пророка, и сообщала словамъ его силу къ ихъ убѣжденію. Впрочемъ и самъ Давидъ не мало къ тому содѣйствовалъ. Онъ прежде пріучилъ воиновъ своихъ къ повиновенію, потому и въ настоящемъ случаѣ испыталъ ихъ готовность къ оному; ибо начальствовалъ надъ ними не какъ вождь надъ воинами, но какъ священникъ. Пещера, въ которой они укрывались, была церковію.

Здѣсь Давидъ, какъ нѣкій Епископъ, простеръ къ нимъ бесѣду, и по окончаніи оной принесъ удивительную и необыкновенную жертву: не тельца онъ возложилъ на жертвенникъ, не агнца закалъ, но, что гораздо сего драгоцѣннѣе, онъ принесъ Богу кротость и великодушіе, заклалъ безумную ярость, убилъ гнѣвъ, *умертвилъ уды, сущія на земли.* Такимъ образомъ самъ содѣлался и жертвою, и жрецомъ, и жертвенникомъ. Ибо и разумъ, приносившій кротость и великодушіе, и самое великодушіе и кротость, и сердце, на которомъ онѣ приносились, все принадлежало одному и тому же человѣку.

И такъ, когда Давидъ принесъ столь славную жертву, когда одержалъ сію побѣду и заключилъ ее полнымъ торжествомъ, тогда виновникъ безпокойствъ— Саулъ всталъ и вышелъ изъ пещеры, не зная ничего, что въ ней происходило. *Изыде же и Давидъ въ слѣдъ его,* взирая веселыми очами на небо, и радуясь теперь болѣе, нежели когда повергъ на землю Голіаѳа и отсѣкъ главу сему ино-

племеннику. Ибо настоящая побѣда его была славнѣе тогдашней, и добыча здѣсь важнѣе, и корысть значительнѣе, и торжество блистательнѣе. Тамъ нужна была праща, камни, и войско; здѣсь все это замѣнялъ разумъ, безъ оружія одержана побѣда, безъ пролитія крови воздвигнутъ трофей. По сему возвращаясь, Давидъ несъ не главу иноплеменника, но укрощенную ярость и обезоруженный гнѣвъ, и положилъ сію добычу не въ Іерусалимѣ, но на небѣ—въ семъ вышнемъ градѣ. Теперь не хоры женъ срѣтали его съ пѣніемъ въ честь его, но лики небесныхъ Ангеловъ восхваляли его, дивясь его великодушію и кротости. Онъ возвращался, нанесши тысячу ранъ врагу своему—не Саулу, котораго онъ сохранилъ, — но истинному врагу — діаволу; его—то Давидъ тяжко поразилъ! Ибо сей ненавистникъ мира, врагъ согласія и отецъ вражды, сколько радуется и веселится, когда овладѣваетъ нами гнѣвъ, когда мы другъ съ другомъ ссоримся, другъ на друга нападаемъ; столько же напротивъ скорбитъ и мучится, ко-

гда мы укрощаемъ гнѣвъ свой и пребываемъ между собою въ мирѣ и согласіи. И такъ вышелъ Давидъ, имѣя увѣнчанную десницу вмѣстѣ съ главою,—десницу, равноцѣнную міру. Ибо какъ цари, прежде увѣнчанія главы, часто увѣнчивали десницу отличившагося въ борьбѣ, или въ другихъ публичныхъ играхъ: такъ и Богъ увѣнчалъ ту руку, которая могла извлечь чистый мечь и показать его Богу неокровавленнымъ; которая могла противустать столь сильному стремленію гнѣва. Давидъ вышелъ не Сауловою діадимою, но вѣнцемъ правды украшенный. Онъ вышелъ не царскою багряницею одѣянный, но облеченный въ одежду, всякой ризы славнѣйшую,—въ одежду кротости, превосходящей природу человѣческую. Онъ вышелъ изъ пещеры съ такою же славою, съ какою три отрока вышли изъ пещи: ибо какъ сихъ не сожегъ огонь, такъ и его не опалило пламя гнѣва. Тѣхъ хотя снаружи и обнималъ огонь, но нимало не воспрепятствовалъ имъ бесѣдовать между собою; а у сего и внутри

находились горящіе угли, и отвнѣ діаволъ разжигалъ пещь—видѣніемъ врага, совѣтами воиновъ, легкостію совершить убійство, недостаткомъ близкихъ помощниковъ врагу, воспоминаніемъ о прошедшемъ, опасеніемъ въ будущемъ. Все это производило сильнѣйшее пламя, нежели хворость, смола, солома и все, чѣмъ разжигалась Вавилонская пещь: но Давидъ не воспламенился, не пришелъ въ страсть, сколь ни было сіе естественно, но вышелъ чистъ, и при видѣ врага сдѣлался еще великодушнѣе и разсудительнѣе. Ибо, видя врага своего спящимъ, неподвижнымъ, неспособнымъ ни къ какому дѣйствію, онъ говорилъ самъ себѣ: «гдѣ «теперь гнѣвъ оный? гдѣ злоба? гдѣ то«ликократныя злоумышленія и навѣты? «Все это миновалось и исчезло съ приб«лиженіемъ легкаго сна. Царь теперь «связанъ безъ всякихъ нашихъ о томъ «совѣтовъ и стараній.» Давидъ видѣлъ Саула спящаго, и разсуждалъ объ общей всѣмъ человѣкамъ смерти. Ибо сонъ не что иное есть, какъ кратковременная смерть и ежедневное скончаніе.

Не неприлично здѣсь упомянуть и о Даніилѣ. Ибо какъ онъ вышелъ изъ рва, побѣдивъ звѣрей, такъ Давидъ вышелъ изъ пещеры, укротивъ иныхъ лютѣйшихъ звѣрей. Какъ праведнаго Даніила со всѣхъ сторонъ обсидѣли львы, такъ на Давида устремлялись всѣхъ львовъ лютѣйшія страсти: съ одной стороны негодованіе на прошедшее, съ другой страхъ будущаго; однако же онъ обоихъ сихъ звѣрей укротилъ и обуздалъ, научая насъ чрезъ сіе, что всего безопаснѣе прощать враговъ, напротивъ же нѣтъ ничего опаснѣе желанія отмстить имъ. Такъ — Саулъ, гнавшій Давида, лежалъ обнаженъ, безоруженъ, лишенъ всякой помощи, преданъ въ руки гонимаго, какъ плѣнникъ; а Давидъ, уклонявшійся отъ гонителя, повсюду уступавшій ему, не предпринявшій самаго справедливаго нападенія, получилъ врага въ свои руки безъ всякихъ хитростей, безъ оружія, безъ коней, безъ воиновъ, и, что еще всего важнѣе, привлекъ къ себѣ тѣмъ большее благоволеніе отъ Бога. Ибо я не потому ублажаю сего Святаго, что онъ видѣлъ

врага у ногъ своихъ лежащимъ, но за то, что онъ пощадилъ его, имѣя въ рукахъ своихъ. Первое было дѣломъ силы Божіей, послѣднее же зависѣло отъ собственнаго его любомудрія. Какъ послѣ сего долженствовали быть послушны ему воины! какъ они усердно должны быть расположены къ нему! Если бы они имѣли тысячи душъ, то конечно всѣ оныя охотно предали бы за своего вождя, когда на самомъ опытѣ, изъ его снисхожденія ко врагу, дознали, какую онъ имѣетъ любовь къ нимъ—своимъ сподвижникамъ. Ибо если Давидъ былъ кротокъ и снисходителенъ къ своимъ гонителямъ, то не гораздо ли болѣе онъ долженъ быть расположенъ къ своимъ доброжелателямъ? Это самое и служило для него наилучшимъ залогомъ безопасности. Впрочемъ сподвижники Давидовы не только долженствовали болѣе возымѣть къ нему любви и усердія; но они должны были и ревностнѣе сражаться противъ враговъ его, когда узнали, что Самъ Богъ побораетъ по нихъ,—Богъ, всегда присущій ихъ вождю и благопоспѣшествующій во

всѣхъ дѣлахъ его. Отъ того-то они послѣ и повиновались Давиду, уже не какъ человѣку, но какъ ангелу. Такимъ образомъ еще прежде воздаянія отъ Бога, Давидъ уже и здѣсь, сохранивъ Саула, получилъ болѣе плода, и болѣе побѣдной славы, нежели какую могъ бы онъ получить, если бъ умертвилъ его. Дѣйствительно, какъ бы онъ могъ получить столько пользы, убивъ врага своего, сколько теперь получилъ плода, пощадивъ его? По сему и ты, когда оскорбившій тебя будетъ находиться въ рукахъ твоихъ, разсуждай, что гораздо лучше и полезнѣе пощадить, нежели погубить его. Ибо кто погубитъ врага своего, того грѣхъ сей будетъ каждый день и часъ преслѣдовать, такъ что мучимый угрызеніями преступной совѣсти, онъ часто будетъ обвинять самъ себя. Напротивъ, кто пощадитъ своего врага и въ минуты гнѣва возобладаетъ собою, тотъ послѣ будетъ радоваться и веселиться, питая пріятныя надежды и ожидая воздаянія отъ Бога за свое незлобіе. Если же постигнетъ его и зло какое, то онъ съ

полнымъ дерзновеніемъ будетъ обращаться къ Богу мздовоздаятелю; какъ все сіе испыталъ на себѣ Давидъ, который въ послѣдствіи за пощаженіе врага своего получилъ отъ Бога великое и удивительное воздаяніе.

Но посмотримъ, что слѣдуетъ далѣе. *И изыде Давидъ*, говоритъ Писаніе, *въ слѣдъ Саула изъ вертепа: и возопи Давидъ въ слѣдъ его, глаголя: Господине царю, и озрѣся Саулъ въ слѣдъ себе, и преклонися Давидъ лицемъ своимъ до земли, и поклонися ему* (1 Цар. 24, 9). Такой поступокъ не менѣе приноситъ чести Давиду, какъ и сохраненіе врага. Ибо, чтобы не возгордиться оказанными ближнему благодѣяніями,—чтобы не покориться сей столь обыкновенной людямъ страсти, онъ долженъ былъ имѣть необыкновенную душу. Благодѣтели, при видѣ облагодѣтельствованныхъ ими, обыкновенно поднимаютъ свои брови и презираютъ ихъ, какъ рабовъ. Но Давидъ поступилъ не такъ; онъ сталъ еще смиреннѣе послѣ своего благодѣянія. Причина сему была та, что успѣхъ въ дѣлахъ

своихъ онъ почиталъ зависящимъ не отъ своего старанія, но весь приписывалъ благодати Божіей. Посему-то кого онъ самъ сохранилъ, тому самъ и покланяется, и опять называетъ его царемъ, а себя именуетъ рабомъ, чтобы такимъ образомъ низложить гордость, укротить гнѣвъ и истребить ненависть.

Послушаемъ далѣе, какъ онъ извиняетъ Саула. *Почто слушаеши словесъ людей глаголющихъ: се Давидъ ищетъ души твоея* (1 Цар. 24, 10)? Выше свящ. Писатель сказалъ, что весь народъ былъ на сторонѣ Давида; царскіе слуги любили его; сынъ Царя и все войско были душевно расположены къ нему: какъ же Давидъ говоритъ, что были люди, которые обносили его, клеветали на него, и раздражали противъ него Саула? Что Саулъ не по наущенію другихъ, а самъ по своей собственной злобѣ вооружился противъ сего праведника, это ясно показываетъ писатель сей книги, когда говоритъ, что отъ похвалы, воспѣтой Давиду, родилась у Саула зависть, и что сія зависть ежедневно возрастала въ немъ

болѣе и болѣе. Для чего же Давидъ слагаетъ вину Саула на другихъ, говоря: *почто слушаеши словесъ людей глаголющихъ: се Давидъ ищетъ души твоея?* Конечно для того, чтобы дать ему случай укротить свою злобу. Такъ часто и родители поступаютъ съ дѣтьми. Чтобы исправить своего распутнаго, много худыхъ поступковъ надѣлавшаго сына, отецъ хотя бы совершенно былъ увѣренъ, что сынъ его самъ по себѣ, по собственному своему произволу предался такому распутству, однакожъ не рѣдко слагаетъ вину на другаго. «Знаю, «говоритъ онъ ему, что это не твой «былъ проступокъ; другіе тебя соблазнили и развратили; они всему этому «виною.» Слыша сіе, распутный сынъ можетъ нѣсколько одуматься и удобнѣе возвратиться на путь добродѣтели; — поелику ему совѣстно и стыдно покажется не быть достойнымъ такого о себѣ мнѣнія. Такъ и Павелъ поступилъ, пиша къ Галатамъ. Послѣ многихъ и пространныхъ, сдѣланныхъ имъ увѣщаній и страшныхъ обличеній, онъ, подъ

конецъ посланія, не желая болѣе обвинять ихъ, чтобы они сколько нибудь ободрились и могли найти извиненіе, говоритъ имъ такъ: *азъ надѣюся о васъ, яко ничтоже ино разумѣти будете: смущаяй же васъ понесетъ грѣхъ, кто бы ни былъ* (Галат. 5, 10). Тоже самое сдѣлалъ здѣсь и Давидъ. Въ словахъ сихъ: *почто слушаеши словесъ людей глаголющихъ: се Давидъ ищетъ души твоея?*—онъ давалъ Саулу разумѣть, что другіе раздражали его, другіе его разстроивали. Такимъ образомъ онъ всячески старался подать ему случай извиниться въ своихъ проступкахъ.

Далѣе Давидъ, защищая самаго себя, говоритъ: *се днесь видѣста очи твои, яко предаде тя Господь днесь въ руцѣ мои въ вертепъ, и не восхотѣхъ убити тебе, и пощадѣхъ тя, и рѣхъ: не нанесу руки моея на господа моего, яко помазанникъ Господенъ сей есть* (1 Цар. 24, 11). Они словами клевещутъ на меня, говоритъ Давидъ, а я дѣлами оправдываю себя, я поступками своими отражаю клевету. Мнѣ нѣтъ нужды въ

словахъ, когда самое дѣло можетъ яснѣе всякаго слова показать, кто они и кто я, и какая взнесена была на меня клевета и ложь. Въ удостовѣреніе сего я не другаго кого либо, но тебя самаго призываю въ свидѣтели,—тебя, котораго я спасъ. Но, скажетъ кто либо, какъ могъ Саулъ быть свидѣтелемъ? Ибо, когда сіе происходило, онъ спалъ, и словъ сихъ не слышалъ, и не видѣлъ, какъ Давидъ при немъ былъ, и какъ разговаривалъ съ воинами.—Какъ намъ отвѣчать на это, чтобы доказательство не потеряло своей очевидности?—Если бы Давидъ привелъ въ свидѣтели людей тогда съ нимъ бывшихъ, то Саулъ сталъ бы подозрѣвать ихъ свидѣтельство, какъ произнесенное людьми, благорасположенными къ праведнику. Если же бы онъ сталъ оправдывать себя какими нибудь болѣе или менѣе твердыми доказательствами, основанными на умозаключеніяхъ, то еще менѣе заслужилъ бы вѣроятія, потому что разумъ судіи былъ зараженъ предразсудками. Ибо если Саулъ, получивши столько благодѣяній, вооружается про-

тивъ того, кто не учинилъ ему никакой обиды: то какъ бы могъ онъ повѣрить, чтобъ обиженный, имѣя въ рукахъ своихъ обидѣвшаго, пощадилъ его? Люди по большей части судятъ о другихъ по себѣ самимъ. Такъ привыкшій къ пьянству не легко повѣритъ, чтобы какой нибудь человѣкъ жилъ трезвенно. Преданный распутству почитаетъ невоздержными и тѣхъ, которые живутъ цѣломудренно. Также похититель чужаго добра не легко повѣритъ, чтобы были люди, которые раздавали бы и свое имущество. Точно такъ и Саулъ, весь объятый гнѣвомъ, не легко повѣрилъ бы, чтобы какой человѣкъ столько обладалъ сею страстію, что не только никому не желалъ причинять обиды, но захотѣлъ спасти и того, отъ кого самъ получилъ обиду. И такъ поелику и разумъ судіи зараженъ былъ предразсудками, и свидѣтели, какіе ни были бы приведены, подверглись бы подозрѣнію: то Давидъ разсудилъ употребить такое доказательство, которое могло бы заградить уста самымъ упорнымъ про-

тивникамъ. Какое же это доказательство? Воскриліе одежды, которое онъ показывая сказалъ: *се воскриліе одежды твоея въ руцѣ моей, азъ отъяхъ воскриліе одежды твоея, и не убихъ тебе* (1 Цар. 24, 13). Безмолвный, но вмѣстѣ, и непререкаемый свидѣтель! «Если бы «я не былъ, говоритъ онъ, близъ тебя; «если бы я не стоялъ подлѣ самаго тво«его тѣла: то я не могъ бы отрѣзать »часть отъ твоей одежды.» Вотъ сколько пользы проистекло отъ того, что Давидъ въ самомъ началѣ испыталъ движенія гнѣва! То есть, еслибъ онъ не чувствовалъ сихъ движеній, то мы и не знали бы великости его духа; поелику пощада, которую онъ оказалъ врагу своему, многимъ показалась бы не плодомъ его великодушія, а дѣйствіемъ нечувствительности. Безъ движенія гнѣва онъ не отрѣзалъ бы и его одежды; не отрѣзавъ же края одежды, онъ никакъ иначе не могъ бы увѣрить врага. Теперь же его гнѣвъ и отрѣзанный край одежды служатъ несомнѣннымъ для насъ

доказательствомъ благоразумной его осмотрительности.

Послѣ того, какъ Давидъ представилъ столь истинное и твердое свидѣтельство, онъ еще призываетъ самаго врага своего въ судіи и свидѣтели своего уваженія къ нему. *Уразумѣй*, говоритъ онъ Саулу, *и виждь днесь, яко нѣсть злобы въ руцѣ моей, ниже презорства, а ты ищеши души моея изъяти ю.* Нельзя не удивляться здѣсь его великодушію, по которому онъ заимствуетъ свое оправданіе изъ обстоятельствъ одного настоящаго дня, какъ то показываютъ слова: *уразумѣй и виждь днесь.* Какъ бы такъ сказалъ онъ: «не говорю я о «прошедшемъ; для доказательства до«вольно мнѣ настоящаго дня.» Если бы захотѣлъ, Давидъ конечно могъ бы исчислить много великихъ благодѣяній, оказанныхъ Саулу: онъ могъ бы припомнить ему свое единоборство съ иноплеменникомъ, и сказать: «когда война «съ иноплеменниками, какъ нѣкое на«водненіе угрожало всей странѣ разоре«ніемъ; когда вы всѣ, въ уныніи и страхѣ,

каждый день ожидали себѣ смерти: я «безъ всякаго понужденія явился—и да«же, когда ты меня не допускалъ, когда, «удерживая, говорилъ: *не возможеши «пойти, яко ты дѣтищъ еси, сей же мужъ «борецъ есть отъ юности своея* (1 Цар. «17, 33), я не вытерпѣлъ, но одинъ за «всѣхъ устремился на противника, схва«тилъ его, отсѣкъ ему голову, остано«вилъ нападеніе враговъ, уподоблявшее«ся стремленію потока, и колеблемое «царство удержалъ отъ паденія.—Такимъ «образомъ ты мнѣ обязанъ за свою жизнь «и царство, и всѣ другіе мнѣ же одол«жены за сохраненіе ихъ отечества и «домовъ, женъ и дѣтей.» Кромѣ сего попобѣднаго торжества, Давидъ могъ еще упомянуть о другихъ браняхъ, не менѣе важныхъ, которыя онъ также счастливо окончилъ. Могъ присовокупить и то, что хотя Саулъ не одинъ разъ, не дважды, но многократно покушался погубить его, и даже бросалъ уже копье въ его голову, но онъ не помнилъ зла; что и послѣ сего, когда Саулъ, обѣщая наградить его за прежнее сраженіе, тре-

бовалъ съ него въ вѣно—не золота и серебра, а совершенной его погибели,— онъ однако и отъ сего не отрекся. Все сіе, и гораздо болѣе сего Давидъ могъ бы сказать; но онъ ничего такого не сказалъ: поелику хотѣлъ услугами своими не укорять его, а только удостовѣрить, что онъ изъ числа тѣхъ, которые его любятъ и охраняютъ, а не изъ тѣхъ, которые враждуютъ и злоумышляютъ противъ него. Посему-то все это оставивъ, онъ въ оправданіе свое привелъ только одинъ случай настоящаго дня. Столько-то онъ былъ чуждъ гордости и всякаго тщеславія, и всецѣло преданъ волѣ Божіей!

Да судитъ Господь между мною и тобою, продолжаетъ Давидъ. Сіи слова произнесъ онъ не потому, чтобы желалъ наказанія или отмщенія Саулу; но для того, чтобы воспоминаніемъ будущаго суда устрашить его, и не только его устрашить, но чтобы и себя защитить отъ всякаго подозрѣнія. Какъ бы такъ сказалъ онъ: «я могу болѣе всего оправдаться моими дѣлами; но если

«ты моимъ дѣламъ не вѣришь, то я при-
«зываю въ свидѣтели самаго Бога, ко-
«торый вѣдаетъ тайны сердца каждаго,
«и можетъ испытать совѣсть.» Говоря такимъ образомъ, Давидъ даетъ разумѣть, что онъ не дерзнулъ бы призвать сего нелицепріятнаго Судію и подвергнуть себя суду Его, если бы не весьма былъ увѣренъ въ совершенной чистотѣ своихъ расположеній къ Саулу. А что это не догадка, но дѣйствительно для того онъ упомянулъ о судѣ Божіемъ, чтобы и себя оправдать, и Саула умудрить, то сіе уже довольно ясно обнаруживается и изъ прежнихъ его поступковъ съ Сауломъ; а не менѣе того видно и изъ послѣдующаго поведенія Давидова. Ибо когда Саулъ, непреставшій гнать своего спасителя и искать его погибели, снова попалъ въ его руки и могъ быть совершенно истребленъ со всѣмъ своимъ войскомъ, Давидъ и тогда отпустилъ его цѣлымъ и невредимымъ; притомъ зная, что болѣзнь Саулова неисцѣльна, что сей недругъ никогда не оставитъ своей вражды на

него,—удалился отъ глазъ его, и жилъ у иноплеменныхъ народовъ, въ рабскомъ состояніи, терпя безчестіе и стыдъ, съ трудомъ и скорбію снискивая себѣ необходимое пропитаніе. Но не сіе только удивительно,—и то еще достойно удивленія, что Давидъ, услышавъ о смерти Саула на сраженіи, раздралъ на себѣ одежду, посыпалъ голову свою пепломъ, и, какъ иной сталъ бы плакать лишившись единороднаго и возлюбленнаго сына своего, такимъ плачемъ онъ восплакалъ о Саулѣ, непрестанно произнося его имя вмѣстѣ съ именемъ его сына Іоанаѳана, слагая ему похвалы, испуская жалобные вопли, до вечера пребывая безъ пищи, и проклиная тѣ самыя мѣста, которыя приняли въ себя кровь Саулову. *Горы Гелвуйскія,* взывалъ Давидъ, *да не снидетъ роса, ниже дождь на васъ:* горы смерти, *яко тамо поверженъ бысть щитъ сильныхъ* (2 Цар. 1, 21). Какъ часто отцы поступаютъ, т. е. показываютъ отвращеніе къ тому дому, въ которомъ умеръ сынъ ихъ, и съ неудовольствіемъ смотрятъ на ту дорогу,

по которой они сопровождали его къ могилѣ: такъ и Давидъ поступилъ. Онъ проклялъ тѣ горы, которыя приняли кровь Саула и Іонаѳана. «Ненавижу, говоритъ онъ, самое мѣсто, на которомъ «они пали мертвыми. Да не будетъ болѣе орошать васъ свыше дождь: ибо вы «однажды нещастно оросились кровію «друзей моихъ.» И непрестанно повторяетъ имена ихъ, говоря: *Саулъ и Іонаѳанъ возлюбленніи и прекрасніи неразлучни въ животѣ своемъ, и въ смерти своей не разлучишася* (2 Цар. 1, 23). Поелику онъ не могъ заключить въ свои объятія тѣла ихъ, то объемлетъ словомъ имена ихъ, и тѣмъ, по возможности, умѣряетъ свою скорбь и облегчаетъ великое свое злосчастіе. Въ самомъ дѣлѣ паденіе обоихъ въ одинъ день многимъ могло казаться крайнимъ злосчастіемъ; но Давидъ изъ сего самаго взялъ побужденіе къ утѣшенію: ибо сказать, что они, бывъ неразлучны въ жизни, не разлучились и въ смерти, не что другое значитъ, какъ преподать себѣ утѣшеніе. Въ семъ случаѣ онъ какъ бы

такъ говоритъ: «нельзя сказать, что «сынъ оплакивалъ свое сиротство, или «отецъ рыдалъ о потерѣ сына, но, чего «ни съ кѣмъ не случалось, то случилось «съ ними. Жизнь ихъ обоихъ вмѣстѣ и «въ одинъ день пресѣклась, и ни одинъ «послѣ другаго не остался; поелику каж- «дый изъ нихъ, одинъ безъ другаго, безъ «сомнѣнія, почитали бы несчастною «жизнь свою.»

Уже вы пришли въ чувство, прослезились, растрогалось сердце ваше, изъ глазъ вашихъ готовы литься слезы? О если бы въ сію минуту, когда еще столь пламенно горятъ сердца ваши, каждый изъ васъ вспомнилъ о врагѣ своемъ, о человѣкѣ, васъ оскорбившемъ,—и рѣшился охранять жизнь его и оплакивать смерть, не для тщеславія, но отъ души и отъ чистаго сердца! О если бы каждый изъ васъ старался все дѣлать, и въ случаѣ нужды, все терпѣть для того, чтобы не оскорбить обидѣвшаго васъ! Вы могли бы ожидать за сіе великихъ наградъ отъ Бога. Вотъ Давидъ уже получилъ и царство, но руки своей не

осквернилъ, а поелику десницу свою сохранилъ чистою, то и вѣнцемъ украсился, и на престолъ взошелъ, свѣтлѣе багряницы и діадимы сіяя тою славою, что пощадилъ врага своего и оплакалъ смерть его: посему-то не только при жизни онъ былъ славенъ, но и по смерти прославляется память его. Итакъ если и ты желаешь—и здѣсь получить безсмертную славу, и тамъ наслаждаться нетлѣнными благами: подражай добродѣтели сего праведника, ревнуй его великодушію, покажи на самомъ дѣлѣ такое же незлобіе, чтобы за перенесеніе одинаковыхъ съ нимъ трудовъ удостоиться одинаковыхъ и благъ, которыя всѣ мы да сподобимся получить благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, которому со Отцемъ и Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

VIII.

О ВОЗНЕСЕНІИ ІИСУСА ХРИСТА.

Славное вознесеніе Іисуса Христа на небо совершилось предъ Его Апостолами; посему ихъ повѣствованіе объ ономъ, какъ свидѣтельство очевидцевъ, достойно всякаго вѣроятія. По сказанію сихъ вѣрныхъ свидѣтелей вознесеніе Христово происходило слѣдующимъ образомъ. Іисусъ Христосъ, говорятъ Апостолы, во время послѣдняго своего явленія ученикамъ въ четыредесятый день по воскресеніи, укрѣпилъ въ нихъ вѣру—изъясненіемъ божественнаго Писанія, глаголющаго о Немъ; утвердивъ ихъ въ званіи своихъ всемірныхъ проповѣдниковъ; и наконецъ заповѣдавъ имъ не отлучаться изъ Іерусалима, доколѣ не пріимутъ свыше Божественной силы, необходимой для вѣрнаго исполненія возло-

женнаго на нихъ порученія, вывелъ ихъ вонъ до Виѳаніи, лежавшей недалеко отъ Іерусалима. Здѣсь въ послѣдній разъ Онъ благословилъ учениковъ своихъ, а потомъ сталъ отдаляться отъ нихъ и возноситься на небо; въ ихъ очахъ Онъ поднялся отъ земли, и наконецъ облако взяло Его изъ виду ихъ (Лук. 24, 50. 51. Дѣян. 1, 9). Когда же Апостолы, прибавляетъ Св. Лука, смотрѣли на небо, съ котораго они не сводили своихъ взоровъ и тогда, какъ Спаситель совершенно уже скрылся въ ономъ отъ очей ихъ: вдругъ предстали имъ два мужа въ бѣлой одеждѣ—два Ангела въ видѣ человѣческомъ, и сказали: *Мужіе Галилейстіи! что стоите зряще на небо? Сей Іисусъ вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо* (Дѣян. 1, 10. 11).

Вотъ исторія вознесенія Іисуса Христа! Истина, въ оной заключающаяся, не имѣетъ нужды въ доказательствахъ. Поелику вознесеніе Іисуса Христа есть естественное слѣдствіе Его воскресенія, и поелику неоспоримо, какъ мы видѣ-

ли (*), что Іисусъ Христосъ воскресъ своею собственною силою: то нѣтъ причины сомнѣваться, что Онъ также вознесся и на небо. Ибо, если судить и по человѣчески, гораздо легче живому вознестись на небо, нежели умершему возвратить себѣ жизнь. Съ другой стороны, если свидѣтельство Апостоловъ о воскресеніи Іисуса Христа достовѣрно, поколику они (какъ то мы *опять выше* видѣли) и сами не могли обмануться въ ономъ, и неспособны были другихъ обманывать: посему ихъ свидѣтельство должно почитать также достовѣрнымъ и въ томъ случаѣ, когда они увѣряютъ насъ, что Іисусъ Христосъ въ ихъ очахъ вознесся на небо.

Вотъ истина, достовѣрность которой для насъ очевидна! Ежели же кто, говоритъ Кириллъ Іерусалимскій, не будетъ вѣрить вознесенію Іисуса Христа, аки бы невозможному дѣлу; то напомни о томъ, что сказано о пренесеніи Аввакума (Дан. 14, 35). «Аще бо Аввакумъ отъ Ангела пренесенъ бысть; много паче

(*) См. Хр. Чт. 1833. мѣс. Апр. стат. 3.

и Пророковъ и Ангеловъ Владыка, своею силою сотворити Себѣ на небеса восходъ силенъ бѣ» (*). Напомни, продолжаетъ Отецъ, и другія подобныя сему чудеса, но притомъ всегда памятуй, что никто въ цѣломъ мірѣ не восходилъ такъ на небеса, какъ вознесся на оныя нашъ Спаситель. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на Еноха: онъ, по словамъ Писанія, *преложенъ бысть не видѣти смерти: и не обрѣташеся, зане преложи его Богъ* (Евр. 11, 5). Куда?—это отъ насъ сокрыто. Но Іисусъ Христосъ вознесся въ виду учениковъ своихъ на небеса. Правда, и Пророкъ Илія, по свидѣтельству того же Писанія, возносился на небо въ присутствіи ученика своего Елиссея. Но какъ различно вознесеніе Иліи отъ вознесенія Христова! Илія возносится на огненной колесницѣ, подъемлемой всемощною силою Божіею; его везутъ огненные кони; его поддерживаетъ и носитъ буря. Напротивъ, Іисусъ Христосъ, не имѣя нужды ни въ какой посторонней помощи, подъемлется и восходитъ на

(*) 14 Огл. поуч. по перев. Преосв. Амвросія.

небо своею собственною силою; потомъ, скрываясь изъ виду учениковъ своихъ, садится на облако—массу воздухообразную,—жидкую и зыбкую. Это, говоритъ Св. Златоустъ, Іисусъ дѣлаетъ для того, дабы показать намъ, что Онъ не былъ и не могъ быть поддерживаемъ ничѣмъ, кромѣ своего всемогущества. Далѣе, Писаніе словами: *взятъ бысть Илія яко на небо* (4 Цар. 2, 11) показываетъ только то, что онъ восхищенъ былъ въ нѣкую страну высшую, гдѣ угодно было Богу вселить его до времени. Ибо то же Писаніе, которое никогда само себѣ не противорѣчитъ, учитъ, что небо — жилище блаженныхъ, еще не было въ тѣ времена отверсто для людей (Іоан. 3, 13). Но Іисусъ Христосъ не останавливается на небѣ Иліинномъ, а восходитъ несравненно выше. Это видно изъ словъ Ап. Павла. Онъ говоритъ, что Іисусъ Христосъ *вниде въ самое небо* (Евр. 9, 24); прошелъ небеса (4, 14); былъ превознесенъ выше небесъ (7, 26). Сихъ мѣстъ Писанія не льзя разумѣть такъ, будто Спаситель про-

шелъ небеса, и потому опять сошелъ оттолѣ; ибо Евангелисты и Ап. Павелъ прямо говорятъ, что Іисусъ Христосъ пребываетъ на небѣ, и снидетъ уже оттолѣ нѣкогда судить насъ. Въ помянутыхъ возвышенныхъ выраженіяхъ Апостолъ хотѣлъ намъ показать, что Іисусъ Христосъ въ день вознесенія своего возшелъ несравненно выше, нежели какъ мы себѣ представить можемъ, и что нашъ разумъ весьма слабъ для того, чтобы слѣдить за Нимъ туда, гдѣ Онъ пребываетъ.

Посему намъ должно оставаться въ тѣхъ границахъ, которыя для насъ назначены. Впрочемъ, хотя намъ не дано силъ вполнѣ постигнуть великую тайну вознесенія Христова; однакожъ позволено устремлять взоры свои и досягать ими выше того облака, которое сокрыло Іисуса во время Его вознесенія отъ взоровъ Апостольскихъ. Ибо богодухновенный Пророкъ Давидъ, провидѣвъ Его торжественное восхожденіе на небо, изобразилъ намъ то удивленіе, ту радость и тотъ восторгъ, которыя ощущали не-

божители при шествіи Побѣдителя смерти и ада ко вратамъ блаженнаго ихъ жилища, для воспріятія надъ нимъ славнаго владычества. «Отверзайте, Князи воинства небеснаго,» взываютъ Ангелы къ духамъ высшимъ, «отверзайте врата ваши; отверзайтесь вы, врата вѣчныя! Царь славы входитъ!»—Кто есть сей Царь славы? вопрошаютъ въ небесномъ восхищеніи послѣдніе.—Тѣ въ свою чреду опять говорятъ имъ: «ужели вы не знаете, кто Онъ?—Это Іегова крѣпкій и сильный, Іегова сильный въ брани! Итакъ отверзайте, князи небесные, врата ваши! отверзайтесь двери вѣчныя, да внидетъ съ торжествомъ Царь славы». Тогда всѣ небожители какъ бы внѣ себя отъ радости, воскликнули: «кто есть сей Царь славы? Это Іегова; это Господь всѣхъ воинствъ небесныхъ; Онъ Царь славы!» (Пс. 23, 6—10).

При семъ-то всеобщемъ ликованіи и восторгѣ Ангеловъ, Архангеловъ и всѣхъ блаженныхъ духовъ Іисусъ Христосъ восходитъ на небо! Но Св. Павелъ, согласно съ Давидомъ (Пс. 67, 19), учитъ,

что Онъ возшелъ туда не одинъ. По свидѣтельству сего Апостола, Спаситель восходя на высоту, велъ съ собою изъ плѣна сонмъ плѣнниковъ (Еф. 4, 8. 9). Сей сонмъ плѣнниковъ, по мнѣнію Св. Отцевъ Церкви, составляли Патріархи, Пророки, и другіе праведники ветхозавѣтные, къ которымъ Іисусъ Христосъ за 40 дней предъ симъ сходилъ во адъ.— Для сихъ святыхъ людей, бывшихъ доселѣ плѣнниками ада, прежній плѣнъ измѣнился теперь на плѣнъ другой, вожделѣннѣйшій,—когда Іисусъ Христосъ, искупивши ихъ своею кровію, какъ бы для большаго торжества своей побѣды надъ адомъ, въ день вознесенія своего привелъ и ихъ за собою на небо. Христовъ плѣнъ душъ праведныхъ мы называемъ вожделѣннымъ; ибо Спаситель поступаетъ съ плѣнниками своими совершенно иначе, нежели какъ обращались съ побѣжденными народами гордые ихъ побѣдители. Сіи, по окончаніи побѣднаго торжества, съ приведенными плѣнниками своими обыкновенно поступали такъ: знатнѣйшихъ изъ нихъ по

большей части предавали смерти, а прочихъ, какъ животныхъ, продавали за низкую цѣну. Но Спаситель міра привязываетъ, такъ сказать, плѣнниковъ своихъ къ своей побѣдной колесницѣ узами любви, и дѣлаетъ ихъ участниками своей собственной славы. Блаженъ сей плѣнъ; нельзя не желать его! Блаженство онаго для плѣнниковъ увеличивается увѣренностію, что онъ навсегда останется ихъ достояніемъ. Благое иго! Тѣ, которые станутъ нести его на себѣ въ продолженіи жизни своей, вѣчно будутъ ощущать пріятность онаго. Они во всю вѣчность, и гораздо совершеннѣе, нежели на землѣ, будутъ собственнымъ опытомъ увѣряться, что жить для себя есть самое большее несчастіе всякаго разумнаго существа; напротивъ, жить для Бога и Единороднаго Сына Его Іисуса Христа есть самое высшее блаженство человѣка.

Такъ Іисусъ Христосъ вошелъ въ славу свою! Онъ, какъ Богъ, имѣлъ ее отъ вѣчности; а, какъ человѣкъ, съ первой минуты своей земной жизни имѣлъ уже на оную полное право; ибо Онъ не

только не показалъ въ себѣ ничего неблагоугоднаго Богу, но, по своей совершеннѣйшей святости, заслуживалъ постоянно Его благоволеніе. Впрочемъ Спаситель по своей волѣ отрекся до времени отъ сей славы; и при всей возможности вести на землѣ жизнь самую славную, благоволилъ подвергнуть себя уничиженію, посмѣянію и самой смерти. Сіе состояніе Его уничиженія кончилось собственно уже тогда, какъ Онъ, побѣдивъ смерть своею крестною смертію, нисходилъ во адъ, какъ Владыка. Отселѣ началось состояніе славы Его, и сія слава еще болѣе увеличилась, когда Его Божественная душа, вышедъ изъ ада, соединилась съ Его прославленною плотію въ день воскресенія. Впрочемъ, сколь ни славно было воскресеніе Іисуса Христа, все еще къ полной славѣ Его чего-то недоставало. Все, что Онъ дѣлалъ въ продолженіи четыредесяти дней до вознесенія Своего: стараніе убѣдить Апостоловъ въ своемъ воскресеніи, объясненіе имъ Писанія, обѣтованія и повелѣнія имъ данныя—все это составляло часть

Его служенія въ дѣлѣ нашего спасенія, которое Онъ устроялъ въ семъ мірѣ еще до своей смерти; все это было только продолженіемъ и довершеніемъ онаго служенія; и въ семъ отношеніи Іисусъ Христосъ, можно сказать, принадлежалъ еще къ сей жизни. Посему-то, хотя сія полная и совершенная слава, которую Онъ, при всемъ правѣ своемъ на нее, не возгнушался купить цѣною *толикихъ* страданій, уже принадлежала Ему; но Онъ еще не наслаждался оною вполнѣ: только тогда, когда оставивъ землю и міръ, возшелъ на небо, Онъ истинно вступилъ въ обладаніе своею славою.

Подивимся сему Божественному домостроительству спасенія! Вознесемъ наши взоры къ небу, и преклонимся не главами токмо, но и сердцами предъ Спасителемъ нашимъ, сѣдящимъ нынѣ во славѣ одеспую Отца. Но также не забудемъ и того, что Ангелы сказали Апостоламъ: *Мужіе Галилейстіи! что стоите зряще на небо?*—Въ семъ случаѣ Ангелы какъ бы такъ говорили Апостоламъ: не теряйте времени въ безплодномъ

удивленіи; теперь вамъ должно не на небо смотрѣть, куда вознесся вашъ Божественный Учитель; но исполненіемъ Его заповѣдей и проповѣданіемъ имени Его по вселенной, заслуживать тѣ небесныя обители, которыя Онъ пошелъ уготовить вамъ.

Урокъ сей относится и къ намъ не менѣе, какъ и къ Апостоламъ; онъ научаетъ насъ, что, хотя похвально удивляться чудесамъ Религіи, но главнымъ дѣломъ нашимъ должно быть точное исполненіе всѣхъ, содержащихся въ ней обязанностей. Хотя мы не призваны дѣлать все то, что дѣлали Апостолы, но первая изъ нашихъ обязанностей состоитъ, равно какъ и ихъ была, въ томъ, чтобы дѣйствовать и страдать за Іисуса Христа, какимъ бы то ни было образомъ. Эта обязанность заключаетъ въ себѣ всѣ прочія, и относится ко всѣмъ Христіанамъ, въ какомъ бы кто изъ нихъ состояніи ни находился, такъ что отъ исполненія оной Іисусъ Христосъ не исключаетъ никого. Онъ говоритъ: *Иже не носитъ креста своего, и въ слѣдъ Мене грядетъ, не можетъ Мой быти ученикъ*

(Лук. 14, 27); но *аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Марк. 8,34). Посему, послѣдователь Іисуса Христа долженъ отречься самого себя и терпѣливо ратоборствовать съ своими страстями; долженъ нести свой крестъ и страдать, побѣждая всѣ препятствія, встрѣчающіяся на пути ко спасенію; долженъ наконецъ шествовать по слѣдамъ Іисуса Христа, исполняя, по Его примѣру, всѣ добродѣтели. Въ этомъ заключается все,— всѣ наши обязанности заключаются въ сихъ немногихъ словахъ: мы должны дѣйствовать и страдать, дабы пребыть вѣрными Іисусу Христу. Для сего мы живемъ на землѣ, и только чрезъ сіе можемъ соединиться со Іисусомъ Христомъ на небѣ. Ибо не для однихъ Апостоловъ, но и для насъ Онъ пошелъ уготовить тамъ мѣсто. И къ намъ столько-же, сколько и къ Апостоламъ, относятся сіи слова Его: *да идѣже есмь Азъ, и тіи будутъ со Мною;* и намъ, какъ и Апостоламъ, предуготована слава небесная. Но еще разъ сообразимъ, за ка-

кую цѣну мы можемъ получить оную? Если Іисусу Христу, по собственнымъ словамъ Его, надлежало пострадать, чтобы войти въ славу свою (Лук. 24, 26), хотя Онъ и былъ совершенная святость; то чего не должны претерпѣть мы грѣшники, дабы содѣлаться достойными участвовать въ сей славѣ Спасителя? Не забудемъ сихъ словъ Его: *нѣсть ученикъ надъ учителя своего, ниже рабъ надъ господина своего. Довлѣетъ ученику, да будетъ, яко учитель его, и рабъ, яко господь его* (Матѳ. 24, 25). Итакъ, если нашъ Учитель пострадалъ, дабы войти въ славу свою, то по какому праву можемъ мы ожидать оной безъ всякихъ страданій?

Будемъ убо претерпѣвать въ семъ мірѣ скорби, гоненія и другія бѣдствія: это удѣлъ сей жизни. Правда, Богъ не попуститъ, чтобы наши искушенія были выше нашихъ силъ;—мы подвергнемся только такимъ борьбамъ, которыя соразмѣрны съ нашею слабостію, и притомъ онѣ,—скажемъ словами Ап. Павла,— вѣроятно не доведутъ насъ до проли-

тія крови (Евр. 12, 4); но всегда справедливо то, что, если хотимъ участвовать въ славѣ Іисуса Христа на небѣ, то должны участвовать и въ Его страданіяхъ на землѣ.—Такимъ образомъ, если мы не можемъ совершить тѣхъ же подвиговъ, какіе совершены Апостолами; то по крайней мѣрѣ примемъ отъ Его десницы, какъ вѣрный залогъ славы, тѣ скорби и несчастія, которыя угодно будетъ Ему ниспослать на насъ. Мы не погрѣшаемъ, когда говоримъ, что сіи скорби будутъ для насъ вѣрнымъ залогомъ славы небесной; ибо если достовѣрно то, что сей славы можно достигнуть только посредствомъ страданій со Іисусомъ Христомъ на землѣ, то не менѣе вѣрно и то, что мы, какъ учитъ Св. Павелъ, будемъ прославлены со Христомъ на небѣ, если постраждемъ съ Нимъ на землѣ (2 Тим. 2, 12. сн. Рим. 8, 17).

IX.

О СВЯТОМЪ ДУХѢ И ЕГО ДѢЙСТВІЯХЪ.

Вѣрую и въ Духа Святаго, Господа животворящаго, Иже отъ Отца исходящаго, Иже со Отцемъ и Сыномъ спокланяема и сславима, глаголавшаго Пророки: такъ мы ежедневно читаемъ въ Символѣ нашей вѣры. Въ сихъ словахъ православная Церковь научаетъ насъ, что мы должны вѣрить въ Св. Духа точно такъ же, какъ вѣримъ въ другія два Лица Св. Троицы,—должны вѣрить, что Онъ, подобно Отцу и Сыну, есть Богъ, и что мы обязаны имѣть къ Нему такое же почтеніе и благоговѣніе, такую же покорность, вѣру и любовь, какія имѣемъ и обязаны имѣть къ Богу Отцу и Сыну Божію.

Іисусъ Христосъ и Его Апостолы представили намъ сію истину въ полномъ свѣтѣ. Спаситель, незадолго предъ своимъ

страданіемъ, обѣщая послать своимъ ученикамъ Св. Духа, сказалъ имъ, что Онъ будетъ для нихъ инымъ Утѣшителемъ (Іоан. 14, 16). Но если бы иной Утѣшитель, заступившій мѣсто Іисуса Христа, имѣлъ менѣе Божественной силы и достоинства; то Его явленіе скорѣе бы привело въ уныніе, нежели утѣшило Апостоловъ въ разлукѣ съ Божественнымъ Учителемъ; посему сей иной Утѣшитель, обѣщанный Сыномъ Божіимъ, долженъ быть равный Ему Богъ. Еще, когда Іисусъ Христосъ посылалъ на всемірную проповѣдь своихъ Апостоловъ, и заповѣдалъ имъ крестить людей во имя Отца и Сына и Св. Духа; то въ семъ случаѣ Онъ никакого не сдѣлалъ различія между Св. Духомъ и двумя другими Лицами. Изъ сего очевидно, что Духъ Св. равенъ прочимъ Лицамъ Св. Троицы, и слѣд. Онъ, подобно Имъ, есть Богъ.

Богомъ исповѣдовали Его и Апостолы. Св. Петръ, укоряя Ананію за то, что онъ дерзнулъ *солгати Духу Святому* (Дѣян. 5, 3), говорилъ ему: *не человѣкомъ*

солгалъ еси, но Богу. Тоже видно и изъ слѣдующихъ словъ Іоанна Богослова: *Тріе суть свидѣтельствующіи на небеси, Отецъ, Слово, и Святый Духъ: и сіи три Едино суть* (Іоан. 6, 7). Наконецъ Ап. Павелъ часто говоритъ намъ въ своихъ посланіяхъ, что мы—храмъ Св. Духа, что Св. Духъ говорилъ устами Пророковъ, что Онъ освящаетъ насъ и оживляетъ наши души, что Онъ проникаетъ во всѣ глубины таинъ Божіихъ. Такія выраженія могутъ относиться токмо къ Богу; ибо одному Богу свойственно — имѣть храмы, потому что Онъ одинъ есть существо достопоклоняемое;—одному Богу свойственно говорить устами Пророковъ, ибо только Онъ видитъ будущее такъ же ясно, какъ настоящее и прошедшее; Богу токмо свойственно освящать людей, поелику одинъ Онъ можетъ изъ собственнаго нѣдра сообщать святость своимъ тварямъ; одному Ему свойственно оживотворять души, ибо Онъ одинъ имѣетъ жизнь въ себѣ самомъ; безъ Него нѣтъ ничего, кромѣ смерти и ничтожества; все су-

ществуетъ и имѣетъ жизнь чрезъ Него;—наконецъ Ему одному свойственно проникать во всѣ глубины таинъ Божіихъ, ибо проникающій глубины безпредѣльныя, не теряясь въ нихъ, долженъ быть безпредѣльнымъ и слѣдов. Богомъ.

Итакъ нѣтъ сомнѣнія, что Св. Духъ, подобно Отцу и Сыну, есть Богъ, и что мы столько же должны вѣрить въ Св. Духа, сколько вѣруемъ въ Бога *Отца* и Его Единороднаго Сына, Іисуса Христа, Господа нашего. Но намъ не должно останавливаться на семъ, и мы не имѣли бы вѣры въ существенный догматъ, если бы не исповѣдывали, вмѣстѣ съ православною Церковію, что Св. Духъ происходитъ отъ Отца. Слова Символа Никейскаго: *Иже отъ Отца исходящаго*, суть слова самаго Іисуса Христа. Онъ въ послѣдней утѣшительной своей бесѣдѣ съ учениками предъ страданіемъ, ясно сказалъ имъ, что пошлетъ имъ отъ Отца Духа истины, *Иже отъ Отца исходитъ* (Іоан. 15, 26). Впрочемъ Апостолы иногда именуютъ Духа Святаго и Духомъ Христовымъ, Духомъ Сына Божія; дабы чрезъ

сіе показать, что Онъ есть тотъ самый Духъ, который обѣщанъ Іисусомъ Христомъ, который исходатайствованъ Сыномъ Божіимъ (Іоан. 14, 17), котораго Отецъ посылаетъ во имя Единороднаго (ст. 26) для продолженія и довершенія начатаго Имъ дѣла спасенія человѣческаго (16, 12—14).

Можетъ быть, кто нибудь спроситъ: какимъ образомъ Св. Духъ происходитъ отъ Бога Отца? На сіе мы не можемъ ничего сказать; ибо не только человѣкъ, но конечно и Ангелы не могутъ постигнуть сію глубокую тайну. Можемъ ли мы проникнуть въ нее,—мы, для которыхъ самыя простыя дѣйствія души нашей служатъ неизъяснимою загадкою? Мы должны вѣрить, что Духъ Святый происходитъ отъ Отца; а какъ?—о семъ не нужно да и безполезно любопытствовать. Весьма прилично здѣсь напомнить о происхожденіи Св. Духа то, что Кириллъ Іерусалимскій говоритъ о рожденіи Сына Божія: «ниже самъ Св. Духъ о Сыновнемъ отъ Отца рожденіи (равно какъ и о своемъ отъ Него происхожденіи)

въ Писаніяхъ изглагола: почто убо много испытуеши, ихже ниже Духъ Святый написа въ Писаніяхъ? Написаннаго не вѣси, и не написаннаго ли испытуеши?» (Оглас. поуч. 11 перев. Преосв. Амвр.).

Намъ легче будетъ объяснить то, почему мы преимущественно предъ двумя другими Лицами приписываемъ Духу наименованіе Святаго. Безъ сомнѣнія не потому, чтобы Онъ былъ исключительно святѣе Отца и Сына; ибо конечно всѣмъ извѣстно, что три Лица Св. Троицы, составляющія Единаго Бога, совершенно равны между собою по святости, какъ и по другимъ Божественнымъ свойствамъ. Для чего же мы особенно усвояемъ Св. Духу сіе наименованіе?— Для того, дабы показать, что Онъ есть Виновникъ нашего освященія. Все, что дѣлаетъ Отецъ, дѣлаетъ и Сынъ, и что дѣлаютъ Отецъ и Сынъ, тоже дѣлаетъ и Св. Духъ. Но для очевиднѣйшаго представленія намъ того, чѣмъ въ особенности мы обязаны каждому изъ сихъ трехъ Лицъ, а можетъ быть и по дру-

гимъ причинамъ, Апостолы нѣкоторыя изъ дѣйствій Св. Троицы усвояютъ одному изъ трехъ Ея Лицъ предпочтительно предъ двумя другими. Такъ, по ихъ ученію, твореніе принадлежитъ Отцу, хотя Сынъ и Св. Духъ также творили міръ вмѣстѣ съ Нимъ; Сыну принадлежитъ искупленіе, хотя Отецъ и Св. Духъ въ немъ участвовали: наконецъ Св. Духу принадлежитъ освященіе, хотя Отецъ и Сынъ не менѣе Его служатъ источникомъ всякой святости.

Взойдемъ еще выше къ сей Божественной экономіи нашего спасенія. Человѣкъ былъ сотворенъ невиннымъ, и преисполненный всѣми благами, приличными его природѣ, долженъ былъ жить на землѣ въ союзѣ съ Творцемъ своимъ до времени болѣе тѣснѣйшаго съ Нимъ соединенія на небѣ: вотъ дѣло Отца—твореніе. Неблагодарный къ своему Создателю человѣкъ не умедлилъ грѣхомъ разстроить сіе дѣло и, учинившись врагомъ Божіимъ, онъ бы погибъ безвозвратно, еслибъ не явился Іисусъ Христосъ для уврачеванія зла, для удовлетворенія пра-

восудію Божію и для спасенія человѣка цѣною своей крови: вотъ дѣло Сына—искупленіе. Но чтобы человѣкъ могъ воспользоваться плодами смерти Христовой, ему надлежало прилѣпиться къ Іисусу Христу, а для сего онъ долженъ былъ напитаться Его ученіемъ, научиться Его закону, взять на себя Его иго; для произведенія въ насъ всѣхъ сихъ дѣйствій,—для нашего чрезъ нихъ освященія и посланъ намъ Духъ *Святый*: вотъ дѣйствіе Св. Духа—освященіе.

Какая удивительная связь! Какъ все здѣсь неразрывно послѣдуетъ и содѣйствуетъ одно другому! Что значило бы первоначальное наше назначеніе для блаженства, если бы Сынъ Божій не искупилъ насъ? Безъ сего искупленія мы были бы подвержены вѣчному наказанію за грѣхъ, который не могъ быть заглаженъ никакимъ раскаяніемъ человѣческимъ; а самое сіе искупленіе сколько бы оно ни было божественно, къ чему бы послужило намъ, если бы Св. Духъ не принялъ на Себя просвѣтить мракъ нашего духа и смягчить жестокость сер-

децъ нашихъ? Безъ Него воплощеніе Сына Божія, Его страданіе и смерть, Его воскресеніе и вознесеніе, словомъ: всѣ таинства и благодѣянія, соединенныя въ таинствѣ и благодѣяніи искупленія, были бы для насъ безполезны.—Что мы говоримъ? Всѣ онѣ послужили бы намъ въ осужденіе. Почему такъ?—Потому что безъ просвѣщенія и благодатнаго помазанія Св. Духа мы бы презрѣли, отвергли всѣ сіи таинства и благодѣянія Искупителя, и сею ужасною неблагодарностію еще болѣе содѣлались бы достойными ада. Вотъ чѣмъ одолжены мы Св. Духу! Вотъ почему преимущественно, вмѣстѣ съ Апостолами, мы называемъ Его Святымъ! Освящая насъ, Онъ довершаетъ дѣло нашего искупленія и спасенія.

Дабы имѣть полнѣйшее понятіе о божественной важности того таинственнаго освященія, которое производитъ Духъ Святый въ людяхъ для ихъ обращенія къ вѣрѣ во Іисуса Христа и къ своему спасенію, мы приведемъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя пророчества, возвѣстившія міру сію тайну благодатнаго освященія задол-

го прежде до его откровенія. И вотъ мы слышимъ голосъ Давида. Сей св. Пророкъ, видя всѣхъ людей какъ бы уничтоженными въ ихъ глубокомъ невѣденіи истиннаго Бога, и въ тоже время возраждающимися, взываетъ: Господи, *послеши Духа твоего, и* они созиждутся, *и* Ты *обновиши лице земли* (Пс. 103, 30).

Исаіи, которому открыты были многія тайны Искупителя, извѣстна также была и тайна благодатнаго освященія чрезъ Духа Святаго. Онъ слышалъ Бога Отца, обѣщавшаго Сыну своему подъ именемъ Іакова «излить Своего Духа на Его потомство и свое благословеніе на Его сѣмя,» т. е. на всѣхъ долженствовавшихъ получить жизнь силою крестной смерти Искупителя нашего (Ис. 44, 3).

Немного спустя Іоиль, присутствуя Духомъ при божественныхъ урокахъ Богочеловѣка въ Іудеи, въ восторгѣ своего удивленія взываетъ: *чада Сіоня радуйтеся и веселитеся о Господѣ Бозѣ вашемъ, яко даде вамъ пищу въ правду* (2, 23). Но послѣ того, какъ сей Божественный Учитель окончитъ свою проповѣдь и

оставитъ міръ, что сдѣлаетъ Господь для распространенія Его ученія? Самъ Господь открываетъ намъ сіе чрезъ того же Пророка. *И будетъ по сихъ,* говоритъ онъ, *и излію отъ Духа Моего на всяку плоть, и прорекутъ сынове ваши и дщери ваши, и старцы ваши сонія узрятъ, и юноши ваши видѣнія увидятъ; ибо на рабы Моя и на рабыни Моя во дни оны излію отъ Духа Моего* (Іоил. 2, 28. 29).

Но сколь вѣрно Пророкъ Іезекіиль изображаетъ намъ то обновленіе земли, о которомъ еще Давидъ предсказалъ, какъ то мы выше замѣтили! *Бысть на мнѣ рука Господня,* говоритъ Онъ, *и изведе мя въ Дусѣ Господни, и постави мя средѣ поля, се же бяше полно костей человѣческихъ. И обведе мя окрестъ ихъ около, и се многи зѣло на лицы поля, и се сухи зѣло. И рече ко мнѣ: сыне человѣчь, оживутъ ли кости сія? и рекохъ: Господи Боже, Ты вѣси сія. И рече ко мнѣ: сыне человѣчь, прорцы на кости сія, и речеши имъ: кости сухія, слышите слово Господне. Се глаголетъ*

Адонаі Господь костемъ симъ: се Азъ введу въ васъ духъ животенъ, и дамъ на васъ жилы и возведу на васъ плоть, и простру по васъ кожу, и дамъ духъ мой въ васъ и оживете, и увѣсте, яко Азъ есмь Господь. И прорекохъ, якоже заповѣда ми Господь. И бысть гласъ, внегда ми пророчествовати, и се трусъ, и совокупляхуся кости, кость къ кости, каяждо къ составу своему. И видѣхъ, и се быша имъ жилы, и плоть растяше, и восхождаше, (и протяжеся) имъ кожа верху, духа же не бяше въ нихъ. И рече ко мнѣ: прорцы о дусѣ, прорцы сыне человѣчь и рцы духови: сія глаголетъ Адонаі Господь: отъ четырехъ вѣтровъ пріиди душе, и вдуни на мертвыя сія, и да оживутъ. И прорекохъ, якоже повелѣ ми, и вниде въ ня духъ жизни, и ожиша, и сташа на ногахъ своихъ, соборъ многъ зѣло (Іезек. 37, 1—11).

Это живой и разительный образъ чуда, случившагося тотчасъ послѣ того, какъ Іисусъ Христосъ совершилъ всѣ тайны искупленія рода человѣческаго.

Люди всей земли, искони ослѣпляемые ложными и нечестивыми религіями, томились въ смертномъ удаленіи отъ истиннаго Бога. Въ удаленіи отъ Бога живаго, который Одинъ составляетъ жизнь души нашей, они были мертвы; и ихъ души, подобныя сухимъ костямъ, въ видѣніи Пророка покрывавшимъ поле, изсушенныя тысячею различныхъ страстей, были неспособны къ сладостнымъ чувствованіямъ неизвѣстнаго имъ истиннаго благочестія. Но лишь только Іисусъ Христосъ взошелъ къ Отцу своему, — послѣдовало общее движеніе въ мірѣ. Сіи безчисленные мертвецы пробуждаются, оживаютъ, востаютъ: и вотъ отъ сѣвера до юга, и отъ востока до запада неисчетное воинство вѣрующихъ, духомъ и истиною покланяясь Единому Богу, котораго имя до того времени было почти совершенно забыто, съ радостію шествуютъ на небо подъ знаменіемъ Іисуса Христа.

Какъ это случилось? и кто Виновникъ сей непостижимой перемѣны, въ которой невозможно не узнать дѣйствія

десницы Божіей? Апостолы отвѣчаютъ намъ на сей вопросъ. По ихъ свидѣтельству Виновникомъ сей перемѣны былъ Духъ Божій, освящающій людей. Сему всемогущему Духу надлежало, по пророчеству Давида, обновить лице земли. Онъ и обновилъ оное слѣдующимъ образомъ.

Іисусъ Христосъ незадолго предъ своимъ страданіемъ сказалъ Апостоламъ, что Утѣшитель, Духъ истины, котораго Онъ пошлетъ имъ отъ Отца, *научитъ* ихъ *всему*, что только нужно имъ было знать для разсѣянія мрака, покрывающаго міръ. Отходя же на небо, Спаситель возвѣстилъ имъ, что чрезъ нѣсколько дней Св. Духъ сойдетъ на нихъ, и заповѣдалъ ожидать въ Іерусалимѣ Его сошествія. Спустя десять дней послѣ Христова вознесенія въ день Пятдесятницы,—въ тотъ самый день, въ который нѣкогда Самъ Богъ среди молній и громомъ обнародовалъ на горѣ Синайской Божественный законъ, долженствовавшій перейти отъ Израильтянъ къ народу Христіанскому,—Матерь Іисусова, Св. жены, двѣнадцать Апостоловъ и другіе

ученики—числомъ около ста двадцати человѣкъ находились всѣ вмѣстѣ, въ одной горницѣ во Іерусалимѣ, ожидая исполненія обѣтованія Христова. Тогда *бысть внезапу шумъ съ небесе, яко носиму дыханію бурну, и исполни весь домъ, идѣже бяху сѣдяще: и явишася имъ раздѣлени языцы, яко огненни, сѣде же на единомъ коемждо ихъ, и исполнишася вси Духа Свята*, который сими внѣшними знаками обнаруживалъ свое присутствіе и дѣлалъ видимымъ чудесное внутреннее дѣйствіе, которое производилъ въ нихъ.—Сіе дѣйствіе было безпримѣрно чудесное; ибо Апостолы, исполнившись Духа Святаго, *начаша глаголати иными языки, якоже Духъ даяше имъ провѣщавати*, такъ что всѣ тѣ люди, предъ коими они говорили, изъ какой бы страны ни были, (а въ сей праздникъ Пятьдесятницы во Іерусалимѣ было неизчислимое множество пришельцевъ изъ другихъ странъ) *слышаху единъ кійждо ихъ своимъ языкомъ глаголющихъ ихъ*. Посему *дивляхуся вси и чудяхуся* (Дѣян. 2, 1—7).

Но сколь ни важенъ былъ сей даръ языковъ, онъ однако мало значитъ въ сравненіи съ прочими дарованіями, которыми Духъ Святый преисполнилъ Апостоловъ, сдѣлавъ изъ нихъ людей новыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая удивительная произошла въ Апостолахъ перемѣна! Сіи люди столь мало образованные, что въ продолженіи трехъ лѣтъ почти нисколько еще не выразумѣли ученія Божественнаго своего Наставника; столь слабые, что достаточно было одного дуновенія, дабы сразить ихъ; столь боязливые, что трепетали при малѣйшемъ шумѣ; наконецъ столько медлительные въ вѣрѣ, что съ трудомъ убѣждались доказательствами самыми очевидными; и чтоже?—сіи люди съ того времени, какъ получили Св. Духа, преисполнены мудростію, вѣрою, ревностію, мужествомъ и силою. Предъ судилищемъ тѣхъ, которые такъ недавно осудили на смерть ихъ Учителя, они смѣло исповѣдуютъ, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, и что отъ Него токмо можно ожидать спасенія. Пусть вельможи и Пер-

восвященники сколько угодно запрещають имъ съ угрозами не учить о имени Іисусовѣ, и даже не говорить о немъ,— Апостолы съ безстрашіемъ отвѣчаютъ: *не можемъ мы, яже видѣхомъ и слышахомъ, не глаголати* (Дѣян. 4, 20). Ничто въ мірѣ не можетъ остановить ихъ, не только устрашить. Пусть всенародно наказываютъ ихъ,—они отходятъ съ радостію, что удостоились пріять безчестіе за имя Іисусово; и не смотря на новыя запрещенія *по вся дни въ церкви и въ домѣхъ не престаяху учаще и благовѣствующе Іисуса Христа.—Кто ны разлучитъ отъ любве Божія,* говорили они съ Св. Павломъ,—*скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечь?*—Нѣтъ, самая *смерть не возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ. Но во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за Возлюбльшаго ны* (Рим. 8, 35. 37 и 39). И въсамомъ дѣлѣ Апостолы побѣдили міръ, жертвуя жизнію за Іисуса Христа.

Впрочемъ такая чудесная перемѣна

происходила не въ однихъ Апостолахъ; Духъ Святый производилъ оную и въ ихъ послѣдователяхъ.—Ибо, когда Апостолы возлагали руки на тѣхъ, которые принимали ихъ ученіе; то Св. Духъ, вмѣстѣ съ возложеніемъ рукъ (а иногда еще и прежде возложенія), нисходилъ на сихъ увѣровавшихъ, и съ того времени ученики Апостоловъ, скоро наполнившіе собою весь міръ, имѣли то же *познаніе* вещей Божественныхъ, ту же вѣру и ревность, то же мужество и силу, какія были и въ ихъ Учителяхъ; многіе получали даже дарованія чрезвычайныя.

Посему Апостолъ Павелъ, исчисляя различныя дарованія, производимыя Св. Духомъ въ Христіанахъ, говоритъ: *Овому Духомъ дается слово премудрости,* т. е. такой даръ, получившіе который легко понимали и вѣрно изъясняли вещи Божественныя, хотя прежде, подобно Апостоламъ, были необразованы и непросвѣщены. *Иному же слово разума о томже Дусѣ,* т. е. способность излагать свои мысли лучше, нежели какъ бы человѣкъ изложилъ оныя

не имѣя сего дарованія. *Другому же вѣра тѣмъ же Духомъ*,—не только вѣра въ истины Религіи, но и та вѣра, точащая чудеса, о которой сказалъ Іисусъ: *аще имате вѣру, яко зерно горушно, речете горѣ сей, прейди отсюду тамо, и прейдетъ, и ничто же не возможно будетъ вамъ* (Матѳ. 17, 20). *Иному же*, продолжаетъ Апостолъ, *дарованія исцѣленій, о томже Дусѣ, другому же дѣйствія силъ, иному же пророчество, другому же разсужденія духовомъ*, т. е. способность проникать во внутренность человѣка и видѣть, дѣйствуетъ ли въ ней Духъ Божій, духъ человѣческій, или духъ злобы;—*иному же роди языковъ, другому же сказанія языковъ*, самыхъ непонятныхъ. *Вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію, коемуждо якоже хощетъ* (1 Кор. 12, 7—11).

Такимъ образомъ исполнилось пророчество Іоиля сначала въ лицѣ Апостоловъ, потомъ въ лицѣ малаго числа Іудеевъ, которые приняли ихъ ученіе, и наконецъ на язычникахъ, которымъ при-

несли Апостолы слово свое послѣ того, какъ отрясли прахъ отъ ногъ своихъ во Іудеи, не восхотѣвшей ихъ слушать. И вотъ какимъ образомъ Господь, по своему обѣщанію чрезъ Пророка, *излилъ отъ Духа своего на рабы своя и на рабыни своя* (Іоил. 11, 29).

Правда, необычайныя и чудесныя дарованія прекратились, когда не были уже необходимы; но да не помыслимъ, что Духъ Св. оставилъ землю, или что Онъ лишаетъ ее своихъ благодатныхъ дарованій; ибо, по словамъ Исаіи, небесный Отецъ обѣщалъ, какъ то мы выше видѣли, Сыну своему излить отъ Духа своего не только на Его первыхъ учениковъ, но и на все Его потомство, на все Его сѣмя.—И самъ Іисусъ Христосъ сказалъ своимъ Апостоламъ, а въ ихъ лицѣ и всѣмъ вѣрующимъ во имя Его, что Утѣшитель, Духъ истины, котораго Онъ послетъ имъ отъ Отца, пребудетъ съ ними, не въ продолженіи не многихъ токмо лѣтъ, но до конца вѣковъ, пока наконецъ въ большемъ обиліи изліется на избранныхъ въ вѣчности.

Исполненіе сихъ Божественныхъ обѣтованій никогда не прекращалось; но и доселѣ еще продолжается.—Духъ Святый еще и теперь пребываетъ въ мірѣ, и не остается въ немъ безъ дѣйствія; никогда Онъ не преставалъ и не престанетъ, доколѣ будутъ люди на землѣ, обитать въ душахъ вѣрныхъ, какъ бы въ своихъ храмахъ, дѣйствовать въ нихъ и освящать оныя сообщеніемъ своихъ дарованій. И теперь, какъ и прежде, Онъ же, по словамъ Ап. Павла, производитъ то, что мы именуемъ Бога Отцемъ и признаемъ Іисуса Христа своимъ Господомъ; Онъ же внушаетъ намъ вѣру и научаетъ истинной мудрости. Св. Духъ и теперь, какъ прежде, есть источникъ любви, печать непорочности, причина всѣхъ добродѣтелей. И теперь, какъ и прежде, Онъ отвращаетъ насъ отъ зла и побуждаетъ къ добру, поддерживаетъ нашу слабость и,—когда мы падаемъ, — возставляетъ насъ.

Несчастные, ожесточенные грѣшники, попирающіе дары Св. Духа! размыслите, сколько плодовъ освященія и спасенія

приносятъ сіи дарованія въ душахъ вѣрныхъ, внимательныхъ къ Его гласу! Посмотрите на сего человѣка, который такъ долго былъ рабомъ міра и своихъ страстей,—онъ входитъ наконецъ въ самаго себя, обращается и прилѣпляется къ Богу всѣмъ своимъ сердцемъ: ибо внялъ гласу угрызеній, которыми Духъ Святый укорялъ его за его пороки, и не заключилъ сердца своего для сладостныхъ внушеній благодати. Посмотрите на сего вѣрующаго, подвизающагося въ борьбѣ съ искушеніями: вѣроломство ли, или другая нечистая мысль, обольщаетъ сердце; скорбь ли жестокая готова сразить его и ввергнуть въ отчаяніе; гордость ли и привязанность къ скорогиблющимъ благамъ; гнѣвъ ли, ненависть, или жажда мщенія готовы овладѣть его душею;—онъ противостоитъ имъ и выходитъ побѣдителемъ. Откуда же у него сила, мужество и непоколебимость, необходимыя для торжества надъ столь опасными врагами? Кто иной, какъ не Духъ Божій,—Виновникъ всякой доброй мысли, тотчасъ напомнилъ ему святыя прави-

ла Евангелія, поспѣшилъ къ нему на помощь, поддержалъ его и сразился вмѣстѣ съ нимъ и за него?

Итакъ, хотя сей Всемогущій Духъ уже не сообщаетъ намъ дарованій чрезвычайныхъ и чудесныхъ, но Онъ какъ всегда былъ для вѣрующихъ, такъ и теперь есть для насъ — *Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія, Духъ страха Господня* (Иса. 11, 2—3). Вотъ названія, усвояемыя Святому Духу Пророкомъ Исаіею, и показывающія, что Онъ есть виновникъ всѣхъ сихъ дарованій! Но сіи дарованія, столь драгоцѣнныя, Духъ Божій и теперь еще изливаетъ на людей. Ибо, не смотря на ужасное въ наше время преспѣяніе зла, есть еще между Христіанами, при всемъ видимомъ ихъ развращеніи, души мудрыя, руководствующіяся въ дѣятельности Евангельскими правилами, а не страстями: вотъ даръ премудрости!—Есть души понимающія свои Христіанскія обязанности: вотъ дарованіе разума! — Есть люди разумные, которые примѣ-

чаютъ сѣти, разставляемыя для ихъ добродѣтели, и уклоняются оныхъ: вотъ даръ совѣта, или благоразумія! — Есть души сильныя, мужественно противящіяся всѣмъ нападеніямъ духовнаго врага, и продолжающія теченіе свое, не смотря на всѣ препятствія: вотъ дарованіе силы!—Есть души столько просвѣщенныя познаніемъ вещей божественныхъ, что часто имъ бываютъ сіи вещи болѣе извѣстны, нежели все относящееся къ міру: вотъ даръ вѣдѣнія и единственное твердое знаніе! — Есть души истинно благочестивыя, полагающія верховное счастіе въ любви къ Богу, въ благоговѣніи предъ Нимъ и служеніи Ему: вотъ даръ благочестія! Есть наконецъ *души*, ничего столько не боящіяся въ мірѣ, какъ несчастія содѣлаться неугодными предъ Богомъ и подпасть Его гнѣву; и въ семъ-то состоитъ даръ страха Господня, даръ безцѣнный, о которомъ Пророкъ упоминаетъ послѣ всѣхъ прочихъ, потому что онъ есть какъ бы ихъ довершеніе. Блаженъ сей страхъ! ибо вмѣсто того, чтобы мучить душу,

или приводить ее въ робость, онъ напротивъ исполняетъ ее святою ревностію къ добру и изливаетъ на нее какое-то благодатное помазаніе, съ которымъ исполненіе добра становится для нее легкимъ. *Блаженъ мужъ, боящся Господа*, сказалъ Давидъ (Псал. 111, 1); а почему, боящіеся Господа блаженны?— потому, отвѣчалъ онъ, что они всѣмъ сердцемъ стараются исполнить заповѣди Господни,—потому, что правда ихъ пребываетъ вѣчно,—потому что, преисполненные страха Господня, они возлагаютъ все свое упованіе на Господа, который для нихъ—утвержденіе и Покровитель. Посредствомъ сихъ-то дарованій Духъ Святый ежедневно душамъ вѣрнымъ сообщаетъ и будетъ сообщать до конца міра, святость, которой Онъ источникъ. Мы могли бы еще многое сказать о дѣйствіи Святаго Духа въ дѣлѣ нашего спасенія; если бы ничего не хотѣли опустить касательно сего предмета.—Сей Духъ говорилъ устами Пророковъ и всѣхъ священныхъ Писателей; Онъ осѣняетъ своею Божественною бла-

годатію Священниковъ; Онъ всѣхъ насъ возраждаетъ, усовершаетъ и освящаетъ въ таинствахъ; Онъ предохраняетъ истинную церковь Христову отъ заблужденій, посрамляетъ въ ней ереси, укрѣпляетъ добрые нравы и блюдетъ чистоту небеснаго ученія, преподаннаго Христомъ и Апостолами; — словомъ, Онъ не престаетъ различными средствами, сообразными съ Его достоинствомъ, освящать всѣхъ, непротивящихся Его благодати. Но мы не будемъ распространяться теперь въ исчисленіи благодатныхъ дѣйствій Святаго Духа: ограничимся тѣмъ, что доселѣ сказали о нихъ.

Впрочемъ мы почитаемъ за нужное припомнить здѣсь еще сіи слова Спасителя, касающіяся нашего предмета, которыя намъ должно всегда содержать въ своей памяти: *сего ради глаголю вамъ*, сказалъ Онъ, *всякъ грѣхъ и хула отпустится человѣкомъ; а яже на Духа хула, не отпустится человѣкомъ, ни въ сей вѣкъ ни въ будущій* (Мат. 12, 31). Истина словъ сихъ несомнѣнна, ибо онѣ сказаны Богомъ. Итакъ есть грѣхъ,

который превышаетъ всѣ злодѣянія міра и никогда не отпустится: постараемся же узнать его, дабы не оскверниться онымъ.

Для лучшаго уразумѣнія мысли Іисуса Христа представьте себѣ величайшія злодѣянія; напр. вѣроломство Іуды, нечестіе Первосвященника, осудившаго на смерть Іисуса, гордость и безчеловѣчіе Іудеевъ, поругавшихся Ему во время самыхъ Его страданій, нечестивую ярость и беззаконіе отчаяннаго, изрыгающаго безчисленные хулы на Бога; вообразите тысячи злодѣяній еще ужаснѣйшихъ, если можно: всѣ онѣ могутъ быть отпущены. Почему? Потому что милосердіе Божіе безпредѣльно, и жертва принесенная Іисусомъ Христомъ для искупленія людей, можетъ удовлетворить не только за всѣ сіи грѣхи, но и за безпредѣльно большія. Посему, дабы получить отпущеніе всѣхъ сихъ грѣховъ, нужно токмо посредствомъ истиннаго и искренняго раскаянія сдѣлаться достойнымъ участія въономъ искупленіи.

Итакъ нѣтъ преступленія, нѣтъ зло-

дѣянія, нѣтъ богохульства, въ которомъ было бы невозможно получить прощенія. Но изъ сего исключается грѣхъ противъ Св. Духа, и кто дѣлается въ ономъ виновенъ, для того нѣтъ ни прощенія, ни пощады.—Почему? Потому что всякой человѣкъ, причастный сему грѣху, самъ себя исключаетъ изъ благодатнаго царства искупленія, и такимъ образомъ, впадая въ руки правосудія Божія, доводитъ себя до состоянія демоновъ, которымъ не будетъ ни пощады, ни спасенія.

Чтожъ это за грѣхъ столь ужасный, скажете вы, и въ чемъ онъ состоитъ? Выслушайте на сіе отвѣтъ Блаженнаго Августина: «тотъ дѣлается виновнымъ во грѣхѣ противъ Св. Духа, говоритъ онъ, кто не только грѣшитъ, но и торжествуетъ во грѣхахъ своихъ; кто отвергаетъ всѣ внушенія благодати, и заглушаетъ всѣ угрызенія совѣсти; кто презираетъ Слово жизни, не слушаетъ ничего, и не хочетъ ничего слушать; кто ко всему хладнокровенъ, кто не находитъ ничего худаго въ своемъ грѣховномъ состояніи, и не хочетъ оставить онаго,

твердо рѣшившись никогда не раскаяваться.» Ахъ! если бы перемѣнилъ такой человѣкъ свои мысли, если бы вошелъ онъ въ самаго себя, и повинуясь внутреннему гласу, призывающему его къ добродѣтели, началъ свое исправленіе и обращеніе къ Богу; тогда его грѣхъ не былъ бы не простительнымъ богохульствомъ, о которомъ говоритъ Іисусъ, ибо онъ изгладился бы покаяніемъ. Но если нечестивый, какъ то всегда почти случается, достигаетъ конца своего бѣдственнаго поприща; если, какъ предсказалъ Іисусъ Христосъ о Іудеяхъ, онъ умираетъ во грѣхѣ своемъ: то его злость достигаетъ уже самой высшей степени. И въ семъ-то состоитъ хула на Духа Святаго во всей своей полнотѣ, во всемъ своемъ безобразіи! Грѣхъ сей возрастаетъ мало по малу отъ привычки противиться благодатнымъ внушеніямъ Св. Духа, усиливается всѣми прочими пороками, и наконецъ распростирается на всю жизнь, заражаетъ ее во всѣхъ отношеніяхъ, отвергаетъ дары благодати и изсушаетъ ихъ источникъ, не вним-

леть упрекамъ совѣсти и назначаетъ себя для ада. Это грѣхъ по истинѣ вѣчный, непростительный ни въ жизни настоящей, въ которой грѣшимъ и не хочемъ принести раскаянія, ни въ вѣкѣ грядущемъ, гдѣ раскаяніе будетъ уже для насъ невозможно.

Сей-то грѣхъ противъ Св. Духа изобразилъ намъ Св. Стефанъ, когда укорялъ Іудеевъ слѣдующими словами: *жестоковыйніи и необрѣзанніи сердцы и ушесы, вы присно Духу Святому противитеся, якоже Отцы ваши, тако и вы* (Дѣян. 7, 51). Въ семъ случаѣ Первомученикъ упрекалъ Іудеевъ за то, что они ничего не хотѣли слушать, и добровольно затворили свои сердца для всѣхъ добрыхъ чувствованій, внушаемыхъ Св. Духомъ. И теперь сему грѣху причастны упорные беззаконники, съ холоднымъ презрѣніемъ насмѣхающіеся надъ всѣмъ, что ни есть самаго премудраго и разительнаго, самаго превосходнаго и возвышеннаго, самаго трогательнаго, святаго и Божественнаго въ Христіанской Религіи, которую Св. Духъ очевидно—

чудеснымъ образомъ распространилъ между всѣми земными народами, и не менѣе разительно—чудеснымъ дѣйствіемъ сохраняетъ въ продолженіи осьмнадцати столѣтій. Безпечные въ своемъ надменномъ упорствѣ, они съ каждымъ днемъ усовершаютъ свое адское дѣло и въ большее приходятъ ожесточеніе; съ каждымъ днемъ видимо умножаютъ свою хулу на Св. Духа, и съ каждымъ днемъ становится болѣе достовѣрнымъ то, что они преисполнятъ мѣру своего богохульства, окончивъ жизнь, подобно Іудеямъ, въ нераскаянности.

Итакъ, вотъ въ чемъ состоитъ хула на Св. Духа! Если угодно, чтобы мы выразили ее въ одномъ словѣ, то она ни что иное есть, какъ умышленное упорство нечестиваго въ своемъ нечестіи. Не трудно понять, почему сіе пагубное упорство въ нечестіи называется грѣхомъ противъ Св. Духа. Духъ Святый есть Виновникъ спасительныхъ угрызеній совѣсти, ведущихъ къ раскаянію, и слѣдующаго за тѣмъ отпущенія грѣховъ. Но подавляющій всѣ угрызенія со-

вѣсти, не ищущій покаянія и съ презрѣніемъ отвергающій отпущеніе грѣховъ прямо дѣйствуетъ противъ Св. Духа; ибо намѣрено противится Божественнымъ Его внушеніямъ. Слѣдовательно, сіе упорное противленіе есть величайшее изъ всѣхъ преступленій и содѣлывается грѣхомъ непростительнымъ; ибо такъ упорно противиться любообильному *Духу* любви, значитъ вооружаться на самую сущность Бога, поелику *Богъ любы есть* (1 Іоан. 4, 16). Принуждать Духа Божія, чтобы Онъ заключилъ въ себѣ самомъ сію безпредѣльную любовь, которая ищетъ излиться на все, значитъ дѣлать Богу обиду, насиліе и, такъ сказать, уязвлять Его въ самое сердце.

Теперь мы видѣли, какія чувствованія долженъ возбуждать въ насъ тотъ членъ Символа, въ которомъ мы исповѣдуемъ нашу вѣру въ Св. Духа; познали также, что такое Св. Духъ, что Онъ сдѣлалъ и дѣлаетъ еще для нашего освященія. И такъ будемъ чтить Его, яко Бога, равнаго Отцу и Сыну, изъ Коихъ отъ Перваго Онъ происходитъ, а во имя Послѣд-

няго посылается намъ; будемъ покланяться Ему, яко Духу истины, духомъ и истиною, несомнѣнно вѣруя, что чрезъ Него только можемъ мы получить освященіе, необходимое для нашего спасенія. Будемъ всегда молиться Ему, дабы Онъ наставилъ насъ въ познаніи истинныхъ нашихъ обязанностей, и подкрѣпилъ своею сильною помощію въ ихъ исполненіи. И если къ исполненію сихъ обязанностей мы почувствуемъ пламенную ревность, мужество и веселіе духа; то не забудемъ, что за все сіе мы обязаны Святому Духу. Если же напротивъ мы охладѣемъ и сдѣлаемся нечувствительными къ нимъ; то преисполнимъ себя святымъ страхомъ, и, подобно Давиду, воззовемъ съ твердымъ упованіемъ и любовію къ Богу: *Господи, не отвержи мене отъ лица Твоего, и Духа Твоего Святаго не отъими отъ мене* (Псал. 7, 13). Наконецъ если мы,—отъ чего избави насъ Боже,—своими пороками изгонимъ изъ нашихъ сердецъ Св. Духа; тогда припомнимъ по крайней мѣрѣ о томъ грѣхѣ противъ Него, который не

отпускается ни въ сей жизни, ни въ будущей, и постараемся избѣгать онаго. Не будемъ извинять своихъ пороковъ, возставать на Бога, противиться Св. Духу, заглушать въ себѣ угрызенія совѣсти; будемъ напротивъ рыдать о своей грѣховной бѣдности, искать своего отъ оной избавленія, и, дабы не впасть въ совершенное ожесточеніе, чаще будемъ повторять самимъ себѣ сіи слова Св. Павла, относящіяся къ нераскаянному грѣшнику: *помышляеши ли сіе, о человѣче, ... яко ты избѣжиши суда Божія? или о богатствѣ благости Его и кротости и долготерпѣніи не радиши, не вѣдый, яко благость Божія на покаяніе тя ведетъ? По жестокости твоей и нераскаянному сердцу, ты собираеши себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія, Иже воздастъ коемуждо по дѣломъ его* (Рим. 2, 3—6).

Днесь аще гласъ Духа Святаго *услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ!* (Евр. 4, 7).

X.

ОКРУЖНАЯ УВѢЩАТЕЛЬНАЯ ГРАМОТА

Преосвященнаго Георгія Конискаго Епископа Бѣлорусскаго, къ Православному Духовенству.

Георгій Кониской, по благодати Божіей Православный Епископъ Бѣлорусскій, Мстиславскій, Оршанскій и Могилевскій. Всѣмъ Епархіи нашей Благочестивой честнымъ Протопресвитерамъ, пресвитерамъ, діаконамъ и причетникамъ, братіи и сынамъ о Христѣ возлюбленнымъ, Благодать Господа нашего Іисуса Христа и любовь Бога Отца, и общеніе Святаго Духа присно да будетъ.

Сначала пришествія моего въ каѳедру Епархіи сей, вижу и достовѣрно слышу, что ученіе Слова Божія, которое простому народу непремѣнно должно быть преподаваемо отъ священниковъ, а въ

крайней нуждѣ и отъ клириковъ, не бываетъ нигдѣ и никогда въ церковныхъ собраніяхъ. Да и какъ будетъ сіе? Понеже и сами нѣкоторые священники, какъ случалось мнѣ иногда ихъ вопрошать, ни членовъ вѣры Христіанской не знаютъ, ни силы закона Божія не разумѣютъ: и тако вожди суще слѣпіи слѣпцамъ, и сами впадаютъ въ ровъ погибели, и другихъ за собою туда же ведутъ.

Сіе же когда помышляю, въ душѣ моей слышу, какъ трубу нѣкую проразительную, страшный оный гласъ Божій, у Пророка Іезекіиля написанный: *сыне человѣчь! стража* (иначе Епископа, т. е блюстителя) *дахъ тя дому Израилеву: аще не возвѣстиши беззаконнику, еже остатися и обратитися отъ пути своего, беззаконникъ той въ беззаконіи своемъ умретъ, крове же его отъ руки твоея взыщу* (3, 17. 18). Слышу также гласъ Апостола Павла, какъ онъ заклинаетъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ Тимоѳея, Епископа Ефесскаго, глаголя ему: *засвидѣтельствую азъ предъ Богомъ и Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ,*

хотящимъ судити живымъ и мертвымъ, въ явленіи Его и царствіи Его: проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли, со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ (2 Тим. 4, 1. 2).—Тутъ мнѣ, окаянному стражу Епархіи сей, при такомъ недостаткѣ и нерадѣніи о спасительномъ ученіи, что надлежало бы творить, недоумѣваю.

Конечно надлежало бы или васъ, о братія! по единому обходити, или къ себѣ собирати и дотолѣ учить и увѣщевать, пока напослѣдокъ и мнѣ можно было бы дерзновенно сказать къ вамъ тоже, что сказалъ Апостолъ Павелъ къ Ефесскимъ Пресвитерамъ: *свидѣтельствую вамъ во днешній день, яко чистъ азъ отъ крове всѣхъ. Не обинухся бо сказати вамъ всю волю Божію* (Дѣян. 20, 26. 27).—Но оба сіи способа, и обходити мнѣ непрестанно, и къ себѣ созывати, сами вѣдаете, по многимъ причинамъ неудобны и даже невозможны. Только убо остается чрезъ посланія хотя отчасти исполнять то, чего не можно устнымъ

бесѣдованіемъ. Такъ, читаемъ, поступилъ и Василій оный Великій въ Каппадокійской Епархіи своей съ пресвитерами.

Посылаю убо при семъ къ вамъ, братія книжицу Катихизисъ называемую, въ ней же какъ вѣры Христіанской хотя краткое, однако основательное ученіе содержится, такъ и закона Божія истолкованіе достаточное. Катихизисъ сей прежде должны сами вы такъ изучити, чтобы силу написаннаго совершенно знали и твердо памятовали; потомъ всеприлѣжно поучать тому и людей, вамъ отъ Бога порученныхъ, чтобы всякая душа Христіанская, и старые и малые, и мужескій полъ и женскій вѣдали, что и како вѣровати, и по вѣрѣ како богоугодно жити подобаетъ, *дабы* вѣчной погибели избѣгнуть, и блаженный животъ получить могли.

Знайте добрѣ, о возлюбленные, что и вы есте стражи дому Израиля, то есть, Церкви Христовой, частьми вамъ порученной. Аще убо не накажете грѣшниковъ, да исправятся отъ путей своихъ; то грѣшники погибнутъ въ беззаконіи

своемъ, а крови ихъ отъ руки вашей Богъ взыщетъ. Знайте, что и до васъ каждаго Апостолъ Павелъ тоже самое съ клятвою говоритъ, что сказалъ ученику своему Тимоѳею: *засвидѣтельствую азъ предъ Богомъ и Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, хотящимъ судити живымъ и мертвымъ, въ явленіи Его и царствіи Его: Проповѣдуйте слово, настойте благовременнѣ и безвременнѣ, обличите, запретите, умолите со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (2 Тим. 4, 1. 2). Знайте, что поучать народъ есть первѣйшее и главное дѣло Пастырское: безъ наученія бо не будетъ вѣры, по написанному: *Како увѣруютъ, егоже не услышаша? Како же услышатъ безъ проповѣдающаго* (Римл. 10, 14)? А безъ вѣры, тайнодѣйствія и священнослуженія наши ничтоже пользуютъ. Безъ вѣры и Христіаниномъ нельзя нарицатися. Знайте наконецъ и то, что по правиламъ вселенскаго шестаго Собора, Священники не поучающіе народъ по крайней мѣрѣ во дни недѣльные, изверженію сана своего подлежатъ.

А наипаче изъ памяти не выпускайде того правила, которое Апостолъ Павелъ, хотя и до третіяго небесе восхищенъ былъ, самъ на себе налагаетъ, глаголя: *Горе мнѣ, аще не благовѣствую* (1 Кор. 9, 16)! Говорите также и вы, всякъ до себе, и по всякій часъ, со Апостоломъ: *Горе, горе и мнѣ, аще не благовѣствую!* — При томъ же, не токмо учити, но и дѣлами ученіе свое показывать долженствуете. Тако бо и Христосъ, Спаситель нашъ *начатъ творити же и учити* (Дѣян. 1, 1). Тако и Апостолъ Павелъ увѣщаваетъ Тимоѳея: *образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою* (1 Тим. 4, 12). *Вы есте свѣтъ міра,* по глаголу Христову, *вы есте соль земли* (Мат. 5, 13. 14). Вы очи тѣлу и свѣтильникъ: *аще убо око* ваше *просто,* т. е. свѣтло *будетъ, то и все тѣло. Аще свѣтъ* въ васъ *тма* будетъ, *то* много паче *тма* тмою останется (Мат. 6, 22. 23); и *аще соль обуяетъ, чимъ осолится; ни вочто же будетъ ктому,*

точію да изсыпана будетъ вонъ и попираема человѣки (Мат. 5, 13).

Се на вашихъ, о братія, рукахъ то сокровище, которое Христосъ не могъ дешевлѣ купить, только цѣною крови Своей! *Внимайте убо себѣ и всему стаду, въ немъ же васъ Духъ Святый постави Епископы, пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію Своею* (Дѣян. 20, 28). О семъ васъ молю и увѣщеваю Пастырски, и *засвидѣтельствуя предъ Богомъ и Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, хотящимъ судити живымъ и мертвымъ въ явленіи Его* (2 Тим. 4, 1), наконецъ *предаю васъ, братіе, Богови и слову благодати Его, могущему наздати и дати вамъ наслѣдіе во освященныхъ всѣхъ* (Дѣян. 20, 32). — Аминь.

Дано сіе увѣщаніе наше въ каѳедрѣ Могилевской, 1757 года Августа 31 дня, съ подписаніемъ собственной нашей руки.

На подлинномъ подписано тако: «Вы-«шеименованный Епископъ, Смиренный «Георгій рукою властною.»

Примѣч. Преосвященный Георгій вступилъ въ управленіе Могилевской Епархіи въ Сентябрѣ 1755 г.; въ теченіи двухъ прочихъ лѣтъ Пастырства своего, успѣлъ положить основаніе духовной Семинаріи, и устроилъ при Архіерейскомъ домѣ типографію, для печатанія учебныхъ книгъ. Въ сей Типографіи первоначально напечаталъ онъ въ 1757 г. Катихизисъ Ѳеофана Прокоповича, со многими своими дополненіями, который и разослалъ во всѣ православныя церкви Епархіи своей, при сей Пастырской увѣщательной грамотѣ.

XI.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЕСНЫ.

Никакое зрѣлище въ мірѣ не можетъ съ такою силою пробудить въ сердцѣ нашемъ глубокое чувство благоговѣнія и благодарности къ Богу, какъ зрѣлище обновляющейся природы, какъ прекрасная картина весны. «Еще Господь благъ къ «намъ; еще Онъ—нашъ щедрый Отецъ, «нашъ благосердый Покровитель и Про«мыслитель благопопечительный!»—Вотъ гласъ искреннѣйшей признательности, какой мы должны возносить къ небесному Отцу, когда видимъ, какъ послѣ мрачной зимы, послѣ жестокихъ ея непогодъ и мертвящаго холода, поля наши паки облекаются восхитительною для взора красотою; какъ отъ животворныхъ лучей солнца весенняго будто одушевляются чашечки цвѣтовъ, развер-

тываются ихъ почки, и — подавленныя доселѣ, какъ узники, суровостію зимы, нѣжныя растѣнія бодро возникаютъ въ чистомъ, живительномъ воздухѣ!—И не для того только, чтобы услаждать наше зрѣніе, сіи блестящіе красотою цвѣты разрисовали неизчислимо — разнообразными красками наши сады и луга,— нѣтъ, — они, кажется, говорятъ намъ: «вотъ идутъ, въ слѣдъ за нами идутъ сіи плоды благодатные, сіи произрастенія питательныя и животворныя, коихъ вы съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаете!»— Они, кажется, говорятъ намъ еще: «вотъ земля уже совершила полный обходъ около великаго свѣтила своего, съ той эпохи времени, когда мы дали вамъ тоже обѣщаніе; вотъ, послѣ того, какъ она, подъ различными знаками неба, испытала на себѣ благотворное вліяніе лучей солнечныхъ,—паки оживились всѣ сѣмена богатствъ ея, паки является она предъ обрадованными очами вашими въ торжественной лѣпотѣ своей; и — богатая многоразличными дарами, которые доселѣ скрывала въ матернемъ лонѣ своемъ,

теперь независтно разверзаетъ свои сокровищницы и щедро удѣляетъ каждому существу обычную часть его!»

О, благодаримъ васъ, добрыс вѣстники—цвѣты прекрасные, покрывающіе наши поля и сады: вы никогда насъ не обманывали! Мы узнаемъ отъ васъ, что Господь не забылъ созданій своихъ; узнаемъ отъ васъ, что Онъ еще памятуетъ и промышляетъ о насъ.—Благодаримъ васъ, добрые, радостные вѣстники—цвѣты прекрасные! вы никогда не давали намъ обѣщаній несбыточныхъ, никогда не внушали надеждъ обманчивыхъ.

Какое зрѣлище, въ самомъ дѣлѣ, открывается предъ нами, какая очаровательная картина распростирается предъ взоромъ нашимъ! Вся природа подвигнулась, и—кажется, участвуетъ въ нашемъ торжествѣ. Прославимъ чудеса, отвсюду окружающія насъ,—сіи чудеса, носящія на себѣ печать десницы Божественной; прославимъ досточтимое единеніе высочайшаго Могущества съ совершеннѣйшею Благостію.

Обратимся между тѣмъ къ самимъ

себѣ; и среди изъявленій благодарности, среди хвалебныхъ пѣсней Господу, не сокроемъ тайнаго—внутренняго смятенія и безпокойства, отъ котораго тщетно усиливались бы мы защитить свое сердце.—За толь великія и многочисленныя благодѣянія мы что воздаемъ Господу?—Мысль эта, можетъ быть, не оставляетъ васъ никогда; быть можетъ, она *особенно* въ сіи минуты общей радости *сильно* возмущаетъ васъ.—Она даже ужасаетъ насъ; воображеніе иногда представляетъ намъ многочисленные сонмы невѣдомыхъ намъ духовъ, обитающихъ тамъ и здѣсь—въ высшей области неба,—которые, взирая на наше счастіе, *кажется*, такъ говорятъ о насъ между *собою*:

«Что это за существо, толико любезное Богу, что для него вся природа въ движеніи?—Для него земля виситъ и вращается въ необозримомъ пространствѣ небесъ; для него она въ неизмѣримомъ своемъ круговращеніи въ различныя времена обращаетъ къ солнцу различныя свои стороны; для него она попеременно то принимаетъ въ себя, то

отбрасываетъ отъ себя лучи великаго свѣтила.»

«Что это за существо, толико любезное Небу, что для него вся природа въ движеніи?—Для него облака и пары сгустившіеся собираются на горныхъ вершинахъ, и отселѣ потомъ разливаются въ обильныхъ потокахъ, орошаютъ сухія поля его, оплодотворяютъ нивы его, напаяютъ его самаго. Для него вѣтры очищаютъ воздухъ, воздымаютъ въ рѣкахъ и моряхъ волны, надуваютъ паруса на сихъ плавающихъ домахъ, на которыхъ онъ переносится на послѣдніе края вселенныя.»

«Что это за существо, толико любезное Небу, что для него вся природа въ движеніи?—Для него земля, судя по различію временъ, то блюдетъ со всѣмъ раченіемъ, то открываетъ со всею пышностію многообразныя богатства свои; для него она—мрачная и всегда одинаковая въ сокровенныхъ глубинахъ своихъ, извнѣ является одѣянною красотами всѣхъ родовъ и видовъ, непрестанно измѣняетъ ихъ, непрестанно обновляетъ.» —

«Что это за существо, толико любезное Небу, что для него вся природа возбудилась, вся тварь подвинулась? Что это за существо?» . .

Что намъ отвѣчать на сіе? — Мы поражены, неподвижны отъ смущенія; наши взоры, бросаемые нами другъ на друга, обличаютъ наше внутреннее смятеніе. Такъ, сознаніе нашихъ заблужденій, нашихъ слабостей и пороковъ, глубокое чувство нашей неблагодарности предъ Высочайшимъ Благодѣтелемъ, воспрещаютъ намъ наименовать себя симъ существомъ, толико любезнымъ Небу, — симъ существомъ, на которое благость Божія непрестанно и въ великомъ изобиліи изливаетъ дары свои. — О, придите на помощь къ намъ — вы, чистыя, благочестивыя души! Вы, вы только однѣ съ дерзновеніемъ можете наименовать сіе существо, для котораго вся природа въ движеніи, — существо, толико любезное Небу, — человѣка, Царя земли... И теперь, когда вы уже наименовали его, теперь и мы дерзаемъ утверждать, что онъ по своимъ возвышеннымъ качествамъ, по

своему чудному существу и устроенію, въ самомъ дѣлѣ достоинъ нѣжныхъ о немъ попеченій природы, — достоинъ быть владыкою и обитателемъ сего прекраснаго жилища, въ которомъ поселило его благое Провидѣніе.

Человѣкъ поставленъ въ мірѣ для того, чтобы понималъ и чувствовалъ красоту и дивную гармонію, въ ономъ господствующія; для того онъ введенъ въ среду безчисленнаго сонма существъ, чтобы погружался въ благоговѣйное удивленіе, видя тѣлесными очами несмѣтное множество и безконечное разнообразіе тварей, и проникая умнымъ взоромъ во внутреннюю связь и удивительное устройство великаго цѣлаго: Онъ одинъ изъ всѣхъ существъ видимаго міра, онъ одинъ, по чудной гармоніи между физическими и нравственными способностями своими, силою представленія вноситъ и собираетъ въ малый міръ своего духа, и силою своей памяти, когда хочетъ, воссоздаетъ внутрь себя все, что извнѣ поражаетъ его чувства,—все, что видѣло его око, слышало его ухо, осязала рука

его.—Его воображеніе, замѣчательнѣйшее изъ всѣхъ прочихъ его способностей по своей живости и быстротѣ,—соединяетъ между собою предметы отдаленнѣйшіе, располагаетъ ихъ въ какомъ ему угодно порядкѣ, оттѣняетъ красками и чертами, какія ему нравятся, и даже иногда превосходитъ самую природу богатствомъ и роскошью картинъ своихъ. *Оно* дѣлаетъ еще болѣе: всегда *жаждая новыхъ* видовъ и разнообразныхъ картинъ, оно считаетъ видимый міръ тѣснымъ для своихъ полетовъ, не довольствуется настоящимъ, и посему устремляется въ темную даль будущаго, паритъ въ безпредѣльныя области духовъ, возносится къ Безконечному. Наконецъ, *силою своего* генія, человѣкъ можетъ оставить на землѣ неизгладимые слѣды своего существованія: важныя открытія въ области наукъ и искуствъ, нравственныя—благотворныя истины, имъ объясненныя и сообщенныя ближнимъ, передаютъ память его изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, и дѣлаются общимъ наслѣдіемъ человѣчества. Но — что наиболѣе отли-

чаетъ и возвышаетъ человѣка надъ всѣми существами видимаго міра,—это свобода его духа, свобода, паче всѣхъ другихъ его свойствъ, уподобляющая его Творцу, дѣйствующему вся во всемъ, якоже хощетъ.—Мы видимъ его владыкою самаго себя, располагающимъ всѣми своими движеніями и дѣйствіями, назначающимъ каждому изъ нихъ свое мѣсто и время; видимъ его со властію державною управляющимъ своими помыслами, совѣтами и предначертаніями ... Довольно ли сего для доказательства высокаго достоинства человѣка?

И между тѣмъ, только въ минуты глубочайшаго его смиренія предъ Владыкою вселенныя, мы видимъ всѣ оныя высокія совершенства его въ полной ихъ красотѣ и истинномъ величіи. Такъ, только тогда, когда человѣкъ въ чувствѣ своей всецѣлой зависимости отъ Господа, смиренно повергается предъ жертвенникомъ Вѣры, — только тогда онъ является во всемъ величіи своемъ: ибо тогда мы усматриваемъ, что по неизреченной благости Творца ему дано—познавать и чтить Господа всей твари,

приближаться въ молитвѣ къ Неприступному, соединяться таинственнымъ общеніемъ съ Безконечнымъ, Вѣчнымъ, Всеблаженнымъ!...

Имѣя такое понятіе о достоинствѣ человѣка, конечно мы не скажемъ, что онъ недостоинъ быть созерцателемъ дивной картины природы, которая раскрывается предъ его взорами,—быть главнымъ дѣйствователемъ на семъ величественномъ зрѣлищѣ, на которомъ *онъ* поставленъ рукою Творца,—быть распорядителемъ или домовладыкою въ богатой области разнообразнаго творенія. Мы тогда простимъ ему изъявленіе горделиваго восторга при взглядѣ на обновляющуюся природу,—восторга, *изливающагося* изъ глубины души его при мысли, что сіи прекрасные дары и богатства свои природа приноситъ ему, яко владыкѣ своему; не воспретимъ ему, нѣтъ,—возбудимъ, заставимъ его съ торжественнымъ веселіемъ восклицать слова Псалмопѣвца: «се, тучнѣютъ пустынныя пажити, и холмы радостію препоясуются; луга покрываются стадами,

и поля одѣваются пшеницею; торжествуютъ и поютъ (Пс. 64, 13. 14).»

Такъ, ежели представимъ себѣ человѣка въ томъ прекрасномъ образѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ десницы Творческой, въ его первоначальной чистотѣ и непорочности,—созданнаго по образу Божію и по подобію: тогда поймемъ, почему Творецъ назначилъ ему въ жилище садъ Эдемскій, всегда зеленѣющій, блистательный красотою и животворный свѣжестію цвѣтовъ и плодовъ своихъ.—О, если бы онъ сохранилъ неискаженными отличительныя черты природы своей; если бы лучшее сдѣлалъ употребленіе свободы своей, сего прекраснаго дара, который вознесъ бы его высоко, высоко на лѣствицѣ совершенства и Богоподобія, когда бы обладатель мудро воспользовался онымъ!...

Но, увы! онъ палъ, глубоко палъ; исказилъ первозданную красоту свою; растлилъ въ себѣ образъ Божій; и—теперь земля слишкомъ прекрасна для него.—Она каждогодно покрывается новыми, плодоносными растеніями: а человѣкъ

ежедневно мыслитъ злое, начертываетъ и творитъ совѣты лукавые, губительные. Она каждогодно украшается цвѣтами: а человѣкъ ежедневно омрачается сквернами порока. Она, какъ другъ или братъ искренній, заключаетъ и хранитъ союзъ взаимнаго дѣйствованія со стихіями, съ лучами солнечными — для того, чтобъ умножить свои богатства и пріять обильные плоды сего мира: а *человѣкъ*—существо общежительное, соединенное сугубыми узами съ подобными себѣ, всюду сѣетъ сѣмена раздора и вражды, расторгаетъ священнѣйшія узы, и — губитъ счастіе какъ свое, такъ и ближняго. Наконецъ земля простымъ, но внятнымъ и поучительнымъ *гласомъ* проповѣдуетъ о величіи, о благости и могуществѣ Создателя: а человѣкъ употребляетъ всю остроту и хитрость ума своего на то, чтобы подвергнуть сомнѣнію бытіе и совершенства Высочайшаго Существа.—Ахъ! надобно признаться, хотя съ чувствомъ глубокой скорби, что человѣкъ нашего времени не находится въ гармоніи съ своимъ величественно-

прекраснымъ жилищемъ. Внутренность его должна растерзаться отъ угрызеній совѣсти, когда, при взглядѣ на весну, шествующую съ богатыми дарами, отъ Неба ему посылаемыми, онъ будетъ говорить самъ къ себѣ: «Вотъ, сколько благъ «низпосылаетъ мнѣ Господь для наслаж«денія! Всюду, куда только устремляются «и досягаютъ взоры мои, всюду обиль«но разсыпаны онѣ; вотъ, луга покры«ваются стадами, поля одѣваются пше«ницею; какъ прекрасно, какъ величе«ственно теперь жилище мое: какъ благъ «ко мнѣ Отецъ Небесный?»

О подлинно, сколь великое—несчетное множество благодѣяній Божіихъ мы должны всегда, а наипаче теперь—при торжествѣ обновленія лица земнаго, исповѣдать съ благоговѣйною признательностію!—Но въ теченіе столь многихъ лѣтъ, какъ уже наслаждаемся обиліемъ даровъ Божіихъ, всегда ли мы съ наслажденіемъ оными соединяли искреннее чувство благодарности Тому, кто обильно обогащаетъ землю и приготовляетъ для насъ хлѣбъ (Пс. 64, 10)?—Веселясь

изобиліемъ плодовъ земныхъ, вспоминаемъ ли о Господѣ, который благословляетъ землю произращать плоды (ст. 11)?—Мы пожинаемъ ихъ, какъ свои насажденія; расточаемъ, какъ свое стяжаніе; губимъ, какъ такую собственность которою мало, очень мало, дорожимъ.

Я весь занятъ теперь моею жатвою,—говорятъ многіе,—у меня нѣтъ свободнаго времени изливаться въ выраженіяхъ благодарности; теперь пора собирать пожатое, отдѣлить зерно отъ соломы, очистить пшеницу отъ плевеловъ, и сложить все доброе въ надежныя житницы; мнѣ надобно поспѣшать, чтобы не пропустить времени, и не лишиться плодовъ рукъ моихъ: могу ли тратить столь дорогое время на молитву, на хожденіе въ храмъ? это я сдѣлаю въ другое время, а теперь не-льзя!»..

Неблагодарные! Вамъ теперь не время благодарить Господа за Его дары, на васъ изліянные: между тѣмъ вы всегда находите время обращаться къ Нему съ своими прошеніями, жалобами, сѣтованіями; находите на это время, когда

продолжительная засуха истощаетъ и мертвитъ плодотворныя силы полей вашихъ, когда разрушительныя бури и дожди безвременные грозятъ погибелію и истребленіемъ нѣжной зелени садовъ и нивъ вашихъ; тогда вы находите время молить Бога о росѣ животворной, о дождѣ благовременномъ, о благорастворенія воздуха, о изобиліи плодовъ земныхъ! ..

О вы, которые такъ скоры на ропотъ и жалобы, и такъ медленны на признательность и благодарность! Какое вы составили себѣ понятіе о правахъ своихъ? въ чемъ вы поставляете заслуги свои? Права... гдѣ они? — Укажите намъ на хартію, укрѣпляющую ихъ за вами. Какъ! ужели тварь еще до своего сотворенія учинила договоръ съ Создателемъ? О, нѣтъ; повѣрьте намъ, — мы вовсе не примѣчаемъ у васъ никакого права, которое освобождало бы васъ отъ священнѣйшаго долга — благоугождать Существу Высочайшему, непрестанно смиряться предъ Нимъ, ежечасно бла-

годарить Его, всесовершенно покаряться святой волѣ Его.

Исполняете ли священнѣйшій долгъ сей вы, которые удаляетесь храмовъ Божіихъ; вы, которые отрѣкаетесь—въ собраніи святыхъ — вѣрующихъ, предъ всѣми братіями, воздать славу и честь всемогуществу и любви Господа, обновляющаго лице земли и всяческая исполняющаго благости? Исполняете ли его вы, которые срѣтаете и сумракъ ночи и разсвѣтъ дня безъ благоговѣйнаго трепетанія сердца, безъ особеннаго чувства,— безъ молитвы? Исполняете ли оный священнѣйшій долгъ вы, которые не воспоминаете о Виновникѣ и Хранителѣ дней вашихъ ни въ то время, когда объемлющій вѣжды ваши сонъ дѣлаетъ васъ беззащитными, ни тогда, какъ опять пробуждаетесь къ занятіямъ и радостямъ дня съ свѣжими силами, съ укрѣпившимся тѣломъ, съ бодрою душею?

Видя, что вы наслаждаетесь богатствами природы, какъ самовластные владыки—безъ всякаго чувства признательности и благодарности, — подумаешь, что

вы своею силою и крѣпостію собственныхъ мышцъ снискали себѣ всѣ сіи богатства; подумаешь, что порядокъ и теченіе временъ годичныхъ идетъ по вашему распоряженію, по вашей волѣ; подумаешь, что вы, утвердили солнце на его мѣстѣ;—что вы, измѣривъ пространство тверди, сами провели круговую черту для земнаго шара, сами дали ему первое движеніе, которое онъ долженъ неуклонно совершать въ несчетные вѣки; подумаешь, что законъ призрастенія есть дѣло вашихъ рукъ, что всѣ стихіи покаряются вашему мановенію, и какъ послушные слуги, неизмѣнно выполняютъ всѣ ваши желанія, и что ваше всепроницающее око слѣдитъ за ихъ работою даже до внутреннѣйшаго лона земли, даже до сокровеннѣйшихъ хранилищъ, въ которыхъ природа блюдетъ и образуетъ свои богатства, свои драгоцѣнности.

Нѣтъ сомнѣнія, и мы охотно въ томъ сознаемся, что и самъ человѣкъ своею дѣятельностію, своимъ трудолюбіемъ и благоразуміемъ долженъ содѣйствовать

усовершенію и размноженію даровъ природы: эта честь предоставлена ему отъ Владыки міра, и она должна служить для него новымъ побужденіемъ благодарить Бога и благоговѣть предъ Нимъ.

Такъ, онъ обязанъ это дѣлать.—Вы живѣе почувствуете сію обязанность, когда размыслите, сколько и какимъ образомъ самъ человѣкъ своими силами и своею дѣятельностію можетъ споспѣшествовать плодоносію земли.—Размысливъ о семъ, вы конечно погрузитесь въ благоговѣйное чувство признательности предъ Богомъ.

Смотрите, въ какой удивительной точности сія часть трудовъ, на человѣка возложенныхъ, соотвѣтствуетъ мѣрѣ и крѣпости силъ его. Пусть земля, которую земледѣлецъ копаетъ своимъ заступомъ, или браздитъ желѣзомъ своего плуга, пусть она сдѣлается тверже и жестче: къ чему тогда всѣ усилія человѣка? И если бы огонь — эта ужаснѣйшая изъ всѣхъ стихія, — не былъ подверженъ дѣйствію воздуха, слабыми руками ковача приводимаго въ движеніе: что бы

тогда сдѣлалъ человѣкъ, лишенный земледѣльческихъ орудій? Наконецъ, даже съ сими орудіями, со всѣми пособіями своего искуства, дерзнулъ ли бы онъ расторгать лоно земли, если бы исходящіе оттуда пары не были постоянно очищаемы дыханіемъ вѣтровъ?

Такъ, мѣра дѣятельности человѣка въ области природы опредѣлена въ строжайшей соотвѣтственности съ нѣжностію его чувствъ и слабостію органовъ его. Только собственная его гордость ослѣпляетъ его: съ высокомѣріемъ смотритъ онъ, съ безумнымъ хвастовствомъ указываетъ на многочисленныя древа, имъ насажденныя,—на богатые водою каналы, имъ проведенные по зеленѣющимъ равнинамъ; онъ величаетъ себя и — только себя; а природа хранитъ мертвое молчаніе, какъ будто стыдится хвалить саму себя,—такъ она пріобыкла къ своимъ великимъ произведеніямъ! Ахъ! если мы хотимъ соревновать ей въ ея чудномъ могуществѣ, то будемъ памятовать о своемъ высокомъ назначеніи; не забудемъ, что только способность познавать

и чтить Господа вселенныя, только сія способность, вамъ дарованная отъ Него, возводитъ васъ на высокій степень обладателей земли. Будемъ памятовать о семъ непрестанно, и докажемъ своими дѣлами, что мы точно всегда о томъ памятуемъ.

Пробудимся же при взглядѣ на толикое обиліе даровъ, пробудимся отъ своего холоднаго, мертваго равнодушія: время, время воспрянуть къ дѣламъ любви и благодарности! Вотъ, сокровища земныя снова открываются предъ нами; блескъ ихъ отвсюду поражаетъ изумленное око наше; вотъ тучнѣютъ пустынныя пажити, и холмы радостію препоясуются; луга покрываются стадами и поля одѣваются пшеницею; торжествуютъ и поютъ!

О, да подвигнетъ сердца наши сіе великолѣпіе, сіе торжество природы, празднующей свое обновленіе; да смягчитъ оно души наши, да исполнитъ все существо наше благоговѣйнымъ восторгомъ. Какъ! ужели не радуетъ сердца нашего сія мысль—обильная благими чувство-

ваніями, сіе убѣжденіе, толико необходимое для укрѣпленія нашихъ надеждъ, нашего благочестія, нашей покорности Богу,—убѣжденіе въ томъ, что всѣ блага, которыми мы обладаемъ, ниспосылаются намъ десницею всемогущаго Творца и Промыслителя вселенныя? Ужели для насъ отраднѣе, утѣшительнѣе вѣрить, что всѣ сіи блага, всѣ богатства наши суть произведеніе слѣпаго случая? Но, если бы таково было ихъ начало,— таковъ же бы долженствовалъ быть и нашъ конецъ; и тогда дѣйствительно мы были бы свободны отъ всякой благодарности. И какою цѣною купили бы мы эту свободу? Праведное небо!—цѣною совершеннаго отверженія, подъ условіемъ— жить въ мірѣ, среди безчисленнаго сонма существъ, какъ въ изгнаніи, какъ въ дикой пустынѣ, безъ вѣрнаго друга, безъ надежнаго покровителя, между двумя непримѣтными для насъ предѣлами — между прежнимъ ничтожествомъ и будущимъ уничтоженіемъ!

Но сколь мы ни удалились отъ первоначальнаго своего назначенія, сколь ни

унизили себя своею неблагодарностію и постыднымъ равнодушіемъ къ достоинству собственной нашей природы: мы все еще не лишились своего высокаго происхожденія,—все еще остаемся твореніями Господа вселенныя.—Нѣтъ, не случай, не слѣпая какая либо сила произращаетъ на поляхъ нашихъ и въ нашихъ садахъ тѣ растенія и плоды, коими поддерживается наше существованіе; не слѣпая какая нибудь сила въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ разнообразитъ оныя и подчиняетъ порядку постепенности, чтобъ удовлетворить разнообразнымъ нашимъ желаніямъ и потребностямъ.—О какая гармонія, чудная, величественная гармонія во всѣхъ частяхъ обширной области творенія, коей центромъ и распорядителемъ поставленъ человѣкъ!—Нѣтъ, нѣтъ! мы не творенія, мы не игрушка слѣпаго случая: мы чада Господа вселенныя, дѣло рукъ Его. Хвалитесь, люди, симъ высокимъ происхожденіемъ, и — торжественно ликуйте среди великолѣ-

нія богатствъ, которыя природа раскрываетъ предъ вами и—для васъ!

Прославимъ, всѣ единогласно прославимъ радостное возвращеніе весны—сего торжественнаго времени возрожденія, обновленія природы. Устремимъ взоры наши на восхитительныя картины, которыя незримая рука живописуетъ для насъ, украшаетъ, разнообразитъ — дивными, неподражаемыми красками и цвѣтами. Взирая на оныя съ восторгомъ радости, воскликнемъ въ святомъ воодушевленіи благодарныхъ сердецъ: вотъ, тучнѣютъ пустынныя пажити, и холмы радостію препоясуются; луга покрываются стадами, и поля одѣваются пшеницею; торжествуютъ и поютъ! — Для насъ они облеклись такою красотою, для насъ изготовили такое торжество и увеселеніе!

Торжествуйте, человѣки, — торжествуйте, созерцая раскрывающіяся предъ вами въ новой красотѣ богатства природы, сіи богатства, которыя казались погибшими и какъ бы навсегда погребенными подъ неподвижными льдами

и хладными, какъ смерть, снѣгами зимы; торжествуйте,—се образъ и истолкованіе вашего состоянія, вашего жребія! И васъ ожидаетъ хладъ смерти, но губительное вѣяніе онаго быстро пронесется надъ вами, и весною всеобщаго обновленія всей твари вы воспрянете къ новой, радостнѣйшей, безконечной жизни.—Торжествуйте весну, провозвѣстницу нашего воскресенія, безсмертія и блаженства!

Какъ жалки для насъ тѣ, которые съ безчувственнымъ равнодушіемъ взираютъ на великолѣпную картину обновляющейся природы! Какъ жалки тѣ, которые отрекаются войти въ общеніе съ Создателемъ чрезъ свое къ Нему *благоговѣніе*, чрезъ свою *благодарность*, чрезъ свои радостныя слезы и молитвы!— Сельскіе обитатели! вы, которымъ простая природа представляетъ столько случаевъ воспоминать о Провидѣніи! вы, конечно, не доводите себя до такого постыднаго равнодушія и неблагодарности. Ахъ, когда душа ваша въ мирѣ, то одного прекраснаго дня достаточно, чтобы

сдѣлать васъ радостными, чтобы по крайней мѣрѣ возбудить въ сердцахъ вашихъ чувства сладостныя. — Поселяне, не завидуйте онымъ людямъ, о которыхъ бо́льшая идетъ молва, нежели о васъ; которые, заключившись въ своихъ душныхъ городахъ и палатахъ, какъ въ темницахъ, веселятъ или думаютъ увеселять себя скучною, утомительною игрою мелочной суетности и честолюбія. Никогда не видали они восходящаго солнца,—никогда не видали блистательной зари въ то время, когда она приготовляетъ землю къ принятію благодѣтельнаго гостя, несущаго многочисленнымъ обитателемъ ея и освѣщеніе и теплоту, и радость и жизнь; никогда не слыхали они сихъ утреннихъ гимновъ, коими пернатыя выражаютъ свои радости и веселіе, кои суть первые—ранніе гласы благодарной природы къ ея Создателю; никогда не покоились они при чистыхъ источникахъ, коихъ тихія волны такъ сладко касаются слуха и производятъ въ душѣ столько прекрасныхъ воспоминаній о минувшемъ, столь-

ко мечтаній о грядущемъ; никогда не видали они многаго—многаго, что плѣняетъ и радуетъ сердце, что восторгаетъ душу горѣ, что возбуждаетъ насъ къ благоговѣнію и любви чистой,—пламеннѣйшей любви къ Создателю!...

О, милосердый Отецъ нашъ! все возвѣщаетъ намъ о любви Твоей, все носитъ на себѣ ясные слѣды благопромыслительнаго перста Твоего. Но весна, время обновленія земли, нашего жилища, весна благодатная, какъ торжественно она проповѣдуетъ намъ о безконечной благости Твоей! Вотъ, тучнѣютъ пустынныя пажити, и холмы радостію препоясуются; вотъ, луга покрываются стадами, и поля одѣваются пшеницею; вотъ, вся природа составляетъ ликъ торжественный! И мы, при семъ торжествѣ твари, и мы помышляемъ о Тебѣ, Отецъ нашъ Небесный! къ Тебѣ, Благодѣтелю нашему, возводимъ взоры, возносимъ умы и сердца—благоговѣйныя, благодарныя. – Ахъ! какъ оно теперь прекрасно, какъ прекрасно сіе жилище наше, въ коемъ Ты поселилъ насъ,

въ коемъ Ты хранишь и покоишь насъ своею любовію! — О, если бы съ обновленіемъ природы обновились и мы—сердцами своими, своею къ Тебѣ любовію, благодарностію, благоговѣніемъ и всесовершенною покорностію!

XI.

КАКЪ ТЫ СТАРЪ?

Одинъ молодой человѣкъ имѣлъ странную привычку: съ кѣмъ бы онъ ни встрѣтился, всякаго спрашивалъ: «какъ ты старъ?»—Однажды встрѣтился съ нимъ старецъ, котораго онъ также, по обыкновенію своему, спросилъ: какъ ты старъ?—Старецъ не обинуясь отвѣчалъ: четырехъ лѣтъ.—Какъ?—возразилъ тотъ усмѣхаясь,—четырехъ лѣтъ, и съ сѣдою бородою?—Да! любезный, продолжалъ старикъ, четыре только года прошло, какъ я возродился къ новой жизни въ Іисусѣ Христѣ; а вся прежняя жизнь моя протекла въ заблужденіяхъ и порокахъ: ее считать нечего!—Читатель, старецъ сказалъ правду; ибо дѣйствительно жизнь проведенную въ отчужденіи отъ истинной Жизни—Іисуса Христа, погубленную въ заблужденіяхъ и порокахъ, нельзя считать жизнію.

Ахъ! сколько есть стариковъ, которыхъ, судя по ихъ жизни, безошибочно можно назвать младенцами! И сколько есть юношей, которые, можетъ быть, еще и не начинали жить!!..

XIII.

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НАЗІАНЗЕНА

О

БѢДСТВІЯХЪ ЕГО ЖИЗНИ (*).

Христе Царю! Ты, который нѣкогда обратилъ въ бѣгство страшныя полчища Амаликовы, когда рабъ Твой Моисей на горѣ крестообразно воздѣвалъ къ небу чистыя длани; Ты, который также чрезъ воздѣяніе рукъ Даніила, въ ровъ поверженнаго, связалъ ужасныя челюсти и острые зубы львовъ,—который избавилъ отъ великаго кита Іону, когда сей во чревѣ китовѣ вознесъ къ Тебѣ молитву и простеръ къ небу руки свои;—который и трехъ неустрашимыхъ отроковъ, воздѣвшихъ къ Тебѣ длани среди пламени Ассирійскаго, покрылъ ро-

(*) Въ Греческомъ подлинникѣ сіе сочиненіе написано стихами.

соноснымъ облакомъ; Ты, нѣкогда шествовавшій по ярящимся волнамъ моря, яко по суху, усмирившій свирѣпые вѣтры и бури, и устрашенныхъ учениковъ спасшій отъ волненія морскаго;— исцѣлившій толь многихъ людей отъ болѣзней душевныхъ и тѣлесныхъ;—Ты, который, будучи Богъ, чрезъ принятіе плоти содѣлался человѣкомъ, и бывъ по Божеству *въ началѣ, въ послѣдокъ дній* явился во плоти, дабы, пріобщившись оной, меня содѣлать общникомъ Божества;—о блаженный и милосердый Господи!—пріиди, спаси меня; пріиди, молю Тебя, Боже мой, блаженный и многомилостивый!

Простри десницу Твою, милосердый Владыко! и избави меня отъ окружающихъ меня враговъ, отъ лютыхъ звѣрей, отъ пламени и бури: къ Тебѣ единому возвожу я очи мои. Ибо что̀, какъ не звѣри или свирѣпыя волны; что́, какъ не губительные враги и ярящійся пламень—суть злые люди, сіи отравители радостей жизни? Они жестоко преслѣдуютъ любящихъ Бога, не страшась бу-

дущей казни и не имѣя никакого уваженія къ чтителямъ добродѣтели. Отъ нихъ избавь меня, Христе мой! и милосердо сохрани подъ кровомъ крылъ Твоихъ. Удали, Владыко, отъ раба Твоего тяжкія бѣдствія, да не падетъ душа моя подъ тяжестію безмѣрныхъ заботъ, коими мучитъ бѣдныхъ смертныхъ міръ сей и князь его. Сей лукавый врагъ, подобно какъ ржа изъѣдаетъ желѣзо, истребляетъ въ насъ образъ Божій, и благороднѣйшую часть нашего естества погружаетъ въ прахъ земныхъ похотей такъ, чтобы душа, отягченая утучнѣвшею плотію, не могла возноситься къ небу. Ибо прахъ склоняетъ къ землѣ бѣдную, по природѣ стремящуюся горѣ, душу, когда она огрубѣваетъ отъ нечистыхъ занятій.

Двумя путями стремятся люди къ страшной смерти. Одни внутрь себя носятъ нечистый источникъ пороковъ: это люди, которые творятъ нечестивыя дѣла, угождаютъ плоти, предаются сладострастію и обидамъ, питаютъ пагубные замыслы; погрузившись въ

крайнюю бездну порока, они симъ еще услаждаются, и веселятся о своей погибели. Другіе напротивъ, чистымъ окомъ взирая на Бога, бѣгая гордости—сего изчадія суетнаго міра, проводятъ безвѣстную жизнь вдали отъ свѣта; легкими стопами попирая землю, съ окрыленнымъ духомъ текутъ по гласу зовущаго ихъ Бога;—это таинники сокровенной нынѣ во Христѣ жизни, да нѣкогда узрятъ ее открывшуюся во всемъ ея блескѣ.

Но доколѣ они живутъ здѣсь, дотолѣ уязвляются злымъ терніемъ: ибо и заботы о житейскихъ потребностяхъ безпокоятъ ихъ, и извнѣ демонъ—сей жестокій мучитель бѣдныхъ смертныхъ, безчисленными поражаетъ ихъ злоключеніями. Лукавый часто подъ личиною добра скрываетъ гибельный замыслъ, когда открытымъ нападеніемъ не достигаетъ злой цѣли. Скрытнымъ образомъ онъ готовитъ людямъ гибель, подобно какъ отрава на удѣ наноситъ смерть рыбамъ, когда онѣ, думая найти въ ней пищу, поглощаютъ въ себя непредви-

дѣнный ядъ, и сами бываютъ виною своей гибели.

Тоже и со мною сдѣлалъ лукавый обольститель. Онъ, когда я ощутилъ себя окруженнымъ тмою, явился мнѣ въ видѣ свѣтлаго Ангела, хотѣлъ обольстить склонную ко злу душу мою такъ, чтобы я, думая стремиться къ добру, пошелъ путемъ порока.

Впрочемъ меня не связали узы брака, сего источника печалей житейскихъ,— узы тягчайшія изъ всѣхъ, какими только оковало людей грубое вещество; я не прельстился ни дорогими—шелковыми одеждами, ни роскошными столами, которые питаютъ это жадное чрево — нечистый источникъ похотѣній; не полюбилъ жить въ огромныхъ и пышныхъ палатахъ. Мой слухъ не плѣнился гармоническими звуками музыки; тѣла своего я не намащалъ, какъ женщина, благовоніями; злато и сребро предоставилъ я другимъ—тѣмъ, которые страстно любятъ мучиться заботами о умноженіи своего имущества,—которые за безчисленныя безпокойства вкушаютъ малое и крат-

кое наслажденіе. Сухой хлѣбъ служилъ для меня пищею, чистая соль—приправою; мой столъ былъ самый простый; а послѣ пищи свѣжая вода утоляла жажду мою.

Въ сихъ-то вещахъ заключалось все мое богатство. Но лучшее мое сокровище— Христосъ, который непрестанно влечетъ душу мою къ горнему; Онъ составляетъ мое богатство, — Онъ, а не обильныя жатвы земли плодоносной, не многочисленныя стада воловъ и ословъ, не толпы служителей, которые одинаковой со мною природы...

Не гонялся я и за славою человѣческою, скорогиблющею и мимолетною, какъ дыханіе вѣтра; не усиливался придти въ знаменитость при царскомъ дворѣ; не питалъ въ себѣ желанія возсѣдать между судіями, которые едва удостоиваютъ бросить горделивые взгляды на умоляющихъ просителей; не старался пріобрѣсть сильное вліяніе надъ городами и гражданами. Нѣтъ; я не прельщался сими обманчивыми и суетными мечтами, которыя одна за другою тѣснятся въ

душу, и — въ минуту опять исчезаютъ; я не хотѣлъ уподобляться такому человѣку, который черпаетъ руками быстрыя волны рѣчныя; или тому, кто обнимаетъ тѣнь или воздухъ, какъ бы твердое что. — А люди точно таковы; таково же и счастіе ихъ. Оно подобно тѣмъ легкимъ слѣдамъ, какіе оставляетъ за собою на морѣ плывущій корабль, и которые тотчасъ исчезаютъ, какъ скоро корабль проплываетъ. Только любовь къ наукамъ, которыя процвѣтали на Востокѣ и Западѣ, и особенно въ Аѳинахъ, въ семъ знаменитѣйшемъ городѣ Еллады,—только онѣ нашли мѣсто въ моемъ сердцѣ: имъ посвятилъ я наибольшую часть своей жизни. Но и науки смиренно повергъ я къ подножію Христа, предпочтя имъ высокую премудрость Божію, которая посрамляетъ всѣ суетныя и неосновательныя мудрованія бреннаго разума. Такъ, я оставилъ и оныя; но при всемъ томъ, не избѣгъ ухищренной злобы жестокаго врага, который подъ личиною друга готовитъ погибель. И вотъ я теперь хочу подробно

изложить мои бѣдствія предъ всѣми; пусть мое повѣствованіе предостережетъ иныхъ отъ нападеній страшнаго чудовища.

Посвятивъ себя заботамъ о удрученныхъ глубокою старостію и скорбями родителяхъ, у которыхъ я одинъ остался отъ всѣхъ чадъ ихъ, какъ слабая надежда, какъ малая искра отъ великаго пламени,—я надѣялся симъ исполнить дѣло благоугодное волѣ Твоей, Христе Владыко! Ибо Ты далъ смертнымъ въ ихъ дѣтяхъ заботливыхъ попечителей и какъ бы подпору для ихъ трепещущихъ членовъ.—Мои родители преимущественно предъ всѣми, которые чтутъ Тебя, возлюбили благочестіе, и, презрѣвъ суеты бѣдственной жизни сей, посвятили себя на чистое служеніе Тебѣ. Ты одинъ былъ для нихъ и начало и конецъ всего!

Мать моя, наслѣдовавъ отъ своихъ родителей благочестивую вѣру, возложила и на чадъ своихъ сіе златое иго.—Она въ женскомъ тѣлѣ носила мужескую душу; если и пеклась она о бла-

гахъ земныхъ, если и занималась сколько нибудь дѣлами житейскими, то для того единственно, чтобы всѣ временныя стяжанія употребить для приобрѣтенія жизни небесной, и быстрымъ полетомъ воспарить въ область надзвѣздную.

Но отецъ мой нѣкогда служилъ идоламъ. Послѣ однакожъ сія дикая маслина привилась къ доброй, и такъ укрѣпилась и возрасла на сочномъ корнѣ оной, что собою покрыла многія древа и многихъ напитала сладкими плодами своими. Покрытый сѣдиною власовъ, онъ имѣлъ сѣдину мудрости, былъ кротокъ, привѣтливъ; это новый Моисей, вторый Ааронъ; яко посредникъ между людьми и Божествомъ, непорочными руками возносилъ онъ къ Небу молитвы наши, освящая оныя чистымъ духомъ своимъ, и такимъ образомъ приводя насъ къ единенію съ безсмертнымъ Богомъ.

Вотъ, отъ какихъ произошелъ я родителей! Съ кѣмъ могу сравнить ихъ?— Нѣтъ, только другъ съ другомъ они могутъ быть сравниваемы. Ихъ-то старость успокоивая, ихъ печаль утѣшая,

я питалъ душу мою сладкою надеждою, что тѣмъ исполняю священнѣйшую обязанность и повинуюсь гласу природы. Но увы! я на себѣ дознал ту непреложную истину, что для грѣшниковъ весь путь жизни усѣянъ терніями: и для меня изъ добра проистекло зло. Священная обязанность, мною исполняемая, сдѣлалась для меня источникомъ мучительныхъ заботъ и огорченій, которыя удручали душу мою день и ночь, и отъ неба отвлекали къ сему праху, изъ коего я произошелъ.

Во первыхъ, управленіе домочадцами— какой обильный источникъ огорченій! Къ жестокимъ господамъ они питаютъ всегдашнюю ненависть, къ кроткимъ не имѣютъ—безстыдные—уваженія; и злымъ не покаряются они, и добрыхъ не слушаютъ,—тѣхъ и другихъ язвятъ стрѣлами своей строптивости. Далѣе, надлежало заботиться о храненіи отеческаго наслѣдія, самому всегда вносить подать государственную, слышать угрозы и терпѣть насиліе отъ сборщиковъ податей.— За тѣмъ, надобно было проводить цѣлые

дни на торжищѣ среди безчисленной толпы, прибѣгать къ высокимъ сѣдалищамъ гордыхъ судей, выслушивать противорѣчивые толки ораторовъ; съ душевною скорбію видѣть, какъ люди превращаютъ самые законы:—здѣсь-то бездна мученій и трудовъ,—здѣсь, гдѣ злые часто берутъ верхъ надъ добродѣтельными! Блюстители законовъ продаютъ себя всякому за деньги. Будь только богатъ, и—злой восторжествуетъ! Среди такихъ людей кто можетъ, безъ высшей—Божественной помощи, избавиться отъ сѣтей хитрости и лукавства? Надлежитъ, или, совершенно удалиться отъ нихъ и все предоставить на волю злымъ людямъ, или, принявъ ихъ сторону, самому осквернится ихъ грѣхами. Такъ — кто стоитъ близъ огня или дыму, тотъ необходимо или опалится огнемъ, или почернѣетъ отъ дыму!

Впрочемъ, все это можно бы еще сносить! Но жесточайшую рану нанесло сердцу моему то, что я потерпѣлъ отъ смерти моего брата, и что еще впредь

потерпѣть ожидаю. Ибо кого бѣдствія неожиданно сразили, тотъ уже не смѣетъ ласкать себя лучшею будущностію. — Когда братъ мой былъ еще живъ, тогда и я раздѣлялъ съ нимъ ту славу, какую заслужилъ онъ у другихъ. Мною впрочемъ никогда не обладали, ни любостяжаніе, ни какая либо другая сильная страсть.—Но когда онъ скончался, то меня одного поразили всѣ скорби и несчастія. Наше имѣніе, которое онъ своимъ благоразуміемъ умножилъ, частію земля поглотила при случившемся въ Никеи землетрясеніи, частію жестокая судьба отдала въ хищныя руки злыхъ людей. А самъ онъ избѣжалъ погибели, спасенный десницею Божіею *подъ развалинами* своего жилища.

О, безцѣнное для меня имя Кесарія! О ты, который при Дворѣ царскомъ блисталъ какъ звѣзда утренняя,—былъ примѣромъ для всѣхъ по своей мудрости и кроткому нраву, и сими качествами привлекъ къ себѣ сердца столь многихъ людей! Сколько страдальцевъ избавилъ ты отъ болѣзней тѣлесныхъ; сколько

несчастныхъ освободилъ отъ тяжкаго бремени нищеты! Ты и при смерти своей насытилъ этихъ псовъ, которые теперь со всѣхъ сторонъ лаютъ на меня, отъ которыхъ никто даже изъ самыхъ близкихъ ко мнѣ не хочетъ защитить меня. Ахъ! у несчастныхъ мало бываетъ вѣрныхъ друзей. Таковы уже люди: когда надѣются они получить отъ насъ что либо, тогда и уважаютъ насъ; но лишь получатъ желаемое,—то ихъ и нѣтъ уже съ нами! Такъ бываетъ съ величавымъ дубомъ: когда разъяренный вѣтръ исторгнетъ его изъ корня,— всѣ спѣшатъ ломать съ него вѣтви. Такъ бываетъ съ неогражденнымъ виноградникомъ: всякой проходящій жадною рукою срываетъ съ него плоды, и дикій звѣрь, выбѣжавъ изъ дубравы, грызетъ дерева его хищными зубами. Нѣтъ, это бѣдствіе превыше силъ моихъ: ни насытить всѣхъ этихъ псовъ, ни отогнать ихъ отъ себя—я не въ силахъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я, отрекшись отъ міра, углубился умомъ въ спасительныя созерцанія небесныхъ предме-

товъ; когда духъ мой, отрѣшась отъ плоти, вознесъ меня къ небеснымъ селеніямъ, гдѣ осіяваетъ очи смертнаго неизреченный, превосходящій всякое разумѣніе, свѣтъ Божественныя Троицы, лучи коего источаютъ жизнь и бытіе всѣмъ вещамъ, какія только существуютъ въ мірѣ, — съ тѣхъ поръ я умеръ для міра, и міръ умеръ для меня. Теперь я не болѣе, какъ живой трупъ: силы меня оставили, жизнь моя прошла. Я вздыхаю подъ бременемъ грубой плоти — сей плоти, которую мудрецы называютъ темницею души. Утомясь обманчивыми призраками жизни, негодуя на пресмыкающихся во прахѣ людей, изъ которыхъ каждый обманываетъ и самъ себя и другихъ, единственное питаю въ сердцѣ моемъ желаніе, чтобы мнѣ въ истинномъ свѣтѣ узрѣть всѣ предметы — не такъ, какъ я видѣлъ ихъ прежде — въ образахъ ложныхъ, коими обманываются и самые острые умы, — нѣтъ, я жажду узрѣть чистымъ окомъ ума самую истину!

Но сіе счастіе не есть удѣлъ настоя-

щей жизни. Здѣсь, какъ дымъ или прахъ ничтожный, попираются всѣ тѣ, которые будущую—нетлѣнную жизнь предпочли скорогиблющимъ — временнымъ благамъ. За сіе-то самое и на меня устремились враги мои, готовые поглотить меня, какъ жертву, имъ обреченную. Увы, мой возлюбленный Кесарій! Ты избавлялъ меня отъ всѣхъ сихъ заботъ и огорченій; ты почиталъ меня столько, сколько никакой братъ никогда не почиталъ своего брата; скажу болѣе, — ты уважалъ меня какъ отца!

Но я не о томъ такъ сильно скорблю, что расхищено и досталось въ руки нечестивыхъ имущество мое, которымъ я желалъ всегда дѣлиться съ бѣдными собратіями (ибо и я здѣсь странникъ и пришлецъ, и всего ожидаю отъ щедродательной десницы Вышняго); не о томъ также, что мнѣ учинена жестокая обида, которая можетъ привести въ негодованіе и самую кроткую душу; наконецъ и не о томъ я скорблю, что лютая смерть внезапно похитила у меня братьевъ, которые своими добрыми качества-

ми пріобрѣли у всѣхъ любовь и почтеніе. Паче всего оплакиваю я печальный жребій души моей. Увы! сія преукрашенная и превознесенная надъ всѣмъ земнымъ царица, столь высокая по своему небесному происхожденію,—какими тяжкими узами она окована! Враги непріязненные одолѣли ее и повергли въ жестокое рабство. Сѣтуя о пораженіи своемъ, она проливаетъ горькія *слезы* изъ поникшихъ долу очей своихъ. Вотъ величайшее мое несчастіе! Вотъ какая печаль снѣдаетъ мое сердце!

Есть древнее замѣчаніе, что если кого угрызетъ ядовитый змѣй и нанесетъ ему жестокую рану; то такой человѣкъ не любитъ никому разсказывать о своихъ страданіяхъ, развѣ только тѣмъ, которые сами подверглись когда-либо ядовитому угрызенію змія: ибо только такіе люди могутъ чувствовать лютость подобныхъ страданій. Такъ и я охотно повѣствую о скорбяхъ своихъ тѣмъ только, которые таковую же, какъ и я, имѣютъ любовь, таковыя же питаютъ желанія, и таковыя же наконецъ

испытали несчастія. Только сіи люди могутъ благодушно внимать моему повѣствованію; только они могутъ понимать тайныя скорби озлобленнаго сердца: ибо только они, возложивъ на рамена свои пріятное и спасительное иго Креста, и послѣдуя велѣніямъ Царя небеснаго, и сами текутъ правою стезею, и къ падающимъ собратіямъ являютъ сердечное состраданіе. Другіе стали бы только издѣваться надъ моими словами: это тѣ люди, которые устами легкомысленно исповѣдуютъ вѣру, а въ сердцахъ своихъ не пылаютъ огнемъ любви Христіанской; это тѣ люди, которые все время настоящей скоротечной жизни проводятъ въ суетныхъ попеченіяхъ о благахъ тлѣнныхъ. Да погибнутъ они за то, что на всѣхъ равно изощряютъ языкъ свой — сію ядовитѣйшую, злѣйшую стрѣлу.

Нѣтъ, я не прежде престану скорбѣть, какъ развѣ тогда только, когда быстрымъ бѣгствомъ спасусь отъ скверны порока и огражду мое сердце отъ нечистыхъ страстей, для коихъ жестокій

демонъ отверзъ всѣ тѣ входы въ мою душу, которые прежде заключены были, когда покрывала меня десница Божія: тогда только не буду стенать, когда зло не найдетъ себѣ никакого пути, чтобы приблизиться ко мнѣ.—Увы! зло съ такою же быстротою возгарается, какъ и огонь, прикоснувшись къ сухому тростнику, и наконецъ отъ дуновенія вѣтра сильнымъ пламенемъ поднимается къ небу.

О, если бы я въ ранніе дни моей жизни сокрылся въ пропастяхъ земныхъ или въ вертепахъ, или въ горахъ! Свободный отъ всѣхъ суетныхъ попеченій о житейскомъ, я всего бы себя посвятилъ единому Христу, и въ удаленіи отъ шума людскаго, чистымъ умомъ возносился бы къ Богу, доколѣ наконецъ смерть не отверзла бы надеждѣ моей двери Неба. Какъ бы я тогда счастливъ былъ!—Но любовь къ добрымъ родителямъ моимъ удержала меня въ мірѣ: и—увлеченный силою ея, какъ свинецъ упалъ я на землю!—Не столько однакожъ любовь удержала меня, сколь-

ко нѣжнѣйшее, до самыхъ внутреннихъ изгибовъ сердца проницающее, сострадание—сие сладостнѣйшее изъ всѣхъ человѣческихъ расположений чувствование. Меня тронула удрученная горестями старость моихъ родителей, ихъ слабость, бездѣтность, наконецъ ихъ нѣжность къ единственному сыну, за котораго они трепетали, о которомъ заботились такъ сердобольно, — который служилъ для нихъ окомъ ихъ жизни, хотя и былъ омраченъ скорбию.

О, священныя письмена, которыя Самъ Духъ Божий изрекъ языкомъ мужей вдохновенныхъ, письмена, изъ — подъ прекраснаго покрова коихъ просиявает благодать духовная, открывающая чистымъ душамъ сокровенныя въ оныхъ таинства! Съ удовольствиемъ воспоминаю я то время, которое протекло въ изучении васъ. О, приятнѣйшия ночи, которыя нѣкогда провождалъ я въ бодрствовании, въ молитвахъ и воздыханияхъ къ Богу! О, Ангельские лики людей, которые псалмопѣниемъ восхваляютъ Бога, которые, тѣломъ пребывая

на землѣ, души возносятъ съ гимнами къ небу, и многими устами единую— согласную пѣснь воспѣваютъ Господу! О, труды, коими утомляется чрево—гнѣздилище порока! О, святые подвиги, коими умѣряется смѣхъ, обуздываются языкъ и око, укрощаются гнѣвъ и раздражительность! Съ сладкимъ чувствомъ воспоминаю о васъ. Тогда святое ученіе покоряло въ послушаніе вѣры суетный мой умъ, и, вдыхая въ душу надежды небесныя, всецѣло устремляло ее ко Христу. Оно управляло всѣми движеніями моего сердца, и сокровенный во мнѣ образъ Божій возводило къ самому Первообразу. Окомъ благоволенія взиралъ Господь на выспреннее *пареніе* духа, когда сей вмѣсто богатствъ земныхъ и жалкихъ заботъ, которыя теперь и ночью смущаютъ меня нечистыми мечтами (и дѣйствительно, что̀—какъ не мечты сновидѣнія всѣ оныя суетныя заботы?),—помышлялъ единственно о томъ, чтобы непрестанно ходить предъ очами Господа, среди свѣтлыхъ ликовъ и пѣснопѣній душъ благочестивыхъ.

Но теперь я уже не обладаю симъ сокровищемъ, которое нѣкогда собралъ, живя съ людьми добродѣтельными. Ничего у меня не осталось, кромѣ пламеннаго желанія—паки стяжать оное; ничего, кромѣ безнадежной печали.

Вотъ о чемъ я воздыхаю. Увы! я не знаю, что будетъ со мною впредь. Приведетъ ли Господь меня—кающагося въ прежнее состояніе? Освободитъ ли Онъ меня отъ тяжкаго бремени заботъ и печалей? Извлечетъ ли изъ бездны золъ, меня поглощающей, до наступленія того дня великаго, когда жаждущій свѣта узритъ небо безоблачное? Прольетъ ли въ язвы несчастнаго цѣлительный бальзамъ прежде, нежели наступитъ оная послѣдняя ночь, когда гласъ милосердія не отзовется болѣе на вопли рыдающихъ? Ахъ! только въ сей жизни подается намъ исцѣленіе: а тамъ на вѣки затворится дверь избавленія!—Вотъ уже волосы мои сѣдѣютъ, силы ослабѣваютъ, печальные дни жизни склоняются къ вечеру!...

Нѣтъ, я не страдалъ такъ жестоко и

тогда, когда на зыблющемся корабл͏ѣ несенъ былъ ярящеюся бурею съ Фарсійскаго берега въ Ахайскую землю подъ грознымъ для мореходцевъ созвѣздіемъ тельца,—когда рѣдкіе изъ нихъ осмѣливаются, снявъ паруса, стать на морѣ якоремъ. Двадцать дней и стольkоже ночей лежалъ я тогда на кормѣ корабельной, моля милосердаго Бога о спасеніи. Свирѣпыя волны, какъ горы *или* скалы, воздымались по ту и другую сторону корабля, и съ неотразимою силою разбивались объ оный. Паруса сильно надувались, снасти рвались отъ напора вѣтровъ. Небо омрачилось тучами, и только блескъ молніи на минуту освѣщалъ оное; сильные раскаты грома *оглушали* насъ со всѣхъ сторонъ Тогда *я* всего себя предалъ волѣ Божіей, и—искренніе обѣты сердца спасли меня отъ разъяреннаго моря.—Не страдалъ я такъ жестоко и тогда, когда вся обширная Еллада потрясаема была сильными волненіями; когда не оставалось никакой надежды получить откуда-либо помощь. Впрочемъ *я* трепеталъ тогда за свою ду-

шу: ибо она еще не была омыта банею крещенія, въ которой сообщается человѣку благодать и просвѣщеніе Духа. Не страдалъ я такъ сильно и тогда, когда жестокая болѣзнь въ гортани стѣсняла мое дыханіе, и заключила, такъ сказать, всѣ входы жизни.—И даже тогда не страдалъ такъ жестоко, когда въ безуміи горячки рвалъ волосы у рѣсницъ своихъ и изцарапалъ глаза свои до того, что онѣ наполнились кровію. Мое безразсудство жестоко тогда было наказано: подобно преступнику, я ощутилъ себя лишеннымъ свѣта дневнаго. И не прежде я дерзнулъ возносить къ Богу руками своими духовную жертву, какъ омылъ свой грѣхъ потоками слезъ. Ибо опасно нечистому прикасаться къ святынѣ, точно такъ, какъ больнымъ глазамъ смотрѣть на яркое солнце.—О, много потерпѣлъ я въ своей жизни! И кто исчислитъ всѣ тѣ злосчастія и благодѣянія, коими Господь призывалъ меня къ Себѣ?

Но претерпѣнныя мною доселѣ бѣдствія—что въ сравненіи съ тѣми, кои теперь удручаютъ меня?—Изнемогающая

подъ бременемъ оныхъ душа моя готова отъ всего отказаться, только бы узрѣть себя свободною; рада всего лишиться, только бы избавиться отъ жгущаго ее пламени, отъ жестокаго тиранства міра сего и отъ онаго зіяющаго дракона, который алчетъ растерзать добычу острыми зубами своими.

Кто дастъ главѣ моей воду, и очамъ моимъ источникъ слезъ, да въ потокѣ ихъ омою всѣ мои скверны и беззаконія? Для души, оскверненной порокомъ, наилучшее очистительное средство суть слезы, глубокое уничиженіе и строгое покаяніе. Пусть другіе, смотря на меня, вострепещутъ и исправятъ свое поведеніе; пусть они поспѣшатъ бѣжать изъ мрачной земли Египетской, отъ горькой работы и отъ Фараона — царя ея; пусть поспѣшатъ въ Божественное отечество; пусть не скитаются, какъ плѣнники, по пустымъ полямъ Вавилона; пусть не сидятъ при потокахъ рѣкъ его, проливая слезы и повѣсивъ на ивахъ органы свои, на которыхъ они не могутъ уже воспѣвать пѣсней Сіонскихъ.

Освободясь отъ угнѣтающаго ихъ рабства Ассирійскаго, да спѣшатъ они въ предѣлы Святой земли, и здѣсь да полагаютъ своими руками основанія великаго Храма.—Увы! съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ я сію блаженную страну,—и доселѣ не оставляло меня желаніе паки возвратиться въ нее. Но вотъ, уже и состарѣлся въ этомъ напрасномъ желаніи! Печальный, брожу я съ потупленною къ землѣ главою, страшась людей и Владыки безсмертнаго. Одежда моя возвѣщаетъ уничиженіе души моей; молчаливою скорбію я умоляю Господа о милосердіи ко мнѣ: Онъ благоволитъ къ смиреннымъ, а гордыхъ ненавидитъ.

Писаніе говоритъ, что нѣкто на пути изъ Святаго града Іерусалима въ знаменитый Іерихонъ, впалъ въ руки жестокихъ разбойниковъ, которые, изранивъ его и снявъ съ него одежду, оставили несчастнаго въ семъ жалостномъ положеніи. Вотъ, шли тѣмъ путемъ Левитъ и Священникъ: но, о жестокіе люди!—они не подали ему помощи. Послѣ нихъ тутъ же проѣзжалъ Самаря-

нинъ, и—жалость объяла его сердце: онъ обвязываетъ раны несчастнаго, привозитъ его въ гостинницу, покупаетъ для него лекарства и даетъ еще великую сумму хозяину оной, дабы онъ имѣлъ попеченіе о больномъ. Удивительное дѣло! Самарянинъ тронулся бѣдственнымъ положеніемъ несчастнаго, а служители Вѣры прошли мимо его съ хладнокровіемъ. Я не постигаю ясно, какой смыслъ сокрывается въ семъ повѣствованіи: мудрость Божія имѣетъ свои таинства.

И я впалъ въ подобное же злоключеніе. И на меня, когда я вышелъ изъ Святаго града, напалъ жестокій врагъ душъ человѣческихъ, лишилъ меня благодати Христовой, и оставилъ въ той наготѣ, въ какой нѣкогда увидѣлъ себя Адамъ, виновникъ нашего бѣдствія и уничиженія, за вкушеніе запрещеннаго плода осужденный отойти въ землю, отъ которой онъ и взятъ былъ.

Но, Владыко—Господи! умилосердися надо мною, и спаси отъ смерти того, кого оставили Священники, не смотря на бѣдственное его положеніе. Обвяжи

раны мои, и введи меня въ отверстое для всѣхъ пристанище спасенія. Паки возведи меня невредима во Святый градъ, да пребуду въ немъ вѣчно. Отъ злыхъ же разбойниковъ, отъ пути опаснаго, отъ ранъ и отъ жестокосердыхъ путниковъ, имѣющихъ только видъ благочестія, избави меня!

Читалъ я также въ Писаніи, что два человѣка вошли однажды въ Храмъ,— гордый Фарисей, который мечталъ о себѣ, что онъ паче всѣхъ угодилъ Богу, и мытарь, сердечно скорбящій о неправедномъ своемъ лихоимствѣ. Тотъ съ высокомѣріемъ перечислялъ свои мнимыя добродѣтели—частые посты и десятины законныя; ставилъ себя наравнѣ съ людьми благочестивѣйшими, и уничижительно говорилъ о мытарѣ. Сей напротивъ, проливая слезы и бія въ перси руками, не смѣлъ возвесть и очей на небо, которое есть престолъ Божій, но съ потупленными въ землю очами, стоя въ удаленномъ мѣстѣ Храма, такъ молился къ Богу: «будь милостивъ, Боже! къ рабу Твоему; умилосердись надъ стенающимъ

подъ бременемъ грѣховъ; ни законъ, ни десятины, ни добрыя дѣла не спасутъ меня. Этотъ Фарисей справедливо называетъ меня грѣшникомъ. Я страшусь войти во внутренность Храма; не дерзаю вступить во святилище Твое нечистыми ногами. Но да низъидетъ на меня нечистаго благодать и милость Твоя: вотъ единственная надежда, которую Ты, Всевышній Отецъ, оставилъ бѣднымъ грѣшникамъ!»

Такъ молились Фарисей и мытарь. Богъ услышалъ молитвы ихъ, и умилосердился надъ воздыханіями мытаря, а гордаго лицемѣра уничижилъ. Какъ видѣлъ, такъ и судилъ ихъ Ты, Боже мой! Мысль о праведномъ судѣ Твоемъ и *мнѣ* внушаетъ сладкую надежду. Преклоняю колѣна свои предъ Тобою *я*—беззаконный мытарь; такъ же какъ и онъ, воздыхаю *я*, и таковаго же надѣюсь отъ Тебя милосердія. Если блаженные родители мои нѣкогда благоугождали Тебѣ слезами, воздыханіями и молитвами; если посвящали имени Твоему часть имѣнія своего и возносили къ Тебѣ чистыя и святыя

жертвы (а я самъ, увы! ничего не сдѣлалъ достойнаго славы Твоей): то,—умоляю Тебя благими дѣлами ихъ,—воззри на меня окомъ благоволенія и отгони отъ меня суетныя заботы. Да не уязвляетъ меня колючее терніе остріями своими, и да не замедляетъ оно моего стремленія по пути къ Небу; но да безбѣдно проведетъ меня по оному десница Твоя! Твой я рабъ, Тебѣ посвященъ; Ты всегда былъ мой единый Господь. Мать моя подобно благочестивой Аннѣ, возжелавъ имѣть чадо, Тебѣ посвятила меня, когда я былъ еще во утробѣ ея. — «О Христе Царю!—воскликнула она къ Тебѣ,—даруй мнѣ сына: сей плодъ чрева моего пребудетъ во святилищѣ Твоемъ во всѣ дни жизни своей.»

Такъ молилась мать моя, а Ты, преклонясь на моленіе ея, въ ночномъ видѣніи нарекъ ей имя мое; скоро потомъ даровалъ Ты ей и сына. Она посвятила меня на служеніе Храму Твоему, яко новаго Самуила, если бы только я могъ сравнивать себя съ Самуиломъ: ибо теперь вижу, что я болѣе подобенъ нече-

стивымъ сынамъ Илія, которые по безумной жадности своей пожирали святыя приношенія и дерзновенными руками били Левитовъ Твоихъ; за то и погибли страшною смертію. Ахъ, моя мать лучшія питала надежды, посвящая Тебѣ единаго изъ чадъ своихъ. Вручая мнѣ Святое Писаніе, она обняла меня и сказала слѣдующія слова:

«Сынъ мой! ты здѣсь увидишь, что о-«динъ отецъ рѣшился заклать на жерт-«венникѣ возлюбленнаго, Богомъ дарован-«наго ему сына; а сей прекрасный даръ, «плодъ престарѣлыя Сарры, корень для «будущаго потомства, сынъ обѣтованія «Божія,—съ покорностію шелъ къ мѣсту «жертвоприношенія. Жрецомъ *былъ*—«Авраамъ, прекраснымъ агнцемъ—Иса-«акъ. Вотъ и я, исполняя обѣтъ свой, при-«ношу тебя Господу, какъ жертву живую. «Покорись желанію матери твоей, кото-«рая получила тебя молитвою. которая «и теперь умоляетъ тебя быть чти-«телемъ добродѣтели. Вручаю тебѣ сіе «драгоцѣнное сокровище: обладай имъ «теперь и во всю жизнь твою. А въ бу-

«дущей жизни получишь еще лучшія «блага!»

Таково было желаніе моей матери. Я— малолѣтный отрокъ, повиновался волѣ ея; и на нѣжной душѣ моей вообразился новый образъ благочестія. Въ купели крещенія запечатлѣла оный образъ печать Іисуса Христа; Онъ изліялъ благодать свою на раба своего. Святое цѣломудріе возложило узы на плоть мою; сердце мое исполнилось пламенною любовію къ Божественной премудрости и къ пустынической жизни, которая есть предначинаніе жизни небесной и не имѣетъ нужды въ шумныхъ обществахъ, развращающихъ сердце своими нечистыми увеселеніями. Провождая сію жизнь, человѣкъ, рожденный отъ Бога и посвятившій всѣ свои обѣты единому Богу, не раздѣляется между Христомъ и женою. Самъ Богъ ввелъ меня въ тѣсныя врата узкимъ и скорбнымъ путемъ, чрезъ который проходятъ не многіе,— тѣ только, которые родились не отъ крови и похоти плотскія; Онъ самъ, который рожденнаго отъ земли содѣлы-

ваетъ участникомъ Божества, избавляетъ отъ тлѣнія смерти, и вмѣстѣ съ образомъ Божіимъ привлекаетъ къ Себѣ и союзницу сего образа — плоть, точно такъ, какъ магнитъ привлекаетъ къ себѣ желѣзо.

О, я несчастный! Колико нечистыми и казни достойными дѣлами осквернена душа моя! О, смертные, какъ суетна, какъ ничтожна слава наша! Что мы? быстронесущіеся вѣтры, мятущіяся волны рѣчныя: подобно имъ, носимся мы по землѣ, воздымаемые суетною гордынею!—Все у насъ непостоянно, все перемѣнчиво—и зло и добро. Оба пути равно безвѣстны: ни злой не знаетъ, что будетъ съ нимъ впредь, ни добродѣтельный не увѣренъ въ постоянствѣ своей добродѣтели; — часто страхъ обуздываетъ порочнаго, часто зависть приводитъ въ уныніе добродѣтельнаго. Богу такъ было угодно, чтобы мы склонялись то на ту, то на другую сторону, и чтобы чувствуя свою немощь, прибѣгали къ Нему съ прошеніемъ Его помощи. Но тотъ есть истинно добродѣтельный

мужъ, кто шествуетъ правымъ путемъ, и не обращая взоровъ на пылающія развалины беззаконнаго Содома, на который ниспалъ съ неба страшный огнь, — спѣшно бѣжитъ въ горы, забываетъ отечество свое, дабы самому не превратиться въ столпъ соляный и не сдѣлаться притчею въ народѣ.

Впрочемъ, хотя нечистоты душевныя омрачили меня, хотя врагъ изрыгнулъ на меня мрачный ядъ, какой морскія чудовища извергаютъ на мореплавателей; не смотря на сіе, я еще вижу и чувствую: что я теперь? чѣмъ бы хотѣлъ быть? какъ глубоко низпалъ? въ какую бездну пороковъ низвергся? Я не услаждаюсь льстивыми рѣчами, коими утѣшаютъ несчастныхъ; не обманываю себя тѣмъ, будто я лучше другихъ грѣшниковъ. Для тѣхъ, которые выдерживаютъ мучительныя операціи, какая отрада — слышать, что другіе подвергаются еще болѣе мучительнымъ? Какое утѣшеніе для грѣшника видѣть, что многіе преданы еще гнуснѣйшимъ порокамъ? Напротивъ порочный человѣкъ, равно какъ

и добродѣтельный, не получаютъ ли назиданія отъ примѣра совершеннѣйшей добродѣтели? Для слѣпца зрячій есть путеводитель. Но услаждаться зломъ есть крайній степень разврата.

Болѣзную сердцемъ и втайнѣ вздыхаю, когда меня, великаго грѣшника, называютъ мужемъ добродѣтельнѣйшимъ. Лучше, будучи добродѣтельнымъ, считаться грѣшникомъ, нежели, предавшись пороку, слыть за святаго человѣка. Это значитъ—быть подобнымъ тѣмъ обманчивымъ гробамъ, которые внутри наполнены мертвыми и зловонными трупами, извнѣ же украшены разнообразными цвѣтами и красками. О, я трепещу того всеобъемлющаго взора, который проницаетъ и въ преисподнюю и въ бездны морскія, который зритъ и сокровеннѣйшія мысли человѣческія! Для Бога нѣтъ раздѣленія времени; все для Него настоящее. Какъ намъ сокрыть отъ взора Его наши беззаконія? Куда убѣжать въ оный послѣдній день? Кто защититъ насъ? Утаится ли что отъ очей Его тогда, когда огнь искушенія изобличитъ

дѣла наши,—сей огнь, который потребитъ все нечистое и грѣховное?—О, я трепещу Тебя, всезрящее Око—трепещу, видя, какъ глубоко душа моя низпала отъ Господа, какъ крѣпко прилѣпилась она къ сему бренію, отъ коего желалъ бы я отрѣшиться всесовершенно!

Видалиль вы, какъ весною разлившаяся изъ береговъ рѣка вырываетъ съ корнемъ ольху или платиновое дерево, которыя въ продолженіи года красовались своими вѣтвями: н апередъ она рушитъ поддерживавшія ихъ опоры, подрываетъ землю, въ которой растутъ ихъ корни, и онѣ послѣ того висятъ какъ бы на воздухѣ надъ бездною; а тамъ уже совсѣмъ исторгаетъ оныя, увлекаетъ въ бурную влагу, бьетъ о подводные камни: здѣсь сырость и дождь довершаютъ разрушеніе; и вотъ отъ нихъ ничего не осталось, кромѣ жалкихъ отломковъ!—Такъ и мою душу, которая нѣкогда цвѣла въ виноградникѣ Христовомъ, неистовый и кровожадный врагъ низвергъ на землю, лишилъ ее лучшихъ сокровищъ, и—теперь, что осталось у бѣдной, и то какъ

бы вѣтромъ, клонится то въ ту, то въ другую сторону. Да сохранитъ мнѣ Господь хотя сіи малые остатки невредимыми,—да сохранитъ Онъ, который изъ небытія воззвалъ насъ въ бытіе, и паки нѣкогда воздвигнетъ изъ тлѣнія къ новой жизни, и иныхъ предастъ огню геенскому, другихъ приведетъ въ царство свѣта Божественнаго! Какая же судьба моя будетъ тамъ, единъ Богъ то вѣдаетъ.

Но, Христе Владыко! не попусти врагамъ моимъ веесовершенно восторжествовать надо мною,—не попусти успѣть въ своихъ замыслахъ тѣмъ жестокосердымъ людямъ, которые называютъ меня человѣкомъ слабымъ, бездушнымъ, и покивая головами своими, издѣваются надъ моимъ несчастіемъ. Укрѣпи душу мою небесною надеждою. Возжги въ сердцѣ моемъ почти уже потухшій пламень, да возгорится онъ съ новою силою, да будетъ освѣщать мнѣ весь путь жизни сей, и да во свѣтѣ его я вниду въ Царство свѣта вѣчнаго. Удали отъ меня и сіи тяжкія бѣдствія; — пусть

развѣютъ ихъ бурные вѣтры; посли же мнѣ вѣяніе тихое. Ибо Ты довольно смирилъ душу мою, наказавъ ее за тяжкія беззаконія бѣдствіями, какъ укрощаютъ подъяремное животное, заставляя оное бѣжать по труднымъ и стремнистымъ путямъ.—Бѣдствіями Ты сокрушилъ гордыню духа моего, которой легко предаются и самые благочестивые люди, когда они по слабости духа своего надмѣваются Твоею къ нимъ благостію. Или наконецъ сими бѣдствіями моими Ты восхотѣлъ, Спаситель мой, внушить смертнымъ презрѣніе къ суетности сей коловратной жизни; и взоры всѣхъ, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, обратить на иную жизнь, которая не подвержена никакимъ измѣненіямъ, и въ которой благочестивый будетъ блаженствовать. — Въ тайномъ совѣтѣ Твоей премудрости опредѣлено все, чему быть надлежитъ съ нами—худому или доброму, все это ясно предъ очами Твоими, хотя отъ нашего бреннаго ума большею частію сокрыто. Премудро управляешь Ты кормиломъ вселенныя, и—мы,

подъ Твоимъ управленіемъ носясь по стремленію свирѣпыхъ волнъ, преплываемъ сіе великое море непостоянной жизни земной.

Отвсюду стѣсняемый бѣдствіями, я съ сердечнымъ сокрушеніемъ преклоняю предъ Тобою колѣна свои. Пошли ко мнѣ Лазаря, да омочивъ въ водѣ перстъ свой, онъ устудитъ изсохшій языкъ мой. Да не объиметъ меня тьма кромѣшняя, и да не изверженъ буду изъ блаженныхъ нѣдръ Авраама—я, толико богатый бѣдствіями. Да подкрѣпитъ меня всесильная десница Твоя. Исцѣли болѣзни мои; и яви на мнѣ всѣ чудеса благости Твоей, какія и прежде являлъ на мнѣ. Рцы слово,—и въ одно мгновеніе престанетъ токъ крови. Рцы слово,—и легеонъ злыхъ духовъ устремится во стадо свиное, и оно погрязнетъ въ морѣ; а я буду отъ нихъ свободенъ. Изцѣли меня отъ гнусной проказы; возврати зрѣніе очамъ слѣпаго и слухъ ушамъ глухаго; распростри сухую руку мою, разрѣши узы языка моего; утверди колеблющіяся стези мои; насыти меня крупицами хлѣба Твоего:

укроти волнующееся море; облистай меня Твоими лучами, свѣтлѣйшими солнца; укрѣпи члены разслабленные; воскреси изъ мертвыхъ смердящаго тлѣніемъ, и не осуди меня, какъ нѣкогда безплодную смоковницу, на вѣчное безплодіе.

Люди въ различныхъ вещахъ ищутъ себѣ опоры: иные въ знатности предковъ, иные въ скоропреходящемъ величіи міра, иные въ предметахъ еще болѣе ничтожныхъ. Но я — одинокій на Тебя одного, Всевышній, возлагаю всю мою надежду; Ты единъ, все содержащій во власти своей,—крѣпость моя и утвержденіе мое. Нѣтъ у меня нѣжной супруги, которая бы услаждала горести мои и кроткою бесѣдою утѣшала сѣтующаго. Я не имѣю и дѣтей, которые бы служили опорою моей старости. Нѣтъ у меня ни братьевъ ни друзей: однихъ похитита смерть, а другіе насъ любятъ только въ счастіи; при малѣйшей же перемѣнѣ онаго тотчасъ оставляютъ.

Одно оставалось у меня утѣшеніе, которое было для меня тоже, что для жа-

ждущей лани источникъ прохладной воды: это—общее съ людьми благочестивыми, которые, нося въ сердцѣ своемъ Іисуса Христа, живутъ въ семъ тѣлѣ какъ бы безъ тѣла. Они, посвятивъ себя въ храмъ Духу Святому и служенію вѣры, проводятъ жизнь безбрачную въ удаленіи отъ міра, ими презираемаго. Но и сіи враждебно отдѣлились другъ отъ друга, препираясь между собою о Божественныхъ таинствахъ Твоихъ. Безумная ревность беззаконнымъ образомъ нарушила законъ Божественный, расторгла союзъ любви, и теперь осталось одно только имя любви.

Представьте себѣ человѣка, который лишь только избѣжалъ челюстей льва, вдругъ встрѣчается съ разъяренною медвѣдицею, а спасшись отъ ней и съ радостію прибѣжавши въ свой домъ, опять, лишь только оперся рукою объ стѣну онаго, вдругъ—неожиданно уязвляется зміемъ. Такъ и меня несчастіе постигаетъ за несчастіемъ, а избавленія ни откуду нѣтъ; и послѣднее зло, меня постигшее, есть горше всѣхъ.

Удрученный всякими бѣдствіями, тщетно повсюду я вращаю очи мои, ища себѣ помощи. Посему паки возвожу оныя къ Тебѣ, блаженное Существо; на Тебя вся надежда моего избавленія. О Ты, Всемогущій, Несозданный, Начало и Отецъ Начала — Сына безсмертнаго, великій Свѣтъ—Источникъ подобнаго же Свѣта, отъ одного другому сообщающагося таинственнымъ образомъ! О, Сынъ Божій, Мудрость, Царь, Слово, истинный Образъ Первообраза, Естество Отцу равное, Пастырь и Агнецъ, Жертва и Верховный Первосвященникъ, Богъ и человѣкъ! О, Святый Духъ, отъ Отца исходящій, Свѣтъ ума нашего, вселяющійся въ чистыя души и общниками Божества содѣлывающій смертныхъ! О Господи, умилосердись надо мною, яви мнѣ таковую благодать, чтобы я, хотя на западѣ дней моихъ прилѣпясь всесовершенно къ Тебѣ—Богу моему, здѣсь и тамъ, съ веселіемъ воспѣвалъ Тебѣ немолчныя пѣсни!

XIV.

О любви къ Богу.

Я пришелъ огнь низвесть на землю: и какъ желалъ бы Я, чтобы онъ уже возгорѣлся! Лук. 12, 49.

Господь Іисусъ Христосъ не для того пришелъ на землю, чтобы низвести на нее тотъ гибельный огнь, который вооружаетъ царей противъ царей, народы противъ народовъ, — который опустошаетъ области, заставляетъ людей проливать рѣки крови, распространяетъ пожары, стоны, смерть. Нѣтъ! такіе тріумфы недостойны Его. Князь мира пришелъ въ міръ не для таковыхъ подвиговъ.—Онъ пришелъ объявить открытую войну страстямъ человѣческимъ, исхитить поклонниковъ міра изъ среды его, исторгнуть рабовъ сладострастія изъ нѣдръ онаго, разрушить престолъ

мірской любви, поставить на развалинахъ онаго трофеи любви Божественной, и такимъ образомъ возжечь въ сердцахъ людей сіе свѣтлое и чистое пламя: вотъ славные подвиги, коими ознаменовано пришествіе Мессіи! Чувство столь естественное, но порабощаемое злыми страстями, слѣдствіями паденія человѣческаго,—чувство любить Творца своего, до пришествія въ міръ Іисуса Христа, имѣло только слабое владычество надъ сердцемъ человѣческимъ. Іудей приносилъ жертвы и поклонялся Господу съ трепетомъ. Философъ, разсматривая совершенства Божіи, благоговѣлъ предъ Творцемъ и Промыслителемъ міра. Въ первомъ любовь не была жизнію сердца; въ другомъ она была наукою, а не чувствомъ. Первый повиновался письменамъ закона, другой выполнялъ потребность естественнаго ума;—но отъ того и отъ другаго сладость любви была сокрыта.

Протекли наконецъ мрачные вѣки. Законъ престалъ производить рабовъ; царство страха исчезло съ тѣнями Синагоги; огненная рѣка, которая, по словамъ

Пророка, исходитъ предъ лицемъ Господа (Дан. 7, 10), разливается по землѣ: человѣкъ получилъ плотяное сердце, и сіе сердце содѣлалось способнымъ и достойнымъ питать въ себѣ любовь истинную.

Любовь—это такая добродѣтель, которая одна служитъ источникомъ нашея славы, и основаніемъ для нашего блаженства. Но и говорить достойно о любви могутъ только достойные: одна только любовь можетъ говорить языкомъ любви. Для изображенія ея, должно чувствовать се; а чувствовать можетъ только тотъ, чье сердце согрѣто дыханіемъ Духа Божія. Ибо Онъ единъ можетъ проникнуть глубину души *нашей*, и вдохнуть въ нее такія чувствованія, которыя могутъ вознести насъ до высоты любви—сей небесной, божественной добродѣтели!

Сердце человѣческое существуетъ токмо любовію. Любовь сообщаетъ движеніе всѣмъ чувствованіямъ его; любовь приводитъ въ дѣйствіе всѣ силы его. Любите, говоритъ Бл. Августинъ, дай-

те свободный ходъ сему пріятному стремленію своего сердца; но между множествомъ предметовъ избирайте тотъ предметъ, который достоинъ привлечь его къ себѣ. Отъ сего только зависятъ ваши добродѣтели или ваши пороки, ваша свобода или ваше рабство, ваше блаженство или ваше злополучіе, ваше безславіе или слава ваша. Сначала представляется намъ, что мы не можемъ оставаться долго въ нерѣшимости касательно сего выбора, а между тѣмъ сердце наше останавливается, желанія его раздѣляются: оно дѣлаетъ болѣе,—оно часто безъ разсужденія оставляетъ наидостойнѣйшаго любви Отца Небеснаго, стремится къ тирану, порабощающему его, свободно предается въ оковы жесточайшаго рабства. Отъ чего же происходитъ сіе странное ослѣпленіе? Отъ того, что мы мало знаемъ величіе и превосходство любви къ Богу,—сей совершенно духовной и совершенно отрѣшенной отъ чувствъ добродѣтели. Почему, дабы познать, сколь славно для человѣка любить Бога, покажемъ, что любовь

есть благороднѣйшее изъ всѣхъ чувствованій сердца человѣческаго; что она есть важнѣйшее преимущество, которое Богъ благоволилъ даровать разумнымъ тварямъ; есть наилучшее украшеніе Христіанской Религіи; есть средоточіе дѣйствій и намѣреній Божіихъ.

---

1. Человѣкъ столько поврежденъ, слѣды уничиженія его столь глубоко напечатлѣны въ его существѣ, что все, и самыя даже добродѣтели его приводятъ намъ на память сіе уничиженіе и изображаютъ ничтожество наше краснорѣчивѣе, нежели самый прахъ могилы. Такъ вѣра открываетъ ему ослѣпленіе его, надежда—его бѣдность, покаяніе—его беззаконія, терпѣніе—его страданія, смиреніе—его нищету, умерщвленіе—его вожделѣнія, цѣломудріе—его постыдныя наклонности, повиновеніе законамъ Божіимъ—его зависимость. Напротивъ любовь, превосходнѣйшая и благороднѣйшая изъ всѣхъ сихъ добродѣтелей, любовь чистая въ своихъ побужденіяхъ, независимая отъ чувствъ и вещества, представляетъ человѣку одно только великое,

и заставляетъ его забыть, что онъ несовершенъ.

Любовь есть добродѣтель *высокая:* она есть достойнѣйшее чувство души; она есть тѣснѣйшее и возвышеннѣйшее общеніе, какое только можно мнѣ—человѣку имѣть здѣсь долу съ Творцемъ моимъ и Господомъ.—Покланяясь Ему, я изнемогаю подъ тяжестію ничтожества моего; прося Его, я уничижаю себя при видѣ моихъ нуждъ; принося Ему жертвы, я вижу въ Немъ верховнаго Владыку; созерцая слабымъ умомъ моимъ Его неизреченное величіе, я открываю между Нимъ и мною вѣчную и неизмѣримую бездну. Но коль скоро я возношусь къ Богу любовію; то мои чувства возвышаются, моя душа возвеличивается; тогда я забываю, такъ сказать, мое ничтожество и не чувствую болѣе бренности моего существа, развѣ только въ томъ отношеніи, что я не могу любить Его столько, сколько Онъ достоинъ любви.

Любовь есть добродѣтель *всемогущая:* она творитъ величайшія чудеса, она очищаетъ самыя беззаконныя сердца, со-

суды безчестія дѣлаетъ сосудами избранными, отверзаетъ двери неба, заключаетъ врата ада, умилостивляетъ Бога во гнѣвѣ Его, погашаетъ молніи въ деснице Его.

Любовь есть добродѣтель *ангельская:* она поставляетъ человѣка наравнѣ съ духами безплотными, сообщаетъ ему тѣже чувствованія и тѣже восторги, какіе ощущаютъ блаженные небожители, созерцая и славословя любообильнаго Бога.

Любовь есть добродѣтель *Божественная:* она, если можно такъ сказать, есть добродѣтель самаго Бога и единственное чувствованіе, которымъ Онъ проницается. *Богъ любы есть,* говоритъ Апостолъ (1 Іоан. 4, 16). И такъ любовь составляетъ сущность Его; изъ нѣдръ вѣчносамосущей Любви—Бога Отца непостижимо раждается Сынъ Божій и исходитъ Духъ Святый; любовь образуетъ неизреченный и непостижимый союзъ, соединяющій три Божественныя Vпостаси; любовь составляетъ блаженство Свя-

тыхъ на небеси, любовь составляетъ, такъ сказать, блаженство самаго Бога.

Любовь есть добродѣтель *небесная* и *вѣчная:* на небѣ нѣтъ никакой добродѣтели, кромѣ любви; она преходитъ предѣлы времени, она такъ же не измѣняется, какъ и предметъ ея; вѣчность есть собственно царство ея. Всѣ другія добродѣтели остаются въ своей силѣ только до гроба; онѣ оканчиваются съ разрушеніемъ тѣла: тогда вѣра престанетъ, потому что мы узримъ Бога лицемъ къ лицу; тогда надежда пріиметъ конецъ, потому что наши желанія будутъ удовлетворены; тогда смиреніе и терпѣніе прекратятся, поелику время страданія прейдетъ; тогда цѣломудріе, умерщвленіе плоти и всѣ прочія добродѣтели упразднятся, поелику всѣ онѣ были бы несообразны съ блаженствомъ небожителей, и поелику духъ воспріиметъ всѣ права владычества своего надъ тѣломъ, и самое тѣло наше будетъ обновлено. Одна любовь, сильнѣйшая смерти, воспаритъ на небо. *Любовь никогда не перестаетъ*! (1 Кор. 13, 8).

Свѣтильникомъ любви возжигается священный огнь всѣхъ добродѣтелей: всѣ добродѣтели оживотворяются и очищаются любовію; все измѣняется, все пріемлетъ новое достоинство въ горнилѣ ея.—Любовь тоже для сердца человѣческаго, что солнце для міра. Отнимите у природы сіе благотворное свѣтило, и—вселенная превратится въ свой первобытный хаосъ; отнимите у нашихъ добродѣтелей любовь и—онѣ потеряютъ, теплоту, и свѣтъ, и плодотворность и все достоинство свое.

Такъ величественна мысль, сообщаемая намъ о любви Св. Павломъ въ томъ славномъ текстѣ, коего всей силы и выразительности мы никогда конечно не ощущали. *Если я говорю языками человѣческими и Ангельскими*, вѣщаетъ Апостолъ, *а любви не имѣю; то я мѣдь звучащая, или кимвалъ звенящій. Если имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны, и имѣю всѣ познанія и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви: то я ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое, и*

отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю: то сіе ни къ чему не послужитъ мнѣ (1 Кор. 13, 1. 2. 3). Какія выраженія, братія! Говорить языками Ангельскими, то есть, имѣть такія же вѣденія, какія имѣютъ и Ангелы; быть пророкомъ, то есть, открывать будущія событія, разсѣявать мракъ, сокрывающій судьбу человѣковъ; быть мученикомъ, то есть, препобѣдить неистовство тиранновъ, съ радостію восходить на костеръ, давать самое блистательное свидѣтельство истинѣ; имѣть всю вѣру, всю силу и всѣ дары ея—повелѣвать природою, располагать по своему произволу вѣтрами, волнами, горами, и при всемъ томъ быть—*ничѣмъ!* Это вовсе не игра воображенія; нѣтъ, Христіане! Сія мысль величественная и прекрасная заключаетъ въ себѣ совершенную истину во всемъ ея пространствѣ. Такъ всѣ сіи высокіе дары, служащіе предметомъ нашего удивленія, хотя бы они были еще выше, — ничтожны, если съ ними нѣтъ любви, которая даетъ имъ цѣну; потому что при

всѣхъ сихъ дарахъ безъ любви, мы имѣли бы однѣ безплодныя добродѣтели, и человѣкъ, лишая себя любви, лишается важнѣйшаго своего преимущества.

2. Я сотворенъ любить Бога: вотъ славное свидѣтельство, которое я даю самому себѣ, свидѣтельство, которое одно способно внушить мнѣ высокое понятіе о достоинствѣ моей души! Ничто не возвышаетъ меня болѣе въ моихъ собственныхъ глазахъ, какъ высокая способность моя, посредствомъ любви соединиться съ Богомъ—Творцемъ моимъ. Ибо она даетъ мнѣ чувствовать, что и происхожденіе и предназначеніе мое равно славны; открываетъ въ душѣ моей высокія черты образа и подобія *Божія*; наконецъ преимущественно отличаетъ меня отъ всѣхъ прочихъ тварей земныхъ. Если я сотворенъ любить Бога, то небо есть мое назначеніе: и поелику всѣ земныя существа, кромѣ меня, имѣютъ средоточіемъ и цѣлію только землю, то различіе, отличающее меня отъ нихъ, столь же велико, какъ велико различіе между небомъ и землею. Я созданъ любить Бо-

га: высокая мысль! Она составляетъ торжество моей души. Пусть нечестивый силится унизить человѣческую душу, пусть онъ смѣшиваетъ ее съ инстинктомъ тварей неразумныхъ, пусть неумолкно твердитъ, что сія существенная часть человѣка ничѣмъ не отлична отъ его тѣлеснаго праха; но любовь къ Богу, къ пріятію коея способна душа моя, будетъ всегда свидѣтельствовать о ея благородствѣ. Всѣ хитросплетенныя умствованія невѣрія не могутъ воспрепятствовать ей ощущать саму себя и имѣть сознаніе о своемъ величіи. Я созданъ любить Бога! слѣдовательно я созданъ для того, чтобы Богъ любилъ меня. Я созданъ любить Бога! слѣдовательно я созданъ для блаженства. Такъ, сердце Божіе, сіе неизреченно нѣжное сердце, которое изъ любви къ человѣку пожелало спасти беззаконный міръ, — сіе сердце ожидаетъ единаго только моего желанія, чтобы излиться въ мое сердце. Что я говорю? Оно ничего не ожидаетъ,—оно само меня призываетъ, побуждаетъ, предваряетъ, преслѣдуетъ,

заставляя меня почти недоумѣвать, человѣкъ ли имѣетъ нужду въ Богѣ, или Богъ въ человѣкѣ? Я созданъ любить Бога! какое же могутъ имѣть вліяніе на мое сердце, на Божественный огнь, воспламеняющій оное, хладныя стрѣлы смерти? Дыханіе смерти, превращающее все въ прахъ, даетъ только новую дѣятельность моей душѣ; сухія кости, изъ коихъ смерть составляетъ себѣ трофеи, силою любви обращаются въ знаменія моей побѣды и свободы. Я созданъ любить Бога! Если мы, любя тварей, усвояемъ себѣ ихъ низость; то справедливо и то, что чрезъ любовь къ Богу мы дѣлаемся существами превыше—земными, небесными. Душа, которую восхищаетъ сей чистѣйшій огнь, возносится выше самой себя, не имѣетъ болѣе общенія ни съ чувствами, ни съ веществомъ; она получаетъ новое бытіе, очищается, разширяется, дѣлается, такъ сказать, неизмѣримою, погружаясь въ превыспреннемъ Существѣ; усвояетъ себѣ нѣкоторымъ образомъ Его величіе, сочетавается съ Его волею, живетъ толь-

ко жизнію божественною, такъ что непреложно можно сказать, что любовь, которая Бога содѣлала человѣкомъ, человѣка содѣлываетъ Богоподобнымъ.

3. Любовь есть драгоцѣннѣйшее украшеніе Христіанской Религіи. Пророчества, вѣрно исполнившіяся въ свое время; чудеса, которымъ нельзя не вѣрить безъ противорѣчія здравому разуму; торжество вѣры надъ суевѣріемъ, коего идолы теперь испровергнуты; побѣда ея надъ невѣріемъ гордыхъ повелителей земли, которые теперь смирились подъ крѣпкую десницу Божію, бывъ плѣнены въ послушаніе вѣры людьми, сильными только единою благодатію Божіею: сколько и другихъ причинъ, могущихъ привязать насъ къ Вѣрѣ Христіанской! Но есть еще важнѣйшее побужденіе, которое исторгаетъ у меня благоговѣніе къ ней. Она научила меня любить Бога: вотъ то, что дѣлаетъ ее для меня любезною и драгоцѣнною; вотъ въ чемъ состоитъ истинная слава ея, и непререкаемое свидѣтельство о ея божественности!—Она научила меня любить Бо-

га!—Зная это, я не хочу болѣе изслѣдовать ея истинности. Ибо не можетъ быть неистинною та религія, которая вдыхаетъ въ человѣка любовь къ Богу, сіе столь благородное, столь высокое и небесное чувствованіе, которое мало знали на землѣ до появленія на ней Христіанства. — Она научила меня любить Бога! слѣдовательно пророчества и чудеса не имѣютъ въ себѣ ни тѣни сомнѣнія.—Она научила меня любить. Бога и чрезъ сіе-то она столь достойно приводитъ въ исполненіе великое свое предназначеніе— соединить созданіе съ Творцемъ. Отнимите любовь, и тогда сіе общеніе пресѣкается, цѣпь разрывается, небо сокрывается отъ насъ, земля паки покрывается мракомъ; тогда Религія остается только сухою Философіею, безплоднымъ умозрѣніемъ, которое оставляетъ душу въ нищетѣ и сиротствѣ—*безъ Бога*, какъ говоритъ Апостолъ (Ефес. 2, 12).—Она научила меня любить Бога! слѣдовательно она же научила меня и познавать Его. Кто не любитъ Бога, говоритъ Святый Іоаннъ, тотъ не позналъ Бога (1 Іоан.

4, 8). Не хладнымъ путемъ разсужденія восходятъ къ тому Существу, которое есть Любовь. Цѣломудренное сердце, любящее Бога, есть тотъ мудрецъ, который понимаетъ Его. Разумъ, оставленный самъ себѣ, руководствуетъ насъ только къ понятію о Богѣ, какъ Создателѣ, Промыслителѣ и Сохранителѣ міра; но знать Его только въ семъ отношеніи, значитъ мало знать Его.—Она научила меня любить Бога! слѣдовательно она же научила и покланяться Ему. Чистая — Христіанская душа воздаетъ Богу тысячекратно болѣе славы единымъ движеніямъ любви, нежели гордые Философы всѣми своими высокими умствованіями.—Она научила меня любить Бога! посему она несравненно выше Синагоги, которая учила только бояться Его. Одна черта Св. Писанія оправдываетъ сіе.

Славнѣйшее и святѣйшее лице во Израили есть безъ сомнѣнія Предтеча Мессіи, предвозвѣщенный Пророками, облеченный преславнымъ служеніемъ, сильный дѣломъ и словомъ, кратко, величайшій изъ сыновъ человѣческихъ, по

свидѣтельству самаго Спасителя. Посему онъ былъ болѣе Авеля и Ноя, Авраама и Моисея, Давида и Соломона, всѣхъ Патріарховъ, Пророковъ и Мучениковъ Ветхозавѣтныхъ. Но Христіанская Религія, научающая любить Бога, содѣлала изъ своихъ новыхъ учениковъ почти стольже великихъ людей, какъ Іоаннъ Креститель, или еще большихъ. Сія мысль утверждается на вѣрномъ и непреложномъ свидѣтельствѣ: *изъ рожденныхъ женами*, говоритъ Іисусъ Христосъ, *не было больше Іоанна Крестителя; но меньшій въ царствіи небесномъ больше его* (Мат. 11, 11). Что значатъ сіи слова: *меньшій въ царствіи небесномъ?* То, что самый малый Христіанинъ, или яснѣе сказать, наислабѣйшій въ любви, если только его любовь истинна, совмѣщаетъ въ себѣ столько же величія, сколько и Іоаннъ Креститель, или еще болѣе. И такъ простой Христіанинъ, живущій въ малоизвѣстности, котораго едва ли можно и замѣтить во множествѣ народа, служащій, можетъ быть, предметомъ нашего гордаго

презрѣнія, но искренно приносящій Богу чистую и святую жертву любви,—такой Христіанинъ гораздо пріятнѣе для Бога, нежели всѣ тѣ праведники, какихъ произвелъ когда либо Законъ!

И не удивительно, что любовь возводитъ Христіанина на столь высокую степень. Ибо чего не можетъ произвесть добродѣтель, которая во всѣ времена была великою цѣлію дѣйствій и намѣреній Божіихъ!

4. Приникнемъ въ дѣла Божіи и мы увидимъ, что единственное побужденіе, по которому Онъ дѣйствовалъ во всѣ времена, была любовь. Если Богъ сотворилъ міръ, то сотворилъ оный по любви; если Онъ произвелъ Ангеловъ и разумно-свободнаго человѣка, то произвелъ ихъ по любви; если Онъ попущаетъ еще существовать міру, если и разрушитъ его нѣкогда, то все это—по любви. По любви Богъ снизшелъ съ небесъ на землю, родился отъ Дѣвы, страдалъ,—умеръ; по любви же Онъ милуетъ и наказуетъ насъ. Безъ любви мы ничего не разумѣемъ въ дѣлахъ Божіихъ. Нѣтъ ни

чего величественнѣе любви къ Богу, и нѣтъ ничего справедливѣе оной. — Мы должны любить Бога потому единственно, что Онъ есть *Богъ;* потому что Онъ есть *нашъ* Богъ; потому что Онъ есть нашъ *Спаситель.*

Богъ, разсматриваемый въ самомъ Себѣ, живетъ во свѣтѣ неприступномъ; непроницаемое облако сокрываетъ Его отъ слабыхъ очей нашихъ; посему съ самаго начала представляется какъ бы невозможнымъ то, чтобы сердце могло воспламениться любовію къ предмету, столь возвышенному. Такъ могли бы умствовать о семъ люди, управляемые естественными склонностями и вещественными побужденіями. Но любовь къ Богу, будучи совершенно отлична отъ низкихъ страстей земныхъ, не заимствуетъ для себя пищи отъ предметовъ чувственныхъ; красота Божественная созерцается очами внутренними, она дѣйствуетъ только на внутреннѣйшее чувство той души, которая старается очиститься и отрѣшиться отъ суетныхъ предметовъ дольняго міра.

Нѣтъ, любить Бога для Бога не есть такое чувствованіе, къ пріятію коего не было бы способно человѣчсское сердце. Понятіе о верховной красотѣ и безконечномъ совершенствѣ есть первое и яснѣйшее изъ всѣхъ нашихъ понятій. Мы всѣ чувствуемъ безъ усилія и затрудненія, что Богъ есть высочайшее благо. Основываясь только на семъ внутреннемъ чувствѣ, мы стремимся неудержимо ко всему великому и прекрасному,—и наше сердце не можетъ, не сдѣлавъ себѣ насилія, отказаться отъ столь яснаго и столь свѣтлаго чувствованія. И конечно мы сами виною тому, что сія Верховная красота, составляющая радость Ангеловъ, поражаетъ насъ только слабо. Любить Бога для Его совершенствъ и въ сей любви забывать даже свои собственныя пользы—это есть самое великое блаженство для человѣка! Если любовь къ людямъ тогда только бываетъ чистою, когда она не имѣетъ въ виду никакой пользы; то любовь къ Богу не въ томъ ли только случаѣ бываетъ истинною, когда она имѣетъ въ

виду единаго Бога? Чистая и истинная любовь никогда не дѣлаетъ расчетовъ; расчеты суть рабскія побужденія, кои уменьшаютъ пріятности ея, останавливаютъ и даже вовсе уничтожаютъ восторги ея; любить и ожидать чего либо отъ любви—значитъ поносить любовь. Такъ, Боже мой! любить Тебя такимъ образомъ значитъ оскорблять Твое величіе; хладная нѣжность корыстолюбиваго сердца недостойна Тебя. Твои высочайшія совершенства не зависятъ отъ даровъ Твоихъ; и хотя бы они никогда не долженствовали быть цѣною моея любви, однакожъ Ты всегда достоинъ обладать моимъ сердцемъ. Любовь есть уже самое блаженство!

Но Богъ, сколько великъ и совершенъ, столько же благъ, милосердъ и щедръ въ дарахъ своихъ. О, любовь Божія къ роду человѣческому, какъ ты непостижима!

Мы, смертные, существуемъ, такъ сказать, съ вчерашняго дня; и между тѣмъ не можемъ не сказать съ Премудрымъ, что Господь стяжалъ насъ отъ

начала путей своихъ. Еще не было безднъ, а мы составляли уже предметъ Его благоволенія, средоточіе и цѣль Его намѣреній. Наконецъ наступаетъ минута, предназначенная въ Его совѣтѣ, и—Онъ открывается во внѣшности. Является свѣтъ, безчисленное множество свѣтозарныхъ свѣтилъ начинаетъ величественное свое теченіе, распространяется великолѣпный сводъ неба, земля украшается цвѣтами и плодами, возвышаются горы, изрываются бездны морей:—и все это для человѣка; все это назначено служить къ его благополучію! Наконецъ является самъ человѣкъ—Богоподобный. Единое слово довлѣло для сотворенія міра: а для сотворенія сего новаго существа, Богъ какъ бы останавливаетъ дѣйствіе своего всемогущества, совѣтуется съ Самимъ собою, взвѣшиваетъ и размѣряетъ дары, которыми Онъ—Милосердый намѣренъ былъ надѣлить человѣка. Благороднѣйшія способности украсили человѣка: необъемлемое земнымъ сердце, могущее возноситься любовію къ Богу; высокій умъ, способный

познавать Его; воля свободно дѣйствующая; тѣло, такъ устроенное, что человѣкъ можетъ наслаждаться всѣми окружающими его благами, и вкушать въ душѣ своей тысячу невинныхъ удовольствій. При таковомъ величіи человѣка, природа признаетъ его своимъ царемъ, и полагаетъ къ его ногамъ свои произведенія и свое богатство. Да погибнетъ навсегда тотъ неблагодарный, коего хладная и безплодная душа можетъ безъ благодаренія взирать на дѣла всещедрой десницы Божіей! Сколько признательность дѣлаетъ благороднымъ и возвышаетъ человѣческое сердце, столько неблагодарность унижаетъ и безславитъ оное.

Но важнѣйшіе предметы, иныя величайшія благодѣянія, богатства новаго рода представляются нашимъ изумленнымъ очамъ. Сокройтесь чудеса творенія: вы уже болѣе неудивительны — послѣ того чуда, которое открываетъ мнѣ моя Религія. Какое же это чудо?—Богъ, который меня сотворилъ и сохраняетъ, который украсилъ мѣсто моего земнаго пребыванія и печется о моихъ нуж-

дахъ,—мой Богъ дѣлается за меня жертвою, спасаетъ меня, когда я достоинъ былъ Его наказанія,—подвергается ударамъ, которые долженствовали пасть на меня, и чрезъ посредство, которое одна только любовь могла найти и привести въ исполненіе, исторгаетъ меня изъ глубины золъ, въ которую увлекся я моими беззаконіями. Вотъ чудо, коего блескъ затемняетъ всѣ прочія знаменія любви Божіей, представляемыя намъ вѣрою! Жертва, которая приняла на Себя грѣхи наши, понесла всю тяжесть гнѣва Божія за насъ, — сія Жертва есть Богъ, Единородный Сынъ Божій!.. Такъ, Онъ для нашего спасенія содѣлался подобнымъ намъ во всемъ, кромѣ грѣха; вся жизнь Его между человѣками была единое исполненіе воли пославшаго Его Отца. Онъ понесъ на Себѣ всѣ казни, заслуженныя нами; претерпѣлъ поруганія, заушенія, оплеванія за насъ осужденныхъ; наконецъ распятый— Онъ умеръ за беззаконный міръ!..

Величіе жертвы, величіе Ветхозавѣтныхъ пророчествъ и прообразованій о

ней, величіе знаменій, сопровождавшихъ таинство искупленія нашего чрезъ оную,—все возвѣщаетъ намъ безконечную любовь Божію. Исторія міра есть, такъ сказать, исторія моего искупленія. Даже и въ томъ, что Слово стало плотію уже *въ послѣдокъ дній*,—и въ томъ открывается неизреченная любовь Божія. Намѣреніе Божіе было такое, чтобы человѣкъ въ теченіи многихъ вѣковъ глубже почувствовалъ свое поврежденіе, свою бѣдность, и убѣдился долговременнымъ опытомъ въ томъ, что онъ имѣетъ необходимую нужду въ Искупителѣ. И дѣйствительно вѣки беззаконій доказали, до чего могло дойти развращеніе человѣка. Такъ, все велико, все несказанно, все непостижимо въ сей тайнѣ любви Божіей;—все обнаруживаетъ наше безсиліе, и только заставляетъ повергаться съ кротостію и смиреніемъ къ стопамъ Спасителя нашего, возлюбившаго насъ грѣшниковъ до конца. Ибо Онъ воскресъ со славою изъ гроба, возсѣлъ одесную Бога Отца своего, и

всегда живъ есть, дабы ходатайствовать за насъ (Евр. 7, 25).

Господи Іисусе Христе! мое сердце принадлежитъ Тебѣ совершенно; Твое безконечное милосердіе и Твой достопокланяемый Крестъ совершили Твою побѣду, и утвердили Твое владычество надъ нимъ. Съ сей же минуты мы поспѣшимъ къ подножію Креста Твоего, обымемъ его, облобызаемъ его, оросимъ его слезами покаянія.... О, когда бы я могъ, воспоминая о моей неблагодарности, истаять при немъ отъ скорби и любви! О любовь, чистое и Божественное пламя! наполни сію неизмѣримую пустоту моея души. О любовь! вознеси меня выше моея немощи, дай мнѣ твои огненныя крыла, воспламени меня!

XV.

БЕСѢДА НАСТАВНИКА СЪ ДѢТЬМИ

О

ПРИРОДѢ, ПРОИСХОЖДЕНІИ И НАЗНАЧЕНІИ ЧЕЛОВѢКА.

Кто мы? кто далъ намъ бытіе? и для чего?—Сіи вопросы весьма важны для человѣка: ибо разрѣшеніемъ оныхъ объясняется его природа, происхожденіе и назначеніе—такіе предметы, не зная коихъ онъ не можетъ имѣть познанія о томъ, что всего ближе къ человѣку—о самомъ себѣ. Посему, дабы вы, любезные дѣти, не оставались въ грубомъ о себѣ невѣденіи, при которомъ не можетъ быть истинной мудрости и добродѣтели въ человѣкѣ, я намѣренъ рѣшить для васъ оные важные вопросы. Прошу внимать словамъ моимъ.

Вотъ вы въ мірѣ; но конечно не размышляли еще о томъ, сколь высокую

степень занимаете въ ономъ. Я говорю о той высокой степени, на которую Богъ поставилъ васъ между своими тварями.—Но вы, кажется, удивляетесь, что я поставляю васъ на высокую степень, тогда какъ вы и незнамениты и небогаты? Не удивляйтесь сему; ибо различныя состоянія людей въ семъ мірѣ, ихъ богатство, могущество и власть, которыя столь же непостоянны и преходящи, какъ время, — не суть необходимыя и существенныя принадлежности природы человѣческой, а посему и не составляютъ истиннаго величія человѣка. Душа разумная, душа мыслящая, познающая и любящая, душа сознающая свое бытіе и Творца своего, различающая добро отъ зла, чувствующая удовольствіе совершивъ добро, и мученіе, если содѣлаетъ зло; душа разумная—вотъ что ставитъ человѣка выше всѣхъ видимыхъ тварей, и даже выше самыхъ свѣтилъ небесныхъ! Въ душѣ, говоритъ святый Амвросій, заключается существо человѣка. **Nos animae sumus.** Душа дѣлаетъ человѣка существомъ разум-

нымъ; въ душѣ находится залогъ истиннаго его величія.

Теперь вы знаете превосходство и достоинство своей природы. Пусть небо облечется всѣмъ своимъ великолѣпіемъ, пусть земля украсится всѣмъ богатствомъ своихъ сокровищъ, пусть всѣ твари, составляющія видимый міръ, соединятъ все, что имѣютъ удивительнѣйшаго:—все сіе ничего не будетъ значить въ сравненіи съ душею человѣческою. Почему? потому что ни одна изъ сихъ тварей не одарена подобно ей способностію познавать себя и Творца своего. И такъ душа есть главная и благороднѣйшая часть нашей природы. Тѣло, коему она сообщаетъ жизнь, есть не что иное, какъ оболочка ея; оно, по выраженію Апостола Петра, есть токмо *хижина* (2 Петр. 1, 13), въ которой душа обитаетъ на-время, и которую она должна нѣкогда оставить.

Вы теперь въ мірѣ; но гдѣ были за десять, или за пятнадцать лѣтъ? О чемъ тогда вы думали? Что дѣлали? Ахъ, могли ли вы тогда думать или дѣйствовать?

вы тогда вовсе не существовали: тогда ничтожество было вашимъ удѣломъ, никто даже и не думалъ въ мірѣ, что вы явитесь въ оный.

Какъ же вышли вы изъ сего ничтожества? Кто извлекъ васъ изъ онаго?— Богъ извлекъ васъ изъ ничтожества; Онъ сначала устроилъ ваше тѣло. Послушайте, что говоритъ о семъ мать Маккавеевъ своимъ дѣтямъ: *не вѣмъ, како во чревѣ моемъ явистеся, ниже бо азъ духъ и животъ дахъ вамъ, и коегождо уды не азъ составихъ* (2 Мак. 7, 22). И праведный Іовъ взываетъ къ Богу: *руцѣ Твои сотвористе мя и создасте мя. Кожею и плотію мя облекъ еси, костьми же и жилами сшилъ мя еси* (Іов. 10, 8. 11). И вы, дѣти, подобно всѣмъ другимъ людямъ, отъ Бога же получили все сіе. Ваши отцы и матери при рожденіи вашемъ были только орудіями Его могущества

Но я сказалъ, что тѣло есть самая маловажная часть существа человѣческаго. Откуда взялась ваша душа? — И она дана вамъ Богомъ; ибо *въ Его руцѣ*

душа всѣхъ живущихъ и духъ всякаго человѣка, говоритъ Іовъ (12, 10). Замѣчаю, вы желаете знать, когда и какъ произвелъ Богъ душу вашу? Напрасно о семъ любопытствуете: это Его тайна, которую Онъ не открылъ намъ по той, можетъ быть, причинѣ, что человѣку безполезно знать о ней, или потому, что нашъ умъ не понялъ бы оной.

Получивъ бытіе, душа ваша сначала находилась какъ бы во снѣ.—Сначала весь кругъ ея дѣйствій ограничивался только тѣмъ, что она, производя по временамъ нѣкоторыя движенія въ тѣлѣ, давала чрезъ то разумѣть о своемъ существованіи. Потомъ вы вступили въ *міръ*, увидѣли дневной свѣтъ, начали улыбкою отвѣтствовать нѣжнымъ заботамъ и ласкамъ вашихъ матерей; далѣе — по той мѣрѣ, какъ возрастало и укрѣплялось ваше тѣло,—разсѣявался глубокій мракъ перваго вашего младенчества. Наконецъ душа ваша, постепенно пробуждаясь, начала чувствовать, мыслить, познавать, и такимъ образомъ вы достигли до то-

го состоянія, въ какомъ теперь находитесь.

Кто привелъ васъ въ сіе состояніе? Кто наблюдалъ за постепеннымъ развитіемъ вашихъ силъ? Кто просвѣтилъ вашу душу и открылъ ей первое понятіе о Богѣ—Творцѣ ея? Кто вдохнулъ въ сердце ваше любовь къ родителямъ? Кто пробудилъ въ немъ святое чувство благочестія? Скажите, кто могъ сдѣлать все сіе, кромѣ Бога, давшаго вамъ бытіе? Ты, Боже мой, — говоритъ праведный Іовъ, а съ нимъ должны сказать и мы,— Ты далъ мнѣ жизнь; Ты осыпалъ меня Твоими благодѣяніями; Ты сохранилъ меня, поддерживая непрестанно всемогущею десницею Твоею (Іов. 10, 12. 13).

И такъ, вы десницею Божіею извлечены изъ ничтожества:—вотъ ваше начало! Но для чего вы явились здѣсь, какое ваше назначеніе? или, что тоже, для чего Богъ сотворилъ васъ? для чего Онъ поставилъ васъ на землѣ? Отвѣчайте мнѣ; ибо вы еще съ дѣтства должны знать это,—должны знать, что всѣ люди находятся въ семъ мірѣ для того,

чтобы познавать Бога, любить Его, служить Ему, и такимъ образомъ достигать жизни вѣчной. Вотъ для чего сотворены вы! Какъ много заключаютъ въ себѣ сіи выраженія—познавать Бога, любить Его и служить Ему; ибо въ этомъ состоитъ все блаженство человѣка, не только въ сей жизни, но и въ будущей.

Но, можетъ быть, вы скажете, какъ можемъ мы познавать Бога, когда не видимъ Его? Ахъ, дѣти мои, *малѣйшее* размышленіе покажетъ вамъ, какъ смѣшно думать, будто бы можно познавать только то, что мы видимъ. Объяснимъ это примѣромъ. Представимъ, что за сто миль отсюда живетъ богатый и важный человѣкъ, который совер*шенно* знаетъ васъ, думаетъ о васъ и любитъ васъ,—который не упускаетъ никакого случая узнавать, что вы дѣлаете; занимается будущею судьбою вашею, имѣетъ намѣреніе оставить вамъ свое несмѣтное богатство. Присовокупимъ еще, что не только другіе часто говорили вамъ о семъ человѣкѣ и его намѣреніи, но и самъ онъ извѣстилъ васъ объ этомъ сво-

имъ собственноручнымъ письмомъ. — Какъ вы думаете? Можете ли сказать, что сей человѣкъ вамъ неизвѣстенъ, хотя вы и никогда его не видали? — Конечно нѣтъ!

Сіе предположеніе объясняетъ, хотя несовершенно, отношеніе ваше къ Богу. Богъ не за сто миль отъ васъ, — Онъ подлѣ васъ, съ вами, въ васъ; Онъ видитъ, слышитъ, любитъ васъ, и любитъ съ отеческою нѣжностію; Онъ хочетъ васъ сдѣлать вѣчно блаженными; Онъ извѣщаетъ васъ о семъ чрезъ Св. Писаніе, начертанное по Его внушенію. Знать все сіе, не значитъ ли уже познавать Его? — а зная это, можно ли не любить Его? можно ли не служить, не благоугождать Ему, вѣрно исполняя всѣ Его повелѣнія, дабы такимъ образомъ получить отъ Него обѣщанное блаженство?

И такъ вы существуете въ мірѣ для того, чтобы познавать Бога, любить Его и служить Ему. Если въ продолженіи земной своей жизни будете вѣрно исполнять заповѣдь, которая заключается въ помянутыхъ трехъ словахъ и объемлетъ собою всѣ ваши обязанно-

сти; то Богъ обѣщаетъ и даруетъ вамъ жизнь вѣчную. Жизнь вѣчная!!.. Обратите должное вниманіе на значеніе сихъ словъ: онѣ заслуживаютъ все ваше вниманіе; онѣ показываютъ, что ваша душа, несуществовавшая предъ симъ за десять или пятнадцать лѣтъ, никогда не перестанетъ уже существовать. Ваша душа имѣла начало, но не будетъ имѣть конца; за нѣсколько лѣтъ она начала мыслить, познавать и любить въ семъ мірѣ, но чрезъ нѣсколько лѣтъ, а можетъ быть и дней, она будетъ мыслить, познавать и любить въ другомъ мірѣ. Милліоны лѣтъ она будетъ еще мыслить, познавать, любить, и однако, по истеченіи сихъ милліоновъ лѣтъ, время ея существованія нимало не сократится. Однимъ словомъ: душа ваша будетъ существовать, а слѣдовательно мыслить, познавать и любить столько времени, сколько будетъ существовать Богъ, т. е. вѣчно. Въ мірѣ семъ обременяетъ ее тѣло, въ коемъ она заключена, какъ *въ хижинѣ* (2 Петр. 1, 13), а посему ея мысли и познанія неясны и не-

совершенны, ея любовь не такъ крѣпка и пламенна: ибо душа на всѣ предметы взираетъ здѣсь чрезъ тусклыя окна сей хижины—посредствомъ тѣлесныхъ чувствъ. Но когда ваша душа оставитъ земную свою хижину и будетъ видѣть Бога, если удостоится того, *лицемъ къ лицу* (1 Кор. 13, 12); тогда мысли ея будутъ ясны, познанія совершенны, а любовь такова, какой мы не можемъ и представить себѣ на землѣ. Она будетъ столь велика, какою можетъ быть, возрастая цѣлую вѣчность. Ибо любящая Бога и Богомъ любимая душа, въ продолженіи всей вѣчности созерцая Бога, будетъ болѣе и болѣе воспламеняться къ Нему любовію и обрѣтать въ Немъ свое блаженство, не опасаясь никогда лишиться онаго.

Что душа ваша безсмертна, доказательство на сіе въ собственномъ вашемъ сердцѣ. Выслушайте меня. Если бы кто нибудь въ сію минуту сказалъ и несомнѣнно доказалъ вамъ, что вы исключаетесь изъ всеобщаго закона и вѣчно будете жить въ мірѣ семъ, наслаждаясь

всѣми удовольствіями, — какъ обрадовались бы вы тогда! Но откуда можетъ проистекать сія столь живая радость, если не изъ пламеннаго желанія—вѣчно жить счастливо и никогда не умирать, желанія такого, которое свойственно каждому человѣку?—Правда, въ сей радости примѣчается нѣчто предосудительное, потому что Христіанинъ не долженъ искать своего блаженства и безсмертія въ семъ мірѣ: не смотря впрочемъ на сей недостатокъ, который по злоупотребленію часто примѣшивается къ сему чувству, само по себѣ оно естественно человѣку.—Ибо если бы оно не было намъ естественно, не было врождено; то откуда оно могло произойти во всѣхъ насъ, и кто вложилъ оное въ сердце каждаго человѣка? Если мы раждаемся съ любовію къ жизни и съ желаніемъ безсмертія; то очевидно, такая любовь и такое желаніе всѣяны въ насъ десницею самаго Творца нашего. Но почему Богъ далъ намъ оныя, если не потому, что *созда человѣка въ неистлѣніе*, какъ говоритъ Премудрый Соломонъ (Прем. 2, 23)?

Душа наша конечно не имѣлабъ никакого понятія о безсмертіи, никакого чувства ни желанія безсмертія, если бы Богъ не предназначилъ ей вѣчнаго бытія. Ибо, предположивъ, что она должна погибнуть, не льзя понять, для чего Богъ далъ ей узнать благо, коимъ она никогда не можетъ наслаждаться, для чего вложилъ въ нее столь пламенное желаніе обладать симъ благомъ,—желаніе, которое никогда не можетъ исполниться? Очевидно, это была бъ явная несправедливость и даже жестокость; но предполагать несправедливость и жестокость въ Богѣ, безконечно-премудромъ и благомъ, есть не только дерзкая хула, но и явная нелѣпость.

Обратимся къ нашему предмету. Вы знаете, что Богъ сотворилъ васъ и поставилъ въ мірѣ семъ для того, чтобы вы познавали, любили Его, служили Ему, и такимъ образомъ достигали жизни вѣчной. Теперь вы знаете все это, и для васъ конечно кажется удивительнымъ, какъ можно не знать сего. Однакожъ сіи истины, кои вы почитаете

столь простыми, ясными, естественными, каковы онѣ и въ самомъ дѣлѣ,—почти всѣмъ людямъ неизвѣстны были въ продолженіи многихъ тысячелѣтій. Тогда почти во всей вселенной покланялись не истинному и живому Богу, а бездушнымъ кумирамъ, сдѣланнымъ изъ дерева, камня и металловъ. Повѣрите ли, цѣлые народы обоготворяли самыхъ презрѣнныхъ животныхъ и даже растенія, находившіяся въ ихъ садахъ. Погруженные во мракъ невѣжества, люди не могли возвыситься въ своихъ понятіяхъ, и такимъ образомъ проводили жалкую жизнь безъ Бога, безъ надежды (Ефес. 2, 12), не зная сами, откуда они произошли, куда стремились, кто поставилъ ихъ въ мірѣ, для чего они здѣсь, что будетъ съ ними по смерти.

Среди сихъ народовъ были конечно нѣкоторые люди, которые примѣчали, сколь постыдно и жалко такое невѣжество: такіе люди назывались философами или любителями мудрости. Сіи философы напрягали всѣ силы ума своего, желая открыть сіи истины, познаніе коихъ для васъ столь

легко; но ихъ усилія и изслѣдованія оставались всегда безуспѣшными,—въ своихъ предположеніяхъ они впадали въ тысячи заблужденій. Тѣ изъ нихъ, кои узнавали, или лучше, догадывались, что душа ихъ не будетъ имѣть конца, подвергались другой крайности, утверждая, что она не имѣла начала и существовала отъ вѣчности. Это потому, что сіи гордые люди слишкомъ много полагались на самихъ себя и на силу ума своего. Они не думали искать помощи у Того, который называется *Отцемъ свѣтовъ* (Іак. 1, 17); и Богъ съ своей стороны, чтобъ наказать гордость ихъ, оставилъ ихъ во мракѣ и невѣжествѣ.

И теперь еще есть милліоны людей въ мірѣ, коимъ неизвѣсты сіи истины.

Отъ чегожъ мы подобно имъ не остались въ такомъ невѣжествѣ? Кому обязаны мы за сіе? Богу, дѣти мои, обязаны мы за сіе,—Богу, *иже избави насъ отъ власти темныя, и престави въ царство Сына любве Своея: о немъ же имамы избавленіе кровію Его* (Колос. 1, 13. 14).

И такъ разсмотрите великость благодѣяній, оказанныхъ вамъ Богомъ, и не забывайте, что чѣмъ болѣе Онъ показалъ любви къ вамъ, тѣмъ болѣе и вы обязаны благодарить и любить Его. Паче всего остерегайтесь, чтобы познаніе сихъ истинъ не оставалось безполезнымъ для васъ по вашему нерадѣнію; возобновляйте оныя чаще въ умѣ своемъ и не теряйте никогда изъ памяти. Если бы вы были потомками Государя и должны были взойти нѣкогда на престолъ:—вамъ, безъ сомнѣнія, пріятно было бы воспоминать о знатномъ вашемъ происхожденіи; вы часто представляли бы себѣ блистательную участь, ожидающую васъ; вы остерегались бы сказать или содѣлать что либо недостойное вашего происхожденія и назначенія. Но ваше происхожденіе несравненно выше и благороднѣе; ибо вы дѣти Царя царей. Ваше назначеніе безконечно важнѣе и славнѣе, послику вамъ предназначено вѣчно жить и царствовать съ Богомъ вашимъ.

Размышляйте о семъ, размышляйте

непрестанно въ продолженіи всей жизни. Если когда по легкомыслію, свойственному вашему возрасту, вы будете увлекаться предметами нестоющими вниманія; тогда скажите душѣ своей: для того ли мы призваны въ міръ? и не забывайте, что мы призваны для того, чтобы познавать Бога, любить Его, служить Ему, и такимъ образомъ достигать жизни вѣчной. Если въ зрѣломъ возрастѣ будутъ безпокоить васъ заботы и попеченія житейскія, опасеніе бѣдности или любовь къ богатству: вспомните, что первымъ вашимъ дѣломъ въ мірѣ семъ должно быть пріобрѣтеніе познанія о Богѣ, что любовь къ Нему должна составлять истинное ваше богатство, что служеніе Ему должно составлять главное ваше занятіе, и что предметомъ всѣхъ вашихъ желаній должна быть обѣщанная вамъ вѣчная жизнь.

XVI.

НЕРАВНЫЙ ЖРЕБІЙ ЧЕЛОВѢКОВЪ НА ЗЕМЛѢ УРАВНИВАЕТСЯ НА НЕБѢ.

При воззрѣніи на жизнь человѣческую, ничто такъ сильно не поражаетъ сердца скорбію, какъ большое различіе между людьми, относительно къ званію, состоянію и вообще житейскимъ выгодамъ. Если бы земная участь человѣка зависѣла отъ выбора или вины, то не нужно было бы оправдывать Промыслъ. Но жребій выпадаетъ мнѣ безъ малѣйшаго соучастія моей свободы; я, можно сказать, прикованъ къ тому мѣсту, на которомъ родился. Рѣдко бываютъ исключенія изъ сего правила.

Видите ли вы человѣка, который сидитъ тамъ? Онъ грызетъ сухую корку чернаго хлѣба; лице его—лице страдальца; рубище едва прикрываетъ наготу его; и когда онъ, утомленный возвра-

тится въ свою хижину, то изсохшіе члены его тщетно будутъ искать покоя на жесткомъ и сыромъ ложѣ. А тамъ— другой человѣкъ, въ богатой одеждѣ, безпечно возсѣдитъ на колесницѣ, влекомой тучными конями. Часть, самая незначительная часть имущества сего богача сдѣлала бы того бѣдняка большимъ счастливцемъ; но надменный богачъ или вовсе не обращаетъ вниманія на него, или бросаетъ ему мелкую монету, которую бѣднякъ долго еще проищетъ во прахѣ!

Видите ли вы ту хижину, готовую развалиться? это жилище многочисленнаго семейства; холодъ и сырость вѣютъ на полунагихъ дѣтей сквозь согнившія стѣны; исполнитель правосудія стучится у дверей, чтобы отнять у бѣдняка и сіе—послѣднее его достояніе. А тамъ— красуется величественное зданіе; его владѣльцу мало сотни богатоубранныхъ залъ; уже заложенъ новый домъ. Ахъ! одинъ только маленькой уголокъ въ томъ зданіи былъ бы для несчастнаго семейства—дворцемъ!

Видите ли вы ту печальную женщину? это мать, лишившаяся сряду пятерыхъ прекрасныхъ сыновъ. Не хотите ли утѣшить ее? но чѣмъ вы утѣшите? Все сердце ея растерзано; если время не успокоитъ души ея, то смерть будетъ ея утѣшительницею. А рядомъ съ нею живетъ другая мать, которая своихъ дѣтей не видала даже больными, и которой вовсе неизвѣстна убійственная горесть, томящая несчастную мать. О, какъ различны жребіи наши!

«Но это крайносии,» скажетъ иной, прочитавъ сіи строки.

Пусть будутъ это крайности, но всежъ онѣ встрѣчаются на опытѣ. И если онѣ не нравятся тебѣ потому, что слишкомъ рѣзки; то посмотримъ на болѣе обыкновенныя явленія. Вотъ онѣ.— Одному стоитъ только родиться, чтобъ быть счастливымъ во всю жизнь: онъ здоровъ, крѣпокъ тѣломъ и духомъ, богатъ, имѣетъ сильныхъ родственниковъ;—другой вступаетъ на стезю жизни сопутствуемый бѣдностью, немощью и всякаго рода лишеніями. За однимъ

гонится счастье, другаго преслѣдуетъ несчастье. Одинъ, почти нехотя, переходитъ съ одной степени почестей на другую, выше и выше; другой трудится всю жизнь, чтобъ найти какой нибудь уголокъ, гдѣ можно было бы приклонить свою голову, и—не находитъ его. Но сію картину мы видимъ каждый день: не нужно доканчивать оную.

Справедливо, что наша земная участь и должна быть различна: это родъ необходимости. Нельзя всѣмъ быть богатыми, славными, знаменитыми, счастливыми: надобно одному быть повелителемъ, другому исполнителемъ,—должны быть трудящіеся и наслаждающіеся, великіе и малые, высшіе и низшіе. Но развѣ утѣшительно видѣть себя въ рукахъ непреклонной необходимости? И если ужъ непремѣнно нужно, чтобъ участь наша на землѣ была различна; то почему именно я долженъ быть трудящимся, низшимъ, бѣднымъ; и почему именно ты—богатъ, знаменитъ, счастливъ? Если бы я несчастенъ былъ по своей винѣ, то мнѣ нельзя было бы жа-

ловаться на свою судьбу: но я нисколько невиноватъ; я, можетъ быть, стóю лучшаго жребія, и однакожъ его не получаю. Еслибъ ты свои выгоды и удобства житейскія пріобрѣлъ своими заслугами, то я былъ бы спокоенъ: но ты не только не заслужилъ ихъ, но еще достоинъ худшей участи въ сравненіи съ моею!

Нѣтъ также сомнѣнія въ томъ, что каждое состояніе имѣетъ свои радости и свои скорби, и что истинное довольство не зависитъ отъ внѣшнихъ выгодъ. Во всѣхъ классахъ гражданскаго общества вы найдете людей и довольныхъ и недовольныхъ своею судьбою и часто подъ богатою одеждою сокрываются заботы и огорченія гораздо тягостнѣйшія, нежели подъ рубищемъ. Однакожъ и въ этомъ не много утѣшенія: ибо какая мнѣ польза отъ того, что со мною и другіе страдаютъ? Притомъ, что касается до радостей, которыя имѣетъ каждое состояніе; то—рудокопъ, осужденный умереть въ мрачномъ подземельѣ, какъ онъ ни будь спокоенъ при всѣхъ опа-

сностяхъ, ежеминутно готовыхъ прервать нить его земнаго бытія,—едва ли не позавидуетъ несчастливцу, пользующемуся свободою и незнающему изнурительныхъ трудовъ. Иначе сказать: каждый несетъ свой крестъ; но у одного онъ тяжелѣе, у другаго легче. Всякой имѣетъ радости; но одинъ вкушаетъ радость по каплѣ, а другой пьетъ се изъ полной чаши.

Наконецъ нельзя отвергать и силы привычки: она уравниваетъ выгоды различныхъ состояній. Извѣстно, что съ теченіемъ времени бѣдность становится менѣе отвратительною, богатство менѣе приманчивымъ. Привыкшій носить большія тяжести, безъ сомнѣнія, не въ такой степени чувствуетъ гнетеніе отъ нихъ, въ какой сталъ бы чувствовать оное непривыкшій къ подобнымъ трудамъ. Для окрѣплыхъ членовъ перваго легка такая ноша, которой мы и поднять не можемъ. Труды могутъ сдѣлать вкуснымъ самый черствый кусокъ хлѣба, и мягкимъ самое жесткое ложе. Равнымъ образомъ, богачь не такъ счаст-

ливъ, какъ воображаетъ бѣднякъ; потому что привычка притупила въ немъ чувство удовольствія, происходящаго отъ обладанія сокровищами; нерѣдко даже богачь завидуетъ нищему. Но и это—скудное утѣшеніе страдальцу! Человѣческое сердце никогда не сдѣлается безчувственнымъ къ своему горю, привычка никогда не затмитъ совершенно его разума, способнаго отличать призракъ отъ истины. Вы не всѣ *слышите* стоны, исторгающіеся изъ стѣсненной груди страдальца; горесть часто укрывается въ самые сокровенные изгибы сердца, опасаясь, что не поймутъ ее; а многіе такъ подавлены своимъ бѣдствіемъ, что не могутъ и выразить своихъ чувствованій. Можно даже сказать, что утѣшать несчастныхъ привычкою—опасно: иначе жестокосердый сильный смѣлѣе будетъ давить слабаго, въ надеждѣ, что время сдѣлаетъ сноснымъ его состояніе.

И такъ, ни мысль о необходимости различія земной участи, ни радости, каждому достающіяся въ удѣлъ, ни при-

вычка, не облегчать горестей несчастнаго. Должно быть другаго рода утѣшеніе для него, или вовсе нѣтъ никакого!

Есть это высшее и лучшее утѣшеніе. Богъ равно любитъ всѣхъ своихъ чадъ, и желаетъ, чтобы всѣ онѣ были счастливы. Но дарами земнаго благополучія нельзя было надѣлить ихъ въ равной мѣрѣ: ибо для сего надлежало бы сотворить ихъ безплотными существами, неимѣющими потребностей чувственныхъ, и независящими отъ тѣлеснаго міра; то есть, надлежало бы сотворить человѣка не—человѣкомъ. Но премудрость Божія, облекши нашъ духъ плотію, и поставивъ насъ на землѣ, озарила сію нашу обитель свѣтомъ лучшаго міра. И внутренній голосъ сердца и Христіанское Откровеніе увѣряютъ насъ, что земная жизнь есть только часть нашего бытія, а слѣдственно и здѣшній раздѣлъ благъ счастія не есть окончательный.

Богъ вдохнулъ въ наше сердце твердую увѣренность, что по истеченіи краткаго періода земной жизни, мы вступимъ въ новый и лучшій міръ. Зем-

*

ля есть только путь, ведущій на небо. Посему человѣкъ невольно обращаетъ свой взоръ въ горняя, гдѣ обитаетъ правда; оттуда ожидаетъ онъ помощи и спасенія; тамъ его сердце почерпаетъ то сладкое спокойствіе, съ каковымъ онъ переноситъ всѣ непріятности земнаго странствованія; тамъ находится тотъ источникъ утѣшенія, котораго ничто въ мірѣ возмутить не можетъ. Я бѣдствую, но—нѣсколько мгновеній: уже возсіяла денница, предвѣстница прекраснаго дня; скоро и день наступитъ. Небесный Отецъ не отвергнетъ любви, влекущей меня къ Нему: она даръ Его, Всеблагаго. Житейскія горести только очищаютъ и укрѣпляютъ душу мою. Чѣмъ больше я терплю, тѣмъ больше созрѣваю; и на что теперь готовъ роптать, то самое нѣкогда буду благословлять.

Сія вѣра дѣлается для Христіанина видѣніемъ. Мы видимъ, что Сынъ Божій, во днехъ плоти своея, страдалъ подъ бременемъ скорбей, какъ не страдалъ ни одинъ изъ Его земныхъ братій: но зрите—се Онъ предстоитъ намъ со славою

Побѣдителя; терновый вѣнецъ на челѣ Его содѣлался вѣнцемъ царственнымъ.— Помощникъ мой, Спаситель мой, Побѣдитель ада и смерти! простри ко мнѣ десницу Твою; я хучу идти съ Тобою путемъ креста и побѣды!—Вѣруй и надѣйся, вѣщаетъ Онъ: *Я есмь путь, и истина, и жизнь!* (Іоан. 14, 6).—Христіанство не только питаетъ въ насъ надежду лучшей жизни, но, можно сказать, оно само уже есть сія лучшая жизнь: оно есть царствіе небесное, предначинающесся на землѣ. Всякъ желающій и ищущій добра пріемлется въ оное. *О Христѣ бо Іисусѣ ни обрѣзаніе что можетъ, ни не обрѣзаніе, но нова тварь* (Гал. 6, 15). *Нѣтъ уже Іудея, ни язычника; нѣтъ раба, ни свободнаго; нѣтъ мущины и женщины: ибо всѣ* вѣрующіе *одно во Христѣ Іисусѣ* (Гал. 3, 28). И въ нищенскомъ рубищѣ ты пріятенъ Господу, коль скоро подъ симъ рубищемъ бьется чистое сердце.

Теките убо ко Христу, труждающіеся и обремененные, теките! Въ Немъ вы обрящете покой душамъ вашимъ. Вѣру-

ющаго ничто земное не коснется,—онъ о Христѣ и со Христомъ побѣдилъ міръ· Радость о Духѣ Святомъ осѣняетъ его, и вливаетъ покой въ его сердце, утомленное житейскими суетами. А *тамъ*—на небѣ, онъ со Христомъ будетъ царствовать (2 Тим. 2, 12). Царствовать! Что же теперь значатъ временныя скорби и радости? Что значитъ неравное раздѣленіе даровъ земнаго счастія?

XVII.

НАЗИДАТЕЛЬНЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ.

Обратися, душе моя, въ покой твой, яко Господь благодѣйствова тя (Псал. 114, 6). Такъ должны мы взывать къ себѣ, когда уныніе и скорбь объемлютъ насъ и располагаютъ душу къ печали. Мы обыкновенно жалуемся и плачемъ, ропщемъ на Бога, клянемъ судьбу свою и негодуемъ на другихъ людей,– когда не удаются наши предпріятія, когда въ потѣ лица своего должны мы снѣдать хлѣбъ свой, когда для поддержанія жизни своей надобно трудиться, когда испровергаются наши надежды и не исполняются желанія, когда теряемъ мы земныя блага, и смерть пожинаетъ въ нѣдрахъ семействъ нашихъ свои добычи. Но ужели нѣтъ Бога праведнаго? ужели нѣтъ любящаго Отца въ небѣ? Не милосердо ли руководилъ Онъ насъ отъ

самой юности нашей? не далъ ли Онъ намъ больше, нежели сколько мы пожинаемъ и заслуживаемъ? Не представалъ ли Онъ намъ съ скорою помощію въ опасностяхъ и нуждахъ? не часто ли должны мы бывали со стыдомъ сознаться, что Господь сдѣлалъ намъ все во благое? *Что страшливи есте, маловѣри?*—Ты не доволенъ мрачнымъ небомъ, сильными порывами вѣтра, черною тучею: но не распростирается ли среди нихъ разноцвѣтная радуга съ ея пріятными цвѣтами?—Ты не доволенъ, для тебя тягостно воздѣлывать свое поле: но развѣ осень не приноситъ тебѣ благодатной жатвы и пріятныхъ плодовъ? Ты не доволенъ, что долженъ опустить въ нѣдро земли своего сына, любезнаго тебѣ сына: но тамъ—горѣ развѣ не живутъ Ангели Божіи во свѣтѣ вѣчно-лучезарномъ, и не долженъ ли ты радоваться, что въ ликъ безсмертныхъ родилось новое дитя? Мы неблагодарные, своенравные дѣти, которые хотятъ быть умнѣе Отца небеснаго, и упорствуютъ, коль скоро не все идетъ по ихъ жела-

нію.—Боже милосердый! Содѣлай меня кроткимъ и смиреннымъ, и даждь мнѣ духъ мирный и сердце спокойное.

Утѣшительно, величественно обѣтованіе Іисуса Христа: *Азъ съ вами есмь во вся дни* (Мат. 28, 28). Сколь сильное заключается въ словахъ сихъ побужденіе жить для благоугожденія Спасителю, отженять отъ себя все недостойное и нечистое, очищать свое сердце отъ скверпъ грѣховныхъ, блюстись, чтобы не огорчить Его любви никакимъ порочнымъ дѣломъ или мыслію и жить предъ Нимъ—неотлучнымъ свидѣтелемъ и судіею моихъ дѣлъ—праведно, непорочно и благочестно? Что мнѣ безпокоиться о судѣ міра, который смотритъ только на внѣшнее въ человѣкѣ, часто обольщается обманчивою наружностію, часто судитъ и поступаетъ жестоко, непріязненно, несправедливо и злобно? Спаситель зритъ, чего міръ не можетъ видѣть, и что однако же драгоцѣннѣе самыхъ блистательныхъ дѣлъ, — зритъ на твердое, постоянное, искреннее стрем-

леніе къ добродѣтели и нравственному совершенству; зритъ на вѣрное исполненіе, часто тяжкихъ, домашнихъ обязанностей, на тихое втайнѣ совершаемое добро, на скорбь и раскаяніе, когда искусились мы ко грѣху, на чистыя намѣренія, коихъ міръ столь часто не разумѣетъ. Подъ Его водительствомъ хочу я проходить путь моей жизни во всякой тишинѣ и смиреніи. Господь Іисусъ со мною во вся *дни*, *слѣ*довательно и въ опасные дни искушенія. Когда грѣхъ искушаетъ и обольщаетъ меня, когда сердце колеблется и упадаетъ, когда я взываю съ Петромъ: Господи спаси мя, погибаю! тогда Онъ простираетъ ко мнѣ избавительную десницу и привлекаетъ меня къ Себѣ. Ибо во всѣхъ искушеніяхъ мы гораздо легче побѣждаемъ о Возлюбившемъ насъ. Іисусъ со мною во вся дни, слѣдовательно и во дни скорбей и страданій. Онъ видитъ мои слезы, слышитъ стенанія мои, разумѣетъ скорбь мою и говоритъ ко мнѣ: *аще преходиши сквозѣ воду, съ тобою есмь, и рѣки не покрыютъ тебе:*

и аще сквозь огнь пройдеши, не сожжешися, и пламень не опалитъ тебе; посему *не бойся,* говоритъ Господь,—*яко Азъ спасаяй тя* (Иса. 43, 1—3). Такимъ образомъ, укрѣпляясь чувствомъ близости Іисуса Христа, нелѣностно изхожу я на дѣла свои, спокойно встрѣчаю скорби и съ благодарностію пріемлю радость.

Не суть совѣти Мои, якоже совѣти ваши, ниже якоже путіе ваши, путіе Мои (Ис. 55, 8). Сіи слова Господа мы очень часто забываемъ, когда идетъ что нибудь не по нашему желанію, когда мы должны достигать своего спасенія путями стропотными, когда должны бороться съ опасностями и бѣдами, когда постигаютъ насъ болѣзни и скорби, когда отъемлются у насъ блага и возлагается на насъ бремя страданій. И однакожъ одна мысль о неизслѣдимой благости Божіей и отеческой милости общаго нашего Промыслителя можетъ насъ утѣшить, укрѣпить и возстановить среди всѣхъ нашихъ несчастій. Пути, по которымъ мы идемъ ко спасенію,

суть Божіи пути; мысли, которыя руководятъ насъ къ оному суть мысли Божіи, и Господь всему даетъ благопоспѣшный конецъ. Страданія часто суть только предвѣстники радости;—земныя потери часто вознаграждаются сокровищами небесными. Хотя и не вдругъ приходитъ благословеніе, которое произникаетъ изъ слезъ; хотя настоящее съ его смутными явленіями часто приводитъ насъ въ смятеніе; хотя и не можемъ мы предусмотрѣть времени, въ которое пріидетъ Господь и преложитъ печаль нашу на радость: однако, не смотря на все сіе, благочестивый человѣкъ съ терпѣніемъ предается путямъ Божіимъ и спокойно ожидаетъ будущаго, въ которомъ тайны времени раскрываются и пути Вышняго прояснятся. Нерѣдко плодъ лежитъ очень глубоко, и мы не можемъ ожидать его; часто снѣжный покровъ зимы довольно на-долго оковываетъ нѣдра земли, и солнце должно совершить много кратъ путь свой, пока наконецъ его лучи проникнутъ въ глубину и не воззовутъ зародышь къ юной

жизни. На рубежѣ нашей жизни мы обыкновенно со стыдомъ озираемся на свое нетерпѣніе, на свой ропотъ, и смиренно молимся: благодарю Тебя, Боже, за тѣ скорби, коими Ты посѣтилъ меня!—И что такое жизнь человѣческая предъ Вѣчнымъ? Не что иное, какъ паръ, какъ мысль, мелькнувшая въ душѣ. Часто послѣ столѣтій только оправдываются совѣты Господни, какъ дѣла мудрости и правды.—И только въ вѣчности во свѣтѣ видѣнія речемъ мы: вся Господь устроилъ во благое.—Ниспосли убо мнѣ, Боже, терпѣніе и преданность Тебѣ, надежду и упованіе на Тебя; и не предаждь меня отчаянію въ бѣдахъ моихъ!

XVIII.

ТРИ ПУТНИКА.

Въ одну отдаленную страну шли три путника. Обширна и прекрасна была страна сія, добродѣтельны и счастливы ея жители; пріятно было путникамъ называть ее своею родиною, хотя съ незапамятныхъ временъ предки ихъ были удалены изъ нея.

Труденъ и излучистъ былъ далекій путь. То извивался онъ по скаламъ обнаженнымъ, то терялся въ пустынныхъ пескахъ, то перепутанный раздѣлялся и расходился въ разныя стороны. Рѣдко стлался онъ по прекрасной, плодоносной равнинѣ.

Однажды проходили три путника по такой равнинѣ. Величественно блистало солнце на голубомъ небѣ. Тихій вѣтерокъ едва колебалъ благорастворенный воздухъ. Лугъ усѣянъ былъ прекрасны-

ми цвѣтами, между коими почти не замѣтно струились прозрачные ручейки.

Я усталъ!—сказалъ одинъ изъ путниковъ. — Останемся здѣсь подкрѣпить свои силы и насладимся красами, столь пріятными для чувствъ нашихъ!—И онъ остался.

Нѣтъ!—сказалъ другой.—Мы пойдемъ, дабы достигнуть той страны, гдѣ ожидаютъ насъ покой и счастіе; но не будемъ спѣшить, дабы не утомиться на семъ незнакомомъ пути.—И онъ пошелъ, но медленно.

Поспѣшимъ!—сказалъ третій.—Не всегда путь такъ благопріятенъ, какъ теперь. Послѣ продолжительной теплой и ясной погоды наступаетъ длинное и мрачное ненастье.—И онъ удалился!

Сладостенъ былъ покой перваго. Страна, гдѣ онъ остался, по-видимому, сотворена была для доставленія удовольствій. Хоры птицъ оглашали воздухъ своими пѣснями; на испещренныхъ цвѣтахъ виднѣлись всѣ отливы радуги; прохладная тѣнь ароматныхъ деревъ манила его подъ кровъ свой; вкусные пло-

ды рисовались въ гладкой, какъ стекло, поверхности источниковъ. Чѣмъ больше онъ наслаждался, тѣмъ больше жаждалъ наслажденій. Наконецъ въ разслабленіи чувствъ простерся онъ на муравѣ и—заснулъ.

Другой шелъ медленно. Если путь становился тернистъ, то онъ старался обойти его другимъ, на коемъ росли розы. Если мысль, что конецъ его странствованія еще далекъ, пробуждала въ немъ грусть и безпокойство; то онъ, не ускоряя шаговъ, старался развлечься другими, болѣе веселыми мыслями. Часто, отошедъ стадію, онъ возвращался назадъ, чтобы измѣрять длину ея. Часто, чтобы избѣжать спотковеній на пути своемъ, онъ придумывалъ способы угладить весь предстоящій ему путь. Такимъ образомъ мысль о родинѣ тѣмъ менѣе занимала его, чѣмъ медленнѣе онъ приближался къ ней.

Третьему путь казался не такъ долгъ и утомителенъ. Съ каждымъ шагомъ предметъ его путешествія становился ближе. Мимоходомъ взиралъ онъ

на окрестныя страны, или проходимыя. Когда случалось ему восходить на крутый утесъ, онъ всегда находилъ въ себѣ довольно бодрости. Мысль быть нѣкогда счастливымъ на родинѣ — подкрѣпляла его.

Прошло нѣсколько времени — и видъ природы перемѣнился. По голубому небу протянулись черныя тучи; блестящее свѣтило не разсыпало на землю теплотворныхъ лучей своихъ; убійственные вихри исклублялись въ воздухѣ; молніи браздили небо отъ края до края, и громъ потрясалъ четыре стихіи: — все сдѣлалось пусто и безотрадно!

Спящимъ застигла буря одного изъ путниковъ и оставила его — спящимъ на вѣки! Другой, узрѣвъ нависшее на него бѣдствіе, хотѣлъ избѣжать его, — но было уже поздо. Онъ оставилъ истинный путь и пошелъ-было другимъ, по мнѣнію его, болѣе безопаснымъ; но сей, раздѣляясь и извиваясь около одного и того же мѣста, наконецъ завелъ его въ страну непроходимую, гдѣ онъ долженъ былъ заблудиться. Третій благовременно и благополучно достигъ счастливой страны,

былъ съ истинною радостію принятъ ея обитателями и поселился въ ней, дабы вѣчно блаженствовать.

Путникъ земной! Спѣши въ родную — небесную страну! Пышна и привлекательна страна удовольствій и наслажденій житейскихъ, какъ страна Содома и Гоморры; но огнь и жупелъ пожжетъ нѣкогда страну сію и тебя вмѣстѣ съ нею. Удаляясь изъ міра грѣховнаго, не обращай на него очей своихъ, *не ухищряйся* вдвойнѣ наслаждаться и земными и небесными благами: — вспомни участь жены Лотовой! Кто хочетъ спастись, тотъ спѣши!

XIX.

ЦВѢТЫ.

Молодому Филаноу родители отдѣли ли въ саду нѣсколько грядокъ съ тѣмъ, чтобы онъ самъ посѣялъ или посадилъ на нихъ, что хочетъ, по своему выбору. Мальчикъ всего болѣе любилъ цвѣты, и тотчасъ пожелалъ ихъ видѣть въ своемъ маленькомъ садикѣ. Почему, ни сколько не медля и ни кого не спросясь, онъ пошелъ въ большой родительскій садъ и въ луга, нарвалъ тамъ всякихъ цвѣтовъ, и всѣ ихъ посадивъ на своихъ грядкахъ, любовался ими съ полнымъ удовольствіемъ: ибо они дѣйствительно своимъ разнообразіемъ и чуднымъ смѣшеніемъ красокъ представляли картину весьма пріятную для глазъ. На другой день едва только успѣлъ онъ встать, то и пошелъ въ садъ снова любоваться своими цвѣтами: но взглянувши увидѣлъ,

что они всѣ повяли и прилегли къ землѣ. Въ огорченіи и досадѣ онъ ихъ вырвалъ и бросилъ; на мѣсто же ихъ нарвалъ новыхъ цвѣтовъ, и посадилъ оные гораздо глубже; сверхъ того сдѣлалъ къ нимъ подпорки, и, чтобы не вянули, полилъ ихъ, и думалъ, что теперь-то будутъ они расти у него во всей красотѣ. Но что же? Въ слѣдующее утро пришедши въ садъ и взглянувъ на цвѣты, увидѣлъ опять тоже; цвѣты *повяли и* печально склонились головками къ прутикамъ; ни вечернее поливанье, ни утренняя роса не могли освѣжить оныхъ. Тогда въ слезахъ отъ горя онъ побѣжалъ къ своему отцу, и жаловался ему на него самаго, что онъ напрасно подарилъ ему грядки, что земля на нихъ самая негодная, и цвѣты расти на ней никакъ не могутъ.—«Ты напрасно огорчаешься и жалуешься, — сказалъ ему отецъ важно и вмѣстѣ ласково,—ты самъ неправъ. Земля, отдѣленная мною для тебя, такова же, какъ и во всемъ саду: но ты не умѣлъ обходиться съ нею, и не зналъ, что и какъ посадить на ней.

Знай же, что сіи цвѣты, которые ты пересаживаешь къ себѣ готовыми и безъ корня, никогда не могутъ долго стоять, но чрезъ нѣсколько часовъ вянутъ и опадаютъ, причиняя больше досады, нежели удовольствія. Но если бы ты былъ благоразуменъ, то посовѣтовался бы съ садовникомъ, и онъ бы сказалъ тебѣ, что землю на грядкахъ надобно прежде вскопать, потомъ взять у него сѣмянъ или цвѣточныхъ луковицъ и посадить; да и послѣ не вдругъ спѣшить наслаждаться, но съ терпѣніемъ ждать, что выйдетъ. Время еще не ушло; сдѣлай такъ, и ты увидишь, что у тебя выростетъ пріятный кустарникъ, который потомъ весь покроется цвѣтами, а вмѣстѣ можетъ тебѣ дать при случаѣ и прохладную тѣнь. Когда же настанетъ осень, то цвѣты на немъ, хотя также какъ и другіе, опадутъ, чего и миновать не льзя: но по прошествіи зимы и по наступленіи новой весны, они уже безъ труда и попеченія твоего сами разцвѣтутъ въ новомъ и лучшемъ видѣ.»

Не учитъ ли насъ Слово Божіе, что-

бы мы собирали удовольствія — цвѣты жизни—не тѣ, кои міръ даетъ намъ во множествѣ готовыми, и которые послѣ нѣсколькихъ часовъ наслажденія ими, оставляютъ только пустоту въ душѣ и сугубое огорченіе; а тѣ, кои не вдругъ пріобрѣтаются, но посѣваются въ маломъ видѣ съ трудомъ и раченіемъ; потомъ, утвердивъ глубоко корни въ нашей душѣ, долго и постоянно услаждаютъ ее; а наконецъ, какъ смерть прекратитъ ихъ здѣсь на землѣ, въ новой жизни при наступленіи вѣчной весны, раскроются и разцвѣтутъ снова для вѣчнаго нашего наслажденія?

Гдѣ найти сіи удовольствія?—Спросите дѣлателей вертограда Божія—*Церкви*: и они вамъ сообщатъ самыя чистыя и свѣжія сѣмена для нихъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ 1833 ГОДА.

Стран.

3 2044 019 849 876

